

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

1/2021

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 1(26)/2021

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАНЬШИНА Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Тираж 300 экз.
Заказ № 2388
Дата подписания в печать 30.03.2021

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 9 *«К сожалению, наши политики не пускают Далай-ламу — бояться китайской ноты протеста». Интервью с В. П. Андросовым*
- 23 *«Нужно было еще в советское время в деталях разрабатывать проекты перехода к демократии и рыночной экономике». Интервью с А. П. Бабенышевым*
- 44 *«РГГУ на международном уровне должен выглядеть блестяще». Интервью с А. Б. Безбородовым*
- 53 *«Собственную страну можно узнать лучше, когда изучаешь другие страны». Интервью с В. Н. Гарбузовым*
- 71 *«Надо стремиться к тому, чтобы споры основывались на фактах, а не на вымысле или на каких-то интерпретациях, которых в источниках нет». Интервью с А. А. Горским*
- 84 *«Альтернативы глобализации быть не может. Но может быть альтернатива моделям управления глобализацией». Интервью с А. А. Громько*
- 94 *«Разница в представлениях и политических установках между путинской элитой и основной массой населения оказалась ничтожной». Интервью с Л. Д. Гудковым*
- 115 *«Наши русские коллеги очень открыты и хотят сотрудничать не только с нами, но и с иностранными исследователями». Интервью с Сандрой Дальке*
- 125 *«Мы, историки, можем многое сделать, чтобы наладить диалог между людьми». Интервью с С. В. Журавлевым*
- 143 *«В этот момент я дал себе зарок: “Если я останусь живой до конца этой проклятой войны, то я никогда в жизни не буду волноваться по пустякам”». Интервью с И. С. Кремером*
- 160 *«Очень часто национальные лозунги приходят на смену демократическим». Интервью с К. В. Никифоровым*
- 176 *«Я сожалею, что в молодости был не так любопытен и не так любознателен, как сейчас». Интервью с Д. В. Панченко*

- 194 *«На сегодняшний день средняя зарплата по Москве — 70 тыс. рублей, значит, зарплата научных сотрудников должна составлять 140 тыс.». Интервью с Ю. А. Петровым*
- 208 *«Грустно и больно за историю, которой манипулируют как угодно и так бесстыдно». Интервью с П. М. Поляном*
- 222 *«В Кронштадте царило радостное настроение. Весь город приветствовал свержение большевистской власти». Интервью с Л. Г. Прайсманом*
- 239 *«От новых знаний я получала огромное удовольствие». Интервью с Л. П. Ретиной*
- 259 *«Вторжение “исторической памяти” в предметную область исторической науки исходно было связано с возникшей общественной потребностью в фиксации групповых воспоминаний второй половины XX в.». Интервью с И. М. Савельевой*
- 272 *«В начале моей работы на телевидении я от истории ушел, и очень далеко, но потом я к ней вернулся». Интервью с Н. К. Сванидзе*
- 284 *«В Санкт-Петербургском университете все профессорские семинары ликвидированы. Это удручающий факт». Интервью с А. В. Сиреновым*
- 298 *«Усердное внедрение в нас семиотики толкало меня к позитивизму». Интервью с Г. Г. Суперфином*
- 317 *«Первый Темпест прибыл в Англию вместе с дружиной Вильгельма Завоевателя». Интервью с Ричардом Темпестом*
- 327 *«Я хотел узнать, как погибли мои родные». Интервью с А. М. Шнеером*
- 346 *«Если человек занимается наукой, то он должен добиваться приращения нового знания и обретения нового смысла. Если нет приращения нового знания — это не наука». Интервью с С. А. Экштутом*
- 367 *«По своей писательской природе я рассказчик историй, а не художник слова». Интервью с Л. А. Юзефовичем*
- 380 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

7

From the executive editor

HISTORIAN'S TIME

- 9 *“Unfortunately, our politicians do not let the Dalai Lama in – they are afraid of the Chinese note of protest”. Interview with V.P. Androsov*
- 23 *“Back in Soviet times, it was necessary to develop in detail projects for the transition to democracy and a market economy”. Interview with A.P. Babyonishev*
- 44 *“Russian State University of Humanities should look brilliant at the international level”. Interview with A.B. Bezborodov*
- 53 *“You can get to know your own country better when you study other countries”. Interview with V.N. Garbuzov*
- 71 *“We must strive to ensure that disputes are based on facts, and not on fiction or on some interpretations that are not in the sources”. Interview with A.A. Gorsky*
- 84 *“There can be no alternative to globalization. But there may be an alternative to globalization governance models”. Interview with A.A. Gromyko*
- 94 *“The difference in views and political attitudes between Putin’s elite and the bulk of the population turned out to be negligible”. Interview with L.D. Gudkov*
- 115 *“Our Russian colleagues are very open and want to cooperate not only with us, but also with foreign researchers”. Interview with Sandra Dahlke*
- 125 *“We, historians, can do a lot to establish a dialogue between people”. Interview with S.V. Zhuravlev*
- 143 *“At that moment I gave myself a vow: ‘If I stay alive until the end of this damned war, then I will never worry about trifles in my life’”. Interview with I.S. Kremer*
- 160 *“Democratic slogans very often give way to national”. Interview with K.V. Nikiforov*
- 176 *“I regret that in my youth I was not as curious as now”. Interview with D.V. Panchenko*
- 194 *“Today the average salary in Moscow is 70 thousand rubles, which means that the salary of researchers should be 140 thousand”. Interview with Yu.A. Petrov*
- 208 *“It’s sad and painful for the story, which is manipulated in any way and so shamelessly”. Interview with P.M. Polyan*

- 222 *“A joyful mood reigned in Kronstadt. The whole city welcomed the overthrow of the Bolshevik regime”. Interview with L. G. Praisman*
- 239 *“I got great pleasure from new knowledge”. Interview with L. P. Repina*
- 259 *“The invasion of ‘historical memory’ into the subject area of historical science was originally associated with the emerging social need to record group memories of the second half of the 20th century”. Interview with I. M. Savelyeva*
- 272 *“At the beginning of my work on television, I left history, and very far, but then I returned to it”. Interview with N. K. Scamidze*
- 284 *“All professorial seminars at St. Petersburg University have been canceled. This is a depressing fact”. Interview with A. V. Sirenov*
- 298 *“The diligent introduction of semiotics in us pushed me towards positivism”. Interview with G. G. Superfin*
- 317 *“The First Tempest arrived in England with the squad of William the Conqueror”. Interview with Richard Tempest*
- 327 *“I wanted to know how my relatives died”. Interview with A. M. Schneer*
- 346 *“If a person is engaged in science, then he must strive for the increment of new knowledge and the acquisition of new meaning. If there is no expansion of our knowledge, this is not science”. Interview with S. A. Ekshtut*
- 367 *“By my nature as a writer, I am a storyteller, not an artist of words”. Interview with L. A. Yuzefovich*
- 380 *Requirements for publication of articles and documents*

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

После того как в конце 2014 г. была создана «Историческая экспертиза», новый журнал, посвященный широкому кругу проблем отечественной и зарубежной исторической памяти (в ее различных ипостасях — глобальной и локальных), исторической политики, раскрытию бытующих в научной литературе и общественном сознании исторических мифов, и вместе с тем призванный уделять большое внимание рецензированию и обстоятельному анализу выходящей исторической литературы, мы осознали довольно быстро потребность не только в расширении тематики журнала, но и в опробовании новых жанровых форм.

С одной стороны, пришлось все активнее обращаться к остро волнующим наше историческое сообщество проблемам социальной организации нашей науки (включая архивное дело, отношения историков с разными государственными институциями, вопросы аттестации научных кадров, возникновение неформальных исследовательских групп и сетевых проектов), профессиональной этики, преподавания истории в школе и преподнесения широкой публике исторического знания по каналам СМИ и массовой культуры. С другой стороны, все сильнее ощущается потребность в освоении и осмыслении опыта видных профессионалов нашего «цеха». Так, в нашем журнале возникает постоянная рубрика интервью, которая получила название «Время историка». Поначалу это были преимущественно интервью, посвященные конкретным сюжетам

(положению дел с архивами, коммеморации знаменательных исторических дат, осуществлению важных книгоиздательских проектов и т.д.), но постепенно на первый план выходят интервью жизнеописательные. Сначала только отечественные, а затем и зарубежные историки разных поколений рассказывали о себе, о мотивах, побудивших к выбору профессии, о пути в науку, учителях, коллегах и институциях, о разных сторонах своей профессиональной деятельности — и всё это на фоне долгой, большой эпохи, ключевых исторических событий, в контексте осмысления прожитых и пережитых лет и целых десятилетий. Интервьюируемые историки выступали сразу в нескольких качествах — 1) свидетелей недавних, еще не утративших свежести восприятия событий; 2) интерпретаторов событий и процессов давних, находящихся в центре собственных исследований; и наконец 3) практикующих профессионалов «за рабочим верстаком», размышляющих над методологией, делящихся с коллегами секретами ремесла.

Часть взятых интервью из серии «Время историка» была опубликована в 2015–2018 гг., а потом был запущен новый проект: была начата и еще весной 2020 г. успешно продвигалась работа над подготовкой сборника под тем же названием, который мыслился как первый том задуманной книжной серии издательства «Нестор-История» «Библиотека ИЭ»: за ним предположительно последовали бы со временем и другие... Однако неожиданно

свалившаяся на нас пандемия, растянувшись на долгие месяцы, скомкала наши планы или, точнее сказать, внесла в них некоторые коррективы. Ограничение поездок и прямых контактов заставило отложить на некоторое время проведение новых бесед с отечественными и тем более зарубежными историками (освоение тех новых возможностей, которые предоставляет нам для этого удаленная связь, разумеется, также продолжается). Планы создания Библиотеки ИЭ не были отброшены, но что касается уже взятых и подготовленных к печати (и, как правило, уже доступных на сайте ИЭ) интервью, то решено было в конце концов вернуться к прежнему формату — публикации их не в виде книги, а на страницах журнала ИЭ — этому посвящен очередной номер журнала, который читатель лицезреет в электронном виде либо держит в руках.

Почти все включенные в этот номер журнала интервью были взяты

в 2017–2019 гг. Поэтому не удивительно, что в них неоднократно упомянуты в качестве еще только грядущих некоторые события, к настоящему времени уже состоявшиеся, например, выход Великобритании из Евросоюза (беседа с Ал.А. Громыко в 2017 г.) или выборы 2020 г. в США (беседа с В.Н. Гарбузовым осенью 2019 г.). Ряд книг П.М. Поляна, Л.Г. Прайсмана, С.А. Экштута, да и некоторых других историков, в момент интервью еще готовившихся к печати, к настоящему времени уже вышел в свет (в том числе в издательстве «Нестор-История») и активно обсуждается. Всё это, однако, на наш взгляд, отнюдь не делает подготовленный материал устаревшим и не снижает ценности бесед с видными историками (а в ряде случаев шире — учеными-гуманитариями), рассказавшими нам о времени, о себе, о профессии, о направлениях собственных исканий. Эти беседы составили очередной номер ИЭ и предложены нами на суд взыскательных читателей.

«К СОЖАЛЕНИЮ, НАШИ ПОЛИТИКИ НЕ ПУСКАЮТ ДАЛАЙ-ЛАМУ — БОЯТСЯ КИТАЙСКОЙ НОТЫ ПРОТЕСТА».

Интервью с В. П. Андросовым

(Июль 2019)

Ключевые слова: древнеиндийская философия, буддизм, история и культура Тибета, Далай-лама, Институт востоковедения РАН, Е. М. Примаков.

Аннотация. Известный исследователь буддизма, в прошлом директор Института востоковедения РАН, вводит читателя в круг своих научных интересов.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-9-22

В. П. Андросов является автором работ: Нагарджуна и его учение. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990; Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты / ред. Т. М. Швецова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000; Словарь индо-тибетского и русского буддизма. Главные имена, основные термины и доктринальные понятия. Учебное пособие для студентов. М.: Вестком, 2000; Индийский буддизм. История и учение: вопросы методологии и источниковедения. = The Edwin

Mellen Press/ Printed in the United States of America, 2000. (Российские исследования по мировой истории и культуре. Т. 12); Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов / ред. Т. М. Швецова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001; Учение Нагарджуны о Срединности: исслед. и пер. с санскрита «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»); пер. с тиб. «Толкования Коренных строф о Срединности, [называемого] Бесстрашным [опровержением догма-

тических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя») / ред. Т. М. Швецова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006; Буддийская классика Древней Индии. М.: Открытый мир, 2008 (переиздание — М.: Ориенталия, 2010); Марпа и история Карма Кагью: «Жизнеописание Марпы-переводчика» в историческом контексте школы Кагью (в соавторстве с Е. В. Леонтьевой). М.: Открытый мир, Алмазный путь, 2009; Марпа и история Карма Кагью: «Жизнеописание Марпы-переводчика» в историческом контексте школы Кагью (в соавторстве с Е. В. Леонтьевой). М.: Алмазный путь, Открытый мир, 2010 (переиздание); Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011; Дорж Жодв. Алмазная сутра, или Сутра Совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии. Польза «Ваджрачхедика Праджня Парамита Сутры». На калмыцком и русском языках. Перевод с санскрита на русский язык «Алмазной

сутры», примечания и Послесловие В. П. Андросова. На калмыцком языке — А. В. Бадмаев. Элиста: ЦРО Калмыцкий Центральный Буддийский монастырь «Геден Шеддуб Чой Корлинг», 2012; Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды. В двух томах. М.: ИВ РАН; Наука — Восточная литература, 2018; Т. 1 — Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты. 2-е изд., испр; Т. 2 — Учение Нагарджуны о Срединности: исслед. и пер. с санскрита «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»); пер. с тиб. «Толкования Коренных строф о Срединности, [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). — 2-е изд., испр; Очерки изучения буддизма древней Индии / ред. Е. И. Лакирева. М.: ИВ РАН; Наука — Восточная литература, 2019; Далай-лама XIV. Творящая доброта, ясность света сознания и проникновенное понимание сути / пер. с англ. и примеч. В. П. Андросова М.: Спасем Тибет, 2019.

Беседовал Н. С. Эрлих.

Н. Э. Наш журнал во многом посвящен теме исторической памяти, и, традиционно, первый вопрос: расскажите, пожалуйста, про свою семью.

В. А. Семья у меня небольшая: жена, дочь и муж — в моем лице. Члены семьи занимаются совершенно другими вещами и ни историей, ни востоковедением не интересуются. Как я ни пытался с детства приучить дочь, читая ей эпические поэмы «Махабхарату» и «Рамаяну», — это никак не помогло, а, может, даже и помешало.

Так что они занимаются хозяйством, а мне они предоставили возможность и время заниматься наукой.

Н. Э. Расскажите, пожалуйста, как вы приняли решение стать историком и что на вас повлияло при принятии этого решения?

В. А. Откровенно говоря, никакого решения я не принимал. В моей жизни так получается, что ведет меня, похоже, судьба. Я вообще оканчивал философский факультет МГУ и со-

бирался быть философом. Причем долгое время поступал на философский факультет — и до армии, и после. И, наконец, окончил его в 1978 г. Поскольку я не был членом партии (и так им, к счастью, и не стал), оказалось, что философом или преподавателем философии устроиться нельзя без знакомства, как тогда водилось. Кругом на должностях требовались члены партии, либо нужно было срочно вступать в партию, а потом приходиться устраиваться на работу. Такие непростые были условия.

Я пришел в Институт востоковедения, поскольку еще в университете занимался Индией, изучал факультативно санскрит, слушал все читавшиеся курсы по индологии. Наиболее всего из философских дисциплин мне нравилась история философии. Уже тогда я читал и древнеиндийские трактаты на русском языке, а потом стал их читать на санскрите. У меня были хорошие учителя: покойные Вера Александровна Кочергина и Октябрина Федоровна Волкова. И Александр Герасимов, который в прошлом был сотрудником Института востоковедения. Я был увлечен его книгой «Мудрецы и философы Древней Индии», изданной совместно с Григорием Максимовичем Бонгард-Левиним. А. В. Герасимов учил меня читать, переводить, понимать с комментариями Рамануджи «Бхагавад-гиту».

Александр Викторович посоветовал мне прийти в Институт, что я и сделал. И попал как раз на Евгения Максимовича Примакова. Я только сдал экзамены, был безработным и пришел в Институт востоковедения на удачу, и, на мое удивление и одновременно на счастье, Е. М. Примаков

предложил мне поступить в аспирантуру. Поскольку у меня не было никакой работы, одновременно он взял меня сотрудником в Информационный отдел. Дело в том, что и в школе, и в университете я изучал немецкий язык, а на ту пору в Москве было не так много молодых знатоков немецкого языка. И мне повезло, что я некоторое время проработал в Информационном отделе, пока сдавал экзамены в аспирантуру, готовился, а потом поступил в очную аспирантуру. Это все было осенью 1978 г.

Окончив аспирантуру, я подготовил диссертацию, которая очень сложно называлась: «Концепция ниришвара в древнеиндийской философско-религиозной традиции (по материалам “Таттва-санграхи” Шантаракшиты)». Такое сложное название по-русски означает «Учение об опровержении Бога-творца». «Таттва-санграха» Шантаракшиты — огромный логико-полемический трактат буддийского мыслителя VIII в., который участвовал активно в миссионерской деятельности, в результате которой индийский буддизм был признан государственной религией Тибета примерно в 787–789 гг. «Таттва-санграха» — очень глубокая философская книга. Я справился с переводом только одной главы, дополненным переводом колоссального комментария Камалашилы (VIII в.). Это была глава об отношении к Богу-творцу — Ишваре. Благодаря таким темам марксисты приписывали буддизму атеизм. Мое исследование показало, что опровергать Бога-творца можно и в сугубо религиозных целях, и к атеизму, тем более к марксистскому, якобы научному, это не имеет никакого отношения.

Сразу после окончания аспирантуры в 1981 г. я успешно защитил диссертацию. И был принят в институт младшим научным сотрудником. Вот такая простая история.

Откровенно говоря, философское преподавание в то время было специфическим, поскольку в основном преобладали предметы марксистского плана — исторический материализм, диалектический материализм, труды классиков марксизма, история КПСС, которые как-то на меня совершенно не оказали никакого воздействия или оказали, поскольку я уверился, что это не мое. Поэтому еще в университете я был больше склонен к изучению древности, где меньше производственных отношений и производительных сил. И вот увлекся этими занятиями, текстами, и до сих пор этим занимаюсь.

Вот тогда и обнаружилась непростая вещь — что марксистские философы перевирали индийскую историю и буддистскую мысль. Хотя буддисты были религиозными людьми, их трактовали в процессе обучения в духе атеизма, иногда довольно воинственного. Мне удалось доказать в кандидатской диссертации, что опровержение Бога-творца — это не атеистическая дисциплина, как уверяли наши многочисленные марксисты и даже индийский философ Дебипраasad Чаттопадхья, что это не атеизм.

Оказывается, там нет никакого атеизма! Просто у буддистов изначально — еще со времен Будды — сложилось такое мировоззрение, в котором нет ни души — «атмана», ни Бога-творца (Ишвары), ни — как говорил

Шопенгауэр — свободы воли. Поскольку это было в 1981 г., во времена победы социализма в стране, то мне запретили публиковать диссертацию и вообще сняли с этой темы. Слава Будде, утвердили кандидатскую степень. Все мечтаю вернуться к этой теме и опубликовать эту книгу, но теперь ее нужно значительно дополнять, переделывать и т. д.

Н.Э. Какая-то заранее предначертанная судьба, в определенном смысле?

В.А. Это не что-то заранее предначертанное. Судьба творится в каждом из нас каждое мгновение. Все мы совершаем те или иные действия речевые, мыслительные и физические. И из всех этих действий и их плодов накапливается то, что в буддизме принято называть Кармой и плодами Кармы. Все эти действия приводят, в конце концов, к следующему рождению.

Но рождение человеком уже означает высокий статус и то, что в предыдущем рождении благоприятные деяния превалировали. Все дело в том, что, согласно буддистам, вот это суммарное воздействие человеческих действий в трех планах — речи, мысли и тела — и является локомотивом всей мировой истории, и более того — космической истории. Воззрение, что человек движет круговоротом вещей в природе — это фундаментальная вещь! И Богу-творцу здесь просто нет места. Человек — центр Вселенной.

Если поначалу (в раннем буддизме) лишь буддийские космологические сутры сообщали эти учения, то

позднее буддийские мыслители перешли к доказательству идеи человека-творца. Более того, целый ряд трактатов опровергал Бога-творца даже в те древние времена. Можно сказать, это началось с I в., об этом уже писал знаменитый буддийский поэт Ашвагхоша, затем Нагарджуна — основоположник Махаяны. В свою очередь Махаяна есть главное направление российского буддизма. Нагарджуна — родоначальник того буддизма, который исторически существует в России как минимум у трех народов.

В 1608 г. Василий Шуйский принял калмыцкого хана с просьбой кочевать в степях низовья Волги. Василий Шуйский разрешил кочевать калмыцким родам на русской (тогда московской) территории того времени, чтобы они взяли на себя обязанность охранять внутренние российские земли от набегов орд из Средней Азии (это были преимущественно жузы казахов, или киргиз-кайсаки). Буддистский хан клялся, положив руку на буддистскую рукописную книгу. Вот тогда у нас и появились буддисты — защитники земли русской.

Буддистские же книги в Индии появились вообще с I в. до н.э. и писались еще на пальмовых листьях, из-за чего их приходилось часто переписывать, потому что материал нестойкий, а климат жаркий и влажный со множеством всевозможных насекомых. Книги постоянно приходилось переписывать. Первым был создан Палийский канон — собрание проповедей и речей Будды Шакьямуни — в передаче школы старейшин (*тхера-вада*). Отдельные произведе-

ния перевязывались тонкой лентой, веревкой, нитью, которая на пали называлась *сутта*, а на санскрите — *сутра*. Это и стало названием этих книг.

Первая буддистская книга, вышедшая уже печатным образом, была издана в Китае в 868 г. Называлась она «Алмазная сутра», в моем переводе публиковалась в России неоднократно, но переводилась с санскрита.

Н. Э. Расскажите, пожалуйста, про Евгения Максимовича Примакова.

В. А. Евгений Максимович Примаков стал моим крестным отцом в научной карьере, в том смысле, что поверил в меня — совершенно незнакомого, никем не представленного человека. Даже в ту пору было крайне сложно прийти «с улицы» и попасть в этот институт. Помимо определенного базиса знаний требовалось еще много чего. Когда я рассказал ему в трех словах о своей жизни, он доверился, скорее всего, интуитивно моей востоковедной судьбе. Евгений Максимович взял меня на работу, проявив человеческое тепло, сумел раздобыть мне место в очной аспирантуре. Что вообще было немыслимо в плановой экономике, когда места в аспирантуре расписывались за год детям и внукам известных семей, как правило, партийных.

И после аспирантуры Примаков опять принимал меня на службу — это снова была его заслуга, потому что существовала конкуренция, как и в аспирантуру, был конкурс, и поступить на работу в ИВАН (так назывался институт) было непросто. У нас сложилось взаимопонимание

с первой встречи. Я очень признателен ему и всю жизнь помню и говорю о том, что в науке я — крестник Евгения Максимовича.

Н. Э. Евгений Максимович давал вам какие-то советы, когда вы стали руководителем института?

В. А. Дело в том, что я стал руководителем института в 2015 г., уже после его ухода из жизни... И сам он ушел из института давно, еще в 1985 г., возглавив Институт мировой экономики, затем разведку, правительство. Время от времени мы виделись, но это были кратковременные встречи.

Вот так сложилось, что всю жизнь я ухожу все дальше от философии, тем более — современной, и все больше занимаюсь историей и традиционным историческим знанием. Конечно, в буддизме очень большая и глубокая философия — философия сознания, но ее чрезвычайно трудно объяснять и у нас, и на Западе. Поскольку очень мало людей понимающих, что буддизм — это не европейская культура мышления. Что такое идея пустоты, как, например, можно сосредоточиться, видеть, погружаться в эту пустоту, когда в сознании не должно быть ничего (скорее всего, кроме света)? И именно видение пустоты в непосредственном восприятии, пустота мышления, пустота потока сознания — это же не знак какой-то. Это состояние сознания. Хотя, только для простоты изложения, это может быть и знаком. Но истинная реальность начинается там, где заканчиваются знаки, слова, чувства. Все заканчивается, и для этого требуются навыки медитативного свойства. Вплоть до Просветления.

Для меня медитация — это занятие буддистскими текстами, особенно на санскрите. Я занимался немного и тибетским языком, но его я изучил уже сравнительно поздно, поэтому он мне дается нелегко, там не сложная грамматика, но слишком отличающаяся от индоевропейских языков лексика. Все-таки санскрит — это близкий русским язык. В Тибете же совершенно неиндоевропейская лексика, и, к сожалению, она мне не очень запоминается. И потом санскритских буддийских текстов так много, и из них лишь 2–3 процента изучено в России! Переведено же на русский язык еще меньше.

По поводу Нагарджуны, творчеством которого вместо буддийского «атеизма» мне предложили заниматься, это в результате получился большой проект. Мною создано и опубликовано несколько книг по его творчеству. Первая книга вышла еще в 1990 г., потом я ее защитил как докторскую в 1991 г. После этого было еще несколько книг. В прошлом году собрал двухтомник, издал, чтобы Нагарджуна «заговорил по-русски». Он все-таки основоположник российской Махаяны, российского буддизма.

Завершив этот проект, я перешел к еще более сложной теме — это буддизм Алмазного пути, или буддизм Ваджраяны — Алмазной колесницы. Здесь тексты называются тантрами (букв. «сотканными» в единое произведение), они начали создаваться где-то в середине I тыс. н.э. В них уже совершенно другой буддизм с необычной образностью и необычным для восприятия речевым рядом, а тем более — для нашего восприятия, т. к. у нас было все очень христи-

ански мотивировано. А там совершенно другие мотивы, совершенно другие сюжеты.

В начале 2019 г. первые наработки по тантрам и первые переводы с исследованиями и комментариями были изданы в «Очерках изучения буддизма древней Индии». В книгу вошли перевод первых 12 глав (из 17) «Гухья-самаджа-тантры» (Книга о тайных встречах) и первые главы «Хеваджра-тантры» (Книга о Алмазе [Просветления]) вместе с древними комментариями, моими пояснениями, с обширной историографией и источниковедением.

Кстати говоря, буддисты считают, что достойные люди воплощаются снова и снова, и, завершив по человеческим меркам свою жизнь, они в силу своих достоинств многократно воплощаются. Например, Нагарджуна, как считали тибетцы и поздние индийцы, жил по меньшей мере 600 лет, постоянно рождаясь вновь и вновь человеком, бодхисатвой, продолжая в каждом рождении деяния во славу буддизма.

Поэтому Нагарджуна-тантрик (так мы называем его, чтобы отличать от Нагарджуна-мадхьямика — создателя философской школы Мадхьямака) оказался одним из первых комментаторов самых сложных тантрических текстов, которые так и называются: «Тантры наивысшей йоги» («Аннута-йога-тантра»). Он начал их комментировать, скорее всего, в VII–VIII вв. В Индии сложно с датировкой, кроме того, там смешалось несколько Нагарджунов — ученые насчитывают до пяти Нагарджунов: один был мадхьямиком, его все называют

первым; потом был Нагарджуна-алхимик и т. д.

Дело в том, что в тибетском каноне «Тенгьюре» (примерно 225 томов комментариев к буддийским сутрам и тантрам, переводы которых собраны в 108 томах Кангьюра, т. е. Слова Будды) множество трудов подписано именем Нагарджуны. Это и труды по медицине, и по металлургии, и по науке оздоровления и т. д. И самое очевидное, что имя Нагарджуны-мадхьямика было чрезвычайно популярно в Индии в I тыс., и Нагарджуна-тантрик взял его, чтобы увековечить собственные труды.

Н. Э. Существует очень много школ буддизма?

В. А. Даже ранний буддизм имел не менее 18 школ. Ранним буддизмом называют буддизм, который существовал до возникновения Махаяны, которая датируется рубежом I в. до н.э. — I в. н.э., когда создавались первые тексты «Пражня-парамиты» — тексты по совершенствованию мудрости. До них буддизм существовал несколько веков, что известно по Палийскому канону. На самом деле палийский буддизм раскрывается благодаря текстам Тхеравады — школы старейшин, которая утвердилась на Шри-Ланке и ныне прекрасно существует. Палийский канон сохраняют и переписывают. Его первая запись была в I в. до н.э.

Хотя сохранилась и более ранняя буддийская эпиграфика, еще со времен императора Ашоки (середина III в. до н.э.). При нем отразили первые буддистские идеи на каменных колоннах, стелах и т. д. Он

приказывал устанавливать их в разных частях своей огромной империи. На них наносились небольшие эпиграфические надписи, где особо проявились новые для Индии буддийские идеи. Индия во времена Ашоки была очень большая, она объединяла чуть ли не весь индийский субконтинент — от восточного Афганистана и до центральной Индии. И поэтому он создавал для всей страны Закон (Дхамму, Дхарму), и эти тексты выбивались резчиками по камню на греческом языке (в восточном Афганистане тогда правили эллинистические правители, которые тоже вошли в его империю), а в других провинциях — на так называемых среднеиндийских языках — это уже постведические языки, произошедшие из санскрита индоариев.

Санскриту более трех тысяч лет. И по текстам сохранившейся письменности самым ранним называют ведический санскрит — тогда была одна лексика, одна система мировоззрения. Затем постепенно тысячелетиями все это разрасталось, изменялось, но классика сохранялась на санскрите.

Поэтому появились эпический санскрит, классический санскрит и даже гибридный буддийский. Я больше занимаюсь классическим. И Нагарджуна писал на классическом санскрите. Нагарджуна-мадхьямика датируют в основном II в. и началом III в. н.э. И Ашвагхоша в I в. тоже писал на классическом санскрите.

Тогда как тантры создавались на смешанном санскрите с праkritами, хотя это уже V–VII вв. н.э., но язык уже отличается. Ученые считают, что

текст сначала рождался на народных языках (праkritах), а потом в буддийских монастырях их переводили на санскрит с отдельными «включениями», просторечиями.

Первый текст Махаяны создавался на гибридном санскрите — это тоже подвид языка. Гибридный санскрит — смесь классического санскрита со среднеиндийскими языками. Там много новых форм. Существует даже учебник по текстам смешанного или гибридного санскрита. И письменная, и реальная история очень богата событиями и текстами. Ученые большую часть истории и культуры познают по текстам.

Надо сказать, что большинство индийских текстов на санскрите переводилось на тибетский язык начиная с VII–VIII вв. Поскольку ислам наступал и выгонял буддистов из Индостана, они уходили в Тибет, который был для исламских воинов недоступен. Буддийские монахи несли с собой тексты и там постепенно переводили.

Первые тибетские цари (цэнпо) создали школы перевода. Во-первых, они приняли тантрическую форму буддизма для своих граждан. Хотя в Тибетскую империю того времени входили многие другие буддистские страны. В том числе они захватывали Китай. И китайцы тоже пытались представить свои формы буддизма в Тибете. В то же время под власть Тибета в некоторые периоды истории в VII–VIII вв. попадали страны Центральной Азии — Туркестан или теперешний Синьцзян-Уйгурский округ Китая. Там тоже был буд-

дизм, и эти буддисты тоже приходили в Тибет. То есть было несколько форм буддизма, и тибетские цари признали, что индийский — наиболее актуален для них. И Шантракшита, которым я занимался еще в период кандидатской диссертации, был одним из миссионеров, основоположников индийского буддизма в Тибете.

Так вот, цари создавали школы перевода, в которых занимались труднейшей работой, изучали санскрит, а затем совместно с индийскими учеными переводили буддийское наследие. Существуют два собрания. Это «Кангьюр» — собрание буддийских сутр и тантр, т.е. тех текстов, которые считаются Словом Будды. Их насчитывается примерно 108 томов в зависимости от издания. Существует 4 печатных ксилографических издания. Так вот, 108 томов — это огромные книги энциклопедического формата. Комментарии на них, созданные буддийскими мыслителями Индии — 225 томов, и все они вошли в «Тенгьюр». Так что там насчитываются тысячи и тысячи отдельных книг! Думаю, что ни один человек не осилил это прочитать полностью, потому что там совершенно разные дисциплины и предметы изучения. Это такое огромное количество, что каждым текстом или группой родственных текстов заниматься, а это не только читать, нужно отдельно!

Переводились они тоже интересно — обязательно присутствовал индийский пандит (мудрец), который понимал санскритский текст, причем ученый, который эти тексты знал, и чаще всего — наизусть. И тибетские переводчики, подготовленные в школах —

их называют *лоцава*, они перелагали на тибетский язык. Предполагалось, что пандит тоже немного знает тибетский язык, чтобы помогать в подборе термина перевода. И вот сложились буквальные переводы двух собраний текстов. В VII–IX вв. уже писались словари, специальные справочники, в которых устанавливались точные соответствия санскритских терминов тибетским. Когда переводили эту литературу, то был замечательно организованный процесс.

Нам бы сейчас такой процесс! У нас сейчас, к несчастью, гораздо хуже с переводами и с тибетского, и с санскритского языков. Нет единой терминологической основы, все спорят друг с другом. Вот тогда было проще — царь приказал, утвердил какой-то учебник, словарь или грамматику: по ним и переводили, согласно правилам. А сейчас каждый ученый пытается что-то свое внести, ему не хочется следовать образцам или авторитетам. Поэтому у нас достаточно большой разницей в представлениях.

Н. Э. Если говорить про тибетский буддизм, то Далай-лама — это форма высшего учителя?

В. А. Далай-лама — это Океан-Учитель. Во-первых, это воплощение Авалокитешвары — Бодхисаттвы Сострадания, небесного покровителя Тибета. В какой-то период своей истории у него из сострадания к страдающим существам голова раскололась на 11 частей, потом ее собрали воедино, и теперь существует одиннадцатиглавое Божество сострадания. Правда, оно столь всемогущее, что предстать может и с одной головой.

Н. Э. Одиннадцать — это магическое число в буддизме?

В. А. Не знаю, насколько оно магическое в этом контексте. С магией там несколько другие уровни связи. Магия в Тибете очень распространена, существуют разные магические школы, но это не совсем буддизм. Будда сказал, что творить чудеса совершенные люди (*бодхи-саттвы*) могут, но это совершенно незачем, потому что главное — совершенствовать свое сознание, а не заниматься иллюзионизмом... Так вот, Далай-лама как раз считается воплощением этого Бодхи-саттвы. Бодхисаттвы — это просветленные существа, которые принимают решение стать буддой именно из чувства сострадания не только к людскому горю (т.е. рождаются среди людей). Они рождаются и среди животных, и среди существ-тварей ада — чтобы помочь кому-то освободиться в том или ином положении. Нужно его позвать и поверить ему всем сердцем (сердцем, потому что понятие «душа» в буддизме отсутствует) и воззвать к нему: «Ом мани падме хум», бесконечно повторяя, взывая, представив его пред собой.

Китайцы тоже любили магию буддийских мантр. Буквальный же перевод этой мантры (священного словосочетания) очень разнообразен. Тот же упоминаемый мною индийский мыслитель Дебипрасад Чаттопадхьяя, который написал много книг по индийской философии, считал, что в этой мантре все расшифровывается просто: «падма» — это лотос, а лотос одновременно — символ женского лона; «мани» — это жемчужина, мужской орган. И их соединение — это и есть вершина блаженства

и счастья. В Алмазной колеснице это соединение осуществляется в медитации. Произношение этой мантры влечет якобы какие-то магические или другие последствия.

Одним словом, этой мантрой можно привлечь Бодхисаттву Авалокитешвару, или ныне — это Далай-лама. Кстати говоря, Авалокитешвара воплощается не только в Далай-ламе, он воплощается и в других существах. По большому счету он может оказаться в любом существе! В Тибете их несколько: Далай-лама — это одно воплощение Авалокитешвары, а в школе Карма Кагью есть свой религиозный лидер, которого тоже называют воплощением Авалокитешвары — Кармапа. По большому счету бодхисаттвы воплощаются и среди нас, им может оказаться любой прохожий. Главное — быть Человеком, и бодхисаттва выберет ваше тело, речь, ум для воплощения.

В Тибете несколько школ. Чаще всего называют 4–5, но они, в свою очередь, делятся еще на подшколы. И в каждой есть своя учительская традиция, начинающаяся от небесных существ — от Авалокитешвары, от Манджушри (Величественно Прекрасный бодхисаттва) и других. От них ведут свое воплощение Учителя линии преемственности. Считается, что, согласно обету, бодхисаттвы уйдут в Нирвану последними, они остаются в этом мире — одновременно и на небе, и на земле. И подготавливаясь таким образом, они воплощаются в определенных достойных людей. После каждого воплощения, когда заканчивается жизнь того или иного Далай-ламы или Кармапы в Кагью, начинается

подбор воплощения — на тибетском: «тулку», на санскрите: «нирманакайя» — т. е. «воплощенное тело».

Практически поиск воплощения — это особая работа среди тибетцев, в которой участвуют и маги, и прорицатели, и др., чтобы из множества кандидатов выбрать новое воплощение. Выбранный мальчик должен угадать определенные предметы и т. д., которые принадлежали прежнему воплощению. Так передается линия воплощения, причем в России этих людей совершенно неудачно называют «перерожденцами». Забывая, что «перерожденец» по-русски это плохой человек.

Вообще-то для тибетцев это было замечательно, в том смысле, что междоусобицы тибетских князей ушли в тень в связи с тем, что народ признавал эти воплощения живыми богами. Они все были миролюбивы, и князья искали их покровительства. Бодхисаттва — это тот же самый бог. Он может перемещаться, у него есть сверхъестественные силы и т. п. У каждого Бодхисаттвы есть своя сутра, или ряд сутр, в которой рассказывается о его прежней жизни, о том, как он достиг этого высокого духовного статуса. И вот Бодхисаттвы воплощаются в нескольких людях, существах. Далай-лама — один в том смысле, что именно его выбрали на этот жизненный период. В Тибете есть «институт воплощения», он был разработан еще в средние века. Процедура очень сложная. Нужно, чтобы это воплощение признали и большинство иерархов.

Н. Э. А под властью КНР институт все равно действует?

В. А. Далай-лама — это глава только одной школы тибетского буддизма! Которая, кстати, распространена и у нас среди традиционного российского буддизма. Нынешнего Далай-ламу 14-го зовут Тенгзин Гьяцо — он является нашим буддистским патриархом и для калмыков, и для бурятов, и для тувинцев. Более того, в Калмыкии в Элисте ему построен великолепный храм, это самый большой буддистский храм в Европе — «Золотая обитель Будды». Далай-лама лично принимал участие в его проектировании.

К сожалению, наши политики не пускают Далай-ламу к своим российским верующим и не дают ему возможности освятить сей храм, а ведь по человеческим меркам ему уже 84 года. Они боятся китайской ноты протеста. Причем совершенно напрасно! Дело в том, что Далай-лама выступает за автономию Тибета в составе Китая, которая формально была до 1959 г., года изгнания буддийского духовенства и военного захвата страны китайской военной. Он против независимого Тибета и отделения от Китая. И об этом он ясно и четко постоянно говорит.

Но почему-то китайцы этого не принимают. Есть и другая духовная пара: есть воплощение Авалокитешвары и есть воплощение Будды Амитабхи, имею в виду Панчен-ламу. По словам Нагарджуны, бодхисаттвы являются создателями будд (*буддха-кара*). У каждого Бодхисаттвы обязательно должен быть соответствующий Будда. Бодхисаттва — это деятельная сторона Будды. Панчен-ламу китайцы держат где-то у себя, скорее всего в партийных кабинетах. Но в Китае он мало появляется на людях.

Причем там была некрасивая история — Далай-лама признал другого претендента на титул Панчен-ламы, и китайцы его выкрали и назначили своего. Так что там происходит много всякого необыкновенного! Понять политику порой очень сложно.

Далай-лама очень популярен среди тибетского народа и во всем мире: ведь он — Тенцзин Гьяцо — лауреат Нобелевской премии мира, т. е. достаточно известное в мире лицо. Я с ним неоднократно встречался. Он приезжал даже при советской власти сюда к нам в Институт востоковедения примерно с 1979 г. (я только стал аспирантом, а с 1981 г. — научным сотрудником). Он приезжал, и мы беседовали. На то время у нас в Институте было только два буддолога (доктор наук Николай Иванович Корнев и начинающий буддолог, ваш покорный слуга).

Потом я встречал Далай-ламу в Индии. В 90-е гг. он приезжал и читал у нас лекции, ездил по стране, бывал в Бурятии, Калмыкии, Туве. А сейчас как отрезало! У наших чиновников такой страх перед нотой протеста Китая! И непонятно, почему китайцы все время эту ноту предьявляют! Какое им дело?! Человек поддерживает их политику! Его визиты всегда проходили очень свободно, а сейчас вот так...

Самое главное, что в Элисте его освящения ждет огромный буддийский храм, самый большой в Европе, построенный исключительно на народные пожертвования. Там для Далай-ламы созданы специальные покои. Я был в Элисте в сентябре 2015 г. — великолепнейший храм! И из-за это-

го недопонимания наших чиновников Далай-лама не может приехать, чтобы хотя бы посмотреть на это великолепное здание! Просто беда! Я так переживаю! И к кому ни обращаюсь, никто не хочет помочь, никто не хочет понять, что это наш буддийский патриарх! Ну, представьте, что запретили бы патриарху Кириллу выступление перед верующими. Перед народом, как было при советской власти в 20-е гг.! Ну что это за безобразие! Для буддистов Далай-лама — это то же самое. Они все последователи Школы Гелук, и Далай-лама есть главное живое воплощение божества.

Н. Э. То есть в России среди традиционного буддизма распространена одна школа?

В. А. Да — это Гелук. У нас интересуются и другими школами, и представлены практически все школы. И Школа Ньингма — самая древняя школа. Есть несколько ее представительств и последователей. Более того, один из моих учеников стал ламой школы Ньингма, получил посвящение в самом Тибете. Я его готовил в ученые, думал, он будет заниматься текстами, а он пошел в священники.

Н. Э. И наукой он уже не занимается, не хватает времени?

В. А. Нет, не занимается. Не знаю, на что у него сейчас уходит время. Наверное, предпочитает собственное бытие в буддизме... У нас, к сожалению, нет института буддизма. Представляете, в конце 20-х — начале 30-х гг. в России существовал Институт буддийской культуры! Федор Ипполитович Щербатской — великий буддолог — возглавлял этот институт.

Потом же, в 30-е гг. Институт закрыли. Большинство буддологов посадили в лагеря, в том числе и учеников Щербатского, и С.Ф. Ольденбурга. И с тех пор у нас в стране нет никакого института буддизма. Православные и исламские академии существуют, институты иудаизма, баптизма и другие процветают, а буддийского центра образования и изучения нет. К счастью, теперь развиваются буддийские монастыри, но ни одного научного центра. Сейчас многие изучают буддизм самостоятельно и с учителями, в том числе и с тибетскими, бурятскими, калмыцкими учителями. Существуют монастырские школы, и практически все монастыри открыли заново. Но вот с научной школой никак не получается.

Н.Э. А мотивировали закрытие института возможностью потенциального шпионажа?

В.А. Ну, воинствующий атеизм, понимаете! Как можно изучать религию, да еще и за государственные деньги! Как такое возможно?! Кто из большевиков были учеными: Ленин, Сталин, Лысенко и компания таких же «недоучек»? Не было таких, которые могли бы понять, что это изучение текстов истории, культуры, истоков народа. Были всякие недорослы и недоумки, постигшие только догматы марксизма-ленинизма, где размышлять не требовалось. Вот они и привели к закрытию института.

Нынешним тоже недосуг думать о буддизме. Буддизм у нас не самая популярная религия. У нас исторически насчитывается всего только около миллиона буддистов. Ну а неофитов, конечно, уже гораздо больше.

Вообще у нас от Кенигсберга до Владивостока везде есть отдельные буддийские группы, сообщества мирян, которые самостоятельно читают и обсуждают книги, тексты, переводы, многотиражно издаваемые в России. И Интернет ими заполнен.

Еще одна моя ученица, защитившая диссертацию, тоже один из лидеров Школы Карма Кагью в Москве. У них и храмы Карма Кагью есть, и монастыри, и не только за рубежом, и строятся новые в Подмосковье, в Калуге и в других местах. И журнал «Буддизм.ру» они издают. Но все это не систематическое образование, не индийский университет Наланда в VII–XI вв., где изучались и языки, и все направления буддизма, и все школы и т. д.

Н.Э. В завершение беседы хочу спросить о ваших творческих планах.

В.А. Планов громадье! Как говорится — дай Бог жизни! Вот вышла только что книга моих переводов из лекций Далай-ламы с моими комментариями, примечаниями и разъяснениями. Это серьезные лекции, правда, читанные им еще в 70-х гг., но они никогда не утратят своей значимости. Это, как говорят среди ученых, нетленка.

Из творческих планов: в 2011 г. опубликовал энциклопедический словарь индо-тибетского буддизма (700 статей) и сейчас его дописываю, исправляю, дополняю и собираюсь снова издать. Не выходят из головы идеи опровержения Бога-творца, когда некоторые ретивые христианские ученые стремятся называть «Богом»

буддийскую Дхарму или «тело Дхармы» (*дхарма-кайю*).

Многое связано и с тем, что у меня лежат «Тантры», которыми нужно заниматься, многочисленные комментарии к ним, в том числе и книги Нагарджуны-тантрика. Это меня

ждет и, надеюсь, дождется! Вот, надеюсь передать другому поколению директорское кресло и заниматься не бюрократической, а настоящей наукой.

Н. Э. Спасибо большое за интересное интервью!

“UNFORTUNATELY, OUR POLITICIANS DO NOT LET THE DALAI LAMA IN — THEY ARE AFRAID OF THE CHINESE NOTE OF PROTEST”.

Interview with V. P. Androsov

Androsov Valery P. — Doctor of Historical Sciences, Professor, chief research fellow of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow)

Key words: ancient Indian philosophy, Buddhism, history and culture of Tibet, Dalai Lama, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, E. M. Primakov.

Abstract. A well-known scholar of Buddhism, former director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, introduces the reader to the circle of his intellectual interests.

«НУЖНО БЫЛО ЕЩЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ В ДЕТАЛЯХ РАЗРАБАТЫВАТЬ ПРОЕКТЫ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ».

Интервью с А. П. Бабенышевым

(Июль 2017)

Ключевые слова: семейная память, диссидентское движение в СССР, А. Д. Сахаров, эмиграция из СССР, Россия начала 1990-х гг., переписи населения в СССР, потери населения в гражданской и Великой Отечественной войнах, голод 1921 г. в России, голод 1932–1933 гг. в СССР, Большой террор, депортации населения, методология историко-демографических исследований.

Аннотация. Российский и американский историк, участник диссидентского движения в СССР, автор многих работ по исторической демографии, рассказывает о своей жизни в СССР и эмиграции и представляет результаты своих исследований о демографических процессах в СССР, потерях населения вследствие коллективизации и Великой Отечественной войны. DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-23-43

А. П. Бабенышев (псевд. Сергей Максудов) является автором и соавтором книг: Сахаровский сборник (составление совместно с Р. Лерт и Е. Печуро). М.: Самиздат, 1981 (переведено на английский, французский, немецкий, итальянский и шведский языки). Второе издание: М., 1991 (3-е издание — М., 2011); Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кулаки и партийцы. Ann Arbor, Ardis, 1987 (2-е издание — М.: Летний сад, 2017);

Потери населения СССР. Chalidze Publication. Venson, USA, 1989; Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М.: ИГПИ, 2010; Слепые поводыри. М.: Летний сад, 2016; Подводя итоги (Сборник статей о литературе и литераторах). М.: Летний сад, 2017; Не своей смертью: Потери населения СССР в 1918–1953 годах. М.: Летний сад, 2017; Победа над деревней. Демографические потери коллективизации. М.: Мысль, 2019.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Давайте поговорим о вашей семье, ваших родителях.

С. М. Отца я не знал. Мне было три года, когда он погиб на фронте. Он был историком. В Ленинской библиотеке есть две его книжечки, одна из них — о донских казаках в 1812 г., другая — о сталинской конституции. В одной из моих книг я привожу его последнее письмо (единственное, которое у меня есть). В нем он просит мою мать: «Рассказывай ему обо мне, привлекай его внимание к вопросам истории, если заинтересуется, увлечется — будет толк». Так что в каком-то смысле стать историком — это было мое наследственное обязательство.

С. Э. А в каком институте он работал?

С. М. Он работал в школе, какое-то время он был директором школы. По происхождению он из кубанских казаков. Моя мать — из традиционной еврейской семьи. Отец ее умер рано. Она окончила библиотечный институт, училась еще чему-то. У нее были неприятности из-за того, что ее отец был лишенцем (а он был мелким еврейским предпринимателем). Три раза ее исключали из комсомола. Мой отец — ее второй муж. Первый — преподаватель философии, член партии в 1933 г., был послан на хлебозаготовки в станицу Старощербинскую. Столкнувшись с чудовищным голодом, доходящим до людоедства, он написал письмо в райком партии о том, что нельзя у людей забирать последнее продовольствие, за что получил выговор. Через некоторое время его арестовали, сослали в Сибирь и там в 1937-м расстреля-

ли. Моей матери также грозил арест, о чем предупредил ее близкий приятель, работавший в НКВД. Он пришел ночью и сказал, что она должна срочно сменить фамилию и уехать. Она и мой отец, с которым у нее был роман, так и поступили: зарегистрировали брак и уехали в станицу Ростовской области, где полтора года работали учителями. Во время войны отец пошел добровольцем на фронт (у него был белый билет из-за плохого зрения), а наша семья (мать, бабушка и мы с сестрой) отправилась в эвакуацию. Основные пункты нашего «путешествия»: Ставрополь на Кавказе, Красноводск, Ташкент, Чимкент, Куйбышев, Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), где мать преподавала литературу в Институте военных переводчиков. Вместе с этим институтом мы в 1943 г. приехали в Москву. Мать работала в этом военном институте, в Ленинской библиотеке, давала уроки, словом, крутилась, как могла, поскольку надо было снимать жилье (обычно где-нибудь под Москвой) и кормить семью (меня, старшую сестру и нашу бабушку). Она писала критические статьи о произведениях советской литературы, работала одно время в журнале «Октябрь», консультантом в комиссии по критике в Союзе писателей, в 1955–1966 гг. преподавала в Литературном институте. Вела семинар, руководила студенческой практикой, издавала студенческий литературный журнал. В годы оттепели она оказалась среди достаточно активных людей, воспринимавших этот период как возможность для изменений в стране. Она дружила с Лидией Корнеевной Чуковской, с Львом Копелевым и Раисой Орловой, с Владимиром Руд-

ным, с редакторами нашумевшего альманаха «Литературная Москва». Это был либеральный литературный круг, повлиявший и на меня.

В детстве я верил в построение коммунизма, но когда выяснилось, что арестованные «врачи убийцы» ни в чем не виновны, а Лаврентий Берия, входивший в круг самого высшего руководства, «враг народа и шпион», вера моя заметно поколебалась. А когда вскоре из лагерей стали возвращаться реабилитированные родственники и знакомые, мои представления о советской системе как об антилиберальной и антидемократической, а порой и преступной, окончательно сформировались.

С. Э. Вы еще в школе тогда учились?

С. М. Да, и мои взгляды не позволили мне поступить на исторический факультет, я считал, что в советской исторической науке невозможна честная работа, выбрал Геологоразведочный институт. Он находился на Манежной площади, напротив Кремля, где шел XX съезд партии. После него я, конечно, поступал бы на исторический. Отсутствие образования не позволило мне стать историком Древнего мира или Китая, как я собирался в детстве. Я задумал написать книгу о том, что сделано за 50 лет советской власти (в это время начали публиковаться справочные ежегодники «Народное хозяйство СССР»). Естественно, что в такой работе начинать надо было с изучения населения и изменения его численности за рассматриваемый период. Так моя жизнь свелась к расчетам потерь населения, к их оценкам. Наиболее серьезную работу в этом плане

я проделал в 1975–1976 г. Я закончил книгу о потерях населения России — СССР в XX в. Я показывал ее близким знакомым, и Рой Медведев предложил мне сделать большую статью для его журнала «Двадцатый век». Рой Александрович пересылал журнал брату Жоресу, который в это время жил в Англии, и тот опубликовал статью в Париже по-французски, а в США по-английски. В Москве я давал свою книгу читать узкому кругу моих знакомых и нескольким диссидентам, в частности А. Д. Сахарову. Но к результатам моей работы читатели отнеслись с недоверием, т. к. у меня цифры потерь, связанных с репрессиями, были намного меньше, чем в книгах Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и Конквеста «Большой террор». Мне говорили, что я пользуюсь сфальсифицированными материалами переписи 1939 г. На Западе, напротив, когда статья в 1977 г. была напечатана, она привлекла внимание историков, советологов и демографов. Когда я выехал из СССР в 1981 г., меня охотно взяли на работу. Но при этом сохранилось мое традиционное разделение занятий: для денег (в России это была геология, на Западе стало преподавание) и для души (советская история и потери населения).

Когда Горбачев создал комиссии для исследования потерь населения — комиссию Кривошеева для подсчета военных потерь Второй мировой войны, а также комиссию Андреева, Дарского и Харьковской для подсчета общих демографических потерь, то полученные этими учеными результаты практически точно совпали с цифрами, опубликованными мной в 1977 г. Что не удивительно и очень приятно.

Данные об армейских потерях были абсолютно секретны, и в возможность определить точную цифру на основании опубликованных советских материалов никто не верил. Когда моя статья лежала в журнале «Демография» в Париже, один серьезный французский ученый сказал, что «военные потери на основе демографических данных рассчитать невозможно», и статью передали в другой, уже не демографический журнал. Чтобы подсчитать размеры потерь, комиссия Кривошеева проделала огромную работу по сбору и анализу сведений военкоматов, штабов армий и других армейских источников.

С.Э. А вы делали свои выводы на основе переписи, т. к. данных военкоматов у вас не было?

С.М. Данные военкоматов были абсолютно секретны. Я использовал главным образом переписи 1939 и 1959 гг. Я исходил из следующих предположений: мобилизовали всех, кого только можно было. Важно было оценить не только, сколько людей у нас было в возрасте от 18 до 45–50 лет, но и где они жили. Занятая немцами территория мобилизации уже не подлежала. Подсчитав эти цифры по мобилизации по годам, я исходил из того, что все мобилизованные рано или поздно были брошены на фронт. И вступили в бой. По сведениям Военно-медицинской энциклопедии, соотношение потерь было «три раненых на одного убитого». При этом через несколько месяцев 70% раненых возвращались в строй. Оказалось, что больше, чем 5,5 млн убитых быть не могло. Комбинации по годам дали мне разумные цифры. Отдель-

но и совсем по другим источникам (в основном немецким) оценивалось число попавших в плен.

С.Э. А комиссия Кривошеева и других работала с данными военкоматов, и они подтвердили ваши выводы?

С.М. Да. Эта знаменитая книга называется «Гриф секретности снят», они работали со всеми архивными материалами. Главное, что их цифры (мобилизованных, убитых, раненых, умерших от ран) совпали с моими с точностью до 1–5%. Потом я проанализировал это совпадение в своей статье, опубликованной в журнале «Свободная мысль».

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о вашей деятельности как диссидента?

С.М. Я не старался быть диссидентом, просто принадлежал к оппозиционно настроенному кругу. Моя мать была очень активным человеком, участвовала в кампании в защиту Синявского и Даниэля, Бродского, через нее я имел связи с околосредоточенным кругом, но с диссидентами я старался дела не иметь. Мне не хотелось входить в какие-то коллективы, какие-то отношения с людьми, которые могли в любой момент меня подвести. Я считал, что я занимаюсь своим делом. Если я что-то делал диссидентского — то случайно, потому что уже не мог этого не сделать. Ни к какой группе я не принадлежал.

С.Э. В вашей книге «Слепые поводыри» вы достаточно критично отзываетесь о диссидентах, полемизируя с коллегой, которая писала, что диссиденты были носителями

высокой нравственности, что смыслом их деятельности было противостояние безнравственному государству. Вы утверждаете, что в реальности это было не совсем так.

С.М. Безусловно, это было не совсем так. Деятельность их была очень полезной, но тех, с кем мне приходилось сталкиваться, очень нравственными, а тем более ответственными людьми я не считал. Из своего опыта взаимоотношений в этом кругу людей я понял, что они могли просто не думать о других людях, которых вовлекают в свою деятельность. Даже самый близкий для меня человек мог подвести. Но с другой стороны, я считал нужным делать что-то полезное и общественно значимое. Например, поздравления Солженицына и Сахарова с юбилеями. В обоих случаях напечатали с пленки несколько сотен фотографий с поздравительным текстом и раздавали их всем желающим.

После процесса Синявского и Даниэля (1965 г.) стали собирать деньги для помощи семьям заключенных, их собирали среди писателей и передавали через меня. Я отдавал их Арине Гинзбург, которая жила в том же доме, что и я, но в другом подъезде (это был университетский кооператив). Арина же занималась непосредственно распределением помощи родственникам заключенных.

Для меня мое собственное занятие исторической демографией было главным делом, а противостояние властям не являлось моей целью. Если я считал, что должен что-то сделать, то я это делал, а если кто-то говорил мне, что «надо» сделать то-то и то-то, я, как правило, отказывался.

С.Э. То есть коллективизм даже в диссидентской среде вас не привлекал?

С.М. Нет, абсолютно. Я был вне коллектива, да и остался таковым. Я никого не привлекал помогать мне и в моих исследованиях. Хотя я часто разговаривал с людьми о моем деле. Это ни к чему негативному, по счастью, не привело.

С.Э. Вы, конечно, были в курсе дела Бродского, дела Синявского и Даниэля. Как они воспринимались в то время?

С.М. Я просто принадлежал к кругу, в который «дело Бродского» сразу вошло. Не могу сказать, что я в тот момент был слишком высокого мнения о его стихах, они мне нравились, но в число моих любимых поэтов он не входил. Сейчас я думаю, что он действительно гениальный русский поэт, лучший в последней четверти XX в. Копелев и Орлова, которые организовывали поездку к Бродскому в деревню двух молодых московских врачей, попросили меня как геолога принести большой рюкзак. Я принес, стал помогать укладывать вещи, и оказалось, что все не помещается. Решили, что я поеду снова через месяц и отвезу то, что не уместилось. Получилось, правда, немного раньше. Главной трудностью для меня был пропуск четырех дней на работе. Меня отпустили и «прикрывали» мои приятели-сослуживцы. Я съездил и позже описал это в одном из выпусков журнала «НЛО», а также в книжке «Подводя итоги». Писал я и о моей поездке к Сахарову в Горький, я ездил и туда, и даже залез к нему в окно (он жил на первом этаже).

С. Э. Милиция вломилась в квартиру и вас оттуда вытаскивала?

С. М. Нет, я пробыл у него часа 2–3, а потом выпрыгнул обратно из окна и побежал. Они побежали за мной, но отстали. Я запрыгнул в автобус, а они не успели. Они схватили какую-то машину, остановили автобус и меня забрали. Меня привели в участок, организованный напротив квартиры Сахарова, капитан милиции, страшно переволновавшийся, даже в сердцах меня стукнул, за что я на него даже не рассердился. Вызволлил меня Сахаров, он стоял три часа у дверей этого участка, пока меня там допрашивали, и колотил в дверь. Они выходили, говорили: «Андрей Дмитриевич, вы нарушаете общественный порядок, мы вас сейчас арестуем», но он опять стучал, давил им на психику. Там были милиционер, капитан и майор КГБ, которые не хотели брать ничего на себя. Они пытались кому-то дозвониться, чтобы понять, что со мной делать, но не смогли — все были в разъездах: весна, суббота. И они выпустили меня, отвезли на вокзал, и я уехал в Москву. То есть никаких последствий это для меня не возымело. Но после всей этой истории милиционера пересадили сидеть под сахаровской дверью. Раньше он сидел в вистибюле, т. е. наблюдал за входящими с улицы. Но когда я Сахарову рассказал, что первоначальный план у меня был подняться на самый верх дома по пожарной лестнице, а потом спуститься на лифте и пройти к его двери за спиной милиционера, они подслушали и посадили милиционера уже прямо в двух шагах от его двери.

С. Э. С какой целью вы решили поехать к Сахарову?

С. М. Насолить просто. Вот он в изоляции, а я решил, что можно попытаться ее пробить, а у него как раз был день рождения. Незадолго перед этим к нему ездила моя мать, но ее сразу в Горьком завернули. К сахаровскому дню рождения я делал книжку, которая сейчас уже вышла полноценным изданием, она называется «Сахаровский сборник». Тогда это было «подарочное» издание. Кто участвовал? Мы с Еленой Георгиевной Боннэр сидели и перебирали, кого можно и нужно попросить принять участие, а кого не следует трогать. Отказавшихся было немного. Были и те, кого мы решили не просить, например, Окуджаву. Может быть, он и не отказался бы, но мы не хотели вовлекать его в диссидентство. Но был круг людей из российской интеллигенции того времени, в основном, москвичи, кто в это дело включился: Лариса Богораз, Софья Каллистратова, Григорий Померанц, Раиса Лерт, Сергей Желудков, Борис Альтшулер, Евгений Гнедин и другие — всего 32 человека, люди достаточно известные, уважаемые и себя уважающие.

С. Э. Среди них были и люди официально признанные, например, писатели?

С. М. Да, писатели, но писатели тоже либерального, полудиссидентского круга — Лидия Чуковская, Лев Копелев, Владимир Войнович, Семен Липкин — весь тот круг, который был достаточно очевиден. Совсем незнакомых людей не было.

Вообще, то, что я считал нужным делать, я делал — исходя из своего круга знакомств. Когда Копелев по-

просил меня напечатать листовку после вторжения в Чехословакию, я ее напечатал — тысячу экземпляров на папиросной бумаге, на печатной машинке, и раздал. Было десять-двенадцать копий в одной «закладке». Можно было купить тонкую копировальную папиросную бумагу, копирку и иметь машинку, о которой ты не боишься, что ее засекут. Но судьба этих копий была печальна: я раздал экземпляры трем или четверем людям и себе оставил несколько пачек, и опустил в почтовые ящики по Невскому проспекту — наверное, несколько сотен. Никакого следа это не оставило. Правда, один мой приятель в высотном здании МГУ в лифте повесил эту бумагу, было разбирательство, но его не нашли, но это была хоть какая-то реакция.

С. Э. А другие просто тихо уничтожили эти листовки?

С. М. Я не знаю, что люди с ними сделали. Но я никаких откликов не слышал, даже со стороны КГБ. В то же время три девочки, сделав пять копий, повесили одну из них в лифте — их засекут, арестовали, был процесс. Это я говорю к тому, что деятельность без риска, без самоотверженности была неэффективна. Сейчас я думаю, что нужно было быть более решительным и более отчаянным. Но я делал то, что хотел.

С. Э. А как вы решили уехать из Советского Союза? Или вас заставили уехать?

С. М. У меня была серьезная причина испугаться ареста за то, что я делал. У меня была астма, я понимал, что с ней долго не продержусь. Лекар-

ства передавали мне из-за границы, и я думал, что если меня арестуют, мне будет очень плохо и будет плохо моим близким. И поэтому выход я видел в том, что мне надо уехать. Вот тогда я решился и поехал. Это был 1981 г., такое время, когда светлых перспектив впереди не предвиделось. Я уехал вместе с матерью.

С. Э. Вы выезжали по израильской визе?

С. М. Да. Визу получить было довольно просто. Знакомые переслали документы, власти довольно быстро меня пропустили. Время было такое, когда определенные люди были поставлены перед выбором: ехать на запад или на восток. Я сам себя к таким людям отнес. Может быть, без оснований...

С. Э. А как вы на работу там устроились?

С. М. Я уже говорил, что у меня было некоторое имя в области демографии, и когда я приехал в Бостон, то пришел к историку Александру Некричу, я его лично знал: занимаясь потерями войны, я у него консультировался и получал от него книги, он помогал мне в Москве устанавливать контакты с военными врачами. Он работал в Гарварде в Русском институте. И меня сразу взяли в проект, тогда начинавшийся и называвшийся «Голодомор». Проект был связан с изучением голода 1933 г. на Украине и в других районах страны. Потом меня переманили в Эдмонтон в Канаду. Там находился Украинский институт и было собрано много материалов по этой теме. И я написал довольно толстую книгу, около

1250 страниц. Компьютеров в то время еще не было. Я работал на пишущей машинке. Печатать книгу сочли целесообразным на английском, долго и плохо переводили, вводили в компьютер, редактировали. Это был длительный процесс, который ничем не закончился. Были договоры с издательствами в Нью-Йорке и Лондоне. Книга очень нравилась директору Канадского украинского института, который ее редактировал. Работа в силу разных причин так и не была тогда завершена. Издание на английском так и не состоялось. А с открытием архивов книга сразу устарела. И вот только сейчас я решил вернуться к ее изданию. Но это уже не совсем та книга. Расчеты, которые я проводил теперь, совсем другие. Содержание мало поменялось, а круг примеров необычайно расширился. Я надеюсь издать ее в скором времени². Это рассказ об истории коллективизации и о потерях населения в ходе нее. Голодомор был связан с завершающим этапом коллективизации, и он дал наибольшие потери населения. Но большие потери были и при раскулачивании, и в результате высылки на север и на восток, и, главное, большие демографические потери понесла вся страна в результате резкого ухудшения условий жизни и городского, и сельского населения. С подобным фактом мы еще не раз столкнемся в российской и советской истории.

С. Э. Вы там берете только Украину или всю территорию СССР?

С. М. Я беру всю территорию СССР и Украину как часть страны.

С. Э. Это было еще до развала СССР. А что было после развала? Книга «Слепые поводыри» начинается с того, что 18 августа 1991 г. вы приезжаете в Москву накануне путча, в оптимистическом настроении, все прекрасно, народ берет власть. Расскажите, пожалуйста, что вы чувствовали 19 августа 1991 г. и как эти чувства начали меняться?

С. М. Я видел, что страна меняется прямо на моих глазах. Я был среди тех, кто тогда собрался у Манежа, это около двух тысяч человек. Я узнал в «Мемориале», что люди собираются. Потом мы вместе со всеми пошли от Манежа к Белому дому. Это было как торжество совершающейся истории. Движение в правильном направлении, и мы в происходящем участвуем. У меня были связи, и я мог через полгода или даже через четыре месяца напечатать книгу об этих событиях, которая у меня была почти написана.

С. Э. А о чем эта книга?

С. М. О путче, о моих впечатлениях, с каким-то предисловием. Но жизнь разочаровала меня. Оказалось, что я ошибался, и были правы люди, которые думали иначе. Это был очень серьезный урок для меня. Я никак не ожидал развала СССР. Перестала существовать страна, которую я знал, объездил почти всю и как турист, и по работе. Это и Кавказ, и Прибалтика, и Украина. Все это потерялось, и для меня это было достаточно трагично и очень неприятно. При этом многие мои знакомые думали, что все идет по-прежнему хорошо, пра-

² Максудов С. Победа над деревней. Демографические потери коллективизации. М.: Мысль, 2019.

வில்ньо. То, что происходило 19 августа, все это было направлено на сохранение Горбачева на своем посту, на продолжение горбачевских реформ. Приход Ельцина был для меня трагичен. Я в 1993 г. написал статью «Борис Николаевич Кровавый».

С.Э. Есть такое мнение, что без развала СССР был бы невозможен переход к рыночной системе. А как вы считаете, можно было построить демократическое общество без развала СССР?

С.М. Я не сомневаюсь, что можно было. Мы видим, что соседние страны, примыкавшие ранее к СССР, перешли к демократическому обществу. Конечно, все по-разному, с разными трудностями. Но я думаю, что то, что собирался делать Горбачев — ослаблять центр и давать больше власти на местах, все это было бы на порядок лучше и демократичнее, чем то, что случилось на самом деле — я имею в виду переход к авторитаризму. Восточноевропейские страны перешли к национализму, но никак не к авторитаризму. Коммунистическая идеология превратилась в национальную очень легко, и при этом порой с теми же самыми людьми во главе. То, что случилось у нас — это ужасно. Но я не вижу ничего, что бы мешало нашей стране пойти по демократическому пути. Приватизация, разграбление страны — это шаг не к демократии, а к авторитаризму. Не вижу других причин для невозможности демократического перехода, кроме настроения либеральных кругов общества. Парламент, который был в то время выбран, где были Сахаров, Ельцин,

была оппозиция, — это был все-таки шаг к демократии. И ничего похожего не было после этого, нет и сейчас. Все, что было сделано с целью развала СССР, работало не на демократию, а на авторитаризм.

С.Э. Почему оппозиционная интеллигенция избрала своим вождем не кого-то вроде Валенсы, а секретаря ЦК КПСС? Ведь такой выбор во многом предопределил дальнейшее развитие событий.

С.М. Я думаю, что Ельцин был приспособленец. Преждевременная кончина Сахарова во многом освободила ему дорогу. Он входил в оппозиционную группу. «Валенсой» в нашем случае мог стать Сахаров. Солженицын — тоже человек, который мог бы организовать все, но он не вернулся вовремя. Люди закрывали глаза на то, что Ельцин — человек, перебежавший из другого лагеря. Лично я знал его только с плохой стороны. Я не видел в нем реального лидера, он просто оказался в нужное время в нужном месте и захватил власть. Как сейчас Навальный, который сам себя выдвигает. И мне кажется, он может повторить путь Бориса Николаевича. Интеллигенция была не готова. У нее не было никаких соображений, никаких планов. Я ее не обвиняю, я сам такой же. Не было идеи о том, как организовать новый порядок. Нужно было еще в советское время в деталях разрабатывать проекты перехода к демократии и рыночной экономике.

С.Э. То есть программа свержения советской власти обсуждалась, а программа того, что делать дальше, даже не проговаривалась?

С. М. Не проговаривалась абсолютно. Даже с тем же Сахаровым: никто не думал «как». Никто не думал, что все рухнет так быстро, никто не был к этому готов. Должны были думать, но не думали. В самый критический для страны момент Сахаров занимался тем, что требовал убрать шестой пункт из Конституции, пункт о руководящей роли партии. Это был для него наиболее важный вопрос на тот момент.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о вашей научной деятельности с конца 1980-х. Что вы писали?

С. М. Я был завязан на прежней теме — потерях населения. Закончил книгу, о которой я уже говорил, в 1983 г., а через год меня позвал Кронид Любарский в эмигрантский журнал «Страна и мир». В Мюнхене. Я там какое-то время проработал. Печатал и архивные документы, и статьи. Это была моя деятельность как журналиста. Потом Валерий Чалидзе, возглавлявший в США русскоязычное издательство, взял меня редактором в журнал «СССР: внутренние противоречия». Все это были дополнительные занятия, научного аспекта в этой моей деятельности не было. Потом я поступил работать в Гарвард. Был научным сотрудником Русского института в Гарварде. Преподавал на славянском факультете Гарварда — на русском языке, и написал в то время ряд статей о литературе, о «Мастере и Маргарите», о Бродском... Когда пришло время, я все это собрал и отдельной книгой издал. Из книг я издал еще «Потери населения СССР» в издательстве Чалидзе в 1989 г. и в издательстве «Ардис» — «Неуслышанные голоса» — это документы

Смоленского архива. Эта книга имела какой-то отклик. Хотя до Москвы дошло, вероятно, только несколько десятков экземпляров, один человек из «Огонька» выпустил книжку «По следам Смоленского Архива», где были использованы материалы из моей книги. Он поехал в Смоленскую область и пытался узнать что-то о героях моей книги, о людях, упомянутых в архивных документах. Он пытался узнать, что герои моей книги делают в настоящее время.

Моя книга — о том, что было в Смоленской области в 1929 г. Книги были замечены. Еще одна моя книга, отнявшая у меня много времени, «Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери», вышла в 2010 г. в Москве. И это была в некоторой степени моя оппозиция «Мемориалу», который в Чеченской войне замечал только потери чеченцев. Я вынужден был написать эту книгу, потому что меня задевало то, что, во-первых, потери чеченцев значительно преувеличены, а во-вторых — не говорилось о потерях русского населения, которое было вынуждено из Чечни бежать, на 95% оно изгнано из Чечни. Сведения по этому вопросу искажаются и сегодня, современными властями. Это касается, кстати, и истории этого края времен Великой Отечественной войны. Мало кто говорит сейчас о том, что в 1941–1942 гг., когда пытались в армию мобилизовать чеченцев, они в большинстве просто бежали в горы. Мобилизацию в Чечне тогда отменили. И насмешкой я считаю недавнее объявление Грозного городом-героем. Да, жители Грозного героически помогали его защите, но сегодня эти люди и их потомки изгнаны оттуда.

С.Э. Это был уникальный случай такого рода? Или это вообще было распространено на Кавказе?

С.М. Никаких проблем с мобилизацией не было у осетин. В Дагестане были проблемы, но там до полной отмены мобилизации не доходило. Чеченцы, ингуши были более активны в отстаивании своих интересов, скажем так. Они не хотели идти на войну, которую считали чуждой себе. И талантливейший из чеченцев, Авторханов, отправился с письмом к Гитлеру от руководителей укрывшихся в горах чеченцев. Он перешел через линию фронта, попал в Германию с этим письмом и потом остался в Германии навсегда. Он писал интересные книги, преподавал в школе переподготовки американских офицеров, рассказывая им о Советском Союзе. В годы перестройки призывал чеченских вождей не портить отношения с Россией. Я ни в коем случае не одобряю высылку чеченцев и других народов Сталиным, независимо от того, насколько обоснованной она представлялась советским властям. Но с другой стороны, Вторая мировая война разделила мир на две части: с Гитлером и против Гитлера. И первую группу народов человечество безоговорочно осудило.

После окончания книги по чеченской теме я решил вернуться к книге о коллективизации. Я участвовал в различных конференциях, написал десятки статей. Подготовил к печати и книгу с новыми подсчетами.

С.Э. У вас есть статья «Четвертая демографическая катастрофа», о том, что было три катастро-

фы — Гражданская война, коллективизация и Большой террор, Великая Отечественная война, и четвертая — ельцинский период. Могли бы вы дать характеристику этих катастроф для наших читателей? В прессе попадаются совершенно фантастические данные по этим периодам. Солженицын, помните, насчитал 110 млн жертв советских репрессий. И многие люди до сих пор эти цифры повторяют. Вот, недавно какой-то пропагандист из Кремля назвал цифру погибших в Великой Отечественной войне — 42 млн человек. И меня поражает, что люди с удовольствием повторяют этот бред.

С.М. Да. Это так. Я написал для демографического журнала заметку о преувеличении размеров военных потерь. Об этих «42 миллионах».

С.Э. Давайте с Гражданской войны начнем, с голода 1921 г.

С.М. Вот книга, на которую я ссылался, «Гриф секретности снят». Когда открыли военные архивы по Гражданской войне, цифры оказались удивительными, причем и для меня тоже. Хотя я предполагал цифры меньшие, чем думали другие. Боевые потери Красной армии вместо 5 млн человек оказались несколько сотен тысяч. Потери Белой армии еще меньше. Получается, что военные потери в столкновениях Гражданской войны — это максимум, может быть, 500 тыс. человек, если включить те банды, которые бегали по лесам.

Но были еще громадные потери от разрушения государства, от изменений полностью образа жизни

людей, нехватки продовольствия, от голода, массовых инфекционных заболеваний. В той же Красной армии от инфекционных заболеваний умерло 700 тыс. человек, т. е. 10% мобилизованных. У гражданского населения к инфекционным болезням добавляются и потери от голода.

С. Э. А каковы общие потери Гражданской войны?

С. М. Общие потери я всегда считаю по переписям, но надо обговорить, что такое «потери по переписям». Это люди, которые жили бы (не умерли), если бы сохранялась мирная ситуация. Если мы берем уровень смертности и рождаемости 1913 г. и проецируем его на последующие годы, считая, что он существенно не меняется, и потом сравниваем численность рассчитанного таким способом населения с реальной численностью по переписи 1926 г., мы получаем демографические потери в 12,8 млн. Столько человек не досчитались в 1926 г. При этом эмиграция из страны составила около 2,5 млн и немного больше 10 млн унесла повышенная смертность населения.

Это и есть в моем понимании демографические потери — это не число убитых, это сравнение гипотетического уровня с реальным. Если нет катастроф, то не должна расти смертность. Медицина улучшается — смертность должна снижаться.

С. Э. То есть 2,5 млн — эмиграция, 500 тыс. — погибшие во время боевых действий, и 10 млн — умершие от болезней и голода. Умершие от голода 1921 г. входят в это число?

С. М. Да, причем голод 1921 г. не был таким массовым, как думали когда-то. В 1922–1923 гг. его оценивали в 5 млн человек. Когда появилась перепись 1926 г., увидели, что 5 млн никак быть не может. На самом деле этот голод унес жизни около 1,5 млн, ну, не больше, чем 2 млн.

С. Э. А смертность от гриппа? Тогда ведь от гриппа тоже много человек погибло, в 1918 г.?

С. М. Да. От гриппа, «испанки». Есть очень хорошая, достоверная цифра, которую я привожу всегда — это 1 млн человек, умерших от гриппа в Америке в 1918 г. — и это с учетом их условий, хорошей по тому времени медицины, при хорошем продовольствии. Получается, что в России это должна была быть цифра в несколько миллионов человек. Так как в России накладывались еще и трудности с жильем, продовольствием. По отдельным болезням я ничего сказать не могу. Суммарно можно получить какую-то цифру. Люди бежали из городов. Были продовольственные отряды, которые выходили, чтобы что-то в деревне захватить и принести в город, но в больших городах прокормиться было нельзя. Структура страны была разрушена, непонятно было, как что-то покупать — можно было только что-то у кого-то отнимать. Деревня не хотела ничего безвозмездно давать, достать продовольствие в городе было трудно. Плюс еще армия, которую надо было кормить. Так что это было очень тяжелое время, поэтому оценка потерь достаточно велика.

Коллективизацию я знаю лучше, потому что для ее изучения у нас есть

переписи. С одной стороны — перепись 1926 г., когда ситуация была спокойная, и, с другой стороны, перепись конца 1936 — начала 1937 г. До Большого террора эта цифра как раз хорошо выделяется. Получается цифра порядка 10,5–11 млн человек. Из них пять — это потери, которые связаны с реальной физической смертью. Это включало в себя и тех кулаков, которые были сразу расстреляны как потенциальные враги. 2,5–3 млн было выслано, депортировано — из них 700 тыс. умерло сразу, в 1931–1932 гг. Четыре миллиона — это число умерших в 1932–1933 гг. от голода без всяких депортаций. Миллион из них — это Казахстан в 1931–1932 гг. Таким образом, пять миллионов — это реальная физическая смерть. А еще пять миллионов — это демографические потери к 1937 г. Свое дело делали нехватка лекарств, ухудшение питания, отсутствие медицины.

С.Э. А почему во время голода 1932–1933 гг. умерло людей в два с лишним раза больше, чем во время голода 1921 г.?

С.М. Голод 1921 г. тоже имел некую политическую компоненту. Крестьяне, у которых продрозверсткой отнимали зерно, снижали посевы. Была нехватка зерна, и в основном это коснулось сельского населения в районах сильного неурожая. Голод не распространился на всю страну. Плюс была помощь и государственная, и заграничная, что играло немалую роль (организация столовых нansenовским комитетом и американскими обществами). Этот голод не был столь же массовым, как он был в 1918–1919 гг., когда все го-

родское население страдало. А тут страдало в основном сельское население Поволжья и юг Украины. Для них 1,5 млн — это очень много. В 1932–1933 гг. была затронута и вся Украина, и весь Северный Кавказ, и Поволжье — намного большая территория и намного большее население. И вместо какой-либо помощи в этих районах происходил уничтожительный поиск и изъятие зерна. Здесь, безусловно, была громадная ответственность власти за то, что случилось. Действительно, сельское население в 1932 г. не очень хотело работать ни на посевной, ни на сборе урожая, потому что у них перед этим забрали весь урожай. Так что этот голод был войной власти против населения, чтобы заставить население в будущие времена подчиняться и работать. Попытки населения своими силами уцелеть, не имея дела с властью, были обречены.

С.Э. Сталинисты объясняют голод 1932–1933 гг. плохими погодными условиями. В то же время Виктор Кондрашин пишет, что тогда не было особенно сильной засухи и основная часть потерь — это результат действий власти. Иногда утверждают, что в это же время был голод и в Румынии, и в Польше, и в Австрии. Есть ли какие-то данные о том, что там были большие потери среди крестьян в 1932–1933 гг.?

С.М. По моим данным, столь масштабных потерь (и даже в десятки тысяч) там, конечно, не было. И в Западной Украине, которая тогда была частью Польши, ничего подобного не было. У меня есть старый критерий, показывающий, был ли голод на той или иной территории или нет.

Это сравнение численности родившихся в 1933 г. и в соседние годы. Если голод был, то на месте 1933 г. провал, если не было — цифры 1933, 1932, 1934 гг. сопоставимы. Такая проверка возможна по любой переписи населения, проведенной после 1933 г. По этому критерию ни в одной области Западной Украины, ни в Западной Белоруссии или Молдавии голода не было. Судя по принадлежавшей тогда Румынии Бессарабии, ничего подобного не было и в самой Румынии. Не было и в Польше. Погодные условия здесь не играли решающей роли. Они могли играть роль в Казахстане в 1931 г., но в Советской Украине этот голод имел другие причины. Везде государство хотело забрать больше, чем забирало раньше, хотя урожай был хуже (но не из-за погодных условий, а из-за худшей работы крестьян). Генерал Григоренко писал: он поехал забирать своего отца из родного села. Приезжает, там громадное село, больше 3000 человек, и он поражается: работает восемь человек, одна молотилка.

С.Э. Это еще до того, как начался голод?

С.М. Это конец лета 1932 г. И он говорит этим людям: «Зерно же в поле опадет». Они: «Конечно, опадет». Эти люди, деревенские жители, работать не хотели, потому что знали, что государство заберет себе все, и зачем тогда они будут собирать это зерно? То есть здесь была вторая компонента: сопротивление сельского населения в сборе урожая. Об этом есть множество свидетельств. Это столкновение играло определяющую роль. Безусловно, наибольшая ответ-

ственность лежала на власти, которая исходила из принципа «сколько хотим, столько и возьмем», неважно, каким образом — и забирали все зерно. Люди говорили: «А что мы будем есть?» — им отвечали: «Надо было лучше работать». Все. Борьба, изъятие, насилие привели к этим трагическим результатам, а не неурожаю, не погода.

С.Э. В коллективизацию у крестьян забирали самое ценное для них — землю. Почему не было массовых восстаний? Ведь в Гражданскую войну восстаний было гораздо больше, хотя тогда землю у крестьян не отнимали.

С.М. Первая мировая война закончилась возвращением пятнадцати миллионов вооруженных людей в деревню! Пришли люди с винтовками, которые перед этим воевали с немцами. Это дало деревне молодую, вооруженную часть населения, готовую к сопротивлению. Возникли самые разные движения, в основном национальные, но и другие тоже. Это было совсем другое время, другая деревня, которая еще была относительно независимой и имела общинную традицию. Коллективизация же была кампанией, где заранее был предусмотрен арест 70 тыс. человек, которые могли бы возглавить сопротивление. Их или расстреливали, или высылали в лагеря. Это было решение 1930 г., когда составлялся окончательный план коллективизации. Кулаки были разделены на три категории: первая — те, кого ГПУ арестует заранее, и суд ГПУ решает, расстрелять их или в тюрьму. Это как раз «потенциальные руководители сопротивления». Вторая ка-

тегория — те, у кого все имущество отбирается, а сами они выселяются на север или на восток. Третья категория — те, кто переселяется на границы районов. Это самая случайная категория, с ней ничего не получилось, а вот по первой и второй не только выполнили, но перевыполнили план. В первой было записано 60 тыс., а арестовали больше 70, из них расстреляли около 40 тысяч.

То есть это сопротивление было, во-первых, заранее подавлено. Во-вторых, были активные группы, например, посылались городское население (двадцатипяти тысячники), и армия, и молодежь, и бедняки вовлекались в борьбу с кулаками. Бедная часть деревни, даже не работавшая на земле, имела право участвовать в обысках, в конфискации имущества. Они вовлекались в это противостояние. Все эти силы — молодежь, партийно-комсомольские активы, армия, бедняки — помогли ликвидировать возможность какого-то сопротивления. Выходили женщины, иногда мужчины, но их легко подавляли полицейские силы и армия. Большого организованного сопротивления возникнуть не могло, все в достаточной степени контролировалось. Плюс город противостоял деревне.

С.Э. Еще насчет казахов. Они же больше занимались животноводством. Они погибли из-за того, что у них забрали скот?

С.М. Нет. Им приказали жить на месте, упразднить кочевой образ жизни — прекратить их движение со стадами, поселить их на постоянные места жительства. Скот тоже об-

обществлялся, но их волновало скорее другое, то, что им предписывают жить постоянно на этой территории. Они не послушались и бежали — в степь, в пустыню, отчасти за границу. И так как это движение было не просто движением со стадами, а бегством, они потеряли 90% скота. Потерять скот для них было то же, что потерять пищу. Потери достигли 1200 тыс. людей, точнее, это столько, сколько мы не находим в переписи. Двести тысяч из них, как считается, бежало в Китай, поэтому миллион общая цифра.

С.Э. Еще вопрос по голоду 1932–1933 гг. Я не встречал в литературе свидетельств о том, чтобы современники-горожане были этой темой в то время массово озабочены. Почему было такое молчание среди интеллигентной части общества?

С.М. У интеллигентной части общества были свои проблемы. Но О. Мандельштам, абсолютно посторонний человек, далекий от сельского хозяйства, написал: «И тени страшные Украины и Кубани». Он неслучайно это написал. Оказавшись в Крыму случайно, он не мог не увидеть этой трагедии — крестьяне как тени. «Природа своего не узнает лица, / И тени страшные Украины и Кубани / Как в тупляках войлочных голодные крестьяне / Калитку стерегут, не трогая кольца...». Это крестьяне, бежавшие с Украины в Крым. И многие люди в дневниках писали об этом, настоящая интеллигенция об этом знала (в какой-то степени, пусть в очень небольшой). После войны В. Гроссман написал повесть «Все течет». Свидетельств действительно мало. Безусловно, репрессии,

которые затронули горожан, вызвали намного большее внимание в литературе, чем трагедия крестьян, которых историки называют — «Великий немой».

С.Э. То есть проявилась такая удивительная, учитывая народнические настроения до революции, черствость к чужой беде?

С.М. Интеллигенция была уже совсем не дореволюционная, она еле-еле справлялась со своими проблемами. Когда они сталкивались с реальностью сами — например, Пастернак поехал на стройку на Урал, он увидел и ужаснулся. Но для него съезд писателей в том же году, в 1934-м, был важнее. Народническая линия была очень ослаблена, если вообще не исчезла к этому времени.

Я думаю, что жестокосердие, жестокость, послушание даже абсурдным решениям власти — эта психология была выработана в конце коллективизации этим голодом. После голода крестьяне покорно работали, и все, что государство хотело, оно забирало всегда спокойно. Вот в 1936 г. был очень плохой урожай. Каганович пишет Сталину: плохой урожай, нам нужно готовиться, отбирать зерно, как в 1933-м. И Сталин отвечает ему: «Не беспокойтесь! Сами все отдадут». Так и случилось: все вовремя забрали, никого не пришлось обыскивать и изымать. Подчиненность была уже очень сильна. То, что случилось тогда, и выработало психологию советского человека, которая, на самом деле, ужасна — да, абсурдно, но проще всего было бы подчиняться, выполнять и не обсуждать, а существовать, как можешь.

Случившееся во время Большого террора отчасти было порождено теми людьми, которые прошли коллективизацию — когда можно не думать об умирающих детях и все, что угодно, делать. Была воспитана большая группа людей, которые готовы были и дальше делать абсурдные вещи.

С.Э. А потери Большого террора какие?

С.М. Я принимаю полностью официальные данные: 650 тыс. расстрелянных и около 400–500 тыс. умерших в лагерях в это же время сверх обычной смертности. То есть около миллиона потерь. Так занимавшиеся этим люди и говорят, может быть, более точно, чем я, но в основном такие же цифры. В моей первой, 1977 г. работе я оценивал эти потери в миллион.

С.Э. Каковы были потери во время войны — общие потери и их структура?

С.М. Общие потери — это демографические, между 1939 и 1945 гг. Сколько должно было бы быть и сколько реально было. Цифры и у меня, и у Андреева, Дарского и Харьковской одинаковые: 25 млн умерло между этими датами, это сверхсмертность, т.е. смертность, которой не должно было быть. Это без детей, родившихся в это время. Я детей не считал, а они считали, их цифра более правильная, она охватывает и детей, родившихся во время войны, и тогда цифра — 26 700 000. Это демографические потери всей страны. Они не совсем точны и в какой-то степени могут быть пересмотрены, потому что в 1939–1940 гг. добави-

лось к стране около 20 млн человек — это Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия и т. д. (точную цифру определить очень трудно, учитывая обмены населением между Россией и Польшей, Россией и Румынией). Итак, 25–27 млн — такова сумма военных потерь. Цифра 42, которая возникла сейчас, абсурдна. Если произойдут уточнения, то, скорее всего, в сторону уменьшения от цифры в 27 млн человек.

С. Э. Я встречал такой аргумент, что цифра в 25–27 млн завышена, потому что перепись 1939 г. завысила численность населения. Что вы можете по этому поводу сказать?

С. М. Это правда, я не учитывал эту погрешность. А Андреев, Дарский и Харькова ее учли, потому что они использовали перепись 1939 г. не по официально опубликованным данным, а по сохранившимся архивным материалам, где все эти завышения отсутствуют. Составители добавили один процент как оценку недоучета. Они совершенно правильно сделали, потому что масса людей скрывалась в городах без прописки, и многие из них, вероятно, не прошли перепись. Поправки были сделаны на Украине и в Казахстане, 1939 г. А в действительности в поправках нуждалась перепись 1926 г., проведенная недостаточно точно. Так вот с учетом этих завышений у них получилась цифра в 26–27 млн. Это вносит ошибку преувеличения в мою цифру примерно на 200 тыс. Я вполне доверяю их цифре. При этом надо иметь в виду, что перепись 1939 г. — может быть, самая точная из всех, что когда-либо проводились в мире — никогда никто до этого не старался так

учесть каждого человека. На каждого человека, встреченного вне дома, заполнялся специальный бланк: где он живет, кто там хозяин — и посылался этот бланк по месту его жительства. Там должны были посмотреть, живет ли там этот человек. Всех присланных разбивали на четыре категории: живет, не живет, правильно указал или неправильно указал, прошел перепись или не прошел. Такой процедуры никто больше не делал — чтобы поймать каждого. Так что эта перепись в этом смысле была хороша. Учитывалась также разного рода мобильность населения, в том числе связанная с призывом в армию, откуда был призван и т. д.

С. Э. А какова структура потерь времен войны? Имею в виду и армию, и население, которое осталось на оккупированной территории, и тех, кто жил на советской территории.

С. М. Наиболее известны данные по армии и вокруг армии, скажем, миллионов десять. Остальные части — уничтоженные евреи, обычно считают 3 млн. Осада Ленинграда — от 700 тыс. до миллиона. Мирное население в ходе боевых действий, артобстрелов, бомбардировок — до 500 тыс. И дополнительный фактор — изменение условий жизни привело к несколько большей смертности. Но в эту цифру, безусловно, входят и потери на неоккупированной территории — гибель заключенных на Колыме, которым не завезли продовольствие, это сотни тысяч людей; расстрелы дезертиров — это опять-таки сотни тысяч людей. И, главное, ухудшение условий жизни на этих территориях, худшее продовольственное

снабжение, отсутствие медицины после ухода врачей в армию — все это привело к определенным потерям, это в общей сложности несколько миллионов.

С. Э. Значит, армейские потери это пять миллионов погибших в бою и миллион — умершие от ран. А те, которые попали в плен?

С. М. Это отдельная тема, до сих пор открытый вопрос. Очень загадочный вопрос в том смысле, что когда шел военный учет, то цифры тех, кто попал в плен, отсутствовали. За всю войну лишь 30–40 тыс. человек записаны как пленные. Была графа «пропал без вести», и она очень широко использовалась. Армейское командование батальонов, полков использовало эту фразу. За этой фразой скрываются потери, которые трудно оценить. Немцы утверждали, что взяли в плен 5,7 млн человек. Советская сторона (Кривошеев по российским источникам) дает 4,6 млн. Немцы, таким образом, насчитывают на миллион с лишним больше. Кривошеев на это говорит: это люди, которые не проходили военкоматы, это люди, просто арестованные немцами — железнодорожники или еще какие-то группы людей, которые попали в военные лагеря, или ополченцы, не прошедшие через военкоматы. Это возможно, но в таком большом количестве — довольно странно. Но более существенно следующее расхождение: по немецким данным, в плену погибло 3,5 млн, а по данным Кривошеева — 1,1–1,6 млн, т. е. почти в два раза меньше. Это очень большое необъясненное расхождение. Никто не хочет отказаться от своих собранных материалов. Многие считают,

в том числе историк В. Земсков, что потери в лагерях в первые дни войны были намного больше, т. к. в 1941 г. военная статистика была плохая. Сюда должны входить окружения в котлах. В Вяземском котле, в Белоруссии, под Смоленском. У меня своего суждения на этот счет нет. Цифра, которая следовала из советских сведений (сама она не публиковалась), — это 1 млн с небольшим. По немецко-американским расчетам — это 3–3,5 млн военнопленных. Я считаю, что должна быть средняя цифра, это около 3 млн человек. Военные упираются, и понять, как получается, что они не досчитывают, и какая цифра должна быть на самом деле, — трудно.

С. Э. То есть эта такая национальная гордость? Им не хочется признавать, что военные потери были настолько высокими?

С. М. Это не национальная гордость, а научное упорство. Они собрали материалы, они в них верят. Упирают на то, что это так. Конечно, цифра из немецких расчетов могла быть преувеличена. В 1941 г. считали очень плохо. Людей без всяких фамилий загоняли тысячами в овраги. Там их почти не кормили, бросали им что-то из еды просто сверху... Не было у немцев возможности ни транспортировать этих людей куда-то, ни кормить.

С. Э. То есть в плену люди погибли от голода?

С. М. От голода, от ран, от невыносимых условий. Потери были очень большие. Потери и тех, кто был в окружении, и военнопленных, ко-

которые не умели сражаться и сразу сдавались, — это громадные потери. До 1942 г. эти громадные потери немцы не считали. Только в январе 1942 г. было принято решение определить военнопленных на работу в Германию. Какими-то путями их стали вывозить туда. И после этого учитывать военнопленных стали уже достаточно хорошо. Таким образом, большое число людей, взятых в плен, российской военной статистикой не учтено вообще. Этот вопрос остается открытым. Историкам необходимо его тщательно изучать, исследовать. Поэтому у меня по цифрам 1941 г. особой веры нет. Немцы могли считать дивизиями и полками. Например, людей взяли в окружение, и сразу же их записывали в потери. Но бывало и так, что часто люди убегали, прятались и могли умереть в разное время. Я верю в цифры по убитым и раненым, но по военнопленным — нет.

С.Э. Перейдем к четвертой демографической катастрофе, о которой вы пишете в книге «Слепые поводыри» и в вашей статье по этому вопросу. Расскажите, пожалуйста, как вы оцениваете демографические потери после 1991 г.?

С.М. Здесь очень хороший источник — это перепись 1989 г., довольно разумная и спокойная; имеем таблицы смертности для 1989–1990 гг. Так вот, вполне естественно предположить, что смертность с 1989 г. и в следующие десять лет должна была бы быть на том же уровне или, возможно, даже несколько снизиться, что можно объяснить развитием медицины. Выстраивая линию до 1995 или 1999 г. и сравнивая с переписью

2002 г., мы видим число людей, которых не хватает, хотя они должны были бы жить в это время. Они должны были быть живы при условии, если бы страна развивалась нормально. В значительной степени это мужчины — 3 млн человек и 1 млн — женщины.

С.Э. Это расчеты по Российской Федерации?

С.М. Да, это цифры по Российской Федерации. Я не считал ни Среднюю Азию, ни Кавказ, ни Украину. Но ориентировочно могу сказать, что там умерло не меньше, т. к. там были более тяжелые условия с продовольствием, с отсутствием работы. Так что эту цифру можно удваивать или даже больше, чем удваивать.

В своих расчетах я беру цифру 4 млн человек. Но российские демографы при подсчетах исходят из того, что ситуация в стране должна была улучшаться и смертность должна была снижаться, так же как в соседних европейских странах. Они считают так, как если бы смертность снижалась и не было причин для ее увеличения, и они, таким образом, насчитывают 14 млн потерь.

С.Э. Это не слишком много?

С.М. Это много, но надо исходить из того, какие материалы они используют. Они считают, что если бы жизнь была нормальная, возможно было использование новых лекарств, имеющихся в мировой практике, использование новейших методов в медицине...

С.Э. То есть если бы страна развивалась вперед. А кто сделал эту

оценку — 14 млн человеческих потерь?

С.М. Это опубликовано в книге Института демографии под руководством А. Вишневого. Исследование называется «Демографическая модернизация России. 1900–2000 годы». Это реальная цифра, если считать, что жизнь должна была все время улучшаться. По европейскому сценарию. Ну а я считаю по минимуму, и это потери в 4 млн человек, на самом деле, может быть, больше, но насколько больше — я не могу сказать.

С.Э. Я стал приводить ваши данные в Фейсбуке, там есть люди, которые тоже занимаются этой темой, демографией. Один из них сказал, что вы отталкиваетесь от перестроечных данных, от 1989 г., когда была антиалкогольная кампания и смертность упала. И если бы вы взяли более ранний период, то смертность была бы меньше. Это так?

С.М. Это не совсем правда. В 1989 г. антиалкогольная кампания уже заканчивалась. Смертность в последние не горбачевские годы составляла в 1984 г. — 1651 тыс., в 1985 г. — 1622 тыс., а в 1988 г. она была 1583 тыс., в 1989 г. — 1656 тыс. То есть смертность в 1989 г. была выше, чем в любом перестроечном году. Я использую таблицы смертности, составленные Е. Андреевым. И показывал ему свои расчеты. Он с ними соглашается.

С.Э. То есть расчет ведется от данных смертности, предшествующих антиалкогольной кампании.

С.М. Я делал расчет минимальный, обходя эту антиалкогольную кам-

панию. Но я знаю людей, которые считали по всему горбачевскому времени. То есть я брал минимальный уровень.

С.Э. Но есть такой момент: высокая смертность продолжалась и после 2000 г., когда пришел Путин. Только с 2006 г. она начала падать...

С.М. Она начала падать довольно быстро. Не то что Путин пришел, и она сразу начала падать, а после какого-то времени, от каких-то мер, которые стали внедряться. Это и меры, связанные с пенсионерами, увеличение дополнительных выплат для них, и другие меры по перераспределению ресурсов страны. Все это через несколько лет начало давать результаты. Я, конечно, не скажу, что смертность упала сильно, но все-таки упала. Продолжительность жизни не сильно, но все-таки растет.

С.Э. Правда, что в 2013 г. продолжительность жизни достигла уровня советского периода — 69 лет?

С.М. Да, она начинает уже немного превосходить советский уровень. Это неплохо в целом, но мир за эти 20 лет, которые мы потеряли, очень сильно ушел вперед — Россию обгоняют и Китай, и Бразилия, и Мексика. Эта потеря в двадцать лет не прошла даром, мир сделал рывок, а мы удержались на том же уровне.

С.Э. Когда начинаешь говорить, что в ельцинское время была демографическая катастрофа, вызванная, прежде всего, реформами, то многие отвечают: это ведь нельзя сопоставить с коллективизацией, с Большим террором. Чем вы може-

те объяснить четвертую демографическую катастрофу? Да, народ бросили на произвол судьбы. Но почему люди стали массово вымирать? Почему они оказались неприспособленны к трудностям?

С.М. Люди оказались не готовы к ухудшению жизни, утрате стабильности. А в результате стрессы, алкоголь, угасание людей раньше времени. Причем потери среди мужчин намного больше женских. Если сравнивать с коллективизацией — конечно, это не таких масштабов смерт-

ность. И тем не менее. Если взять Чечню — это 20–40 тыс. Преступность, рост убийств — тоже десятки тысяч. На уровне действительных физических потерь речь идет о сотнях тысяч. Это тоже большие потери. Про потери страны от эмиграции не говорю. Катастрофа это или нет, но мне видится печальный факт. Мы видим, что весь мир идет по другому пути: везде продолжительность жизни растет, а мы гордимся, что мы остались за двадцать лет на том же уровне. Это переход России к другой категории — экономически не развитых стран.

“BACK IN SOVIET TIMES, IT WAS NECESSARY TO DEVELOP IN DETAIL PROJECTS FOR THE TRANSITION TO DEMOCRACY AND A MARKET ECONOMY”.

Interview with A. P. Babynishev

Babynishev Alexander P. (pseudonym Sergey Maksudov) — sociologist, researcher at Harvard University (USA)

Key words: family memory, dissident movement in the USSR, A. D. Sakharov, emigration from the USSR, Russia in the early 1990s, population census in the USSR, population losses in the Civil and World War II, famine in 1921 in Russia, famine in 1932–1933 in the USSR, the Great Terror, deportation of the population, the methodology of historical and demographic research.

Abstract. A Russian and American historian, participant in the dissident movement in the USSR, author of many works on historical demography, talks about his life in the USSR and emigration and presents the results of his research on demographic processes in the USSR, population losses due to collectivization and the Great Patriotic War.

«РГГУ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ БЛЕСТЯЩЕ».

Интервью с А. Б. Безбородовым

(Сентябрь 2019)

Ключевые слова: семейная память, РГГУ, высшее историческое образование в России, международные связи российской высшей школы, единый государственный экзамен по истории.

Аннотация. Ректор РГГУ рассказывает об актуальных задачах развития своего Института, о его международных связях.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-44-52

А. Б. Безбородов является автором работ: История СССР/РФ в контексте современного россиеведения (ответственный редактор, соавтор); Зарубежное россиеведение (ответственный редактор, соавтор); Исто-

рия России в новейшее время. 1985–2009 г. (ответственный редактор, соавтор); История Коммунистической партии Советского Союза (ответственный редактор, соавтор).

Беседовал Н. С. Эрлих

Н.Э. Александр Борисович, наш журнал в большой мере посвящен проблемам исторической памяти, в том числе и памяти семейной, расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

А. Б. Моя семья — это служащие советской эпохи. Работал в основном отец. Мама в юном возрасте была радиодиктором, а потом занималась дома детьми. Папа, будучи одним из руководителей системы радиовещания Московского радио на страны Латинской Америки и Мексики, всю свою жизнь посвятил этому де-

ду. Сам бывал в этом регионе неоднократно. И мой интерес к Кубе и другим латиноамериканским странам, к испанскому языку прививал он. У нас была обычная по советским меркам семья. Сестра пошла на углубленное изучение английского языка, много занималась и занимается со мной сейчас именно этим языком, чем очень помогает мне. Она преподаватель. И мама, и папа уже достаточно давно ушли из жизни...

Сейчас мы работаем вместе с сестрой и держаем на тех направлениях, дви-

© Историческая Экспертиза, 2021

Безбородов Александр Борисович — доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

гаясь по той стезе, которую каждый из нас избрал. Должен сказать, что родительское внимание и родительский интерес и ко мне, и к моей сестре — к каждому из нас — серьезно определили нашу жизненную судьбу и жизненный выбор. В свое время мои родители очень хотели, чтобы я поступил в Московский государственный историко-архивный институт, а сестра — в Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Так и произошло. Многие вещи, которые мне говорил отец в плане взаимоотношений людей, принятия управленческих решений, даже контроля исполнения — хотя я был тогда еще вполне юным человеком, — запомнились мне на всю жизнь. Это очень правильно. Видимо, сказался его многолетний опыт общения с людьми, причем на таком экстремальном направлении, как работа с иностранцами — и внутри нашей страны, и за пределами СССР. Иностранцы часто бывали у нас дома. Я очень хорошо помню эти моменты. Это была *прогрессивная часть* (как мы тогда выражались в Советском Союзе).

Н.Э. Ваш отец владел испанским языком в совершенстве?

А.Б. Да, он блестяще владел испанским языком. Люди, приехавшие к нам, были представителями латиноамериканской левой общественности. Их очень интересовала квартира, в которой живет советский гражданин, оплата за эту квартиру. Их поражало, насколько низкой была оплата. Квартира у нас была хорошая, она и сейчас есть — на проспекте Мира. И на мой взгляд, это была

лучшая пропаганда нашего образа жизни, потому что отец не был каким-то высочайшим начальником, а квартира была неплохая.

Приезжали представители левых партий из Панамы, кубинские товарищи, Гондурас, Гватемала — Центральноамериканский регион и не только. Все это мне запомнилось тем, что эти люди очень тянулись к Советскому Союзу, считали его страной, на которую они могут опереться и работать с ней. И если бы мой отец дожил до сегодняшних дней, он увидел бы, как левый поворот сражается с правым на этом континенте, как кубинцы, венесуэльцы, боливийцы держатся вместе. Это то, о чем он мечтал. А, например, Бразилию клонит то влево, то вправо. То есть он увидел бы бурление этого континента и то, что там стало больше демократии.

А если больше демократии, то эти страны лучше и больше работают не только с США, но и с такими странами, как Российская Федерация, Китайская Народная Республика. Это и свобода выбора, и народная демократия на международной арене. Вспоминая отца, я думаю, что ему было бы интересно сегодня наблюдать за этой действительностью.

Н.Э. А вещание шло на все страны Латинской Америки или как-то глушилось, по аналогии с СССР?

А.Б. Тоже, конечно, глушилось. Я знаю, что, например, открывали редакцию или под редакцию на индейцев племени кечуа. Это трансграничные индейцы — они жили в нескольких странах, и вещание четко шло именно на эту категорию.

Поразительная работа! Практически это была попытка донести свою мысль до каждого. Да, когда жесткие режимы были в Бразилии или в других странах, конечно, они не допускали тогда Московское радио. Но остальные смотрели — очень помогала Куба со своими ретрансляторами. Вернее — с НАШИМИ ретрансляторами на СВОЕЙ территории. Потом серьезно подключились никарагуанцы. Это то, что нельзя назвать только пропагандой, потому что здесь идет речь и о культурном обмене. наших людей в Латинской Америке очень хорошо встречали. В нашей квартире бывало очень много, например, мексиканцев, и мы там проживали долгое время. А это далеко не пророссийская — в то время, да и сейчас — страна. Не только радио, не только пропаганда помогали нашей радиостанции в работе на других континентах. Разные народы получали более широкий взгляд на окружающий мир и понимание того, что советский образ жизни очень неплох.

Н. Э. То есть СССР был примером для других стран?

А. Б. Да, безусловно. И это без всяких громких слов. Если бы я этого не видел сам, то, наверное, относился бы к словам отца с большим скепсисом, мол — красный пропагандист, что еще он может говорить. Но когда он подбегал дома к выключателю и показывал, объясняя нашим гостям на испанском, что это свет, и за свет он платит копейки, по-моему, они были очень удивлены. Потому что в латиноамериканских странах было совсем по-другому, да и само электричество не везде было. А если тебя бросят в лачугу или в фавелу

бразильскую где-то под Рио-де-Жанейро, то там электричество — целое фантастически важное и ответственное дело!

Н. Э. В фавелах не было ни горячей воды, ни электричества, поэтому для них это было едва ли не чудом?

А. Б. Безусловно! Представляю, что они слышали о Советском Союзе! Поэтому когда они приезжали к нам в квартиру на проспекте Мира, рядом с метро Щербаковская (прежнее название, теперь Алексеевская), и видели, сколько человек там было и на какую сумму приходит счет за свет, то приходилось верить. Квитанцию, правда, отец не показывал, но его слово было как последняя инстанция — они верили ему! Я не знаю, как они — дети, не дети, но латиноамериканцы очень верят не документу, а тому, что им говорит человек, друг, товарищ.

Когда отец первый раз уезжал с Кубы — кубинские товарищи в 1965 г. подарили ему портрет Фиделя Кастро, разбивающего бутылку местного то ли рома, то ли шампанского — как это принято во всем мире — о нос первого небольшого судна, построенного в народной социалистической Кубе. А вокруг стоят кубинцы, крестьяне. Этот портрет — почти документ — у меня хранится. На нем написано: «Товарищу Борису Безбородову от одного из его соратников. Родина или смерть! Patria o muerte! 1965 год». Вот такое свидетельство того времени.

Н. Э. Расскажите, пожалуйста, как вы приняли решение стать историком и что повлияло на ваше решение?

А.Б. В школе мне были интереснее предметы гуманитарного цикла. Но поступая в Историко-архивный институт, я себе еще не представлял, будет ли это история, или чистое архивоведение, историко-архивоведение. Короче, мой выбором полностью определил Московский государственный историко-архивный институт, куда я поступил в 1972 г., и учиться там было чрезвычайно интересно! Мощный цикл источниковедческих, архивоведческих, документоведческих дисциплин делал нас другими людьми. Мы стали обращать внимание на подлинность или неподлинность документа, его атрибутику, музейное хранение, архивное хранение, личное хранение. Это просто было потрясающе интересно! Даже в Советском Союзе...

В общем, вопрос о том, как определиться, для меня остро не стоял. Действительно: история, история XX–XXI вв. стали для меня делом жизни. Я с удовольствием этим занимался и занимаюсь. И учебники мы пишем, и скоро выйдет многотомная монография по этому поводу. Здесь, в РГГУ, очень хорошая историческая школа, мы друг друга поддерживаем, и они мне очень помогают.

Длительное время, с 1996 г., я был директором Историко-архивного института в системе РГГУ, а ректором РГГУ я работаю не так давно — с лета 2018 г., а с 2017 г. был и.о. ректора.

Я еще заведу кафедрой истории России новейшего времени — ректору это разрешено. Это, конечно, то, где мне хотелось бы продолжать работать. Более узкая тематика — это все, что связано с высокими техно-

логиями современной России, гражданскими, в первую очередь оборонными. На этот счет есть и статьи, и более масштабные работы. И это действительно интересно, потому что страна очень серьезно поднимается, в том числе и за счет этих технологий.

Возьмем, например, оборонную сферу. Последние годы идет интенсивное развитие. Мы освоили гиперзвук, радиоэлектронную борьбу с гипотетическими противниками. Всем этим мы, если надо, можем очень серьезно навредить неприятелю, обезоружить его, что называется, на дальних подступах. Это и называется симметричный ответ на вызовы. Вот когда они, допустим, будут испытывать наше терпение, подлетать к нам, вести свои испытания — у них могут просто «оглохнуть» и «ослепнуть» их технические средства с очень серьезными последствиями. А стрелять никто ни в кого не будет.

Думаю, что соответствующими будут ответы и в космическом пространстве. Наши партнеры не дремлют, работают, кооперируются, и нам тоже надо этим заниматься, чтобы не отставать. Вообще двусторонние отношения между странами — это, мне кажется, сейчас приоритетное направление в международных отношениях. Союзы работают меньше, чем двусторонние отношения. И на постсоветском пространстве, и в Европе. Я думаю, Россия за счет двусторонних контактов может выстроить серьезные отношения с какой угодно страной, в том числе и стратегические, при этом не называя их таковыми. Например, с Китайской Народной Республикой — одни, с КНДР — другие.

Н. Э. Вроде бы Россия тоже поддержала санкции против КНДР?

А. Б. Да. И я думаю, что в этом мы были в ООНовском тренде, но у нас есть всегда особая позиция по этой стране. И Трамп считается с КНДР во многом потому, что есть Российская Федерация и КНР, а иначе был бы несколько иной разговор. А какие выходы у КНДР? Только развивать высокие технологии, в том числе и военные. Потому что есть Южная Корея, Япония: по существу — непотопляемый американский плацдарм. Я думаю, что логику российского руководства здесь можно понять. Не говоря уже о северокорейском.

Н. Э. Кажется, Южная Корея не обладает ядерным оружием?

А. Б. Едва ли мы можем доподлинно знать, но официально — нет. Но там американские войска стоят, а с каким оружием они стоят — не афишируется. Безусловно, мы не все знаем, особенно в сфере межгосударственных отношений. Сама внешняя политика — не очень открытая сфера. А если и открывается, то нужно думать — что за этим стоит.

Н. Э. Если вернуться к вашей исторической специализации, то это история XX–XXI вв., мировая история?

А. Б. Этим занимается наша кафедра. Это внешняя политика, мировая история, международные отношения, зарубежное регионоведение. Но история России здесь, в РГГУ, в приоритете. Часов на нее хватает на всех курсах во всех институтах и институтах.

Н. Э. Вы и руководите кафедрой, и преподаете?

А. Б. Да, надо выполнять нагрузку, потому что заведование кафедрой предполагает и организацию учебного процесса, и участие в нем. Нагрузка не велика, скажу сразу, потому что время очень тяжело выкроить, но это нужно. И со студентами встречаемся, и регулярно ведем занятия.

Н. Э. Вы входите в комиссию тестов для ЕГЭ?

А. Б. Совершенно верно. Работаю там уже на протяжении длительного времени. И эта работа оставляет у меня самые позитивные впечатления. Это работа председателем комиссии по формированию контрольно-измерительных материалов к единому государственному экзамену по истории в Федеральном институте педагогических измерений. Не все, конечно, можно рассказать об этой деятельности, но мы стараемся, чтобы все проходило без рекламаций. Уже немалое количество лет работает очень надежный коллектив историков, ученых, специалистов. И мы пытаемся сделать так, чтобы ЕГЭ был интересным, чтобы он не был «угадайкой», чтобы эта система действительно совершенствовалась. И на мой взгляд, пока это все присутствует. Хотя, конечно, с обиженными и недовольными школьниками бывает работать нелегко. Взаимодействие с ними происходит не в прямом контакте, а через деловую переписку, через электронную приемную.

Н. Э. То есть если систему и критикуют, то это не всегда по делу?

А.Б. Система критикуется именно как система, и хорошо бы критикам вникнуть в то, что и как происходит, что за контрольно-измерительный материал мы предлагаем и т.д. На примере истории могу сказать одно: люди, которые прилично сдают ЕГЭ по истории, — в РГГУ по истории добиваются успехов. А те, у кого ЕГЭ по истории еле-еле вытянут на положительный уровень, — те и учатся кое-как.

К ЕГЭ много что прилагается — олимпиады по истории, самостоятельная работа и т.д. Нужно только учиться. В современный информационный век не только учитель должен водить за руку по жизни, очень многого человек должен добиваться сам, быть креативным и т.д. Это прописные истины.

Н.Э. Вы сказали, что находитесь на посту ректора два года?

А.Б. Да, был исполняющим обязанности ректора, теперь — ректор РГГУ. Это совсем новое поле деятельности, связанное с инфраструктурным совершенствованием вуза. Он очень сильно отстал в этом ключе. Финансовые вливания сейчас очень серьезные. Благо, что сегодня университет может это делать за счет чистой прибыли и ее формирования и за счет наличия студентов не бюджетной, а договорной формы обучения.

Должна быть абсолютно железная финансовая дисциплина. И не может быть никаких мыслей насчет того, чтобы думать, как эти деньги использовать не по прямому назначению. Сейчас наше министерство очень хо-

рошо организовало финансовый контроль — просто приятно работать!

О высокой науке, конечно, тоже можно говорить, но ректор этим больше занимается дома. А здесь в университете — огромный блок административной работы, связанной с безопасностью студентов, их комфортным пребыванием в общежитиях (у нас несколько общежитий), комфортным пребыванием в самом вузе: заменить деревянные гниющие окна на современные пластиковые — это целая операция, длящаяся месяцами, и начинать надо с общежитий. Да, студенты могут неаккуратно обращаться в общежитиях с сантехникой, а ты ее обязан привести в нормальное состояние с минимальными претензиями к студентам и с максимальными — к комендантам и тем, кто этот процесс обслуживает: значит, они плохо донесли до студентов информацию.

Если нужно что-то проконтролировать и добиться результата, следует понимать, что может не быть и сна, и личного отдыха, и отпусков. Это очень сложно, многие люди абсолютно не привыкли так работать. «Прокучкарекал, а там — хоть рассветай!» А чтобы какое-то реальное дело довести до конца, воплотить его, чтобы оно было действительно законченным и это было результатом в работе (даже в нашей, вузовской) — это совсем другое. Приучить себя и других людей к этому труду — это серьезная ректорская задача. Я понимаю, что такая серьезная проблема существует и в государстве.

Н.Э. Личное отношение у людей нужно сформировать правильное?

А.Б. Оно не формируется, не хочет. Зачем, если можно получить свои 70 тыс., не напрягаясь?! Человек просто этого не понимает, хотя он хороший, замечательный человек. И все объяснения, и объем работы здесь можно вписать в квадрат — появляется еще такой же. Я и раньше с таким, конечно, сталкивался, но по-настоящему при таких объемах проблем... Здесь же свыше тысячи человек коллектив и свыше 15 тыс. студентов учится на разных формах обучения. Поэтому нужно подходить индивидуально и дальше работать. Приходится находить время на все!

Очень большая проблема — дети с ограниченными возможностями, и родители, которые за них справедливо сражаются до последнего. Государство стало совсем по-другому смотреть на них, с огромным позитивом. И вузы так же разворачиваются. Прежде такого не было, и родители прошли колоссальный путь со своим ребенком. Путь людей, которые если и не были отверженными долгое время, то на них не обращали такого внимания, как сейчас. И они закаленные, им многое кажется с психологической точки зрения несправедливым, потому что мы никогда их не поймем до конца.

Только что прошла встреча с родителями очень-очень больного ребенка. Вуз нигде не ошибся, но все равно что-то должны исправлять, потому что эти люди требуют, скажем так, особого подхода. Давайте сформулируем это иначе: «Этот мир был другим, а стал нашим. Мы теперь в мире равных людей, и к ним надо относиться так, чтобы они были равными, — с любовью, с трепетом, чтобы

они не чувствовали себя другими». Как это перевоплощение совершить в высшей школе, чтобы мы были здесь едины, а родители не выступали посредниками? Это очень тяжело. До сих пор они выступают посредниками! А человека с ограниченными возможностями нет — он не выходит на связь с нами, выходят его родители со своими болями и вопросами. Значит, проблема остается, потому что сюда прибыл не ребенок, а родители, и это у них претензии.

Н.Э. То есть такие дети обучаются заочно?

А.Б. Есть дистанционная форма обучения, есть заочная, но очень многие обучаются очно. Когда я работал в Историко-архивном (а там высокие крутые этажи, старое здание), один молодой человек был прикован к коляске, и какое-то время мы видели, что родители поднимают эту коляску на второй или третий этаж. А в советское время эти коляски были тяжеленными! Тогда по закону не требовалось пандусов, а требовалась только сила родителей, которые носили эту инвалидную коляску.

Но мы тогда организовывали обучение для него на первом этаже, он доучился по полной программе. Этот юноша вообще не говорил. Его ответы определяли по пульсу, дотрагиваясь до него. И это могли делать только родители. На экзамене задавался вопрос, родители читали его и отвечали потом за сына по его реакции.

Н.Э. В завершение расскажите о своих планах на будущее. Какие задачи стоят перед вами как перед ректором РГГУ?

А.Б. Мои планы связаны только с РГГУ. Очень жаль, что такой молодой возраст сопутствует моему пребыванию на этой должности. Конечно, если говорить о мечтах, то, заступив на эту должность несколько лет назад, я мог бы гораздо больше пользы принести РГГУ просто по времени и объему. Теперь это, понятно, срочные контракты. Но в то же время, конечно, хотелось бы в университете продолжить начатое. Нам надо становиться современным вузом, который виден в мировых рейтингах более четко. Это огромная задача, связанная с выполнением мониторинговых показателей — их шесть-семь, но они очень важны. Должны быть достойные цифры и по острепенности, и по среднему баллу ЕГЭ и т. д.

Нами ведется активнейшая международная деятельность. Вуз должен на международном уровне выглядеть блестяще, и он действительно заметен. У нас контакты со многими мировыми университетами. Важно не растерять то, что есть. Языковая подготовка и многое-многое другое — это для нас сегодня самое главное. Мониторинговые показатели и присутствие в рейтингах, в том числе и международных — это не самоцель для РГГУ, принципиально важно качество образования. А оно должно быть высоким и для людей с ограниченными возможностями, и для людей с возможностями более широкого плана. Здесь в первую очередь мы делаем ставку на фундаментальные науки, которые развивает РГГУ, — это Историко-архивный институт; это весь комплекс наук, связанных с лингвистикой, филологией, психологией. Для нас очень

важно, чтобы будущие профессии для Москвы и для всей страны сопрягались с фундаментальной подготовкой. За четыре года дать это очень сложно. Поэтому мы делаем ставку на магистратуру. Магистерские программы — это еще плюс два года обучения. Плюс — аспирантская подготовка, учебный процесс в аспирантуре и защита диссертаций — здесь тоже неплохие показатели. Вот на этих позициях нам очень важно устоять.

Кроме того, должно быть два-три абсолютно узнаваемых направления работы университета, чтобы было понятно, что это именно РГГУ. Например, мезоамериканские исследования — помимо того, о чем я уже говорил, нам очень важно помнить людей, которые составили славу нашей страны. Например, Юрий Валентинович Кнозоров, который дешифровал письменность древних майя. У нас не так давно вышла книга Галины Гавриловны Ершовой — его ученицы: «Последний гений XXI века» — как раз о Юрии Валентиновиче. 26 сентября 2019 г. была большая презентация этой книги. Приехали послы ряда латиноамериканских стран, они трепетно относятся к Центру мезоамериканских исследований имени Кнозорова. На базе Центра мы и организовали эту интересную встречу.

В научном плане я со своими соавторами дописываю трехтомную «Историю современной России». История современной России исследуется слабо, многие считают, что это и не история совсем. Но совершенно очевидно, насколько важно не утратить современные источники, ввести их в научный оборот. Это

и есть современная история, история последних десятилетий. Для нас это принципиально важно.

Н. Э. Современная. Это значит — начиная с 1991 г.?

А. Б. Я считаю, что можно спокойно начинать и с 1985-го, как предысто-

рии. А 1991-й очень неплох здесь. И тут мы можем серьезно выступать — и сам Историко-архивный, и РГГУ в целом — и сотрудничать в более широком плане с вашим замечательным журналом.

Н. Э. Спасибо большое за интересную беседу!

"RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF HUMANITIES SHOULD LOOK BRILLIANT AT THE INTERNATIONAL LEVEL". INTERVIEW WITH A. B. BEZBORODOV

Bezborodov Alexander B. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the Russian State University for the Humanities (Moscow)

Key words: family memory, Russian State University for the Humanities, higher history education in Russia, international relations of Russian higher education, unified state exam in history

Abstract. The Rector of the Russian State University for the Humanities talks about the urgent tasks of the development of his Institute, about its international relations.

«СОБСТВЕННУЮ СТРАНУ МОЖНО УЗНАТЬ ЛУЧШЕ, КОГДА ИЗУЧАЕШЬ ДРУГИЕ СТРАНЫ».

Интервью с В. Н. Гарбузовым

(Сентябрь 2019)

Ключевые слова: американские исследования в России, американский консерватизм, внутривнутриполитическая борьба в США, электоральная система в США, российско-американские отношения.

Аннотация. Историк-американист, директор Института США и Канады РАН рассказывает о своем пути в науке, высказывает свое мнение по ключевым проблемам современного развития США, внутренней и внешней политики США, российско-американских отношений.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-53-70

Среди важнейших работ В.Н. Гарбузова: «Рейгановская революция»: Теория и практика американского консерватизма. 1981–1988. СПб.; Псков, 1999; Типология американского консерватизма: историографический очерк. Псков: Псковский государственный педагогический институт, 1999; Александр Хейг, или Три карьеры одного генерала. М.: Наука, 2004; Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008; Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 2 / отв. ред. В.Н. Гарбузов. Вена; Псков, 2002; Федеральные выборы 2000 года в США. М.: ИСКРАН, 2001 (член авторского коллектива); США в 2000 году. М.: Наука, 2002 (член авторского коллектива); Социально-экономические модели в современном мире и путь России.

Книга 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). М.: Экономика, 2005 (член авторского коллектива); Новый этап развития международных отношений. М.: ИСКРАН, 2008 (член авторского коллектива); Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США. М.: КРАСАНД, 2010 (член авторского коллектива); Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой М.: Весь мир, 2011 (член авторского коллектива) (англоязычное издание — 2012); Социально-экономическая политика второй администрации Б. Обамы и ее влияние на внешнюю политику США. М., 2013 (член авторского коллектива); Ситуационные анализы. Выпуск 4: Америка в фокусе российских исследователей. История

и современность / под ред. Т. А. Шаплеиной. М.: МГИМО-Университет, 2014 (член авторского коллектива); Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / под ред. Б. И. Макаренко. М.: Альпина Паблишер, 2015. Глава 2. Национальные модели консерватизма (Консерватизм в США); Глобальное управление: Возможности и риски / отв. ред.

Беседовали Н. С. Эрлих, Н. М. Тарасова.

Н. Э., Н. Т. Валерий Николаевич, наш журнал посвящен в немалой мере теме исторической памяти, и в том числе памяти семейной, и первый вопрос, традиционный: расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье.

В. Г. Я родился в городе Пскове и жил там довольно длительное время: учился в школе, в Педагогическом институте, на короткое время уезжал учиться в Ленинград и на год на стажировку в США. Потом вернулся и работал зав. кафедрой всеобщей истории на историческом факультете Псковского педагогического института, сейчас это Псковский государственный университет. Так что все, что связано с моим становлением, связано со Псковом и частично с Ленинградом.

Так уж судьба распорядилась, что я стал заниматься США, и, скорее всего, здесь большую роль сыграли мои ленинградские учителя — Виктор Константинович Фураев и его коллеги по кафедре всеобщей истории Пединститута. Живя в Пскове, я собирал материалы для своих книг, диссертации, а в 2000 г. меня при-

В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. Глава 2.1. США; Дональд Трамп: первые президентские инициативы // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / отв. ред. С. М. Рогов. М.: Весь мир, 2017.

гласили работать в Институт США и Канады РАН, и с тех пор я здесь.

Н. Э., Н. Т. Расскажите, как вы приняли решение стать историком и что повлияло на ваше решение?

В. Г. Не знаю, можно ли говорить о том, что после школы я решил стать историком. Я просто решил поступать на исторический факультет по той простой причине, что в школе история была предметом, которым я интересовался больше, чем всеми остальными. Как бы сама жизнь привела меня к тому, чтобы я поступал на исторический факультет.

Я намеревался быть учителем и после окончания института проработал им четыре года. Мне серьезно повезло, потому что я попал на работу в среднюю школу № 1 города Пскова — бывшую Губернскую мужскую гимназию, учебное заведение с большой, серьезной биографией. Эту школу в свое время заканчивали писатели Юрий Тынянов, Вениамин Каверин, в этой школе учился крупный биолог и медик Лев Александрович Зильбер — родной брат Каверина (Каверин — это псевдоним).

Тут учился Исаак Константинович Кикоин — академик, дважды Герой Социалистического Труда, который работал в Институте атомной энергии им. Курчатова вместе с Курчатовым. То есть, эта школа сама по себе была историей.

И так случилось, что я стал руководителем Музея истории школы. Конечно, приобщение к истории школы и общение с еще живущими тогда ее старыми выпускниками и их родственниками тоже оказало на меня серьезное влияние. Потому что на тебя влияет сила примера людей, которые учились в этой школе, хоть ты, может, с ними не сталкивался, но ты изучал их биографию и знакомился с родными, близкими, изучал их воспоминания. Я вспоминаю те годы, их было не много, всего четыре, но это были годы, в которые я очень многому научился. Тот период был просто необходим для меня.

Н.Э., Н.Т. Я читал, когда вы были учителем, в школе был воссоздан музей, посвященный Каверину и Зильберу, где были представлены их личные вещи. Они лично посещали в те годы свою школу?

В.Г. Кто-то приезжал, но они были уже глубоко пожилыми людьми в тот период. Я застал то время, когда Каверин уже не выезжал, а Зильбер к тому времени скончался. Но я ездил в Москву, в Переделкино, мы с Кавериним встречались, он передавал свои личные вещи, книги. Это было зимой, в феврале, и я помню, как все это вез назад в Псков в музей. Это были очень ценные экспонаты для музея. Он, кстати, дал даже некоторые рукописи своих рассказов —

он писал от руки. И поиск этих экспонатов тоже не оценим. Мне очень жаль, что многие из них после моего ухода не сохранились в этом музее. Но, во всяком случае, тогда музей очень серьезно пополнился фондами. Эта работа меня тогда действительно захватила.

Н.Э., Н.Т. Сейчас Музей школы № 1 существует?

В.Г. Существует. Правда, я давно уже там не был. После того, как я ушел, музей был демонтирован. Тогдашний директор школы посчитала, что нужно решать проблему с классами. В помещении музея было устроено учебное помещение, а музейные фонды хранились в подвале. Естественно, за то время, что они хранились в подвале (а это было год или два), половина фондов, а то и больше, просто-напросто исчезла. Что-то осталось. Сейчас музей — маленькая комнатка. Вообще, это беда школьных музеев — если нет пристрастия, то с фондами происходят какие-то чудеса. К моему сожалению, то же произошло и с этим музеем.

Н.Э., Н.Т. Ваша специальность — американистика. Что повлияло на ваш выбор? Отношения между США и СССР всегда были достаточно напряженными, постоянно существовало соперничество двух держав.

В.Г. Я думаю, что это и будет продолжаться долгое время. Что повлияло? Когда я поступил в аспирантуру, речь шла о том, чтобы выбирать тему диссертации, а то место, куда я поступил — это кафедра всеобщей истории Ленинградского государственного

педагогического института им. Герцена (сейчас РГПУ им. Герцена), где была очень серьезная школа американистики, которую возглавлял Виктор Константинович Фураев. Кроме всего прочего, там была достаточно серьезная школа европейцев, где работал Генрих Рувимович Левин, он был специалистом по Англии, автором монографии по Английской революции, движению левеллеров. Также там работал и Юрий Васильевич Егоров — специалист по Франции, автор монографии «Народный фронт во Франции».

Вот эти «три кита», которые и сами были научными лидерами, и вокруг которых собирались школы, люди и аспиранты со всей страны. Поэтому когда передо мной встал вопрос, о чем писать, у меня было знание английского языка, но я не знал ни испанского, ни французского, и нужно было выбирать что-то, связанное с англоязычной страной. Англия меня, честно говоря, не очень интересовала. Ну а какой еще мог быть выбор? Была Америка. Так я и стал заниматься США. Сначала концентрировал внимание на теме кандидатской диссертации. Это было антивоенное, антиядерное движение 80-х гг. XX ст. А потом я расширил сферу своего внимания, начав интересоваться и в целом президентством Рейгана, и консервативным движением. Я расширял свои познания по этой стране и по российско-американским отношениям. Так что Ленинград дал мне очень хороший, мощный заряд.

Н. Э., Н. Т. Американские консерваторы — это те, кого называют «ястребами» в политике, или все же это разные понятия?

В. Г. Американские консерваторы очень разные. Есть нормальные умеренные взвешенные люди. Генри Киссинджер ведь тоже консерватор, но это умеренный человек, который взвешивает все «за» и «против», и делал это всегда. Но в ряду консерваторов есть и буйные, радикалы.

Н. Э., Н. Т. Так называемые неоконсерваторы?

В. Г. Неоконсерваторы — это немножко другие. А это радикалы, не приемлющие ничьи другие позиции. Они считают, что обязательное следование неким жестким традиционным ценностям должно стоять в основе жизни людей. А неоконсерваторы. В свое время неоконсерваторами называли бывших демократов. Это люди, которые были демократами в 60–70-е гг. Но кто-то, поняв бесперспективность либеральных идей и идей Демократической партии, кто-то — из карьерных соображений — перешли к республиканцам и стали неоконсерваторами. Это бывшие демократы, ставшие республиканцами. Они порой занимали и занимают твердые жесткие позиции, а перейдя на радикальную сторону, казалось бы, противоположной партии — стали еще более консервативными, чем сами консерваторы. Так что консервативное движение в США можно представить в виде нескольких потоков, которые вливаются в одну большую реку. Но это обычно происходит перед выборами. Иногда в эту реку удается влиться, потому что это необходимо. А иногда и нет. Я очень плотно изучал события 70–80-х гг. и приход Рейгана к власти. Тогда консерваторам удалось преодолеть многие разногласия,

которые были между ними, сделать ставку на Рейгана в качестве своего знамени и привести его к власти. Это была их большая победа.

Н.Э., Н.Т. То есть большинство консерваторов относится к Республиканской партии?

В.Г. Конечно. В США много самых разных консервативных организаций, но Республиканская партия является той самой организацией, которая приводит консерваторов к власти. Потому что с ее помощью они участвуют в выборах в Конгресс, в Палату представителей и Сенат, в президентских выборах. И здесь без Республиканской партии консерваторам просто-напросто не обойтись, потому что другой аналогичной партии в США нет. Вернее, там есть множество партий, но конкурировать с республиканцами, конечно, они не могут. Они идут как бы вслед за ней.

Н.Э., Н.Т. За всю историю США существовали всего две партии, которые реально боролись за власть. Расскажите о них подробнее. Возможно, были попытки составить им конкуренцию?

В.Г. В принципе, двухпартийная система в США сложилась с самого начала существования США. Правда, эти две партии были разными, по-разному назывались. Сначала — антифедералисты и федералисты, потом появились демократы и демократические республиканцы. А та система, которая существует сегодня, сформировалась с середины XIX в. В конце 20-х гг. появилась Демократическая партия. А в 1854 г. появи-

лась Республиканская партия. С тех пор они и существуют.

Конечно, эти партии очень изменились. Менялся электорат, менялись предпочтения. Когда-то, например, Демократическая партия в XIX в. была партией рабовладельцев, которая отстаивала рабство. А сегодня Демократическая партия — это партия, которая, наоборот, опирается на потомков рабов — это партия цветных, это партия черных, партия этнических меньшинств. А Республиканская партия когда-то была партией противников рабства. Ее основал и стал первым президентом-республиканцем — Авраам Линкольн. Но с тех пор, со времен Гражданской войны, эта партия тоже изменилась. Сегодня существует такой стереотип Республиканской партии, как «партия денежного мешка» — партия богатых людей. Трамп — это, наверное, самое классическое олицетворение Республиканской партии. Хотя ирония судьбы состояла в том, что он, никогда не занимаясь политикой, особо не отдавал республиканцам предпочтения. Но он сумел просто захватить Республиканскую партию, ее электорат, привлечь новый электорат. Это уникальная ситуация, подобной которой в США давно-давно не было.

Н.Э., Н.Т. До победы Трампа на выборах в США не было такого президента, который был бы избран, не имея за плечами политического опыта? Трамп, наверное, первый?

В.Г. Обычно президентами США в XIX в. по большей части становились генералы. Особенно после

Гражданской войны. Это были известные люди. А в XX в. президентами становились бывшие губернаторы. Были и генералы в XX в., например Дуайт Эйзенхауэр. Рейган был актером, но до избрания президентом он был губернатором штата Калифорния.

Ведь кто такой губернатор в США? Это маленький президент. Круг обязанностей губернатора штата примерно таков, как и круг обязанностей президента, но только в пределах своего собственного штата. Они обладают очень большой властью. Поэтому, если ты был один или два срока губернатором штата, то это значит, что ты сможешь на государственном и общенациональном уровне тоже решать проблемы страны. Правда, такие люди, как правило, обладают дефицитом знаний международной, мировой политики. Но в ходе пребывания в должности минимально они эти знания приобретают.

Что касается Трампа, то это уникальный случай. Это действительно феномен, потому что он не имеет и не имел опыта руководства на уровне штата. Он не был губернатором. У него опыт бизнесмена. И многие считали, что опыт бизнесмена пригодится ему для того, чтобы руководить государством. Очевидно, в этом есть некий плюс, но и минус тоже. И эти минусы стали очевидны сразу. Кроме всего прочего, у него не было опыта работы в Парламенте, в Конгрессе. Обама, например, был знаком с этим опытом, и у него был опыт поиска компромисса, достижения этого компромисса. А у Трампа этого нет. Поэтому мы видим его стремление быстро, с наскока, с налета решить сложные проблемы, формировав-

шиеся годами. Тем самым он выступает худшим врагом самому себе. Это все видно и из его выступлений, и из его действий, и из его политики. Но что делать? По Конституции США выставить свою кандидатуру может любой американец, который является гражданином США и соответствует определенным требованиям, которые прописаны в ней. А они совершенно минимальные.

Н. Э., Н. Т. Например, он должен родиться на территории США. Я помню, были споры по Обаме, что якобы он родился за пределами Штатов.

В. Г. Это республиканцы использовали непроверенные сведения, которые ставили под сомнение факт его рождения на территории США.

Н. Э., Н. Т. С избранием Трампа многие связывали надежды на потепление отношений между Россией и США. Насколько это вообще было обоснованно?

В. Г. Действительно, часть политической элиты России — причем и высшее руководство — делала ставку на Трампа. При этом исходили из того, что Трамп на протяжении своей избирательной кампании очень много хорошего говорил о России, о Путине, о том, что между Россией и США нет никаких противоречий и хорошо бы нам поладить. Все остальные претенденты и кандидаты говорили совершенно другое, критиковали Путина, его внешнюю политику, и уж никто не говорил, что хотелось бы поладить с Россией. Поэтому на этом фоне он выглядел «белой вороной».

Я не буду здесь говорить о всех историях с вероятным или невероятным, очевидным или неочевидным вмешательством. Была надежда, что, действительно, если этот человек будет в Белом доме, он изменит сам характер отношений. Но когда Трамп пришел в Белый дом, все оказалось по-другому: он потянул за собой «русский шлейф»; он потянул за собой скандал, связанный с вмешательством России в выборы 2016 г. И начались расследования. Все это привело к тому, что эти обстоятельства блокировали Трампа.

Посмотрите, что получилось: на всех встречах, даже на последних встречах с Путиным, он говорил и до сих пор говорит, что нужно улучшать отношения с Россией и что-то делать в этом направлении. Но как только он возвращается к себе домой, то делает все наоборот — подписывает санкции против России.

Почему так происходит, что он говорит одно, а делает другое? Столько антироссийских действий не предпринял Обама, сколько было в период президентства Трампа, на которого возлагались такие неоправданные надежды. Это просто парадокс!

А все потому, что, во-первых, президент США правит совместно с Конгрессом. А Конгресс имеет совершенно другую позицию в отношении России, которая очень серьезно отличается от позиции Трампа. В основном Конгресс настроен антироссийски. Демократы и республиканцы спорят об очень многом по самым разным проблемам. Но до сих пор единственная проблема, по которой они единодушны, — это Россия

и отношение к ней. В США за этот период времени сформировались мощный антироссийский консенсус и зафиксированная на законодательном уровне санкционная политика в отношении России, которую Трамп (и это тоже закреплено в законах) не может изменить. То есть действия Трампа на этом направлении зависят от воли Конгресса — он в руках у Конгресса.

Поэтому, что бы он ни говорил, но сделать что-то серьезное он не может. Посмотрите все встречи Трампа и Путина, которые многие журналисты воспринимают как предпосылку к некоему очевидному прорыву. Но ничего не происходит — ни прорыва, ни полупрорыва, никаких мало-мальских договоренностей. Либо те устные договоренности, которые достигаются, просто не выполняются.

А происходит это по одной большой причине — США в лице ее сегодняшней политической элиты воспринимают внешний курс России как вызов постоянным величинам собственного внешнеполитического поведения, которые формировались десятилетиями и даже столетиями. Поэтому просто так США не уступают и не уступят свои позиции, т.к. интересы США глобальны и не ограничиваются собственными границами. И хоть сегодня можно услышать мнения о том, что США стремительно теряют свои былые позиции, это не совсем так: эти позиции хоть и ослабевают, но отнюдь не потеряны.

Н.Э., Н.Т. То есть в ближайшее время нам можно не ждать снятия санкций?

В. Г. Я не думаю, что санкции скоро будут отменены. Вспомните историю любых санкций. Они вводились не на год, не на два, а на десятилетия. Куба живет под санкциями десятилетиями. Иран тоже уже длительный период времени живет под санкциями.

Н. Э., Н. Т. Санкции против Ирана недавно снимали на какое-то время...

В. Г. Нет, там были условия. При Обаме была достигнута так называемая ядерная сделка с Ираном, против которой выступил Трамп. И когда он пришел к власти, то разорвал все эти отношения и стал проводить политику, которая проводилась и прежде, мотивируя тем, что Иран нарушает все договоренности, хитрит, обманывает и т. д.

Санкции вводятся на очень длительный период времени, и надо понимать, что к санкционному режиму следует приспособливаться. Это неприятная вещь, потому что санкции действительно тормозят развитие любой страны. Они ограничивают возможности привлечения инвестиций, получения зарубежных дешевых кредитов, а без этого невозможно быстро развиваться. Поэтому цель санкционной политики состоит в том, чтобы отбросить развитие страны назад. И в этой ситуации очень важно, приспособившись к санкционному режиму, искать какие-то другие возможности на других географических направлениях. Что, кстати, и сделала Россия, переориентировав свой основной внешнеполитический вектор с Запада на Восток, на евразийское направление, на Китай, развивая эту сторону сотрудничества.

Но этого, конечно, мало, и это не компенсирует возможности, которые были бы у России, если бы этих санкций не было. Сейчас в Европе растет ропот против санкций, потому что прежде всего это невыгодно европейцам. На отсутствии бизнеса с Россией теряют многие европейские бизнесмены. Я втайне надеюсь, что будет происходить — и это уже происходит подспудно — процесс размывания санкций. Он будет связан с Европой. Но санкций введено так много, что если когда-то возникнет вопрос о снятии или ограничении, то это должна быть масштабная акция.

Современная внешняя политика России была связана с действиями, которых давно не было. Присоединение Крыма и операция на Донбассе многими расцениваются как стремление провести ревизию уже сложившегося территориального устройства мира. США отреагировали на такие действия очень резким образом, и надо было думать, что так оно и будет.

Н. Э., Н. Т. Как вы считаете, высоки ли шансы у Трампа переизбраться на второй срок?

В. Г. Доживем до ноября 2020 г. Демократам нужен кандидат, способный противостоять Трампу. Много ли таких, судя по дебатам?

Надо понимать, что Трамп — это такой оригинал, феномен которого повторить крайне сложно. И это играет ему на пользу. Как и состояние американской экономики. После прихода Трампа в Белый дом, и даже еще при Обаме, в последние месяцы его пребывания у власти,

в США начался довольно заметный экономический подъем. Он был несколько вялый, но развился при Трампе, и Трамп использует это в качестве козыря, говоря о том, что, несмотря на нападки и критику, несмотря на желание устроить импичмент, самое главное достижение его администрации — это экономический рост. И тут ему очень сложно возразить! Действительно, темпы роста американской экономики — 3,6% в год и с тенденцией к увеличению. И если это сохранится, то можно сказать, что он победит. Потому что ни один президент США, добивающийся переизбрания, не терпел поражения в год экономического роста, если этот год совпадал с президентскими выборами. Я думаю, что эта закономерность сохранится и при Трампе.

Но многие экономисты ожидают, что как раз осенью 2020 г. грянет экономический спад. И этот спад может перечеркнуть все и навредить Трампу. Поэтому надо подождать развития событий: какие тенденции будут развиваться в экономике США. И Трамп сам понимает, что главное — это экономика. Если же говорить о попытках демократов выселить Трампа из Белого Дома через процедуру импичмента, то изначально было понятно, что это вряд ли получится. А теперь у них — последний шанс дать ему бой на выборах и прекратить его полномочия обычным путем, который предполагает избирательные процедуры. У них нет такого однозначного лидера. Вот Джо Байден — старый испытанный демократ, бывший вице-президент администрации Обамы. Но насколько эффективно он сможет повести

за собой демократов и дать бой Трампу? Это серьезный вопрос.

Что касается республиканцев, то Трамп, захватив, по сути, руководство Республиканской партии и поведя за собой часть колеблющегося электората, вызвал разброд и в стане республиканцев. Ведь вся республиканская элита в 2016–2017 гг. выступила против него — его не поддержали Буши, все другие республиканские лидеры. И его задача состояла в том, чтобы за эти годы как-то стать своим. Что-то ему удалось сделать, кто-то в палатах пошел на сотрудничество с ним: республиканцы и руководители Республиканской партии в палатах шли на сотрудничество с ним. И результаты этого сотрудничества очевидны: это налоговая реформа Трампа — понижение налогов. Он считает это большим своим успехом.

Но многие республиканцы все равно настроены в отношении Трампа слишком настороженно. Уж слишком он импульсивен, у него чрезмерно хаотичное сознание, он чересчур упрощенно смотрит на способы разрешения старых американских проблем, многие из которых из-за этого и не решаются. Ему, наверное, удалось преодолеть неприятие американской элиты и повысить свой рейтинг среди республиканцев, но не настолько, чтобы говорить о том, что они его безоговорочно приняли. Но вместе с тем создалась ситуация, что в Республиканской партии нет такого человека, который бы бросил вызов Трампу. Поэтому получается так, что внутри Республиканской партии у него нет серьезных конкурентов. Это привело к тому, что

рейтинг Трампа периодически повышался, это отражают данные социологических служб, и это говорит о том, что Трамп понемногу становится своим для части американского электората.

Конечно, все может поменяться к концу 2020 г. Здесь мы должны понимать, что выборы в США не прямые, есть коллегия выборщиков. Ведь на прошлых президентских выборах Хиллари Клинтон получила большинство голосов избирателей, но благодаря коллегии выборщиков победил Дональд Трамп. Все зависит от колеблющихся штатов, от колеблющегося электората. Трамп в 2016 г. сделал очень умную вещь: он по несколько раз в неделю ездил в колеблющиеся штаты, потому что понимал — нужно, чтобы их жители проголосовали за него. Если бы этого не случилось, то он не был бы президентом. А Хиллари Клинтон считала, что это не так важно, т.к. большинство населения (и по опросам тоже) — было за нее. Поэтому эта победа Трампа и для демократов тоже была громом среди ясного неба. Извлекли ли демократы уроки из этого поражения? Посмотрим, как будут развиваться праймериз и как будут проходить эти выборы. Думаю, что они будут не менее интересными, чем выборы 2016 г. Но вместе с тем я не стал бы делать однозначного вывода, что итог предопределен и Трамп будет сидеть в Белом доме и дальше. Все факторы, которые я перечислил, должны проявить себя осенью 2020 г.

Н. Э., Н. Т. Вы упомянули о коллегии выборщиков, а как вы вообще относитесь к этому институту, к то-

му, что порой выбор отдельных выборщиков идет вразрез с выбором рядовых избирателей штата. Насколько данная система может быть применима в нашей стране? Какова лично ваша позиция в этом отношении?

В. Г. Конечно, это рудимент прошлого! Американцы держатся за такие рудименты, хотя они сами понимают, что в этом что-то не так. Но, поскольку это сложилось и уже существует десятилетия и восходит к XIX в., они не могут от этого отказаться.

Например, для жителя России не так важно, как проголосовала Тверская или Новосибирская область. А для американца важно, как проголосовала Калифорния или Нью-Гэмпшир, а это определяет именно коллегия выборщиков.

Потом, уже многие десятилетия в США штаты разделены на синие и красные. Есть штаты республиканские, где демократ — это редкий зверь; а есть штаты демократические, где республиканца не найти; и есть штаты колеблющиеся, где и те, и другие. Поэтому можно заранее сказать, что демократические штаты проголосуют за любого демократа — будь то Байден или не он. И заранее можно сказать, что республиканские штаты проголосуют за Трампа, потому что другого республиканца не будет. Но речь пойдет о десяти колеблющихся штатах, которые пойдут либо за тех, либо — за этих. Определить это, даже с очень большой долей вероятности, можно только накануне — перед ноябрем, за неделю-две до голосования. Поэтому все обращают внимание на колеблющие-

ся штаты. Нет смысла Трампу ездить в республиканский штат, потому что они и так за него проголосуют. А в колеблющиеся штаты нужно ехать. У нас ситуация другая. У нас таких колеблющихся регионов нет.

А еще нужно понимать, что хотя Россия и США — это федерации, но это разные федерации. Российская Федерация сформировалась из централизованного унитарного государства с сильной властной вертикалью. А американская федерация сформировалась из отдельно взятых государств — штатов, которые какой-то период времени даже называли себя Конфедерацией. Поэтому эти федерации очень разнятся по степени сплоченности своих субъектов. В США все-таки очень сильна власть штатов, которые всегда отстаивают свои права и не любят, когда правительство в Вашингтоне эту власть узурпирует. Поэтому для этих штатов очень важно, чтобы была коллегия выборщиков, которая отражает позицию штата в целом. Для России такой задачи нет.

Иногда говорят о том, что нужно как-то реформировать эту коллегию — даже предпринимались некоторые усилия к этому после 2000 г., когда сразу невозможно было определить, кто же в итоге победил. Но я не думаю, что даже в каком-то отдаленном будущем коллегия выборщиков будет ликвидирована. Она составная часть избирательного механизма и в таком виде и останется, и, в принципе, она функционирует. Хотя очень много звучит упреков в том, что это недемократично и надо соблюдать и реализовывать принцип: «один голос — один человек»,

что это идет вразрез со всем духом американской конституции и в самой конституции этого нет. Но это есть в реальной жизни.

Н.Э., Н.Т. Возможно, это чья-то выгода?

В.Г. Это выгодно штатам. В целом. Потому что каждому отдельному штату очень важно, чтобы он был представлен либо на стороне демократов, либо на стороне республиканцев. А это, по мнению американцев, возможно с помощью этого института — коллегии выборщиков. Из-за этого и возникают ситуации, когда большая часть населения голосует за одного, а коллегия выборщиков за другого. Есть еще такая специфика — у каждого штата есть своя квота выборщиков. И это число соответствует общей численности конгрессменов и сенаторов в Конгрессе США. И если, например, большая часть этих выборщиков голосует за республиканца, то все число переходит этому республиканцу. Не только те люди, которые голосуют «за», а вся квота. И это необходимо учитывать и Трампу, и демократическому кандидату, который будет с ним бороться. А насколько это удастся — посмотрим.

Н.Э., Н.Т. Кажется, бывали такие ситуации, когда выборщики голосовали по-другому, нежели штаты?

В.Г. Бывали, хотя предполагается, что выборщики должны следовать воле народа.

Н.Э., Н.Т. Народ выбирает выборщиков для представления своего штата?

В. Г. Это, как говорили в древнем Новгороде, — «лучшие люди штата», элита штата.

Н. Э., Н. Т. Если вернуться к делам научным, то многие говорят, что 90-е были провальным периодом для науки: из науки больше людей уходило, чем приходило. Поменялась ли ситуация сейчас? Она улучшается год от года? Или есть какая-то стагнация?

В. Г. Конечно, в 90-е гг. и академические институты, и университеты многое потеряли. Понятно, что это было время, когда был ограничен приток молодой свежей крови в науку из-за того, что люди туда не шли, потому что эта сфера просто-напросто не давала возможности прожить. Поэтому период 90-х гг. был периодом потерь и для российской науки.

Сама Академия наук считает, что хоть, конечно, она и поддерживала свою жизнь и функции, но все шло на выживание. Сейчас ситуация несколько иная, но она связана с процессами, связанными с реформированием Российской академии наук, с тем, что старая РАН перестала существовать. Старая — я имею в виду — советская. Ее нет. Институты были вырваны из РАН и переданы в такую интересную организацию — «ФАНО», которая через три года тоже была ликвидирована. И я думаю, что это тоже яркое доказательство непродуманности этих реформ. Когда через три года ликвидируется структура, которая создается для реформирования — это значит, что что-то не продумали из того, что надо было учесть. Сегодня создано Министерство науки и высшего образова-

ния — наверное, одно из самых крупных министерств у нас в стране, где соединены организации, которые никогда не были в одном министерстве: с одной стороны — высшие учебные заведения, которые реализуют образовательные профессиональные программы и занимаются наукой, а с другой стороны — академические институты. Очевидно, смысл этого объединения состоял в том, чтобы интегрировать науку и образование. Но как это сделать?

Я думаю, сам механизм этой организации был точно так же не продуман, как была не продумана реформа РАН. И много еще других мелких вещей. Самое главное, что из этого не принимает научная общественность — это чрезмерная бюрократизация. Ученые должны не только заниматься наукой, но еще не меньше времени уделять отчетности, научным показателям. Сейчас это все выливается в погони за индексами цитирования, в стремление вступить в рейтинговые агентства — Web of Science и Scopus, потому что ценятся только статьи тех журналов, которые туда включены. А включают туда журналы не по качеству статей, а по оформлению и внешним показателям. Поэтому все эти вещи с трудом приживаются, и приживаются только потому, что существуют правила игры, которые устанавливаются не учеными, а министерскими чиновниками. И они-то, собственно, и не принимаются безоговорочно.

Но при всех этих проблемах в целом реанимировался интерес к науке. Я четвертый год работаю директором и смотрю по нашему институту. Если раньше мы говорили о том, что

средний возраст наших научных сотрудников слишком высок, то сейчас в институт идет молодежь. И средний возраст все ниже. Это хорошо, и значит, что у института есть будущее и что новое поколение американистов готово продолжить дело, которое делали их предшественники.

Н. Э., Н. Т. То есть, в отличие от ситуации с санкциями, в области науки у нас есть поводы для оптимизма?

В. Г. Конечно! И мы все делаем для того, чтобы не замыкаться на каких-то негативных вещах, а продолжать делать то, что делали. В конце концов, методика научных исследований, ее основы были разработаны давно, они остаются и передаются из поколения в поколение. Мы держимся этого. И наш институт придерживается хорошей академической консервативной линии на то, чтобы выдерживать академизм, чтобы не впадать в пропаганду. А тема наших исследований такова, что она на грани современности, и тут очень легко заняться пропагандой. Тем более что есть люди, которые втягивают в это.

Но я сторонник того, что коль мы академический институт, а не какая-то пропагандистская организация или политическая партия, то мы должны комплексно изучать эти две страны и все, что связано с мировой политикой, с позиции объективного анализа. Не принимая в расчет ту политическую конъюнктуру, которая есть в стране сегодня. Завтра она может быть другой. И это не значит, что серьезный академический институт должен меняться под эту конъюнктуру.

В конце концов, серьезный, строгий, годами выверенный академизм — это и есть залог того, что место науки, место института в науке будет сохраняться на высоком уровне.

Н. Э., Н. Т. В разговоре вы много касались темы российско-американских отношений. А как обстоят дела с изучением Канады?

В. Г. Институт был создан в декабре 1967 г. как Институт США. Потом прибавили и Канаду, потому что стали больше смотреть на особенности разных мировых регионов. Например, в Латинской Америке хоть и много стран, но есть что-то, что их объединяет, чем-то они похожи. Североамериканский регион — это два государства — США и Канада, которые, конечно, не равноценны. Но географически — это один регион. Это страны, которые исторически, политически, экономически во многом связаны друг с другом. Да, там есть разница в этническом составе населения, есть разница экономической и военной мощи, Канада — это доминион Великобритании, и там вообще глава — английская королева. Но тем не менее исторически сложилось так, что Канада занимает особое место в отношениях с США. Это главный сосед. Мы сейчас больше слышим о Мексике — южном соседе США, на которую ругается Трамп. А Канада — это северный сосед. Интеграционные процессы там идут достаточно успешно. Да, Канада не такой мощный внешнеполитический игрок и поэтому несопоставима с США. Но это союзник США, страна, которую тоже следует учитывать, когда мы говорим о мощи

Североамериканского региона. Поэтому было целесообразно включение Канады в объект изучения института. Наш институт состоит из нескольких отделов, в которых работают сотрудники по своему профилю — кто-то по внешней политике, кто-то по внутренней. А по Канаде у нас один компактный небольшой отдел, но там сконцентрированы высококвалифицированные специалисты по этой стране — экономисты, политологи, историки.

Н.Э., Н.Т. Еще один вопрос, который касается отношений США и Мексики. Я говорю о конфликте, который разжигает Трамп, возводя американо-мексиканский барьер. Каково ваше отношение к этой ситуации?

В.Г. Трамп, придя к власти и еще до этого, ведя свою кампанию, активно боролся против нелегальной эмиграции. Особенность США состоит в том, что население страны и общество формируются не только путем естественной рождаемости, но и с помощью легальной иммиграции. Благодаря этому ежегодно население США увеличивается на 1 млн. Это по официальной статистике. И это очень большой прирост.

Но вместе с тем население США растет и за счет нелегальной миграции, нелегального въезда. Основной доступ к нелегальной миграции — американо-мексиканская граница на юге. Все знают, что она по сути «дырявая» и через нее можно проникнуть на территорию США: где-то нелегально пожить в разных местах, тебе помогут, через какое-то время после миграционной амнистии мож-

но стать легальным. Либо зарегистрироваться где-то, получить вид на жительство и ждать гражданства США. Таким образом, очень многие нелегальные мигранты становились легалами и гражданами США. Юг США — это прежде всего Техас и юг Калифорнии, это в основном выходцы из Мексики, которые не знают английского языка и говорят на испанском. Таким образом многие из них оказались американцами.

Трамп решил бороться с нелегальной миграцией. Да, это правильно и верно, но он стал делать это очень грубыми и непросчитанными методами — требуя у Конгресса денег на строительство этой высокой стены. Многие эксперты говорят о том, что это строительство ничего не даст, потому что дело не в стене, а в тех людях, которые стоят на пропускных пунктах, потому что многие из них связаны с этими нелегалами. Вокруг стены просто образовался «черный рынок» переправки людей на территорию США — подземные переходы, а там, где стена не очень велика, там даже автомобили научились перебрасывать через стену. Сформировалась целая жизнь вокруг стены. Но он не принимает это во внимание и резко выступает против нелегалов, говоря, что это преступники и наркоманы, и в них сосредоточен весь комплекс бед, существующих в США.

Кстати, в этих недавних массовых расстрелах многие винят Трампа. Ведь расстрелявший в «Волмарте» 20 человек был белым, а эти 20 человек были мексиканцы. Им руководила ненависть к мексиканским нелегалам, и многие говорили, что если

бы Трамп умерил свою риторику, то атмосфера была бы другой — более терпимой. Ведь особенность американского общества состоит в том, что это общество внутри не едино, оно пронизано линиями разделения, которые идут по этническим признакам — выходцы из Латинской Америки, особенно мексиканцы, черное население, китайцы и другие. И, казалось бы, американское общество должно было бы давно взорваться по этим линиям: черные должны выступить против белых; китайцы, недовольные или черными, или белыми, тоже выступают против них. Но живя сегментами, не смешиваясь друг с другом, эти этнические группы уже десятилетиями существуют в одном государстве. То есть эти различия и делают американцев американцами. И тема, связанная с миграцией, с эмиграцией — это крайне сложная, чувствительная тема, о которой надо высказываться очень осторожно. А Трамп в силу своей неопытности и заносчивости не принимает это во внимание.

Н.Э., Н.Т. Наверняка, вы много раз бывали в Америке? Расскажите о своем впечатлении от первой поездки в США.

В.Г. Конечно, пока я не поехал в США, я очень хотел туда попасть. Я стал изучать США сначала по документам и книгам, как и все историки. Ведь история не пишется без документов. Сначала изучаются документы, а потом хочется попасть туда живьем. Первый раз я поехал туда благодаря программе «Фулбрайт» — это мощная программа обменов учеными-исследователями, которая существует в США. Причем

она позволяет и американским ученым приезжать за рубеж, и зарубежным ученым приезжать в США. Эта программа очень хорошо финансируется.

Я очень хотел туда поехать, а перед этим я был несколько раз в разных европейских странах. Конечно, перед тем, как поехать в Америку, я много читал о ней и почему-то представлял себе, что она должна в чем-то походить на разные европейские страны. Но когда я туда прибыл, оказалось, что это совершенно другая планета, что в США все по-своему, начиная с этнического состава, да и масштабы совершенно другие. Мое пребывание в США (это было президентство Билла Клинтона) сначала было ограничено югом, штатом Теннесси — это самый глубокий юг. Когда я перебрался для работы с документами в Национальный архив США в Вашингтон, то он оказался совершенно другим городом. Мне этого оказалось мало, и я решил посмотреть все штаты.

Казалось бы, это невозможно, но в США существует государственная автобусная компания «Грей хаунд», которая имеет автобусы, осуществляющие поездки по всем штатам. Там была такая система для заядлых путешественников, которая существует, кажется, и сейчас: надо было купить билет за 300 долларов, но с ним можно было сесть в любой автобус этой компании и ехать в любом направлении, главное — через две недели вернуться в тот город, из которого ты выехал. И благодаря этому я практически безостановочно проехал по периметру все штаты и увидел десятки городов и сотни

американских деревень, чего бы я никогда не сделал ни с помощью автомобиля, ни с помощью поезда, ни тем более — с помощью самолета. И тогда я увидел эту Америку — и Средний Запад, и Запад США, и Новую Англию, и население, и каменные пустыни, которые можно видеть по картинкам, каньоны. Это действительно огромная территория с очень разным населением, и очень интересная страна. Она совершенно непохожа на европейские страны, у которых своя история. Она очень непохожа на Россию, разве что размахом территории. Она живет по-другому. Там очень разные люди, они по-разному думают. Но я думаю, что, не растворившись в этих людях, не увидев эту разницу в часовых поясах, в штатах и климатических зонах, невозможно понять эту страну. Я, конечно, лучше узнал Америку, но это знание мне позволило по-другому смотреть и на Россию. *Собственную страну можно узнать лучше, когда изучаешь другие страны.*

Надо сказать, что США способны поменять кое-что в своем собственном видении и поведении. Я был воспитан советской эпохой, и определенное мышление у меня тогда уже сформировалось, и Америка на меня, конечно, повлияла. То, что там в приоритете свободное развитие личности, развитие индивидуальных способностей, акцент делается на то, что личность сама должна достигать своих собственных результатов. И это я очень почувствовал.

Н. Э., Н. Т. У вас в кабинете висят фотографии, почти на всех присутствует один и тот же человек. Расскажите, пожалуйста, о нем.

В. Г. Это здание, в котором родился Институт США и Канады, досталось институту в состоянии, которое требовало ремонта. И первый директор института — Георгий Аркадьевич Арбатов уже начинал работать здесь, и вместе с тем в здании уже шел ремонт. И это помещение — кабинет Георгия Аркадьевича, на портретах тоже он. Он был директором около 30 лет. Этот кабинет был и остается кабинетом директора института. Этот кабинет видел очень многих людей, современников. Здесь был и сенатор Кеннеди, и Ричард Никсон, когда он приезжал в СССР и встречался с Брежневым. Этот кабинет пронизан историей XX в. и, можно сказать, — историей холодной войны, советско-американских отношений. Здесь проходило много разных встреч, и до сих пор все, кто приходит в наш институт — американские ученые и политические деятели, конечно, бывают здесь. У нас есть еще конференц-зал, в котором они выступают. Так что мы не хотим терять это здание — хотя были сложные периоды в его истории — именно потому, что это колыбель института.

Н. Э., Н. Т. Еще один вопрос по поводу научных связей. Вы упомянули, что институт посещали именитые политические деятели США и Канады, может быть, вы сотрудничаете с какими-то научными институтами этих стран?

В. Г. Мы сотрудничаем со всеми институтами, которые занимаются изучением мировой политики, проблемами международной безопасности. Все их даже сложно перечислить. И они не только в США и Канаде находятся, но и во многих европей-

ских странах. Есть такая организация — Global Think Tanks — мировые «мозговые тресты», или «мозговые танки». Эквивалентом нашего института являются так называемые «мозговые тресты» в различных странах и в США, которые занимаются политической экспертизой и политическим консультированием. Эта отрасль очень сильно развита в США. В СССР она стала развиваться примерно после Карибского кризиса.

У нас ведь в рамках РАН существует не только Институт США и Канады, но еще Институт Латинской Америки, Институт Европы, Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока, которые занимаются комплексным изучением конкретного региона мира. И это очень важно и очень нужно, потому что у каждого региона есть своя специфика. Мы с ними сотрудничаем, а все эти институты сотрудничают со своими партнерами за рубежом, потому что это тоже необходимо — это одна из основных частей нашей работы. Мы посещаем США и другие страны. Я за последнее время все чаще, как я заметил, езжу в Китай. Потому что Китай, который становится глобальным лидером и который часто называют современной мастерской мира, выходит на мировую арену. И наши китайские товарищи интересуются политикой США, интересуются тем, как США приходит к решению той или иной проблемы. Сегодня все очень сплетено. Важно встречаться, сопоставлять взгляды для того, чтобы разрабатывать концепции и идеи, которые будут полезны людям, принимающим решения. Потому что очень важно, чтобы политики и государственные мужи принимали

свои решения на основании знаний. Не всегда так получается, но к этому надо стремиться.

Н. Э., Н. Т. В завершение интервью хотелось бы спросить о ваших творческих планах.

В. Г. Творческие планы перемешаны с нетворческими, потому что директор института, конечно, думает не только о науке, но и о том, как поддержать здание, в котором располагается институт, как найти средства на реставрацию — а это все-таки особняк XVIII в., городская усадьба. И на реставрацию требуются достаточно большие деньги. Ведь если не будет стен, у людей не будет возможности прийти в эти стены. Это одна из важных задач на сегодня.

А что касается творческих планов, то задача института всегда состояла в том, чтобы идти, что называется, по пятам недавней истории. Если говорить о США, то это значит идти вслед за политикой каждой действующей администрации; пытаться анализировать текущую политику президента США, понять, почему он делает так, а не иначе; пытаться сопоставить с прошлым. У этого есть своя специфика. Обычно высокие профессионалы-историки не любят анализировать то, что случилось вчера или позавчера, считая, что событиям нужно отстояться. А у нас особенность состоит в том, что мы не можем ждать. Хотя, конечно, не надо торопиться, а нужно пытаться анализировать даже то, что произошло вчера и позавчера. Но анализировать таким образом, чтобы это не был быстроекующий поверхностный анализ. Это довольно сложно.

Но многие наши сотрудники научились этому за прошедшее время. Ведь основная миссия Института США и Канады всегда состояла в том, чтобы не рыть ров конфронтации, а, наоборот, находить пути кооперации двух стран. К сожалению, это не всегда приводило к успеху. Я должен сказать, что на сегодняшний момент, понимая, в какой ситуации находятся российско-американские отношения, нашему институту, как, впрочем, и многим другим экспертам, так и не удалось предложить и создать такую модель этих отношений, при которой каждое из этих государств осуществляло бы политику реализации своих национальных интересов, но вместе с тем так, чтобы не конфликтовать друг с другом. И США, и Россия — это державы, у которых сформированы свои собственные геополитические программы глобального масштаба. А поскольку так, то эти программы глобального масштаба неизбежно наталкиваются

друг на друга. И вот найти какой-то компромисс сосуществования этих двух держав и есть наша задача. Но, как оказывается, эта задача решается не так-то просто. Я думаю, что и мы, и будущие поколения американистов будут думать над вопросом: оставаться ли нам в положении жесткой конфронтации друг с другом либо изыскивать какие-то другие варианты, которые бы ослабили эту конфронтацию, потому что она очень опасна. США и Россия — это две ядерные супердержавы. И подобная конфронтационная модель не годится для них, нужно искать что-то другое. Потому что такая жесткая конфронтация двух супердержав во всех областях опасна именно тем, что, в отсутствие правил игры (а мы сейчас наблюдаем это), она может просто выйти из-под контроля, и события будут уже развиваться сами собой.

Н. Э., Н. Т. Спасибо вам большое за интересный разговор!

“YOU CAN GET TO KNOW YOUR OWN COUNTRY BETTER WHEN YOU STUDY OTHER COUNTRIES”.

Interview with V. N. Garbuzov

Garbuzov Valery N. — Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of the USA and Canada of the RAS (Moscow)

Key words: American studies in Russia, American conservatism, internal political struggle in the United States, the electoral system in the United States, Russian-American relations.

Abstract. The Russian expert in the American Studies, director of the Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences talks about his researches, expresses his opinion on the key problems of the modern development of the United States, US domestic and foreign policy, and Russian-American relations.

«НАДО СТРЕМИТЬСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ СПОРЫ ОСНОВЫВАЛИСЬ НА ФАКТАХ, А НЕ НА ВЫМЫСЛЕ ИЛИ НА КАКИХ-ТО ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ, КОТОРЫХ В ИСТОЧНИКАХ НЕТ».

Интервью с А. А. Горским

(Декабрь 2017)

Ключевые слова: школа историков Московского университета, Дмитрий Донской, Иван III, Иван Грозный, Золотая Орда, Московская Русь, учебные пособия по истории.

Аннотация. Известный историк, специалист по средневековой Руси рассказывает об учителях, о своем участии в научных проектах, делится творческими планами, дает свои оценки ключевым событиям и персоналиям в истории средневековой Руси.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-71-83

А.А. Горский является автором работ: Древнерусская дружина. М., 1989; «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992; Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996; СПб., 2016; Москва и Орда. М., 2000; «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность

русского средневековья. М., 2001; Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004; От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010; Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016; Русское Средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Беседовал К. Ю. Морев.

К. М. Вы выросли в семье историков. Стоял ли для вас вопрос, чем заниматься, или то, что вы тоже бу-

дете заниматься историей, было как бы предопределено?

А.Г. Можно сказать, что это было предопределено. Я с детства был окружен книгами по истории. Мои интересы клонились в разные стороны — привлекало и западное Средневековье, и российский XIX в. Но в конце концов я стал склоняться к русскому Средневековью. Передо мной не стояло особого выбора, куда поступать — я знал, что на исторический факультет МГУ. А окончательно мои интересы определились, наверно, в университете. Где-то на первом курсе я нацелился на то, чтобы заниматься средневековым периодом отечественной истории.

К.М. А ваши родители какими периодами занимались?

А.Г. Отец тоже занимался Средневековьем, но больше XIV–XV вв., а мама — XVI–XVII вв. Отец преподавал в МГУ.

К.М. Вы учились на истфаке во второй половине 1970-х гг. Расскажите немного об истфаке того времени, о том, как проходила учеба.

А.Г. Да, я учился с 1976 по 1981 г. Всякое, конечно, бывало. Тогдашняя ситуация, с господством единой идеологии, не могла не влиять на учебу. Но, скажем так, если кто-то хотел чему-то научиться — такая возможность была, тем более по относительно отдаленным эпохам — будь то русское или зарубежное Средневековье. Что касается специализации, то я учился на кафедре источниковедения, которую возглавлял Иван Дмитриевич Ковальченко. Моим научным руководителем был Леонид Васильевич Милов. Я склонялся к тому, чтобы заняться чем-то очень древним, это

меня больше интересовало. Но Леонид Васильевич направил меня в иное русло, и тема моего диплома, а потом и кандидатской диссертации была связана с XVIII в., с исследованием такого источника, как Экономические примечания к Генеральному межеванию. Сейчас, спустя время, я понимаю его [Милова] правоту, потому что эта работа с архивными материалами во многом повлияла на мои последующие занятия, когда я уже действительно занимался Средневековьем. Правда, я параллельно с разработкой диссертационной темы не оставлял интереса и к эпохе Средневековья. После защиты кандидатской я полностью уже перешел на средневековую тематику, но тот опыт, который был получен при работе с таким массовым историческим источником, оказал сильное влияние на последующие мои исследования.

К.М. Не так давно на Миловских чтениях в МГУ дочь Леонида Васильевича говорила о том, что хочет подготовить книгу воспоминаний разных людей о нем, что многие грозятся прислать материалы, но мало кто пока это сделал. А что вы могли бы рассказать о Леониде Васильевиче Милове? Известно, что это был человек весьма интересный, нестандартный...

А.Г. Да, это был очень яркий человек и выдающийся ученый. Он занимался самыми разнообразными темами. В начале своей научной деятельности он вместе с Михаилом Николаевичем Тихомировым издавал «Закон судным людям», такой памятник еще кирилло-мефодиевского круга (если брать Краткую редакцию). Занимался он XVIII–XIX вв., наиболее известная

его книга — «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». Много он занимался более ранней эпохой, писцовыми книгами XVI–XVII вв. и эпохой классического Средневековья, вплоть до раннего. В силу того, что большую часть времени он преподавал на истфаке (сначала на кафедре источниковедения, а потом возглавляя кафедру истории России до XIX в.), им было воспитано большое количество учеников, занимающихся самыми разными сферами — от раннего Средневековья до XIX в. В 2002 г. именно благодаря ему я начал работать на истфаке, сначала на полставки, а потом — с 2005 г. — на полной ставке. Так что, как и многие другие, я многим обязан Леониду Васильевичу.

У него были хорошие организаторские способности. В 1990-е гг. ему удалось поддержать работу коллектива кафедры истории России до начала XIX в. В то время, например, еще до меня, пришел работать на истфак Борис Николаевич Флоря. Так что, благодаря усилиям Леонида Васильевича, традиции не прерывались.

К. М. Вы говорите, что только в 2002 г. пришли на исторический факультет. А где вы работали до этого, чем занимались?

А. Г. Я с 1985 г. работал в Институте истории СССР, потом он стал называться Институтом российской истории. Работал я там до 2005 г. А с 2010 г. я снова туда вернулся, сейчас совмещаю работу в МГУ и ИРИ.

К. М. Какая была обстановка, атмосфера в Институте истории в 1980–1990-е гг.?

А. Г. В 1980-е это было очень сильное научное учреждение с долгими традициями. Был многочисленный коллектив, более 400 сотрудников. В 1990–2000-е ситуация поменялась. Коллектив этот уменьшился в несколько раз. К тому же в это время из Института ушли почти все специалисты по эпохе Средневековья. Правда, в последнее время некоторые вернулись — например, Александр Васильевич Назаренко, и я сам туда вернулся. Мне кажется, ныне Институт вновь становится одним из главных центров по изучению русского Средневековья.

К. М. Рудольф Пихоя высказывал мнение, что в советское время было неформальное разделение на историков партии и «всех остальных» историков. Насколько вы это чувствовали в то время?

А. Г. Ну, как сказать... Действительно, была такая специальность, как история КПСС. Причем, если брать шифры специальностей, то история СССР числилась под шифром 07.00.02, всеобщая история — 07.00.03, историография — 07.00.09. А история КПСС шла под шифром 07.00.01, как бы как главная специальность. Я считаю, что огромный вред не только образованию, но и вообще историческому сознанию в стране нанесло то, что вплоть до 1990-х гг. студентам-неисторикам, за небольшим исключением, в качестве истории преподавалась именно история КПСС. Не тысячелетняя отечественная история, не всеобщая история, а именно история КПСС — т.е. только последние сто лет, причем под одним углом. Это нанесло колоссальный вред, причем с тех пор ситуация не выправлена.

К.М. Получается, если человек шел на эту специальность, это был гарантированный хлеб, т.к. потребность в таких специалистах была огромная.

А.Г. Да, потому что можно было везде преподавать историю КПСС. Другое дело, что выпускники других кафедр потом тоже шли преподавать историю КПСС. Не было такого, что только тех, кто эту кафедру окончил, брали преподавать историю партии. Шли ее преподавать и те, кто специализировался на других темах, отходя от своей специализации, что, думаю, тоже не было благом.

К.М. Но отношения между этими категориями историков были равными?

А.Г. Ну, среди тех, кто специализировался по истории КПСС, было тоже немало профессиональных, серьезных исследователей. Поэтому какого-то явного разделения не было. Я его, во всяком случае, не припомню.

К.М. Есть мнение, что в советское время, в связи с идеологической ситуацией, историки часто «зарывались» в источниковедение. Насколько вам кажется, что это действительно был такой выход, чтобы избежать влияния идеологии, или нет?

А.Г. Трудно отвечать за всех. Но, на мой взгляд, действительно, для историка самое интересное — это непосредственная работа с источниками. Другое дело, что я преимущественно отталкиваюсь от конкретно-исторических проблем, и не всегда

это требует специальных источниковедческих изысканий, но когда требует — это, я бы сказал, особенно «вкусное» дело.

К.М. Как вы считаете, преподавание помогает или мешает занятию наукой?

А.Г. Разумеется, помогает. В ходе работы со студентами нередко возникает понимание, какие темы, проблемы требуют изучения или более пристального внимания. Несколько моих исследовательских работ появились после того, как тот или иной вопрос я разбирал на занятиях в университете.

К.М. Хотел бы поговорить о ваших книгах и о тематике ваших работ. У вас есть книга «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья». Как вы стали заниматься темой средневековой русской ментальности и к каким выводам пришли?

А.Г. Трудно припомнить, как именно это случилось. Думаю, что это было в конце 1980-х, тогда эти проблемы стали меня интересовать. В этой книге не то чтобы обобщение средневековой ментальности. Там рассматривается несколько достаточно известных фигур Средневековья — князь Игорь Святославич (герой «Слова о полку Игореве»), Александр Невский, Юрий Данилович — первый московский князь, ставший великим князем владимирским и всея Руси, и Дмитрий Иванович Донской. В связи с биографией каждого рассматривается одна из проблем ментальности и самосознания русского

Средневековья. В связи с Игорем Святославичем — вопрос о восприятии исторических событий, современных и отдаленных, таких, как поход Игоря на половцев 1185 г. В связи с Александром Невским — вопрос о том, что понималось под защитой отечества в разные эпохи, потому что представления здесь существенно менялись. Если говорить о Юрии Даниловиче — то это вопрос об отношении к убийству как средству политической борьбы (в связи с гибелью соперника, Михаила Тверского), как на Руси менялось отношение к этому. А в отношении Дмитрия Донского — вопрос представлений о царском достоинстве, царском титуле.

К. М. А почему именно к Дмитрию Донскому этот вопрос относится?

А. Г. В слове о «Житии великого князя Дмитрия Ивановича» он назван «царем русским», при том, что в его эпоху «царем» назывался хан Золотой Орды. Само по себе отношение к этому титулу претерпело эволюцию: в домонгольский период царями называли византийских императоров, а русские князья на этот титул не претендовали; потом был период, когда ордынский хан именовался «царем», т.е. носил более высокий титул, чем любой из русских князей. А уже в XV в. начинает формироваться представление, что царским достоинством обладают московские великие князья в качестве византийского наследия.

К. М. Еще задолго до венчания Ивана Грозного?

А. Г. Да, это начинается в XV в. Но Дмитрий Донской при жизни ца-

рем не назывался, только посмертно. О Василии II есть такие известия. Тем более об Иване III — он даже в официальных документах иногда так именуется. То есть было долгое «освоение» этого понятия прежде, чем произошло официальное венчание Ивана IV на царство русское.

К. М. А Иван III носил титул «государь»?

А. Г. Официальный титул с 1480-х гг. — «Государь и великий князь всея Руси». Но иногда он, в том числе в дипломатических документах, именовался царем.

К. М. В какой момент хан Золотой Орды перестал именоваться царем?

А. Г. Хан Орды никогда не переставал так именоваться, вплоть до падения Орды в 1502 г. Более того, правители ханств, которые образовались в результате распада Золотой Орды, т.е. Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского — те, кто носил титул «хан», продолжали именоваться царями.

К. М. Но уже не по отношению к Москве?

А. Г. Да, конечно, просто носителями титула сами по себе, а не верховными правителями над Русью.

К. М. Вообще, известно, что история взаимоотношений с Золотой Ордой сильно мифологизирована. С какими основными мифами мы сталкиваемся при изучении отношений между Москвой и Ордой, и как источники позволяют их опровергнуть?

А.Г. Их можно назвать несколько. Во-первых, это представление о том, что с самого момента установления зависимости шел единый процесс борьбы за освобождение, который на первом этапе выражался в городских восстаниях. Но на самом деле восстания эти имели разные причины и были связаны не с отрицанием вообще власти правителя Орды, а с какими-то злоупотреблениями и притеснениями со стороны представителей этой власти. Долгое время существовало представление о том, что ордынский хан, т.е. «царь», является правителем легитимным. Безусловно, он незаконный царь, нехристианский, но тем не менее это царь, поэтому подчинение ему является в какой-то мере законным. Этому способствовало то, что за ним закрепился титул «царь», более высокий, чем у русских князей. Кроме того, когда устанавливалась зависимость, во время Батыева, то никто не знал, что она будет выражена в опосредованной форме, т.е. при сохранении местных правителей. На всех ранее завоеванных Монгольской империей землях устанавливалась непосредственная власть монгольской администрации. Одновременно с Русью и позже — да, вводилось такое опосредованное управление, на окраинах монгольской экспансии — Ближний Восток, Малая Азия, Закавказье, Дунайская Болгария, если брать Дальний Восток — Корея. Но в 1240-е гг., когда зависимость устанавливалась, на Руси не могли знать, в какой форме она будет. И долгое время существовало опасение, что Орда может перейти к непосредственному управлению русскими городами и русскими землями. И зависимость, при которой

можно было ограничиться выплатой повинностей, получением князьями ярлыков, воспринималась как меньшее зло.

Еще распространено представление, что в начале XIV в. тверские князья вели борьбу за освобождение от ига, а московские были послушными исполнителями воли хана. На самом деле и те, и другие признавали верховную власть ордынского «царя», но могли конкретной ханской воле выказать неповиновение, если она была в пользу их противника (московский и тверской князь боролись за великое княжение). И чаще всего делал это Юрий Данилович Московский, но получилось, что наиболее запомнившиеся эпизоды неповиновения оказались связаны с тверскими князьями: казнь Михаила Тверского в Орде и восстание 1327 г., которое поддержал Александр Михайлович Тверской.

Также можно вспомнить о событиях, связанных с Дмитрием Донским, которые часто трактуются так, что «Дмитрий Донской в ходе Куликовской битвы сверг ордынскую власть, а через два года Тохтамыш ее восстановил» — получается, почти на сотню лет, на несколько поколений. В действительности борьба с Мамаем понималась как борьба с незаконным правителем Орды. Он не был ханом, но фактически правил. А Тохтамыш был законным правителем. Война с ним окончилась, с военной точки зрения, поражением. Но не с точки зрения дипломатической — в 1383 г. было заключено соглашение, по которому Тохтамыш оставлял великое княжение за Дмитрием Ивановичем, более того, как следует из дальней-

ших событий, он признал, что оно является наследственным достоянием московских князей, чего Мамай не признавал. В конце концов, цель Дмитрия Донского была не в свержении ига (если бы это было так, его пришлось бы признать неудачливым политиком), а в том, чтобы великое княжение владимирское, оно же — формально — вся Русь, переходило по наследству в роду московских князей. Ни дед его (Иван Калита), ни отец такого права не имели. А он в конце концов добился того, что это признали и Литва, и Тверь, и, наконец, Орда.

К. М. Но вы пишете, что «есть основания полагать», что он добился признания за московской ветвью наследственного великого княжения. То есть это просто предположение, или это где-то закреплено?

А. Г. Это написано в его завещании, что он передает свою «отчину, великое княжение», сыну Василию. В завещаниях его отца, его дяди (Семена Ивановича) и его деда такого пункта нет. Они распоряжались только московским княжеством, а вопрос о том, кто будет великим князем владимирским, решал ордынский хан. Он и позже выдавал ярлыки — и Василию I, и Василию II, и даже Ивану III — но здесь уже не было выбора, только кто-то из рода московских князей мог получить ярлык. Мы судим о том, что такая договоренность была, по духовной грамоте 1389 г.

К. М. Интересно. А если вернуться немного назад, в начало XIV в. — тогда шла борьба между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Московским за ярлык на великое

княжение. Михаил Ярославич был утвержден в Орде, но внезапно Юрий, приехав туда, получил ярлык. Как вы оцениваете этих исторических деятелей, и почему все-таки Юрий Московский, который явно был нелегитимен, сумел отвоевать в Орде ярлык на великое княжение?

А. Г. Юрий стремился к этому долгое время. В 1304–1305 гг. они впервые оба оказались в Орде и спорили о великом княжении. Предпочтение тогда было отдано ханом Михаилу Ярославичу. Но Юрий продолжил борьбу — уже не за само великое княжение, а за некие части великокняжеских прерогатив — занял выморочный стол в Нижнем Новгороде в 1310 г. (хотя Михаил поехал за ярлыком в Нижний Новгород как раз в это время), не раз пытался закрепиться в Великом Новгороде. В конце концов, в 1315 г. Юрий был вызван в Орду. Михаил как раз находился там. Новый хан, Узбек, вновь принимает решение по поводу ярлыка в пользу Михаила, тот отправился на Русь вместе с ханским послом и большим отрядом. Под Торжком он разбил новгородцев, которых возглавлял родной брат Юрия, Афанасий. Юрия хан задержал в Орде, два года он там пробыл. В 1317 г. он получает ярлык на великое княжение и сестру хана в жены. Но причины этого из источников неясны. То есть все, что предполагалось историками — догадки. Были мнения, что Михаил чрезмерно усилился, или что новгородцы как-то повлияли на это. Но все эти трактовки могут быть подвергнуты сомнению. Михаил в 1316 г. действительно усилился, вроде подчинил Новгород, но затем новгородцы

вышли из повиновения, был неудачный поход Михаила на Новгород, и в 1317 г. какого-то чрезмерного усиления вроде бы и не было. То есть причины этого остаются загадкой.

К. М. Но Юрий Данилович в любом случае не имел прав на великое княжение?

А. Г. Да, причем даже по двум признакам. Согласно нормам наследования, для этого нужно было быть «старейшим» среди потомков Ярослава Всеволодича, отца Александра Невского, за которыми был закреплен великокняжеский престол. Михаил Ярославич был Юрию двоюродным дядей, т. е. старше на поколение. После его гибели в 1318 г. Юрий стал старейшим, но только тогда. А второе — кроме старейшинства нужно было иметь «отчинное право» — т. е. нужно было, чтобы отец князя побывал на искомом столе. А отец Юрия Даниловича был первым в очереди на великое княжение за своим братом Андреем Александровичем, но ушел из жизни на год раньше своего брата и на великом княжении не побывал. Так что Юрий здесь действовал вопреки традиции. И, кстати, что интересно, благодаря тому, что он достиг в конце концов успеха, эта традиция перестала действовать. Почти все последующие великие князья хотя бы по одному из этих принципов — старейшинство или отчина — не имели прав на великое княжение.

К. М. Как раз недавно² вы делали на Миловских чтениях доклад об этом «первом шаге» Москвы в верховенстве среди русских зе-

мель, когда Юрий все-таки получил ярлык на великое княжение. Шаг этот произошел ровно 700 лет назад. Вы сами оговорились, что об этом своеобразном юбилее никто ничего не упоминал. С чем, на ваш взгляд, это связано? Это результат просто поверхностного знания истории?

А. Г. Да, в какой-то мере... Эти события всегда были в тени трагических событий следующего года, 1318-го, описанных в житии Михаила Тверского. Но, с другой стороны, это не единственный пример, когда какие-то юбилеи, важные с точки зрения развития исторического процесса, оказываются забыты. Например, в 1997 г. широко отмечалось 850-летие Москвы. Дата условная, это ведь дата первого упоминания Москвы, еще не как столицы, а как небольшого поселения. Но в том же году было 450 лет венчания на царство московского правителя. То есть юбилей возникновения русского царства, того, что в последующем станет империей. Это более значимое событие для отечественной истории, но оно прошло незамеченным.

К. М. Может, это было связано с тем, что в 1990-е гг. деятельность Ивана Грозного более негативно трактовалась на политическом уровне?

А. Г. Но дело же не в его фигуре, а в самом принципе! Путь к царскому титулу был для московских правителей очень долгим. С другой стороны, после Ивана Грозного более 300 лет царь был титулом правителя России — до Петра I главным, потом —

² Интервью было взято в конце 2017 г.

неофициальным... Дело тут не в фигуре Ивана Грозного, к которой можно относиться преимущественно негативно, но в самом факте венчания на царство, который был знакомым для отечественной истории, для истории русского государства.

К. М. Сегодня постоянно идут споры, связанные с исторической памятью, в том числе и о личности и времени Ивана Грозного. Возможен ли консенсус по событиям далекого прошлого, и насколько он вообще нужен? Может быть, наоборот, такие споры — часть жизни, и это вполне нормально?

А. Г. В принципе, это нормально, если они не выплескиваются уж слишком, не опрокидываются чрезмерно в настоящее. Это обычная ситуация, когда сталкиваются разные точки зрения. Другое дело, надо стремиться к тому, чтобы они основывались на фактах, а не на вымысле или на каких-то интерпретациях, которых в источниках нет, как это иногда бывает.

К. М. Но ваш взгляд на Ивана Грозного, как я понимаю, достаточно однозначный. Не так давно вы письмо подписали по поводу установления памятника в Московской области...

А. Г. Я этой эпохой занимаюсь мало. Если говорить об Иване Грозном, то это, конечно, очень противоречивая фигура. Человек необычайно одаренный — и как политик, и творчески — он писал музыку, писал литературные произведения. Достижения, которые в первый период его правления имели место, значительны — это увеличение территории государства, присоединение Поволжья. Но масса негативного

была во второй половине его правления — и опричный террор, и военные неудачи, так что в конце его правления страна пребывала в кризисе, который до конца не был преодолен до начала XVII в. и затем вылился во второй кризис в Смутное время.

К. М. Историк С. Б. Веселовский писал, что Иван Грозный до 1560 г., в сущности, не правил, что он был под властью бояр и сам это признавал впоследствии. На ваш взгляд, это обоснованное мнение?

А. Г. Не берусь судить. Допускаю, что в послании Курбскому он несколько преувеличил влияние своих советников, которых спустя время он стал оценивать негативно.

К. М. У меня есть ощущение, что период Московского государства оказывается в тени, тогда как более раннее время, например, Киевская Русь, так или иначе находит отражение в фильмах, в массовом сознании, в тех же памятниках. Насколько это объективно, или это некая случайность?

А. Г. Я бы не сказал, что есть особое внимание к домонгольскому периоду. Если говорить вообще об отражении русского Средневековья в литературе и искусстве, то похвастать-то особо нечем. У англичан есть Вальтер Скотт. А где у нас Вальтер Скотт по своему Средневековью? Есть два гениальных фильма по средневековым сюжетам — «Александр Невский» и «Андрей Рублев». Очень разные, но выдающиеся. А больше ничего. Есть масса сюжетов, текстов, которые просятся на экран, но их никто не замечает. В том числе

летописных описаний. Но пока прорыва здесь не происходит.

К. М. Каково ваше мнение насчет некой героизации Владимира Святого, происходящей в последнее время (памятник, фильм «Викинг»)? В каком контексте ее стоит рассматривать, и с чем она, на ваш взгляд, связана?

А. Г. Владимир всегда был на слуху. При нем заканчивается формирование государства Русь в его границах, которые долгое время сохранялись, т.е. происходит объединение всех восточнославянских территорий под единой властью, плюс принятие христианства. Он всегда был знаковой фигурой, не только в наше время. Что касается памятника, то близ Кремля сейчас поставлен памятник не только Владимиру. Еще и Александру I, патриарху Гермогену. Ничего страшного в этом нет.

К. М. А эта мифологизация, которой так много, на ваш взгляд, опасна, или это, скорее, неизбежность?

А. Г. В какой-то мере неизбежность. Она присутствует в истории любой страны. Но задача профессиональных историков в том, чтобы это не приобретало каких-то значительных масштабов. Противостоять этому необходимо. Каким образом? Описывая то, что действительно отражено в источниках, не только в специальных работах, но также и в научно-популярной литературе.

К. М. То есть нужна своего рода популяризация этих сведений.

А. Г. Конечно.

К. М. В обществе есть интерес к истории, в том числе средневековой, пусть и в виде неких стилизаций — ролевых игр, старинной музыки. Но почему, как вам кажется, нет какой-то популяризации, если так можно сказать, русского Средневековья? Я имею в виду образовательные центры, лектории, такие как «Пунктум», «Архэ». Там много лекций по искусству, по философии. Есть и по истории, но очень редко по русской, тем более средневековой.

А. Г. Я плохо знаю эту сферу. Но я, например, несколько раз выступал в лектории при Государственном историческом музее как раз со средневековыми темами. И другие исследователи, медиевисты, специалисты по русской средневековой истории там выступали. Так что у меня такого впечатления просто нет.

К. М. Вы говорили, что принимали участие в разработке единого учебника истории...

А. Г. ...Не учебника, а историко-культурного стандарта, который должен был быть положен затем в основу учебника.

К. М. Но этот процесс еще идет?

А. Г. Учебник вышел, я, правда, не знаю, один это учебник или несколько. Я знаю один, П. Лукина и Е. Пчелова, недавно держал его в руках. Лукин тоже участвовал в разработке этого стандарта, и это вылилось в тексты учебника.

К. М. Единый учебник — благо, или единая интерпретация невозможна?

А. Г. Теоретически, конечно, надо, чтобы были разные мнения, разные учебники, но, думаю, в данном случае есть положительная сторона. Некоторые общепризнанные в науке положения были отражены в этом стандарте, и, соответственно, написание учебника на их основе небесполезно. Положительные стороны перевешивают.

К. М. Еще один вопрос насчет памяти. Мы затрагивали вопрос памяти сегодняшней, того, как воспринимаются события далекого прошлого сегодня. А каков был образ древней Руси в XVI, XVII, XVIII вв.? Как трактовался домонгольский период, были ли какие-то особенности?

А. Г. Это большая тема, даже несколько тем. Одно дело — XVI в., и совсем другое — XVIII в. В XVIII в. уже начинает формироваться историческая наука, происходят записи каких-то фольклорных произведений, былин. Одно дело — образ средневековой России в XVIII в., другое — в XVI–XVII вв. Это мало изучено. Вот одна моя ученица сейчас занимается темой «Русское средневековье в XVIII веке», причем в разных сферах — в искусстве, науке и т. д. Но в целом это темы, которые еще ждут своих исследований. Источников, где средневековый период освещался, немало. Например, «Синописис» — обобщающий труд по истории конца XVII в. — включил много сведений из более ранних источников, как достоверных, так и мифологизированных. В XVI в. еще продолжается летописание, в том числе и общерусское, это значит, что излагаются не только современные события, но и более ранние.

В XVII в. летописание сохраняется, но уже местное, древность там отображена меньше. «Синописис» — это переходный тип от летописания к историописанию Нового времени. А в XVIII в. уже делаются попытки научного изучения.

К. М. Ощущение причастности к стране, а не к городу или к религии, появляется достаточно поздно?

А. Г. Представление об общности Русь как стране и народе прослеживается с раннего Средневековья. Несмотря на распад на отдельные земли и даже несмотря на события, последовавшие после нашествия Батыя, эта идентификация сохранялась на разных уровнях. Русь — это обобщающее название для восточных славян, в том числе и тех, которые оказались в Великом княжестве Литовском или в Польше. Представление о некоем единстве Руси под властью главного князя — князя всея Руси — никогда не исчезало. В XIV в. князь владимирский номинально был князем всея Руси. Другое дело, что правители Великого княжества Литовского не признавали верховенство московских великих князей над восточнославянскими территориями, которые были в составе литовского государства. Наоборот, московские правители всегда имели в виду свое общерусское главенство. Идея общности не прерывалась.

К. М. Вы, как я узнал, ведете или вели спецкурс «Русская средневековая литература поэтического жанра». О чем он? Сейчас он еще идет?

А. Г. Нет, это было уже достаточно давно. Речь там шла о тех

произведениях, которые можно условно отнести к поэтическому жанру: «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли» и «Задонщина». Я занимался проблемами источниковедения этих памятников, в том числе соотношением «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» — это ключевой вопрос, связанный с дискуссией о подлинности «Слова о полку Игореве». На основе этих работ появился такой спецкурс. Есть еще некоторые летописные фрагменты, которые восходят к песням о деяниях князей, но законченных произведений три. У меня есть книга «Слово о Полку Игореве и Задонщина», это было сопоставление текстов, с применением, в частности, количественных методов. Оно привело меня к выводу, что зависимость между этими памятниками могла быть только одна: «Слово о полку Игореве» повлияло на «Задонщину», а не наоборот, как некоторые исследователи предполагали.

К. М. Вопрос об истории с Мединским, работа которого должна была рассматриваться как раз в вашем совете в МГУ. Почему все-таки не дошло до рассмотрения его работы в МГУ? Как вы можете эту историю прокомментировать?

А. Г. Ну, после МГУ история продолжалась... В конце концов, как вы, наверное, знаете, экспертный совет ВАК поддержал апелляцию о лишении ученой степени, но президиум ВАК принял большинством голосом иное решение. А в МГУ до рассмотрения не дошло и текста никто не видел.

К. М. Но лично вы выступали за то, чтобы текст рассмотреть?

А. Г. Разумеется, таков заведенный порядок.

К. М. То есть это был формальный момент — «работа не дошла до МГУ, поэтому ее не рассмотрели»?

А. Г. Так было представлено дело совету.

К. М. Понятно. Тогда завершающий вопрос: над чем вы работаете сейчас, есть ли планы по изданию новых книг?

А. Г. Сейчас я работаю над изданием справочного характера, посвященным средневековой терминологии — терминологии, связанной с общественным устройством: наименованием социальных категорий, титулов правителей, названием земельных владений, территориальных образований и т. д.³ Дело в том, что здесь очень много устоявшихся представлений или терминов, которые были взяты из Средневековья, но сейчас применяются не в том значении, в котором они применялись в Средневековье. Для читателя создается впечатление, что это древний идентичный термин. Например, термин «княжество», который сплошь и рядом употребляется по отношению к средневековым политическим образованиям, но на самом деле до конца XIV в. он не встречается, а в Московской Руси — вообще до конца XV в. Или, допустим, термин «вотчина» упо-

³ Горский А. А. Русское Средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

требуется как обозначение частных земельных владений с XI в. — хотя на самом деле отчиной в домонгольский период именовалась государственная территория, подчиненная князю, если она наследовалась от отца к сыну, а как обозначение частных земельных владений — только с конца XIV в. И таких понятий много. Поэтому некоторое упорядочивание здесь необходимо.

К. М. То есть это будет справочник «для широкого читателя» или нет?

А. Г. Ну, нет, это все-таки будет справочник с научным аппаратом. Может быть, он и широкому читателю будет интересен, но в первую очередь он обращен к коллегам-историкам.

К. М. Спасибо большое за интервью! Успехов вам в работе.

"WE MUST STRIVE TO ENSURE THAT DISPUTES ARE BASED ON FACTS,
AND NOT ON FICTION OR ON SOME INTERPRETATIONS THAT ARE NOT IN THE SOURCES".
Interview with A. A. Gorsky

Gorsky Anton A. — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia before the beginning of the XIX century, Faculty of History of Moscow State University, Leading researcher of the IRH RAS (Moscow)

Key words: school of historians of Moscow University, Dmitry Donskoy, Ivan III, Ivan the Terrible, Golden Horde, medieval Moscow Russia, textbooks on history.

Abstract. A well-known historian, specialist in medieval Russia talks about teachers, about his participation in academic projects, shares his plans of new works, gives his assessments of key events and personalities in the history of medieval Russia.

«АЛЬТЕРНАТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. НО МОЖЕТ БЫТЬ АЛЬТЕРНАТИВА МОДЕЛЯМ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ».

Интервью с А. А. Громько

(Май 2017)

Ключевые слова: семейная память, российская школа британских исследований, современная история Великобритании, Европейский союз, брексит, российские исследования современной Европы.

Аннотация. Историк и политолог, директор Института Европы РАН высказывает свой взгляд на ключевые проблемы развития Великобритании в общеевропейском контексте, рассказывает о проектах руководимого им института.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-84-93

Среди работ А.А. Громько: О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017; Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М.: Русский сувенир, 2008; Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь мир, 2007; Политиче-

ская модернизация Великобритании: от вестминстерской к плюральной модели демократии // Доклады Института Европы РАН, № 158. М., 2005; Политический реформизм в Великобритании. 1970–90-е годы. М.: XXI Век — Согласие, 2001.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Прежде чем перейти к вопросам, разрешите поздравить вас с получением звания члена-корреспондента РАН. Расскажите, как вы стали историком? Почему вы выбрали именно научную карьеру?

А. Г. Историю я выбрал, потому что она мне нравилась с самого детства. В нашей семье все поколения уважали книгу и много читали. Всегда следили за новинками. В школе я сильно увлекся историей. Потом принял решение, что попытаюсь поступить

© Историческая Экспертиза, 2021

Громько Алексей Анатольевич — доктор политических наук, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Москва)

на исторический факультет МГУ, и мне это удалось. Мне кажется, что многое из того, что уже получилось в жизни, я достиг благодаря тому, что я учился именно на этом факультете.

С.Э. Как на вас повлиял пример вашего отца? И отдельный вопрос: как на вас повлиял пример вашего деда, Андрея Андреевич Громько, многолетнего министра иностранных дел СССР?

А.Г. Дед был не только дипломатом, но и ученым. Он был доктором экономических наук. К тому же большим знатоком истории, причем не только российской, но истории других стран, чем нередко удивлял своих иностранных коллег. Мой отец, Анатолий Андреевич, доктор исторических наук. Истории и дипломатии он посвятил большую часть своей жизни, не говоря уже о международных отношениях. Общественные науки всегда играли особую роль в нашей семье. Они были не только увлечением, но непосредственно применялись в работе.

С.Э. Расскажите о ваших учителях в университете. Какое влияние они оказали на формирование вас как личности?

А.Г. Я, как и другие сокурсники, учился в сложное время, на рубеже 1980–1990-х гг. Но, безусловно, у нас были блестящие преподаватели. Например, академик Б.А. Рыбаков, один из гигантов истории древних славян. Именно он по традиции читал первую лекцию для студентов первого курса в первый день обучения. Должен сказать, что это производило большое впечатление.

Можно вспомнить многих учителей. Среди них академик С.П. Карпов, великолепный специалист по истории средних веков, профессор Н.М. Мещерякова, которая читала нам лекции по новой истории Великобритании, С.А. Соловьев — непревзойденный знаток межвоенного периода британской истории, О.С. Сороко-Цюпа, специалист по истории США и Канады. Есть много имен, которые внесли свой вклад в то, что сотни, тысячи студентов после окончания исторического факультета нашли свое достойное место в жизни.

С.Э. Почему вы выбрали британские исследования, в частности партийную систему?

А.Г. Британское направление исследования я выбрал не сразу. В первую очередь мой выбор был обусловлен тем фактом, что я изучал английский язык больше и углубленнее всего. Во-вторых, когда я был студентом, специалистов по истории США было больше, чем по Великобритании. В-третьих, в Великобритании на дипломатической службе работали мой дед и мой отец. В-четвертых, это очень интересная страна. Именно Россия и Британия были самыми могущественными и великими империями XIX и начала XX в. Британия не похожа на большинство европейских стран. Что касается партийной истории, нужно сказать, что я не начинал с партийной истории, а специализировался по новейшей истории Великобритании. Меня интересуют политическая, экономическая, социальная составляющая исследуемой проблемы. По мере своей работы над кандидатской и докторской диссертациями

я сосредоточился на политической истории этой страны. Моя докторская диссертация посвящена анализу партийно-политической системы Великобритании в последнюю треть XX — начало XXI в.

С.Э. Какие последствия может иметь Брексит для самой Великобритании и для Евросоюза в частности?

А.Г. На данный момент довольно сложно судить о последствиях. Это могут быть только прогнозы, поскольку Брексит пока не состоялся¹. Британские подданные, которые проголосовали за Брексит, считают, что «развод» с ЕС принесет Великобритании больше пользы, чем нанесет ей вреда. Соответственно, противники выхода Великобритании из состава Евросоюза утверждают прямо противоположное. И с той, и с другой стороны есть исследования, которые аргументируют каждую точку зрения. Мое мнение заключается в том, что Великобритания, безусловно, допускает ошибку, принимая решение выйти из состава Евросоюза. Подноготная всей этой истории заключается в том, что предыдущее правительство страны во главе с Д. Кэмероном рассчитывало выиграть этот референдум и вовсе не было проникнуто убежденностью, что Великобритания должна покинуть ЕС. Они руководствовались темой референдума для достижения целей в своей внутривнутриполитической борьбе. Но оказалось, что эта игра была слишком рискованной, карты оказались у правящего класса Великобритании не столь сильны. Случилось

то, чего большинство из британских политиков не хотело. Теперь Великобритания вынуждена пожинать плоды близорукой политики своего руководства. Нам остается наблюдать за тем, во что все это выльется. Скорее всего, это будет удар по геополитическому статусу и только затем по экономике. В экономическом плане это выразится в более низком темпе роста ВВП страны, отразится на судьбах и карьере миллионов людей. С уходом Великобритании Евросоюз, в свою очередь, потеряет порядка 16% своего ВВП. Он лишится одного из постоянных членов Совета безопасности ООН, самой сильной в военном отношении страны-члена. Великобритания ставит перед собой много вопросов, на которые у нее самой пока нет ответов. Например, как сделать так, чтобы и выйти из состава ЕС, и не пострадать от этого, что представляется большинству экспертов невозможным. Будут достигнуты какие-то компромиссы, но, естественно, за счет интересов обеих сторон. В любом случае проигравшие будут.

С.Э. В контексте сказанного хочется задать вам такой вопрос. Мы знаем о шотландском сепаратизме и референдуме, в котором сторонники независимости набрали почти 45% голосов. Не может ли опять возникнуть вопрос о выходе Шотландии из Великобритании?

А.Г. Не только может: с учетом того, что возможен другой референдум, вопрос о распаде Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии вполне реален.

¹ Разговор состоялся в 2017 г.

С.Э. Они имеют право проводить такие референдумы когда угодно, или закон позволяет делать это по истечении определенного времени?

А.Г. Референдум такого рода они имеют право проводить хоть ежегодно. Но эти референдумы должны быть согласованы с Лондоном. В отличие от ситуации в Испании, Лондон на практике не может заблокировать проведение таких референдумов. Если от Эдинбурга последует инициатива, референдум всегда состоится. Вопрос лишь в том, кто в Шотландии перетянет на свою сторону большинство голосов.

С.Э. Известно, что не только консерваторы, но и лейбористы тоже выступали против выхода из Евросоюза. Выходит, что избиратели не доверяют ни одной, ни другой партии. Существует ли вероятность того, что сложившаяся двухпартийная система изменится и появится какой-то третий игрок, который будет влиять на политическую ситуацию в Великобритании?

А.Г. В Консервативной партии очень сильны евроскептические настроения. И сравнивать ее с Лейбористской партией не совсем правильно, поскольку Консервативная партия, учитывая не только депутатов парламента, но и всех членов, выступила за выход Великобритании из ЕС большинством голосов, тогда как значительное большинство членов Лейбористской партии выступило против выхода. В этом смысле эти партии сильно отличаются друг от друга. «Третья сила» появилась в британской политике много лет на-

зад. В течение почти всего XX в. это была Либеральная партия. Затем, в конце XX в., была создана Партия либеральных демократов, и с 80-х гг. прошлого столетия уже она была «третьей силой» в британской политике. В 90-е гг. ПЛД заявила о себе достаточно громко, хотя она не принимала участия в правительственных коалициях вплоть до победы Д. Кэмерона в 2010 г., когда было создано первое в мирное время (после 1945 г.) коалиционное правительство. В Великобритании есть много других партий, которые находятся у власти на региональном уровне. Так, в Шотландии правит Шотландская национальная партия. В Северной Ирландии не представлены ни Консервативная, ни Лейбористская партии, а есть только региональные. Одно время в Уэльсе в правительство входила партия валлийских националистов Плайд Камри. Поэтому «третья сила» в британской политике представлена уже много лет, и это давно уже не классическая двухпартийная система. В последние годы у всех на слуху Партия независимости Соединенного Королевства. У них есть, правда, только одно место в парламенте. На последних выборах за нее проголосовали почти четыре миллиона человек.

С.Э. Поговорим о вашей деятельности в качестве директора Института Европы, который вы возглавляете с 2014 г. Расскажите о том, что уже сделано и что намечается сделать, о том, какие проблемы существуют?

А.Г. Институт Европы в конце года празднует свое 30-летие. Он был основан в 1987 г. по решению

Академии наук СССР. Институт Европы был создан позже других такого рода институтов, но это не значит, что европеистика как наука не существовала в советское время. А в 80-е гг., после того, как Советский Союз и Евросоюз (в то время Европейское экономическое сообщество) стали устанавливать отношения, был создан Институт Европы. Основная цель — системное изучение европейских стран и европейских организаций. В первую очередь это Евросоюз, Совет Европы, ОБСЕ и НАТО. За прошедшее время сильно увеличилось количество изучаемых предметов, т.к. в ЕС на данный момент 28 стран, а в 1987 г. их было 12. В 2004 г. произошло очередное расширение — в Евросоюз были приняты сразу 10 стран. В 2007 г. к ним присоединились Болгария и Румыния, а в 2013 г. — Хорватия. До этого, в 1995 г. в Евросоюз вступили еще три страны: Австрия, Швеция и Финляндия. Евросоюз сильно вырос. Однако Институт Европы занимается не только исследованием Евросоюза как организации и не только исследованием стран, которые в него входят, но также изучением европейских регионов и общеевропейской тематикой. Это и постсоветские государства, и Юго-Восточная Европа, и регион Черного моря, и Средиземного. Далее — вопросы взаимодействия религий и общества, миграции, социального развития, рынка труда; отдельная и приоритетная тема — европейская безопасность. По этому направлению институт проводит большую работу в качестве академического, а также экспертного центра, оказывает, в рамках своих возможностей, экспертную поддержку в проведении внешней политики России.

С.Э. Расскажите об издательских проектах института.

А.Г. Уже почти два десятилетия Институт Европы выпускает журнал «Современная Европа», который является основным академическим продуктом института. Журнал долгое время был ежеквартальным, а с 2015 г. выходит 6 раз в год. Это журнал перечня ВАК. Кроме того, в 2016 г. он стал индексироваться в базе данных Scopus. Это означает, что высокое качество журнала признано на международном уровне, а также то, что журнал отвечает высоким не только российским, но и международным стандартам академического, научно-исследовательского издания. Помимо этого, Институт традиционно выпускает серию под названием «Доклады Института Европы», которая охватывает самые разные темы. Это могут быть индивидуальные и коллективные работы, сборники статей. Это та площадка, где обкатываются новые идеи. В «Докладах» публикуются материалы, подготовленные на основе конференций, круглых столов, семинаров, которые мы проводим у себя или в партнерских организациях. Кроме того, институт выпускает индивидуальные и коллективные монографии. В этом плане с 2007 г. главным проектом ИЕ РАН является многотомная серия коллективных монографий под названием «Старый Свет — новые времена». За первые 10 лет институт успел выпустить 18 книг. Мы продолжаем эту работу.

Нужно сказать, что все вышеназванные книги, доклады и журналы размещены на сайте нашего института в открытом доступе. Их могут

использовать в своей работе все желающие: студенты, молодые ученые, профессорско-преподавательский состав, академические ученые, все те, кто интересуется современной историей, политикой, экономикой, вопросами безопасности, социальной, культурной жизни Старого Света.

Кроме того, в 2015 г. институт запустил еще один проект. Это электронный продукт института. На русском языке он выходит под названием «Аналитические записки», на английском — «Working papers». В отличие от академических статей, «Аналитические записки» представляют собой сжатые экспертные оценки по текущим вопросам региональной и мировой политики. Институт выпускает порядка 20–25 «Аналитических записок» в год. Они также размещаются на нашем сайте и в электронном виде рассылаются по обширной базе данных наших партнеров, ученых, исследователей, как в России, так и за рубежом. Материалы выходят и на русском, и на английском языке.

С.Э. Расскажите о перспективах института. Каковы его ближайшие планы?

А.Г. Перспективы заключаются в том, что институт работает над фундаментальными исследованиями. В настоящее время — по 18 НИРам (научно-исследовательские работы), которые утверждены Правительством РФ. Темы исследования, которые разрабатывает ИЕ РАН, принадлежат к категории долгоиграющих. Географически самая развитая и населенная часть России находится в Европе. С точки зрения

европейской истории и цивилизационных исследований, Россия в целом во многом неотъемлемая часть общеевропейского пространства. Европейский регион в географическом, культурном, историческом, цивилизационном смысле — это наиболее близкая, понятная для России часть света, и именно здесь сосредоточены ее основные экономические, научные, образовательные и политические интересы. Такие страны, как Великобритания, Франция, Германия, Италия и многие другие, являются государствами, с которыми Россия уже не одно столетие находится в близком взаимодействии. Оно может принимать формы союзничества, партнерства, конкуренции и противостояния. Но тем не менее это регион, где Россия тратит больше всего своей энергии, внимания, сил на продвижение как своих интересов, так и на развитие взаимовыгодных отношений с другими странами и организациями.

Институт делает много для поддержания преподавания и исследовательской деятельности в российских университетах. Так, порядка 40 % наших исследователей преподают в ведущих вузах. В институте действует аспирантура, два диссертационных совета по экономическим, политическим, историческим специальностям. Институт прodelывает большую работу по запросам Администрации президента, Совета безопасности, МИД РФ. Постоянно сотрудничаем с аналитическими управлениями Государственной думы, Совета Федерации, с комитетами по международным делам нижней и верхней палат. Так, на экспертном заседании Комитета по международным

делам Совета Федерации во главе с К.И. Косачевым нами обсуждались последствия прихода к власти в США в начале 2017 г. новой администрации, как это скажется на европейских делах, на отношениях между Россией, США и Европой в различных ее воплощениях (таких как Евросоюз, НАТО). Спрос на европейские исследования так же высок в XXI в., как это было в XX. В экономическом плане Евросоюз остается ключевым партнером нашей страны. В 2016 г. его доля в товарообороте России составила около 44%. Китай находится на втором месте с большим отставанием. Европа и далее будет являться одним из наиболее важных регионов для России в продвижении ее экономической политики, национальных интересов.

С.Э. Не могу не задать вопрос, часто обсуждаемый в российских СМИ. Некоторым публицистам гипотетический развал Евросоюза кажется благом для России. И Брексит как первый шаг к этому воспринимается с радостью. Им почему-то кажется, что после этого отношения России и Европы улучшатся. Как ваш институт оценивает перспективы Евросоюза, и что Евросоюз должен сделать, чтобы преодолеть кризисные явления, связанные с выходом из его рядов Великобритании? Весьма логично, что за ней могут последовать другие страны. И другой вопрос: как Европа собирается решать проблемы, связанные с мигрантами?

А.Г. Кризис ЕС и отношения между государствами-членами — это внутреннее дело Евросоюза. Россия здесь может выступать наблюдате-

лем и рассчитывать на то, что эти кризисы не приведут к ухудшению ситуации с точки зрения интересов и выгод для нашей страны. Повторюсь, что Евросоюз и на сегодняшний день, несмотря на «санкционную войну», является крупнейшим торговым, экономическим партнером России. На сегодняшний день львиная доля экономического интереса России по-прежнему сосредоточена в Европе. Самая высокая плотность контактов в сфере бизнеса, образовательной (студенты), научной, культурной сфере у нас с Европой. Эта ситуация может меняться, если наша страна станет важным торговым, в первую очередь экономическим, институциональным партнером для стран, расположенных в Азии. Но для этого нужно еще достаточно много времени и усилий, как со стороны субъектов рыночных отношений в нашей стране, так и со стороны государства. Для этого требуется политическая воля и выстраивание отношений с растущими центрами силы, влияния, с поднимающимися гигантами в Азии, причем так, чтобы это приносило выгоды России, чтобы она не просто встраивалась в проекты других.

Что касается Евросоюза, то он сейчас находится в кризисе, и запланированный выход Великобритании из его состава — одно из подтверждений этому. Миграция — это не столько кризис ЕС, сколько кризис диспропорций в мировом развитии, когда возникают большие зоны, территории на планете, где миллионы людей чувствуют себя обделенными и стремятся переселиться в более благополучные регионы. В этом смысле Западная и Центральная

Европа по-прежнему рассматривается миллионами людей как место, где можно попытаться обрести благополучие и построить жизнь на более твердых основаниях, чем в регионах, где царят социальное или гражданское противостояние, хаос, бедность и неопределенность. Евросоюз, при всех своих недостатках и кризисах, которые обрушились на него в последние годы, не сказать чтобы уверенно, но все же смог через них пройти, не ставя под вопрос свое существование, сохранился как проект, который достиг таких высот, как единый рынок. Евросоюз — это структура, которая опирается на два столпа: межгосударственные отношения и наднациональные. В этом смысле на новом историческом этапе идет поиск баланса между интересами национальных государств, которые входят в Евросоюз, и интересами ЕС как квазиконфедеративной структуры с элементами федерации.

Решение о Брексите показало, что евроскептические настроения в ЕС высоки, значительная часть его населения по тем или иным причинам недовольна своей жизнью. Это недовольство может иметь прямое отношение к Евросоюзу, а может не иметь никакого, но евроскептики и популисты используют Евросоюз как мальчика для битья, тем самым увеличивая свои шансы завоевать власть. Никто не гарантирует, что Евросоюз не распадется, что от него не могут отколоться и другие государства. Но пока об этом можно говорить только в первом приближении, потому что, кроме Великобритании, ни в одной другой стране ЕС у власти не стоит политическая сила, которая бы заявляла о том, что

ее целью является выход из еврозоны или ЕС.

Ситуация достаточно нестабильная, партийно-политические системы переживают трансформацию. Главным образом это происходит из-за последствий модели глобализации, в рамках которой мир живет последние 30 лет. Главными бенефициарами этой модели стали в первую очередь наиболее крупные страны Евросоюза и США, другие члены «коллективного Запада». Но многим эта модель не принесла явных выгод. В первую очередь это относится к странам, которые вступили в Евросоюз и НАТО в первое десятилетие нового столетия. То, что эта модель в основном выработала свой ресурс роста и интенсивного развития, стало ясно благодаря мировому экономическому кризису, который с 2007 г. стал распространяться из США по всему миру. В эпицентре этого кризиса находились США и Великобритания, т.е. представители англосаксонской модели развития, которые и были ядром Вашингтонского консенсуса и неolibеральной волны, в 80-е гг. оформленной и легализованной в виде «тэтчеризма» и «рейганомики». Вот как раз в странах ядра и обнаружались глубинные проблемы и диспаритеты, связанные с периодом длительного и достаточно быстрого экономического роста.

Оказались подорваны те правила и принципы, благодаря которым после 1945 г. сформировалось то, что стало называться обществом благосостояния, потребительским обществом. Сложился средний класс в современном понимании этого слова; в развитых индустриальных, а затем

постиндустриальных странах он стал большинством населения. И именно этот класс несколько десятилетий служил опорой для политического процесса, для того, чтобы к власти приходили, как правило, сменяя друг друга, левоцентристские и правоцентристские партии, которые опираются на одного и того же избирателя. Со временем диспаритеты в обществе, в первую очередь социальные и экономические, стали расти и неравенство увеличиваться. Средний класс стал расслаиваться, представлять из себя более рыхлую структуру, где верхние слои среднего класса могли богатеть и дальше, а нижние слои по доходам испытывали стагнацию или снижение своего статуса и уровня жизни. Вслед за такими глубинными изменениями в экономической и социальной структуре постиндустриальных экономик стали меняться и партийно-политические системы.

Теперь многие политические движения, как когда-то было в эпоху «массовых партий» и классовой политики (особенно в первой половине XX в.), вновь ищут свою нишу, как на левом фланге, так и на правом. В некоторых странах возвращение к классовой политике сдерживается электоральными системами. Например, там, где избирательные системы мажоритарные. Однако там, где доминируют пропорциональные или смешанные избирательные системы, мы наблюдаем быстрое усиление различных внесистемных сил.

С.Э. Выходит, что США и Великобритания, задавшие неолиберальный тренд, стали его первыми жертвами. Очень интересное наблюдение.

ние. Реакцией на неолиберальную глобализацию стало стремление замкнуться в рамках национальных государств. Может быть, есть другая альтернатива неолиберальной глобализации, не национальная автаркия, а, например, какая-нибудь другая глобализация, основанная на принципах, отличных от неолиберализма?

А.Г. Альтернативы глобализации быть не может, поскольку государства не уйдут в автаркию. Может быть только альтернатива моделям управления глобализацией. А глобализация в целом — это просто усиление взаимозависимости и больше ничего. И это объективное явление для бизнеса, науки, решения проблем, связанных с безопасностью, терроризмом, экологией. Все это проблемы, которые можно решать только сообща. Не стоит забывать, что осью и краеугольным камнем всей системы международных отношений является ООН. Организация, созданная в 1945 г., воплощает собой идеи о том, что мир взаимозависим и необходимо иметь плотную ткань взаимодействия и, желательно, сотрудничества для того, чтобы решать острые, важные вопросы развития.

Глобализация — это объективное явление, например, как рынок. Можно иметь представление о рынке как о стихии, как о сфере, где невидимая рука рыночных сил все расставляет по своим местам. Подобные представления давно ушли в прошлое, в основном остались в XIX в. У глобализации также могут быть разные модели и механизмы по управлению и регулированию глобальными процессами. Государственная политическая

воля, как своего рода политическая составляющая деятельности государства, играет ключевую роль, равно как и деятельность различных международных организаций, которые являются элементами, игроками механизмов регионального и глобального регулирования и управления. Речь идет о том, как трансформировать систему управления глобализацией, чтобы она приносила выгоды не только тем, кто оседлал в свое время эти процессы. Тем более что даже им теперь глобализация, на базе так называемого «Вашингтонского консенсуса», более не благоприятствует. Ведь страны ядра неолиберальной модели глобализации оказались в первую очередь под ударом.

Необходимо если не менять, то модернизировать финансовую, политическую, экономическую архитектуру мира, которая досталась нам в наследство от второй половины XX в. В чем-то это сохраняющиеся элемен-

ты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и периода биполярного мира, времени, когда были выстроены ООН, МВФ, Мировой банк и другие структуры. Во многом они не сумели в последние два десятилетия приспособиться к изменениям. Положение усугубляется тем, что те страны, которые больше всего выиграли от глобализации в последние десятилетия, но доля которых в мировом ВВП постоянно снижается, делают все, чтобы не потерять своих позиций, своих командных высот. И сопротивляются адаптации институциональных механизмов глобального управления к полицентричным процессам. Но уже сейчас мир не представляет собой какую-либо пирамидальную структуру, а скорее сетку с различными узлами, олицетворяющими разные центры силы и влияния.

С. Э. Спасибо за интересное интервью.

“THERE CAN BE NO ALTERNATIVE TO GLOBALIZATION. BUT THERE MAY BE AN ALTERNATIVE TO GLOBALIZATION GOVERNANCE MODELS”.

Interview with A. A. Gromyko

Gromyko Alexey A. — Doctor of Political Science, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow)

Key words: family memory, Russian school of British studies, contemporary history of Great Britain, European Union, Brexit, Russian studies of modern Europe.

Abstract. A historian and political expert, director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences expresses his view on the key problems of the development of Great Britain in a pan-European context, talks about the projects of the Institute headed by him.

«РАЗНИЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ МЕЖДУ ПУТИНСКОЙ ЭЛИТОЙ И ОСНОВНОЙ МАССОЙ НАСЕЛЕНИЯ ОКАЗАЛАСЬ НИЧТОЖНОЙ».

Интервью с Л. Д. Гудковым

(Ноябрь 2017)

Ключевые слова: семейная память, корпоративная память, прикладная социология, советский человек, общественные настроения, историческое сознание, отношения общества и власти, самоорганизация общества, Левада-центр.

Аннотация. Один из ведущих российских социологов, директор Левада-центра Лев Гудков рассказывает о своей жизни, профессиональной карьере, анализирует эволюцию с конца 1980-х гг. общественных настроений людей, выросших в советскую эпоху, размышляет об отношениях власти и общества в современной России. Уделено внимание также отражению в социологических опросах исторического сознания россиян.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-94-114

Л.Д. Гудков является автором книг: *Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии.* М., 1994; *Attitudes Toward Jews in the Soviet Union: Public Opinion in Ten Republics // Working Papers on Contemporary Anti-semitism.* N.Y., 1993 (в соавторстве с А.Г. Левинсоном); *Attitudes Toward Jews in the Commonwealth of Independent States // Working Papers on Contemporary Anti-semitism.* N.Y., 1994 (в соавторстве с А.Г. Левинсоном); *Литература как социальный институт.* М., 1994

(в соавторстве с Б.В. Дубиным); 2-е расширенное и дополненное издание, 2020 (в печати); *Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х.* М., 1994 (коллективная монография под ред. Ю.А. Левады); *Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях.* М., 1995; 2009 (в соавторстве с Б.В. Дубиным); *Негативная идентичность.* М., 2004; *Абортивная модернизация.* М., 2011; *Проблема «элиты» в современной России.* М., 2007 (в соавторстве с Б.В. Дубиным)

© Историческая Экспертиза, 2021

Гудков Лев Дмитриевич — доктор философский наук, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центра) (Москва)

и Ю.А. Левадой); Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008 (в соавторстве с Б.В. Дубиным и Н.А. Зоркой); Russland. Kein Weg aus dem postkommunistischen

Übergang? Berlin. 2011 (в соавторстве с В. Заславским); Wahres Denken. Analysen, Diagnosen, Interventionen. Hrsg. Von M. Sapper und V. Wechsel. B., 2017 и др.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Вы не сразу пришли к социологии. Что привело вас к ней? Как повлияли на это решение семья, школа? Где вы учились, кто были ваши учителя?

Л. Г. Привело меня, прежде всего, расхождение между реальностью и идеологическими фантомами. Я был старшеклассником, когда появились работы Солженицына, когда широко циркулировал самиздат, военная проза, обсуждалась книга А.М. Некрича. Первыми самиздатскими материалами, которые попали мне в руки еще в школе, были письмо Антуана де Сент-Экзюпери «к генералу X», где он говорит о своей ненависти к тоталитаризму, или письмо Эрнста Генри Илье Эренбургу, стенограмма обсуждения книги Некрича «Июнь 1941 года». У меня был замечательный учитель литературы — Виктор Исаакович Камянов, печатавший литературно-критические статьи в журнале «Новый мир». Он вел литературный кружок, где мы читали и обсуждали все, что было интересным в толстых журналах, а тогда было много такого, что захватывало воображение.

У нас в семье всегда говорили о политике. Помню, как обсуждали арест и приговор Берии, XX съезд КПСС, венгерские события 1956 г. Думаю, это и повлияло на будущий выбор

профессии. Больше всего я стал задумываться после Венгерского восстания 1956 г. Хотя мне тогда было всего 10 лет. Отец работал в Совинформбюро. Он приносил домой разные материалы — «белый ТАСС» с переводами или обзорами иностранной печати, книги с грифом «для служебного пользования», в том числе и книжку об этих событиях, с фотографиями расстрелов, уличных боев, массовых расправ с венгерскими «гбшниками». На меня это производило очень сильное впечатление. В общем, двойственность нашей жизни подталкивала меня к этому. Я хотел разобраться во всем, и я стал читать философские, исторические и социологические тексты, сам не понимая тогда: что такое социология?

Я учился на факультете журналистики МГУ. Ходил на лекции профессоров других факультетов — Асмуса, Аверинцева, Мамардашвили, Пятигорского. Социологию у нас читал Юрий Александрович Левада. Это был первый в СССР курс лекций по социологии; после 50-летнего перерыва социология восстанавливалась как самостоятельная научная дисциплина. Но в ноябре 1969 г. обсуждение его лекций в Академии общественных наук обернулось тотальной идеологической критикой Левады, лишением его звания профессора и последовавшим через

какое-то время разгромом Института социологии. После этого Юрий Александрович на протяжении 15 лет практически не имел доступа в печать.

На его лекциях я понял, что социология — это моя судьба.

Кстати, еще я хотел учиться одновременно и на историческом факультете. Я ходил в ректорат, просил разрешить, но мне так и не позволили. Жаль... На журфаке было только одно преимущество — было много свободного времени, и можно было много читать. Собственно, тогда я и стал начитывать разные социологические тексты. К тому же я бегал на разные публичные семинары и «чтения», которых в Москве в то время было много. Ходил и к Леваде, с его разрешения там и остался. (На первом же заседании, на которое я попал, доклад делал А. Я. Гуревич по теме «Проблемы генезиса феодализма», что потом превратилось в его книгу.)

Институт социологии был замечательным местом, но в том виде просуществовавшим недолго. Еще в 1966 г. это был новый отдел «социальных» или «социологических исследований» в Институте философии. В 1968 г. он вырос в самостоятельный академический Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ), разгромленный и разогнанный уже в 1972 г. Левада возглавлял сектор методологии исследования социальных процессов, который занимался анализом современных социологических теорий, социальной и культурной антропологией. Мне поручили заниматься

социологией Макса Вебера. После чисток, который проводил новый директор, присланный из Свердловска, — М. Н. Руткевич, одиозная фигура, борец с теорией относительности, с семиотикой, с философским идеализмом и многим другим, в институте из 35 кандидатов наук сохранилось, кажется, 8, бывших партработников, из 14 докторов наук двое, помню одну защитницу Сталина. Остальные, среди которых Б. А. Грушин, И. С. Кон, уволились и разошлись. Это был самый настоящий погром социологии. Отчасти это было последствием разгрома Пражской весны, отчасти реакцией на общее движение подписантов и диссидентов. Однако непосредственным поводом послужило постановление Московского горкома КПСС об идеологических ошибках в академических институтах. Если помните, был такой Ягодкин, секретарь Московского горкома по идеологии. Пошла целая волна академических зачисток. Кажется, началось все с Института истории, где работал М. Я. Гефтер. Левадовские лекции явились одним из предлогов.

С. Э. В чем обвиняли Леваду?

Л. Г. В ревизии марксизма, в буржуазном объективизме, в том, что он истмат заменяет общесоциологическими теориями, отрицает классовый подход к объяснению социальных явлений, допускает возможность внепартийной теории общества. Тогда ведь рамки дозволенного определялись заимствованием социологических методов эмпирических исследований, техники опросов, подозрительными считались даже теории среднего уровня.

Это было грандиозное идеологическое собрание и коллективное осуждение «провинившегося». Практически все из тогдашних социологов либо полностью сдали Леваду, либо, в лучшем случае, указывали на «отдельные его ошибки», что предполагало сравнительно мягкий вариант наказания — выговор по партийной линии, запрет на преподавание, но не полное изгнание из института и профессии. Единственный человек, который решительно выступил против погромщиков, был Грушин.

Левада каяться не стал, он высказался за то, что проблему нужно обсуждать профессионально, а не заниматься демагогией. Он говорил о том, что нам нужна специальная теория советского общества, свои концептуальные разработки. Он был подвергнут остракизму, многие боялись показать, что знакомы с ним, ссылки на его работы вычеркивались. Но он продолжал внутреннюю работу, и чем дальше, тем все более глубокими и теоретически новыми были его статьи и выступления — по антропологии экономического человека, по урбанизации, по репродуктивным системам.

Левадовский сектор был явлением уникальным не только на том фоне, но и вообще в социальной науке. Нигде за всю свою жизнь я не видел такой интенсивности теоретической работы, включенности в проблематику социального знания, в проблемы культуры, истории, такой высоты мышления. Это было время быстрого теоретического освоения западной мысли. Приезжали социологические «светила», которых приглашал институт, писатели, историки. Чего

только стоит Т. Парсонс или С. Лем! Семинар по логике и теориям систем вели Ю.А. Гастев и А.И. Ракилов, по культурной и социальной антропологии Д.М. Сегал. Там выступали Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, Л.М. Баткин, М. Мамардашвили, А.М. Пятигорский и другие очень достойные люди.

С.Э. У вас был доступ к иностранной литературе?

Л.Г. Прежде всего был доступ в ИНИОНе, фонды и возможности которого тогда были совершенно несопоставимы с сегодняшним состоянием крупнейших библиотек в стране. Кроме того, в Институт поступала новейшая социологическая литература по каналам Социологической ассоциации. За неполных 5 лет существования отдела Левады было переведено и подготовлено к печати 17 сборников социологических текстов и материалов. Правда, из них только 3 сборника успели напечатать, причем тираж одного был уничтожен по распоряжению дирекции (а именно — Г.В. Осипова).

С.Э. Власть сильно испугалась, что советские социологи окажутся под западным влиянием?

Л.Г. Да, конечно! Это было главным. Первым директором ИКСИ АН СССР был академик А.М. Румянцев. До поры до времени ему удавалось прикрывать институт. Но уже в 1972 г. он был вынужден уйти. После погрома и чистки институт уже так и не поднялся, остался серым и конъюнктурным заведением. Но зато его переименовали в Институт социологии.

С. Э. А потом где вы работали?

Л. Г. В ИНИОНе, редактором «Реферативного журнала» (РЖ) в Отделе философии и социологии, составителем тематических реферативных сборников по отдельным проблемам (социологии высшего образования, медицины). Для середины 70-х гг. это было отличное место для работы, полный доступ к литературе, в том числе — и спецхрановской. Но позже кто-то донес, что я отдаю материалы для реферирования не тем людям, кому надо, а это недопустимо в таком идеологическом учреждении, и мне пришлось уйти. Я стал сотрудником Отдела социологии книги и чтения Государственной библиотеки имени Ленина, занимался социологией литературы. Учился в заочной аспирантуре Института философии АН СССР и там же защитился в 1979 г. по теме «Специфика гуманитарного знания: критика концепции понимающей социологии Макса Вебера». Какое-то время меня не выпускали на защиту (пришел из МГУ отзыв, где было сказано о моей склонности к буржуазному объективизму, отсутствии классового подхода; было немножко смешно, поскольку два авторитетных ведомства схлестнулись между собой уже помимо меня). Моим номинальным руководителем был А. В. Гулыга, а реальным — М. А. Виткин, специалист по Марксу, Веберу и азиатскому способу производства, уехавший в 1975 г., ну и, конечно, Левада. Одним из моих оппонентов была П. П. Гайденок, едва ли не лучший специалист по немецкой философии, с которой мы всерьез там спорили.

С. Э. Что было после защиты?

Л. Г. Пока можно было, я работал в «Ленинке». Мы с Б. В. Дубиным занялись разработкой концепции социологии литературы, выпустили ряд сборников статей, рефератов и переводов по этой тематике, первый в стране и в то время самый полный в мире библиографический указатель по социологии и социальной истории литературы, книгоизданию и чтению. Мы рассматривали литературу как социальный институт, а это значит — проводили анализ различных социальных ролей и их композиции. Нас занимало все множество взаимодействий вокруг литературных текстов: различные типы писателей, читателей, критиков, функции школы, библиотек, короче, все того, что обеспечивает производство текстов, их отбор, распространение, накопление, обучение им и т. д. «Ленинка» как ведущая организация в библиотечном деле собирала данные о чтении из всех массовых библиотек страны (через записи в книжных и читательских формулярах). Это был огромный массив информации, к которому библиотекари не знали, как подойти. Мы с Б. Дубиным думали, как это все можно систематизировать с точки зрения структурного функционализма, культурологии и герменевтики. Нас интересовала не столько типология читателей, сколько то, можно ли через анализ характера и содержания массового чтения увидеть и понять социальные процессы. Получилось довольно интересно. В конечном счете нам удалось показать, как через выбор чтения происходит социализация к новому, распространяются представления, характерные для процессов модернизации, задаются новые социальные нормы и ценности,

а через выбор определенных литературных журналов идет консолидация интеллигенции, в том числе национальных элит в союзных республиках. В последнем случае это точно совпало с линиями последующего разлома СССР. Мы исходили из посылки, что литература отражает и воспроизводит в своей манере (в героях, сюжете, организации времени и пространства) определенные социальные конфликты, тематизирует зоны определенных нормативных напряжений. А это значит, что таким образом можно отслеживать типовые социальные проблемы, возникающие в процессах перехода от закрытых, сословных групп к плюралистическому, открытому, сложно дифференцированному обществу, формирующемуся в ходе модернизации. Все, что мы подготовили, издать оказалось невозможным. Библиография объемом более 40 печатных листов вышла в урезанном на треть виде, без теоретического введения. Работать стало трудно, было давление дирекции, и в 1984 г. я ушел к своему другу А.Г. Левинсону во Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики. Во ВНИИТЭ мы занимались социологией дизайна. У нас были интересные проекты, например, по социологии времени — дизайн-проект «Часы». Для того, чтобы понять логику отношения к часам и популярность разных их образцов, надо было восстановить историю распространения часов: как шла социализация к городскому и индустриальному времени, надстраивающемуся над циклическим, преобразующим аграрное или празднично-ритуальное время, как происходило освоение часов, обучение и принуждение к единому,

универсальному и однородному времени. Это было очень интересно.

С.Э. Вы работали с российскими материалами?

Л.Г. С российскими в первую очередь. В общем, это было исследование, которое включало элементы истории современности. Ведь до середины 30-х гг. в СССР индивидуальных часов не было как массового и повседневного явления. Часы были только у очень узкого слоя населения — в армии, у бюрократии, до революции — у привилегированных слоев. Не было часовых заводов, часы были дороги, привозные или кустарного производства. В начале XX в. и вплоть до Первой мировой войны, кроме этих групп, наручные часы стали атрибутом офицеров и спортсменов. После Второй мировой войны у нас появляются трофейные наручные часы. Часами награждали. Часы были знаком высокого социального статуса. Первые же часовые заводы были построены (с полностью завезенным из Германии оборудованием) и начали давать продукцию лишь в начале 30-х гг. Они предназначались прежде всего для руководства и состава армии.

С.Э. В своем дневнике румынский писатель Михаил Себастьян, автор пьесы «Безымянная звезда», писал, что в 1944 г. русские солдаты в Бухаресте были просто одержимы наручными часами: снимали их с прохожих.

Л.Г. Да, это похоже и на воспоминания других свидетелей. В ходе этих проведенных опросов мы проследили, как менялось восприятие

времени, с какого времени какие возрастные категории и социальные группы начали пользоваться наручными часами, приобщаться к часам. Другими словами, начавшаяся субъективация времени (и появление идеи линейного времени) отражала очень поздний характер модернизации России. Это была не просто социализация к времени, но и рационализация своего поведения, особенно после смерти Сталина — появление частной жизни, своей квартиры, собственного личного пространства, своего личного свободного времени. Такая фаза социальной жизни началась с большим опозданием по сравнению с другими странами.

После ВНИИТЭ я опять вернулся к проблематике литературы, но уже скорее — к социологии книги, стратегиям различных издательств и социальных процессов, опосредуемых ими. Мы опять соединились с Дубиним в Книжной палате. Но тут началась перестройка, и Левада стал собирать своих прежних сотрудников в Отделе теории и методологии только что образованного Всесоюзного центра изучения общественного мнения. Первый ВЦИОМ был государственным институтом принципиально нового типа. Инициатива его создания принадлежит, видимо, Горбачеву. Он попросил академика Т. И. Заславскую возглавить этот институт. Заславская, естественно, позвала Грушина, который был главным авторитетом тогда в сфере изучения общественного мнения. Борис Андреевич много лет старался «пробить» такой центр, но без особого успеха, вначале при «Комсомолке», затем в качестве особого подразделения ИКСИ, но с приходом Руткевича это все кончилось.

Приказ о создании ВЦИОМ был подписан в конце декабря 1987 г. Осенью 1988 г. у нас пошли первые исследования.

С. Э. Какие были первые опросы?

Л. Г. Самыми первыми исследовательскими проектами были опрос депутатов на Первом съезде народных депутатов СССР, потом — выборность руководителей, определение лимитов на подписку печати. Незадолго до этого был принят закон о выборности руководителей, нацеленный на то, чтобы разрушить кадровую монополию КПСС. Соответственно, наш опрос должен был дать информацию о характере и основаниях авторитетности руководителей и условия их выборности на производстве. То был «разгул демократии». Отменили 6-ю статью Конституции, резко усилилась социальная мобильность, свобода печати и очень вырос спрос на некоторые издания. Ограничивая подписку, Госкомиздат блокировал распространение перестроечных журналов и газет — «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов», «Московских новостей» и т. п. Уже начался журнальный публикационный бум, и «зажимы» бумаги для некоторых изданий, например, «Нового мира», стали политическим вопросом. Ну, а чуть позже опросы стали охватывать очень широкий круг проблем: отношения к КПСС, к советской истории, к Сталину, оценки и восприятие текущих событий и процессов реформ, ожидания ближайшего и отдаленного будущего, структура массовых политических ориентаций, предпочтения социально-политических моделей устройства страны и многое прочее,

вплоть до религиозного поведения и диагностики экзистенциальных тревог.

На протяжении всего одного — 1989 — года Грушиным была развернута целая сеть региональных отделений, подготовлены интервьюеры (опросная фабрика), что сделало возможным само проведение регулярных общенациональных исследований по всей стране. Уже в феврале 1989 г. мы запустили главный левадовский проект — «Советский человек», который продолжается и по настоящее время. Конечно, он не был импровизацией, во многом он был подготовлен заготовками и разработками наших неформальных и домашних семинаров Левады (и открытые, и закрытые семинары шли все время после разгона ИК-СИ). Левада выдвинул идею о том, что советский человек — это тот тип человека, который появился в условиях формирующегося тоталитарного режима, прошел социализацию уже при новых, тотальных по своим функциям, институтах — советской школе, армии, монополии КПСС, партийной пропаганде, терроре, государственной экономике, ГУЛАГе и др. Левада считал, что этот тип человека являлся несущей конструкцией коммунистического режима. Была выдвинута гипотеза о том, что советская система начала слабеть к концу 1980-х гг., поскольку в силу прежде всего демографических причин люди этого поколения уходили из жизни, и в конце концов система рухнула. Опрос по одной и той же анкете потом повторялся через каждые четыре-пять лет. Важно было проследить, как меняется этот человек, что происходит в обществе с появ-

лением когорт молодых людей, уже не живших при социализме. Вначале казалось, что данные опросов подтверждали эти предположения, показывали, что этот тип человека уходит, но потом — со второго, и тем более с третьего замера — стало ясно, что он воспроизводится в новых поколениях, поскольку базовые социальные институты сохраняются, а именно они являются условием репродукции основных ценностно-нормативных структур регуляции и предпочтений населения.

С.Э. Интересно, а почему Левада решил, что этот тип человека уходит, если до 1991 г. институты оставались те же самые?

Л.Г. После отмены 6-й статьи Конституции стали возникать множество общественных движений, неформальных объединений, пресса стала почти свободной, публичной стала критика КПСС и советского прошлого. Люди проснулись. Чрезвычайно острым было переживание исторического тупика, в котором оказалась страна. Доля жестких мазохистских ответов в опросах («мы хуже всех, мы нация тараканов», «мы пример другим, как не надо жить», «мы Верхняя Вольта с ракетами», «из-за советской власти мы оказались на обочине истории», «наша история — это цепь преступлений и нищеты» и т.п.) поднялась за два-три года с 7 до 54%, т.е. такие коллективные настроения в самом конце 80-х — начале 90-х гг. стали доминантными. Казалось, что все структуры посыпались. Предполагалось, что для тех, кто родился уже в 50-е или 60-е гг., договор с режимом на прежних условиях уже невозможен, они отказываются принимать

такую систему правления. Уже после пражских событий наблюдалось расхождение между идеологическими установками и реальными запросами населения. То есть если при Сталине люди подчинялись всему от страха, то новое поколение, преимущественно уже городское, более образованное, было не готово вступать в сделку с режимом. У них после длительного периода застоя появились другие запросы, ориентации, совершенно другие настроения. Люди перестали верить в обещания светлого будущего, в классовую идеологию, они хотели нормальной жизни (другое дело — что понималось под словом «нормальной»).

Помню, когда я работал в «Ленинке», мы с нашими польскими коллегами обсуждали перспективы этого режима (в Польше в это время было введено военное положение), и было ясно, что режим близится к концу, но трудно было сказать, когда наступит этот конец. Даже мой отец, правоверный коммунист (хотя его отец погиб в лагере), говорил, что ситуация такая, что все сыплется, власть не успевает справляться со всеми проблемами, растущими как снежный ком. Ощущение гниения и разложения, деградации общества и государства было очень острым. Чернобыль, Афганистан, умножающиеся межэтнические кровавые столкновения в Средней Азии и на Кавказе — такие события воспринимались как признаки начавшегося распада системы. С начала 1970-х гг., со времен застоя, мы стали фиксировать это разложение.

С. Э. Об этом пишет Алексей Юрчак: люди ходили на комсомоль-

ские собрания, но при этом думали уже о другом...

Л. Г. Да, именно так.

С. Э. Действительно ли существовало общее настроение в конце 50-х — начале 60-х гг., когда развенчали миф о Сталине, что в рамках социализма удастся что-то наладить, построить?

Л. Г. Такие настроения были. Мы, студенты, живо обсуждали эти проблемы. Даже и после отставки Хрущева были надежды на дальнейшее смягчение, «очеловечивание» государства. А когда разогнали редакцию «Нового мира», мы в знак протеста собирались отослать свои подписки. Помню, как один студент откровенно высказался по поводу и самой идеи коммунизма, и того, что нас тогда окружало. Его хотели изгнать, но нужно было сначала исключить его из комсомола, а курс встал и единогласно отказался это делать.

С. Э. Можно предположить, что если бы руководство страны было более квалифицированным, то этот настрой людей вполне мог привести к конструктивному развитию нашего общества?

Л. Г. Возможно; в таком случае переход к какому-то другому состоянию был бы более спокойным, не таким катастрофичным. Но брежневское руководство задавило всякие варианты изменений. Разгон, чистки в академической среде, ужесточение цензуры, отказ от экономических реформ, нарастание русского национализма, а потом война в Афганистане. Речь шла и о бюрократическом, номенкла-

турном национализме, который тихо вытеснял марксистскую идеологию. В целом наблюдался рост изоляционизма и ощущение нарастающей бесперспективности существования. В общем, я хочу сказать, что материал для социологической постановки проблемы был. Еще в 70-е гг. Левада очень серьезно занялся антропологией. Его идеи стали теоретической основой проекта «Советский человек».

С.Э. Что вы конкретно измеряли, когда у вас появилась возможность провести опросы?

Л.Г. Прежде всего, мы измеряли структуру сознания: ценности, убеждения, глубину и особенности исторических представлений, ожиданий, страхи, религиозные установки, механизмы идентичности, представления о своих и чужих, врагах, конфликтный потенциал. Важным элементом в этой структуре было описание стратегий адаптации. Имеется в виду терпение людей, т.е. почему они терпят и каким образом они выносят давление репрессивного государства, вступая с ним в коррупционные отношения. Это и есть двойное сознание, демонстрация лояльности при явном негативном отношении к этому. В итоге у нас вышла книга, которая была переведена на французский, немецкий языки.

С.Э. Этот проект продолжается до сих пор?

Л.Г. Да. При всех финансовых проблемах. Наш последний большой опрос (в 2012 г.) по этой программе был поддержан фондом «Либеральная миссия» благодаря Е.Г. Ясину. А потом проводили уже за свой счет.

С.Э. Какая была динамика «Советского человека» в постсоветский период?

Л.Г. Предположение, что молодежь живет и чувствует себя совершенно по-другому, поскольку она не знает ни дефицита советских времен, ни идеологической обработки, что она ориентирована на модели демократии, правового государства, свободу и достоинство личности, оказалось не то что ложным, но во многом слишком оптимистическим или иллюзорным. Первые замеры 1989 и 1994 гг. действительно показывали ориентацию населения страны на западные образцы. Люди надеялись на демократизацию, выступали за конкурентные выборы, многопартийность, открытое общество. Их установки отличались большей терпимостью, открытостью, ориентацией на достижения. Но дальше начался процесс реставрации. Трансформационный переход был слишком длинным. Он растянулся практически на десять-двенадцать лет. И люди этого не выдерживали. Под влиянием консервативной коммунистической пропаганды они начали воспринимать реформы все более негативно, склоняясь к мысли, что их обманули, что реформы навязаны Западом и т.п. Все большая часть людей хотели уйти под «сильную руку», требовали гарантированного будущего. Поэтому приход и установление авторитарного режима вполне отвечал всем массовым ожиданиям. Разворот был не случайным. Начиная с 2002 г. заработали механизмы рыночной экономики, реальные доходы населения начали расти немалыми темпами. Шел потребительский бум, росло потребление, и, соответственно, были

понятны мотивы поддержки власти. Можно сказать, что это был период реализации надежд и запросов предшествующей дефицитарной эпохи.

Уровень массовых ожиданий, определившихся в брежневские времена, был достигнут, но не более того, поскольку человек продолжал оставаться ограниченным этими представлениями, хотя декларативно он предпочитал свободу, возможность выбора, но добиваться, защищать это все он не был готов. Другими словами, бедное общество очень быстро удовлетворилось достигнутым и не было готово к дальнейшим изменениям. То есть рост благосостояния не привел к осознанию того, что нужно двигаться дальше, развивать институты демократии, контроля общества над властью, добиваться независимости суда и прочего. Фактически страх повторения спада и кризиса 90-х блокировал дальнейшее развитие. А падение было чрезвычайно тяжелым. Уровень жизни последнего советского года — 1990-го — восстановился только к 2003–2004 гг. По нашим замерам задержки зарплаты (в среднем!) достигали 7 месяцев. Люди просто физически выживали, пережили сильнейшие фрустрации. Отсюда и ностальгия по советским временам как гарантированному существованию, пусть скромному. Мы наблюдали переход от демократических ориентаций к реставрации имперского сознания. Чувство принадлежности к супердержаве компенсировало бедность повседневной жизни. Эрозия советской великодержавной, или, точнее — имперской, идентичности на фоне действительно глубокого провала уровня жизни переживалась очень болезненно.

После 1996 г. Ельцин потерял весь свой политический капитал. Мы фиксировали в тот момент три доминирующих ожидания от власти: вывести страну из кризиса, закончить Чеченскую войну и вернуть России статус великой державы. Именно это, по мнению людей, и совершил Путин. Другой вопрос — как, каким образом.

Произошла смена элиты. Путин вышел на свет не один, а со всей командой бывших чекистов, ментальность которых воспроизводит ключевые представления поздней брежневской эпохи. В этом отношении консервативные представления правящей элиты и массовые настроения и предпочтения совпадали. Это показали и наши исследования 2005–2007 гг. Грубо говоря, наша высшая и средняя бюрократия и не была «элитой» в собственно социологическом смысле, т.е. авторитетной группой, задающей новые образцы, которым следуют другие слои, генерирующей новые идеи, моральные или культурные стандарты и представления. Безусловно, это высокостатусная группа, но ее функция — не выработка и постановка новых политических и общественных целей, а поддержание сложившегося порядка, сохранение того, что уже есть, т.е. чисто консервативное воспроизводство. Поэтому особых различий между массой и теми, кто, как говорил Левада, «назначен быть элитой», нет. Руководство не готово и не способно к проведению стратегии долгосрочных целей и программ национального развития, оно мыслит в очень коротком горизонте текущих событий, у него нет потенциала социального предпринимательства.

С.Э. Кем сейчас представлена современная структура власти, кроме сотрудников спецслужб, военных, есть ли в ее составе бывшие партийные и комсомольские деятели, директора заводов?

Л.Г. Помимо обычной циркуляции состава элит, обусловленной естественным процессом замещения кадров, происходит и функциональная смена. При Ельцине высшее руководство было очень разнородным — наряду с прежней номенклатурой туда входили и новые лица из числа реформаторов, активистов демократического движения, новые политики, поднявшиеся после краха ГКЧП, предприниматели, начавшие как комсомольские кооператоры, или чекисты, ставшие предпринимателями и финансистами. С приходом Путина выходцы из спецслужб заняли все ключевые позиции в экономике и госслужбе. Крупный бизнес тасовался из силовиков, руководителей госкорпораций, бывших региональных руководителей, партийных брокеров и региональных предпринимателей и т.д. С конца 2000-х гг. этот состав элиты постепенно начинает вытеснять новая генерация сорокалетних чиновников (кремлевские администраторы предпочитают называть их «технократами», хотя это только имитация, уподобление функциям западных управляющих), социализированных именно в условиях путинской «стабильности», имеющих опыт взаимодействия с бизнесом, очень коррумпированных. Собственно, они и начали сегодня продвигаться вверх, постепенно оттесняя силовиков, прежних чиновников из окружения президента, занимавших еще недавно высшие

позиции. Но сложившееся ранее сращивание государственной бюрократии и бизнеса принципиально сохраняется. Тут как раз все перемешано.

С.Э. Люди с комсомольским прошлым сошли на нет или все же представлены во власти? В 90-х гг. их было очень много.

Л.Г. Было несколько волн циркуляции элит, связанных с разными каналами и траекториями продвижения. Часть — это «красные» директора, которые быстро переqualificировались и быстро растеряли свои позиции и капитал влияния. Вторая часть — это кооператоры, цеховики, авантюристы. Посмотрите биографию В.А. Гусинского. Это самые предприимчивые люди, рискованные, готовые к инновациям, от них тоже мало кто остался, их бизнес перехватили силовики. Третьи — это партийная, комсомольская когорта, легко начинавшие, готовые к экспериментам, они как раз полностью адаптировались к новым правилам поведения в условиях путинского правления. Четвертая — представители спецслужб, использующие свои ведомственные ресурсы.

С.Э. Если подвести итог проекту «Советский человек», все-таки большинство людей на сегодняшний день хотят, чтобы государство честно распределяло?

Л.Г. Да, это именно так! Но одновременно россияне понимают, что этого никогда не будет. 70–80–85% опрошенных считают, что государство тотально коррумпировано. Сообщения о новых коррупционных скандалах образуют хронический

информационный фон. Поэтому обычные люди считают, что декларации руководства о борьбе с коррупцией — это пустые слова, речь может идти лишь о борьбе разных кланов «наверху» или сливе компромата. По нашим данным, взятки дают примерно 30% населения. Но это мелкие суммы. Имеются в виду подношения или подарки учителям, врачам, откупные гаишникам и др. Ведь на бытовом уровне мы не так часто сталкиваемся с государством, только в особых случаях. Среди предпринимателей этот показатель составляет 70%, и это совершенно другие деньги и суммы откатов. Чем активнее в социальном плане группа, тем большую она платит коррупционную «дань». С молодежи, особенно в крупных городах, поборы берутся чаще, чем с пожилых людей, особенно в селе, где население бедное, с которого и взять нечего. Таким образом, мнения о коррумпированности правящего класса генерирует само общество. Решительное выражение лица у чиновных борцов с коррупцией народ не убеждает.

С.Э. Выходит, что людей устраивает такая система, когда можно договориться?

Л.Г. В какой-то степени устраивает, они привыкли к этому и не видят в этом проблемы. Возмущает и шокирует лишь чрезмерность, иррациональная алчность тех, кто во власти. Когда показывают силовика — полковника Дмитрия Захарченко, по должности обязанного бороться

с злоупотреблениями чиновников, и его квартиру, набитую деньгами, это не может не поражать, как и любые другие скандалы, которые выходят за пределы способности к воображению и «разумности». Но никаких массовых реакций протеста подобные сообщения не порождают.

С.Э. В этом смысле антикоррупционные репортажи Навального не имеют большого эффекта?

Л.Г. Реакция на них неоднозначна. С одной стороны, они имеют очень большой резонанс. Поддержка выступлений Навального достигла пика в 2011–2012 гг.; тогда его лозунги поддерживали 40–45% населения. Однако, когда начались кампании по его дискредитации, одобрение его деятельности снизилось. Тут наши данные немного расходятся с данными Фонда борьбы с коррупцией. Это касается и количества просмотров роликов. В любом случае люди смотрят, возмущаются, но картина мира не меняется, поскольку это не приводит ни к какой собственной активности. Да, в очередной раз говорится, что власть коррумпированная. Но это не новость и не событие. Этой власти в общественном сознании нет альтернативы. И люди считают, что бесполезно что-то делать. По определению Левады, это — «зрительское общество», а не общество граждан.

С.Э. С какого года вы стали проводить исторические опросы, и как менялась их динамика?²

² Таблицы о динамике героев истории и исторических событий доступны в приложении к версии интервью с Л. Д. Гудковым, размещенном на сайте журнала «Историческая экспертиза»: URL: istorex.ru/page/gudkov_ld_raznitsa_v_predstavleniyakh_i_politicheskikh_ustanovkakh_mezhdu_putinskoy_elitoy_i_osnovnoy_massoy_naseleniya_okazalas_nichtozhnoy.

Л.Г. С 1989 г. Какие изменения? Меняется символическая структура: уходят революционные символы, имена революционеров, фигуры советского пантеона. В 1989 г. мы просили респондентов назвать 5–10 имен самых великих людей и события, которые изменили жизнь России и всего человечества, чтобы иметь возможность сравнивать наши замеры с аналогичными в других странах. В 1989 г. на первом месте был Ленин, Пушкин, Петр Первый в окружении набора большевиков и старых революционеров (Маркс и Энгельс). Сегодня все большевики и революционеры ушли, а их «остатки», например Троцкий, Бухарин, рассматриваются преимущественно негативно. Маркс практически полностью исчез. Первый вопрос еще дал список иностранных имен в некотором количестве, но чем дальше, тем их становилось все меньше. Мы наблюдаем замыкание в кругу русских символов и изменение структуры этого пантеона.

Революция 1917 г. как конститутивное для советского строя событие последовательно вытеснялась после 1991 г. из массовой памяти, причем усилиями всех политических партий (кроме зюгановцев, но их сравнительно немного). Функциональная роль главного государственного символа, определяющего важнейшие государственные ритуалы и праздники национального единства, перешла от Октябрьской революции (как символа новой эры, строительства нового общества) к 9 мая — Дню Победы. Слава и гордость за Победу над нацизмом наделили людей чувством моральной правоты и правом навязывать свою волю другим странам,

закрыли все коллективные травмы прошлого, террор и репрессии, войну с крестьянством, уничтожение высших и образованных классов и т.п. С конца 90-х гг. пошел процесс реставрации имперских представлений и символов. На каком-то отрезке список великих людей возглавил Петр, оттеснив и Ленина, и Сахарова. Но это длилось недолго. С приходом Путина стал (вначале тихо, а затем открыто) реабилитироваться Сталин, а с ним поднялись и полководцы: Жуков, Суворов, Кутузов, Наполеон и т.д., потащив за собой прежние наборы милитаристских представлений и стереотипов. В последнее время стал виден и третий эшелон — борцов с большевиками — Колчак (в том числе благодаря фильму), Деникин.

Ярчайшим показателем этой тенденции можно считать рост популярности Николая II, причисленного к лику мучеников или страстотерпцев. Причем его оценки меняются от явно негативного отношения, характерного для советских учебников истории, до преимущественно позитивного. А верхнюю строчку в списке «великих» всех времен и народов занимает Сталин (с 2012 г.). Важно подчеркнуть, что в 1989 г. отношение к Сталину было однозначно негативным: он рассматривался как диктатор, патологический садист, инициатор массовых репрессий и террора. Всего 8% оценивали его позитивно. Но ожесточенная, хотя и очень поверхностная критика сталинизма не затрагивала природу советского тоталитаризма и его последствий. Вместе с разочарованием в реформах и в демократии отношение к Сталину стало меняться, наступило равнодушие, особенно у молодежи. Доля тех, кто не хотел

ничего знать о нем и сталинской эпохе, увеличилась с 12 до 47% к 2010 г. А затем пошел обратный процесс — оправдание Сталина. Около 2/3 считали, что без Сталина не было бы Победы во Второй мировой войне. Отсутствие в обществе моральных или культурных авторитетов, публичных фигур, которые задавали бы тон в интерпретации, понимании, исторической оценке личности и политики Сталина, привело к тому, что люди, отвечая нам, заявляли, что они не в состоянии разобраться, кто прав, а кто виноват. 65–67% опрошенных считали, что Сталин, безусловно, виноват в гибели миллионов людей, но без него наш народ не победил бы в войне, что вроде бы по-другому и нельзя было. И такое понимание сохраняется до сих пор. Это очень важный момент, поскольку на следующий вопрос: «Можно ли признать Сталина государственным преступником?» — большинство говорит: «Нет, нельзя», поскольку вслед за этим нужно было бы признать преступной всю советскую систему. А на это люди не готовы пойти, поскольку это означало бы полный крах коллективной, национальной идентичности. Отсюда — массовый ступор и неспособность к пониманию истории, которая превращается в отдельные сцены или фрагменты иррационального, бессубъектного течения событий. Почти библейские — глад, мор, нашествия. Тихая реабилитация Сталина пошла с начала 2000-х гг., но после 2005 г., когда мы отмечали 60-летие со дня Победы над фашистским режимом, она превратилась в последовательное его возвышение, в том числе в массовой культуре. Не то чтобы это разрушало представления о терроре, оно сохранилось. Но сейчас

большинство россиян действительно считают, что Сталин сделал больше хорошего. Признание его «эффективным менеджером» разрушает моральные основы общественного сознания, гражданской солидарности и исторической памяти, заменяя их мифами прошлого Великой державы. Сталин поднялся только потому, что оказался вписан в композицию или контекст Победы, ставшей центральным, опорным символом коллективной идентичности. Понятно, что это результат длительного воздействия нынешней пропаганды, СМИ и массовой школы. Вместе с тем стерилизация значения революции и насаждение имперских представлений, превосходства русских над другими, славы русского оружия, воинских побед, обширности территорий, колонизованных русским государством, повлекло за собой утрату представлений о структурности российской истории и замену ее чувством безвременности прошлого, скрепляемого идеей сакральности государства, уходящего в темную глубь веков. Можно сказать, что формируется новая утопия — мистического тела России, «светлого» и величественного прошлого. Тем самым происходит традиционалистская легитимация вертикали власти, неизменности сложившейся политической системы.

Если говорить об истории, меня больше всего интересует, как и кем задаются эти представления, каковы каналы передачи исторических знаний, т.е. откуда люди узнают о том, что было. Ведь историческая память — это не память о том, как «это было», а память о том, что людям рассказывали о том, что было.

Довольно быстро выяснилось, что механизмов удержания памяти, даже о недавних событиях, в массовом сознании практически нет. Без специальных институциональных механизмов или усилий поддержания памяти (СМИ, культурных и публичных институций, церемониалов, выделения мест памяти и т. п.) люди в массе своей забывают то, что было, уже через несколько лет. Через 25 лет путча ГКЧП 50% опрошенных не могли сказать ничего определенного об этом событии, просто забыли. Большая часть других (из оставшихся) говорит, что это был незначительный эпизод борьбы за власть. Среди молодежи 90% не знают, что было в августе 1991 г. Ключевое событие Новейшего времени просто утратило свой символический статус.

Память — это прежде всего результат деятельности определенных институтов: школы, литературы, кино, но также СМИ, пропаганды, армии. Более рациональное представление сохранилось только у бюрократии. Чиновники не просто оказываются более информированными, поскольку имеют доступ к закрытым, внутрибюрократическим источникам информации и интерпретации (например, материалам с грифом ДСП), но потому, что причастны памяти корпорации власти, а значит — характеризуются особым вниманием к фазам кризисов или потрясений. Отдельная тема — это личная память, в том числе образованной среды, опирающейся на семейные архивы, дополненные ресурсами письменной культуры — книжными воспоминаниями, мемуарами, исследованиями историков и проч. Однако личные каналы «исторической памяти» всегда

будут передавать аморфные и очень фрагментированные представления, лично окрашенные, но без потенциала генерализации и возможностей их анализа. В сельской среде, например, уже никто не говорит о революции, но живы и очень непосредственно звучат воспоминания и опыт войны. Тем не менее этот вид памяти является локальным, эпизодичным, он не дает возможности понимания общего процесса или общей картины. Поэтому для обобщений неизбежно используется официальный язык. Соединение личного опыта с идеологией только и позволяет удерживать то, что можно считать «исторической памятью» какой-то общности.

Вообще, слой образованных людей резко отличается по характеру обращения с историей. Среднее звено — бюрократия — интересная, но довольно неоднородная группа. Она, с одной стороны, контролируется начальством и реализует его интересы, с другой — в силу своих функций она воспроизводит проблемы населения и транслирует (пусть и в искаженном виде) начальству, власти. Эта ее двойственность оборачивается гораздо более широким кругозором, чем у населения и у самой власти. И именно этот слой или группа развалили советскую систему. В первой половине 90-х гг. у нас в тогдашнем ВЦИОМ был проект о циркуляции элит. Он строился в первую очередь на анализе биографий чиновников, их происхождения, образования, карьеры. И что получилось? Если в конце сталинского периода (самое начало 50-х гг.) в условиях репрессий и чисток для того, чтобы занять первую номенклатурную должность, кандидатом нужно было затратить

всего 3 года, то в конце брежневского времени — 18–20 лет (для той же самой должности). Это означало, что с прекращением террора вертикальная мобильность почти полностью прекратилась. Соответственно, именно в среде бюрократии накопились наибольшие напряжения, вызванные отсутствием карьерного роста, полным «застоем». Для этого слоя бюрократии (включая инженеров, людей, пришедших из науки) номенклатурная геронтократия была понятным врагом. Они не видели для себя перспективы, не могли делать карьеру, они хотели реформирования системы (но не ее разрушения!).

В этом плане исследования «исторического» сознания» чрезвычайно интересны. Под влиянием каких социальных интересов удерживаются те или иные конструкции истории? Всякий раз селекция исторических событий и их интерпретация обусловлена проекцией на прошлое сегодняшних, актуальных интересов разных групп. Более того, именно «исторические представления» в свернутом виде содержат или сохраняют опыт предыдущих периодов общественной жизни. Например, согласно последним опросам, посвященным отношению к 1917 г., большевистская революция считается «незаконной, но и неизбежной», ее результаты или последствия оцениваются тоже очень двойственно. Государственно-патерналистское сознание бедной и депрессивной периферии склонно скорее позитивно оценивать революцию (примерно 45% населения считают, что революция дала толчок развитию народов России, освободила от эксплуатации, установила более справедливый

общественный порядок). Напротив, менее зависимые от власти группы, более обеспеченные, образованные, сильнее втянутые в рыночные отношения, оценивают ее негативно. Но те, кто сохраняет советские представления о революции и о том, что она дала народу, готовы принять государственное насилие как таковое, вне всяких правовых ограничений.

С.Э. Во властной пропаганде формулируется новая «концепция» революции: «либерасты» из Временного правительства разрушили страну, а большевики спасли ее от гибели. Думаю, это делается с целью, чтобы легитимировать советский период в целом.

Л.Г. Безусловно, концепции меняются, хотя массовое сознание — структура сама по себе довольно инерционная, и мы не всегда можем фиксировать идеологические или политические изменения курса верхов, поскольку общественное мнение не успевает за ними. Если проанализировать нынешние мнения о причинах Октябрьской революции, то мы получим три потока или три типа объяснений. Первые (инерционные, советские схемы) — «тяжелое положение трудящихся масс», они самые распространенные, особенно среди малообеспеченных групп провинциального населения. Второе — «заговор элит» (генералов, аристократии, высших сословий), сравнительно недавняя версия, тиражируемая кремлевскими каналами ТВ и воспринятая в большей степени именно бюрократией. Третье — враждебная деятельность из-за рубежа (тоже поддерживаемая официозом). То, что наверху поменялись акценты,

народ об этом пока не совсем осведомлен. Но я бы подчеркнул, что такое умножение конспирологических версий уплощает понятие истории. Идея изменений, социальных коллизий подменяется вульгарными мотивами как бы реальных персонажей. Тем самым, строго говоря, сохраняется в неявном виде внутренне статичная картина действительности, лишённая социального драматизма.

С.Э. Как получилось, что вы прекратили работать во ВЦИОМ?

Л.Г. Не мы прекратили работу во ВЦИОМе, а у нас рейдерским манером отняли ВЦИОМ. Вначале мы (т.е. тот исследовательский коллектив, который создал этот институт) были Всесоюзным государственным центром изучения общественного мнения. После 1991 г., когда всесоюзные структуры развалились, прекратилось бюджетное финансирование наших исследований. Нужно было учиться жить в условиях рыночной экономики и самим искать источники финансирования для проведения опросов.

В 2002 г. началась зачистка информационного пространства, борьба с олигархами — владельцами крупных ТВ-компаний (ликвидация ОРТ Березовского, НТВ Гусинского), происходит установление почти полного контроля за всей информационной сферой. ВЦИОМ тогда был ФГУП. Дирекция подала документы на акционирование, поскольку мы хотели выйти из этого статуса, но нам это не разрешили. Вскоре Леваде было предложено уйти — по возрасту. На его место был подобран В. Федоров, человек из околоремлевской

политтехнологической конторы, в прошлом аспирант Г.В. Осипова. Левада отказался, он не хотел быть в полной зависимости от администрации президента, а значит, переходить от научной работы к обслуживанию власти. Его немедленно уволили с откровенным нарушением трудового законодательства (перед этим он прошел переаттестацию на новый 5-летний срок). Но вслед за ним ушли все наши сотрудники, все 100%. Это был 2003 г. Незадолго до этого мы создали запасную организацию — ВЦИОМ-Аналитика, куда сотрудники начали постепенно переходить. Федоров оспорил в суде это название — ВЦИОМ-А. И тогда решением нашего коллектива, несмотря на сопротивление Левады, новую организацию назвали Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр). Это автономная, некоммерческая организация. Тогда казалось, что это очень удачно выбранная форма, потому что она и не государственная, и не частная. Но как оказалось, этот правовой статус для нас стал ловушкой, поскольку его нельзя изменить, такую организацию можно только ликвидировать с передачей всех фондов государству. После 2012 г. резко ужесточился режим отношения к общественным организациям. Был изменен закон о НКО, и тогда было впервые признано, что социологические исследования — это политическая деятельность, а если вы работаете с западными университетами, то вы автоматически зачисляетесь в «иностранные агенты».

С.Э. А коммерческие фирмы обращаются к вам за социологическими исследованиями?

Л. Г. Да, главные наши заказчики — это отечественные фирмы и исследовательские институты. Иностраных заказов у нас было сравнительно немного. Примерно 12–15% нашего оборота. Бюджет Левада-Центра формируется в основном за счет маркетинга и долговременных проектов, которые мы ведем с российскими университетами. Отказ от зарубежных проектов — это не только существенная потеря в деньгах; участие в зарубежных или международных проектах — для нас еще и возможность соизмерять наши технологии с мировыми социологическими стандартами. Требования западных заказчиков гораздо более жесткие, чем российские. Это касается как методики, дисциплины реализации проектов, так и контроля качества получаемой информации. Совместные исследования нужны в первую очередь для научного обмена идеями, методиками, а значит — для профессионального самоконтроля (имейте в виду, что в 1990-е гг. весь наш состав прошел длительное многомесячное обучение в европейском подразделении международного Института Гэллапа). Сейчас мы столкнулись не просто с сокращением финансирования, но и с запретом на проведение электоральных исследований. Давление есть.

С. Э. Давайте поговорим о нашей научной интеллигенции. Казус Мединского уникален тем, что, кроме всего прочего, он в своих выступлениях, включая диссертацию, открыто говорит о том, что научная объективность равна национальным интересам. Такая формулировка перечеркивает все то, чем занимаются профессиональные историки.

Как вы прокомментируете поведение ученых, которым откровенно плюнули в лицо?

Л. Г. Это общий позор. Я не буду говорить о скандальности этого дела, мне гораздо интереснее более сложные процессы. Защита Мединского — лишь один из показателей быстро идущей деградации российской науки. В середине 90-х гг. у меня были надежды, что она может стать автономной от государства, т.е. подчиняться своей собственной логике и запросам общества. Я считал, что возникновение массовых, негосударственных институтов в конце 1990-х — начале 2000-х гг. — это признак возникновения современных форм организации науки, показатель ее независимости от групп давления и цензуры, или, по крайней мере, свидетельство ее ухода из-под государственного контроля. Развитие науки может определяться только собственной логикой научных интересов, решения внутренних познавательных задач, в какой-то степени отражающей запросы общества. Мы же наблюдаем все большее подчинение и университетов, и РАН государственной бюрократии и превращение их в обслуживающий, легитимирующий механизм. На мой взгляд, это конец науки. Беда в том, что разрыв между академической наукой, ее достижениями, и публикой — чудовищный, цензура блокирует межгрупповые связи и коммуникации. И отношение в широких массах к Сталину и другим злодеям показательно. Историки, если говорить прямо, не воздействуют на общественное сознание. Они почти не участвуют в публичной жизни. Это одна из причин банализации истории, общественного мнения,

мифологизированного восприятия действительности, равно как и реставрации советских представлений, архаизации и примитивизации массового сознания. Государство разрушает внутреннюю организацию науки, упраздняя академическую автономию и навязывая ей свои приоритеты и свои критерии значимости научных результатов. Наука извращена тем, что занята обслуживанием политических интересов, а не собственной работой. С моей точки зрения наука может быть эффективной только тогда, когда она обладает известным уровнем самостоятельности.

С.Э. Почему не происходит самоорганизация самой образованной части населения нашей страны?

Л.Г. Потому что в своем социальном и гражданском качестве, не в качестве специалиста — обладателя особых знаний и компетенций, исследователь, ученый, преподаватель ничем не отличаются от массового человека. Это то же сознание советского человека, которое приспосабливается к положению вещей, ибо не доверяет никому, не знает, не верит, что можно что-то делать, чтобы изменить ситуацию в обществе и вокруг себя. Извращение, деградация науки — это следствие наступления государства на те сферы, куда оно не должно вторгаться, вытеснения участия общества, подавление его запросов. Если только государство является источником финансирования, то только оно и будет выступать и заказчиком, и постановщиком задач научных исследований во всех областях, и оценщиком полученных результатов. Я вижу, как меняется обстановка в моей области, как из из-

учения широкого поля социальных проблем социология суживается до обслуживания власти, до пропаганды и «оптимизации управления». В строгом смысле слова это — катастрофа. Это значит, что не общество ставит задачи науке через сложные механизмы опосредования и влияния на познавательные интересы ученых, а власть, которая всегда менее компетентна, чем академическое сообщество или даже просто образованный слой.

С.Э. Как это можно изменить? Неужели нет никаких «точек роста»?

Л.Г. Эти точки, несомненно, есть, они возникают спонтанно, поскольку общество еще живое. Есть «Диссернет», есть Клуб Первого июля, «Мемориал», «Голос», «Новая газета», Вольное историческое общество, Европейский университет, журнал «Историческая экспертиза» и множество других. Но базовый тренд — реставрация тоталитарной системы. Однако ресоветизация уже не может достичь тех объемов, как это было при Брежневе. Мы имеем дело со сращением старых и новых форм, модификацией системы. Консервативный, реакционный тренд, движение назад, давление государства порождает некоторое сопротивление, пусть слабое, локальное, фрагментированное, но все же сопротивление. Так что точки будущих развилочек возникают. Почки новых отношений могут развернуться, а могут и нет. Не все импульсы изменений превращаются в устойчивое движение. Потенциал не всегда институционализируется. Кроме того, какая-то часть людей уезжает, преимущественно это молодые

люди. И это сразу понижает давление в котле. Но не хочу быть абсолютным пессимистом.

С.Э. Воспроизводится позднесоветская ситуация. Но в то время были реальные угрозы (увольнение с работы), а сейчас таких угроз нет.

Л.Г. Разрушена коллективная мораль, чувство солидарности и ответственности. К тому же очень высок уровень цинизма, включая профессиональный. Конечно, люди стали образованнее, квалифицированнее, но советский опыт приспособления, терпения, в одиночку он сильнее, а это значит, что недовольство «токсичным государством» не кана-

лизируется в русло сопротивления. Есть инициативы волонтеров, но они каждый раз привязаны к какому-то конкретному случаю и не более. Для того чтобы это имело гораздо более ощутимый эффект, нужен другой уровень сознания и альтруизма.

С.Э. Поделитесь вашими творческими планами.

Л.Г. Я бы очень хотел завершить проект «Советский человек». И я близок к этому. Я хочу подготовить теоретическое введение о том, что происходит в обществе после краха советской системы и некоторой регенерации тоталитаризма. Но времени постоянно не хватает.

“THE DIFFERENCE IN VIEWS AND POLITICAL ATTITUDES BETWEEN PUTIN’S ELITE AND THE BULK OF THE POPULATION TURNED OUT TO BE NEGLIGIBLE”.

Interview with L. D. Gudkov

Gudkov Lev D. — Doctor of Philosophy, Director of the Yuri Levada Analytical Center (Levada Center) (Moscow)

Key words: family memory, corporate memory, applied sociology, Soviet people, public sentiments, historical consciousness, relations between society and power, self-organization of society, Levada Center.

Abstract. One of the leading Russian sociologists, the director of the Levada Center, Lev Gudkov, talks about his life and professional career, analyzes the evolution since the late 1980s of public attitudes of people who grew up in the Soviet era, reflects on the relationship between power and society in today’s Russia. Attention is also paid to the reflection in sociological surveys of the historical consciousness of Russians.

«НАШИ РУССКИЕ КОЛЛЕГИ ОЧЕНЬ ОТКРЫТЫ И ХОТЯТ СОТРУДНИЧАТЬ НЕ ТОЛЬКО С НАМИ, НО И С ИНОСТРАННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ».

Интервью с Сандрой Дальке

(Ноябрь 2019)

Ключевые слова: историческая русистика и советология в Германии, германские исследования в России, Германский исторический институт в Москве.

Аннотация. Немецкий историк-русист, директор Германского исторического института в Москве, рассказывает как о собственных научных исследованиях, так и о проектах возглавляемого ею Института.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-115-124

Доктор Сандра Дальке является автором работ: “An der antireligiösen Front”. Der Verband der Gottlosen in der Sowjetunion der zwanziger Jahre. Hamburg 1998; Individuum und Herrschaft im Stalinismus: Emel’jan

Jaroslavskij (1878–1943). München 2010; Sandra Dahlke/Michel Tissier (Hgg.): Dossier: Pratiques du droit et de la justice (XVIIIe–XXe siècles), Cahiers du Monde Russe 53 (2012) N. 1.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Наш журнал занимается памятью, и интервью с историками мы начинаем с семейной памяти. Расскажите, что вы помните о своих предках.

С. Д. Мой собственный исторический опыт довольно скромный. Я родилась рядом с бывшей границей с Восточной Германией — в городе Кас-

селе в 1968 г., т. е. рядом со Стеной. До 1989 г. нам казалось, что Стена — это навсегда. Нас, живущих на Западе Германии, Восток Германии не особо интересовал. Мы считали, что здесь ничего не изменится. О падении Берлинской стены (мне тогда был 21 год) я узнала, когда училась в Париже. Еще за полгода до этого я не могла бы и предположить, что такое возможно!

К сожалению, я мало могу рассказать о семейной памяти. Родители об этом почти не говорили. Они оба родились в 1938 г. и всегда жили в окрестностях Касселя. Семья отца была из Западной Пруссии — это сегодняшняя Польша. В 1943 г., когда моему отцу было пять лет, Кассель подвергся страшной бомбардировке, и моя бабушка с тремя маленькими детьми бежала к семье отца в Западную Пруссию. Только они прибыли туда, как Красная армия начала наступление. Они бежали обратно в Кассель, где их снова застали авианалеты. К счастью, все они остались живы.

Я стала интересоваться Россией, потому что у меня в школе был очень хороший учитель, который читал с нами Достоевского, Толстого. Начиналась перестройка, и для нас это было очень интересно! Я начала интересоваться коммунизмом. И это вызвало конфликт с родителями. Но меня это очень интересовало, и после возвращения из Парижа я поступила в Кельнский университет на отделение истории Восточной Европы, где преподавали знаменитые историки, как, например, Андреас Каппелер. Спустя два года я продолжила учебу в Гамбурге, где была замечательная славистика. Я окончила учебу в 1998 г. и поступила в аспирантуру, где писала биографическую работу о Емельяне Ярославском. Тогда меня интересовало, на чем строилось доминирование Сталина над своим окружением, почему все ему подчинялись. Например, могло показаться, что Ярославский просто всегда был убежденным сталинистом, но, вероятно, на самом деле все было сложнее.

С.Э. А вначале он был с Троцким?

С.Д. Нет, наоборот. Вначале у него была склонность к популистским движениям в большевизме. Он был приверженцем военной оппозиции. А в течение 1920-х гг. он постепенно становился сталинистом. Приверженность вождю особенно нарастала, когда его стали оттеснять от власти в 1930-е гг. Меня с самого начала интересовал вопрос: почему все большевистские лидеры стали соучастниками собственного уничтожения? Это представлялось мне самым важным вопросом. И сначала я хотела писать коллективную биографию членов ЦКК. Но после трех месяцев работы с архивами я поняла, что это невозможно: такая работа заняла бы не меньше сотни лет!

О Ярославском было достаточно много документов, и я случайно познакомилась с его дочерью, которая родилась в 1915 г. в ссылке в Якутске. У нее оказался семейный архив — дневники, письма, которые она постепенно мне передала. Это было чрезвычайно интересно, и я начала писать кандидатскую работу, основываясь на этом семейном архиве.

С.Э. У меня давно возник вопрос по поводу Ярославского, на который до сих пор не нашел ответа. Почему заведовать атеистической пропагандой назначили еврея? Ведь это могло восприниматься не как борьба атеистов с православными, а как борьба евреев с основным населением. Было ли это сделано специально, или об этом просто никто не задумывался?

С.Д. Мне кажется, над этим просто не задумывались. Конечно, он играл

большую роль во время следствия против патриарха Тихона, но я думаю, что так сложилось просто потому, что он интересовался религией. Наверное, его выбрали на эту роль не из-за его этнического происхождения. Во всяком случае, я не нашла в архивах ничего, что могло бы это подтвердить. Думаю, что его выбрали для такой задачи просто потому, что считали специалистом в области религии.

С. Э. А над чем вы работали после этой книги?

С. Д. Я приехала в Москву в 2013 г., чтобы вступить в должность заместителя директора Германского исторического института в Москве (ГИИМ). Сейчас уже год, как я являюсь директором этого института. Конечно, у меня очень большая административная нагрузка, но, когда у меня есть время, я занимаюсь уголовными судебными процессами после Великих реформ Александра Второго. Это мой текущий проект.

С. Э. Как давно вы занимаетесь этой темой?

С. Д. Уже почти десять лет. Я стараюсь писать книгу, когда нахожусь на это время.

С. Э. Если говорить о ваших планах, то это, видимо, подготовка книги по этим материалам?

С. Д. Да, меня особенно интересует история судебной практики с XIX в. по сегодняшний день.

С. Э. А что обратило ваше внимание и показалось особенно неожидан-

ным в изучении русской судебной практики?

С. Д. В начале проекта меня очень заинтересовали судебные скандалы. Но, как это часто бывает в науке, по ознакомлении с источниками, я открыла для себя иное направление. XIX в. в России — эпоха становления влиятельной печатной прессы, и я стала систематически читать публикации того периода. Один судебный процесс меня особенно заинтересовал, т. к. он вызвал большой резонанс. Это был процесс игуменьи Митрофании. Я задумалась, почему процесс был таким важным для современников. И только со временем стала понимать, каково было его значение. Я считаю, что на самом деле это был показательный процесс. Его функция заключалась в том, что он должен был ознакомить современников с судебной реформой и показать, что новая судебная система действительно уравнивает все сословия перед лицом закона. Игуменья Митрофания происходила из аристократии, бывшая фрейлина императрицы и вообще очень высокопоставленная фигура. Этот процесс продемонстрировал церкви и дворянству, что новые законы и новая судебная система предъявляют одинаковые требования ко всем подданным Российской империи. Он замечателен тем, что большую роль в процессе играли все сословия царской России — от крестьянина до членов императорской семьи. Через этот процесс можно писать экономическую историю, историю развития судебной системы, историю профессионализации юридического персонала и т. д. Это очень плодотворный пример и плодотворная история!

С.Э. На примере Ярославского вы рассматривали сталинское окружение, а на примере игуменьи — работу пореформенной судебной системы. А в чем обвиняли Митрофанию?

С.Д. Она была настоятельницей Введенского Владычного женского монастыря в Серпухове, а обвинялась в мошенничестве — подделка завещаний, денежных бумаг, векселей и т.д. И она на самом деле занималась этими подделками.

С.Э. Она подделывала документы, по которым завещали в монастырь деньги?

С.Д. Не сразу и не сами завещания, а иные бумаги. Она была очень амбициозна, хотела создать настоящую благотворительную империю. Но для этого понадобилось очень много денег. Многие богатые купцы завещали свои средства монастырю, но после этого было очень много судебных процессов, потому что наследники не желали передачи средств. И поскольку она не получала необходимых средств на текущее строительство, она, в ожидании этих денег, переживая финансовые затруднения и не видя другого выхода, начала подделывать векселя и другие денежные бумаги, чтобы оплатить счета поставщиков.

С.Э. А она действительно занималась благотворительностью?

С.Д. Да! Она не использовала эти деньги в своих целях.

С.Э. Странно, что эта история прошла мимо Достоевского!

С.Д. Достоевский упоминал об этом косвенно в романе «Подросток». Островский посвятил делу Митрофании пьесу «Овцы и волки», Некрасов — поэму «Современники», а Салтыков-Щедрин сатирический фельетон «В среде умеренности и аккуратности». Митрофанию осудили на одиннадцать лет ссылки в Енисейскую губернию. Но за кулисами публичного процесса шли переговоры, и после заступничества со стороны ее семьи приговор смягчили: ее сослали на Кавказ и в Южную Россию, где она провела почти всю оставшуюся жизнь. Но это было сделано тайно, т.к. процесс был показательным, и смягчение вердикта в задачи руководства судебной системы не входило.

С.Э. Если говорить о России, то «своих» всегда выручали!

С.Д. Скорее всего, можно сказать, что в XIX в. подчиняться этим законам в одинаковой мере, вопреки декларации, должны были не все.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, об истории института.

С.Д. Германский исторический институт в Москве был основан в 2005 г. и сначала финансировался исключительно частными немецкими фондами. С 2009 г. он финансируется государством. Конечно, у нас есть другие средства — мы получаем различные гранты. Но основная работа финансируется Министерством образования и науки Германии. Изначально институт был основан для поддержки совместной работы российских и немецких историков в разработке сложных сюжетов ис-

тории XX в. Сначала в основном это была Вторая мировая война и ее последствия. Но институт расширялся, и сейчас у нас есть проекты, относящиеся хронологически ко времени с XV по XXI в. Самые крупные проекты, в том числе и в финансовом отношении, — это проекты по оцифровке немецких документов в российских архивах. Сейчас у нас большой проект с Росархивом, с Российским историческим обществом и с Архивом Министерства обороны по оцифровке немецких документов, находящихся в этих архивах. Мы полностью оцифровываем эти документы, они выставлены в Интернете в открытом доступе. Каждый желающий сможет с ними ознакомиться на сайте www.germandocsinrussia.org.

С.Э. Скажите, пожалуйста, какие это виды документов? Это документы, которые были перевезены в СССР в качестве трофеев?

С.Д. Это и архивы министерств, и архивы крупных предприятий Германии. Основной состав этих архивов — это архивы вермахта и СС. Основной материал освещает события на Восточном фронте. Задокументировано также нападение на Польшу, Западная военная кампания и нападение Германии на балканские государства. У нас есть также коллекция документов XVIII и XIX вв.

С.Э. То есть эти архивы были вывезены целиком, их не разбирали?

С.Д. Об этом пока еще мало известно. У нас в данный момент ведется специальный исследовательский проект, который посвящен истории этих архивов, в том числе и отдель-

ных фондов. Еще в 1945 г. был создан так называемый спецкомитет при ГКО. Специалисты довольно целенаправленно подбирали те архивы и фонды, которые имели политическое или экономическое значение для СССР. Эти фонды были, как правило, вывезены целиком. Хотя, просматривая эти фонды сегодня, мы все же обнаруживаем лакуны. Почему это так, пока остается загадкой. Мы также еще не очень хорошо знаем, по каким критериям эти архивы и отдельные фонды были распределены в разные ведомства, архивы и музеи на территории Советского Союза и как они там использовались.

С.Э. А в советское время с ними кто-то работал?

С.Д. Я думаю, что с ними работали. Конечно, доступ был очень ограничен. В юридическом смысле у нас сегодня очень сложная ситуация, потому что российское государство настаивает на том, что это собственность России, а немецкое государство настаивает на том, что это его собственность. Но для нас, историков, важно не кому они принадлежат, а чтобы общественность и историки, интересующиеся данными темами, могли пользоваться этими документами.

С.Э. Ваша цель — оцифровать полностью весь комплекс документов?

С.Д. Что касается документов, хранящихся в архиве Министерства обороны, то — да. Потому что доступ для исследователей туда ограничен, и поэтому мы это делаем. После этого проекта — предположительно он закончится через два-три года — мы хотим

продолжить работу по оцифровке немецких документов, находящихся в российских архивах, как в Москве, так и в других городах. Например, в РГВА есть документы, и их гораздо больше, чем в архиве Министерства обороны. Но это открытый архив, и, конечно, мы не будем оцифровывать все документы, а только самые важные объекты этого архива. Пока мы не очень хорошо знаем, где находятся немецкие документы. И это тоже наша задача — составить список архивов и документов, находящихся в них, не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. После войны их раскидали по разным хранилищам и распределили по разным критериям. Но и эти критерии мы пока не очень хорошо понимаем. Так что это задачи нашего проекта на будущее.

С.Э. Насколько большой массив документов уже введен, и повлияло ли это уже на историографию, прежде всего, немецкую?

С.Д. Я думаю, да. Потому что те архивы, которые еще находятся в Германии, это в основном документы до 1943 г., т.к. документы за последние годы войны либо были уничтожены, либо их вывезли в Советский Союз. Поэтому, я думаю, что документы последних лет Второй мировой войны очень важны. Еще прошло не так много времени с момента введения их в научный оборот. Но я уверена, что новые публикации, основанные на значительно расширенной базе источников, прольют новый свет, прежде всего, на события последней фазы войны.

С.Э. Сколько сотрудников работает в вашем институте?

С.Д. У нас в институте двадцать один сотрудник. Это библиотека, администрация, девять научных сотрудников и те, кто проводит наши мероприятия.

У нас есть еще один проект — это проект о советских военнопленных, в нем работают еще десять человек, он инициирован российским и немецким министерствами иностранных дел. Мы курируем научную часть этого проекта. Они работают в разных архивах: в России и, конечно, в Германии, т.к. там тоже есть очень важные для этого проекта документы, особенно в мемориалах. Если считать в целом, то всего получается тридцать один сотрудник.

С.Э. По информации на сайте вашего института видно, что вы работаете на многих направлениях. Прежде всего, обращают на себя внимание проводимые у вас различные конференции и круглые столы. Расскажите, пожалуйста, какие из них были самыми важными и какие планируются в будущем.

С.Д. В первые 4–5 лет с момента основания института проводились очень крупномасштабные мероприятия. Мы приглашали Рихарда фон Вайцеккера, Герхарда Шредера, Гельмута Шмидта, Михаила Горбачева, Евгения Примакова, Йошку Фишера и других высокопоставленных политиков. После этого мы стали приглашать уже крупномасштабных историков. У нас были среди других: проф. Лотар Галл, проф. Уте Фреверт, проф. Барбара Штолльберг-Ринлингер, проф. Ульрих Герберт, проф. Дитер Лангевише, известный юрист проф. Михаэль Штолляйс.

Сейчас для нас также очень важно поддерживать молодых ученых, для чего мы предлагаем несколько стипендиальных программ

В настоящее время мы проводим большое количество мероприятий сугубо научного характера, рассчитанных скорее на узкий круг ученых, чем на широкую публику.

Мы проводим мероприятия, приуроченные к памятным датам. Недавно у нас прошел круглый стол по теме падения Берлинской стены, его посетил бывший посол Германии в РФ Рюдигер фон Фрич и другие гости. В следующем году у нас будет круглый стол о «Переговорах 2+4», «Московском договоре» и т.д., который может быть интересен уже не только ученым, но и широкой публике.

Совсем недавно у нас было интересное мероприятие: «Путешествие Гумбольдта по России». В 2019 г. мы отмечаем 250-летие со дня рождения Александра фон Гумбольдта, и мероприятие приурочено к этой значимой дате.

С. Э. Я знаю, что в вашем институте планируется конференция о Семилетней войне.

С. Д. Да, на конец мая 2021 г. запланирована конференция «Россия и Семилетняя война (1756–1763): политика, армия, культура и люди эпохи» в ГИИМ. О Семилетней, или «Прусской», войне в России вспоминали и вспоминают пока нечасто. Ее даже можно назвать забытой войной, несмотря на то, что речь идет о конфликте, развернувшемся на трех континентах.

Хотя за последние годы круг источников, освещающих эту эпоху в елизаветинской России, существенно расширился, многое по-прежнему скрыто в архивах. Цель конференции — оценить потенциал этого научного материала.

Также мы организуем одну секцию по этой теме на заключительной международной конференции исследовательской программы фонда Фредерика Паулсена, инициированной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге совместно с Лондонской высшей школой экономики (spb.hse.ru/en/humart/history/news/227693184.html). Сама конференция будет проходить в 2022 г. в Латвии.

С. Э. Ваш институт активно занимается книгоизданием. Расскажите, пожалуйста, какие значимые книги были изданы, какие планируется издать.

С. Д. Мы сотрудничаем с такими издательствами, как «Новое литературное обозрение», «РОССПЭН» и «Историческая литература». В издательстве «Новое литературное обозрение» у нас есть очень хорошая серия «Studia europaea», в которой мы стараемся рассматривать российскую и немецкую историю не отдельно, а как часть европейской истории. В ней есть свой бестселлер, изданный два раза: Словарь основных исторических понятий, представляющий собой перевод «введения» и девяти статей исторического словаря общественно-политического языка, который положил начало новому направлению в историографии — истории понятий.

В целом выходят самые разные публикации, в которых представлена значительная роль участия Германии и России в истории XX в.: Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. Сборник статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: НЛО, 2014; Михаэль Штолляйс. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М.: РОССПЭН, 2017; Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сборник документов / сост. О.Б. Мозохин. М.: Историческая литература, 2017; СССР – Германия, 1932–1941. Вестник Архива Президента РФ, сборник документов / под ред. Сергея Кудряшова. М.: Издательство «Историческая литература», 2019.

Конечно, XX в. занимает самую большую нишу в наших исследовательских проектах, но история Средневековья, а также раннего Нового времени не остаются в стороне. Среди публикаций, посвященных этим периодам, стоит упомянуть следующие:

Центры и периферии европейского мироустройства / отв. сост. А.В. Доронин. М., 2014 (Россия и Европа. Век за веком); Век Просвещения. Le Siècle des Lumières. Выпуск VI. М.: Наука, 2018; Иностранцы-специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под редакцией В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019; Derek Offord, Vladislav Rjéoutski and Gesine Argent, The

French Language in Russia: A Social, Political, and Literary History. Amsterdam University Press, 2018; Д.А. Сдвижков. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году, М.: НЛО, 2019. Последние две книги, к слову, удостоились в этом году престижной премии им. Марка Раева.

Из того, что готовится к изданию, это огромная работа по переводу книги «Глобальная история XIX века» в одном томе — около 1500 страниц. Книгу написал один из самых знаменитых историков Германии — Юрген Остерхаммель. Это то, что нас сейчас очень занимает. Мы стараемся делать больше переводов, но это огромные деньги, поэтому у нас получается заниматься этим только в ограниченном масштабе.

У нас есть еще один интересный проект: «Восточные славяне в поиске надрегиональных идентичностей (кон. XV — сер. XVIII в.) в контексте современного нациогенеза». Ведущий этого проекта — наш научный сотрудник Андрей Доронин. По этому проекту ведутся продуктивные работы, книги выходят постоянно. Одно из самых красивых изданий в этой серии: «Родословное древо русских царей». В сентябре в Вильнюсе у нас прошла масштабная конференция в рамках этого проекта. Над проектом совместно работают украинские, польские, белорусские, прибалтийские и немецкие историки. Каждый пишет про свою страну.

С.Э. Я знаю, что в вашем институте есть стипендии, гранты, в том числе и для русских ученых. Расскажите, пожалуйста об этом подробнее.

С. Д. У нас есть стипендиальная программа, которая, в принципе, открыта для всех, имеющих квалификацию, необходимую для подачи заявки. Это около 50 стипендиатов ежегодно. Они работают в Москве от одного до трех месяцев. Большинство из них из РФ и бывших стран СССР, но у нас есть и стипендиаты из Германии, Англии, Франции, Америки, Италии, Польши. Со стипендиатами очень приятно работать! Один раз в месяц у нас проходит так называемый «День стипендиатов», где они делятся результатами работы и научными планами. Это чрезвычайно полезно и интересно, т.к. кроме всего прочего дает им возможность познакомиться друг с другом. В основном, конечно, это для молодых ученых, но ограничений по возрасту как таковых у нас нет. Есть также две стипендии в год для учебы в Германии для молодых ученых из России. Но тут уровень должен быть очень высоким, и, к сожалению, такие люди находятся не всегда.

С. Э. С какими российскими научными и учебными заведениями сотрудничает ваш институт?

С. Д. У нас самые разные партнеры. Очень тесно мы сотрудничаем с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Институтом всеобщей истории и с Институтом российской истории РАН, с МГУ, МГИМО, РГГУ. Мы также тесно контактируем с провинциальными университетами, например, с университетами Челябинска, Екатеринбурга, Казани, Воронежа и Ярославля. Стараемся по возможности работать и в регионах. Начинаем работать с дальне-

восточными научными заведениями в рамках нашего нового проекта «Россия на Тихом океане». В 2020 г. планируем начать цикл лекций по городам России, куда мы будем приглашать знаменитых историков, специализирующихся по глобальной истории. Эти мероприятия мы собираемся проводить в разных местах Российской Федерации вместе с Александром Семеновым, профессором Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

С. Э. Скажите, а немецкие историки, приезжающие в Россию работать в архивах, обращаются к вам за помощью или занимаются этим самостоятельно?

С. Д. Конечно, они с нами сотрудничают. Мы имеем право приглашать их через наших российских партнеров. Многие из них являются нашими стипендиатами, и мы поддерживаем их в работе с российскими архивами, стараемся помочь, хотя это и не всегда просто.

С. Э. Вы приехали сюда еще до «крымской истории». Скажите, возникли ли какие-то трудности в вашей работе в связи с изменением политической ситуации?

С. Д. Косвенно, да. Особенно в начале этого года, когда ужесточилось миграционное законодательство. Из-за этого у нас довольно много проблем бюрократического характера, которые мешают работать. Это для нас большая проблема. Все говорят о повышении мобильности исследователей, но появилось очень много препятствий, и, наверное, не только с российской стороны,

но и с немецкой. Так часто бывает, когда сталкиваются политические интересы. Мы иногда замечаем в Интернете, что в наш адрес звучат резкие высказывания о том, что мы «агенты» и т. д.

С. Э. А в отношениях с российскими учеными возникли какие-то изменения, не боятся они с вами сотрудничать в нынешней политической ситуации?

С. Д. В плане мобильности и приглашений ученых, конечно, возникли. Потому что миграционное законодательство делает ответственным человека, подписывающего это приглашение. И эту ответственность не все готовы брать на себя. Из-за этого у нас тоже возникают проблемы. Но на уровне совместной научной работы все осталось, как прежде. В этом смысле отношения с русскими коллегами у нас очень хорошие.

С. Э. Мне рассказывали, что в советское время люди боялись, пото-

му что после разговора с иностранным коллегой могли вызвать в КГБ. Такого пока нет?

С. Д. Мне кажется, что наши русские коллеги очень открыты и хотят сотрудничать не только с нами, но и с другими иностранными исследователями. Наша сегодняшняя наука — глобальная. При условиях современного мира общение с коллегами на международном уровне плодотворно и необходимо.

С. Э. Это хорошо! Получается, что пропаганда на нормальных ученых не действует.

С. Д. Может быть, есть и другие ученые, но они никогда не хотели с нами сотрудничать... Так что в этом плане мы не замечаем перемен. У нас, действительно, очень хорошие отношения, и наши мероприятия активно посещаются. И это очень хорошо!

С. Э. Спасибо за прекрасное интервью!

“OUR RUSSIAN COLLEAGUES ARE VERY OPEN AND WANT TO COOPERATE NOT ONLY WITH US, BUT ALSO WITH FOREIGN RESEARCHERS”.

Interview with Sandra Dahlke

Dahlke Sandra — Director of the German Historical Institute in Moscow

Key words: historical Russian studies and Soviet studies in Germany, German studies in Russia, German Historical Institute in Moscow.

Abstract. The German expert in Russian History, director of the German Historical Institute in Moscow, talks about both her own historical researches and the projects of the Institute headed by her.

«МЫ, ИСТОРИКИ, МОЖЕМ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НАЛАДИТЬ ДИАЛОГ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ».

Интервью с С. В. Журавлевым

(Январь 2020)

Ключевые слова: архивные источники по российской истории советского периода, история индустриализации в СССР, социальная и социокультурная история России в Новейшее время, Советский Союз глазами иностранцев, Россия 1990-х гг., Институт российской истории РАН, международные связи российских историков, исторические выставки.

Аннотация. Один из видных специалистов по отечественной истории советского периода делится результатами своих научных исследований, рассказывает о проектах Института российской истории РАН и о международном сотрудничестве российских историков.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-125-142

С. В. Журавлев является автором работ: Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / отв. ред. Л. Виола, С. Журавлев, А. Мельник. М.: РОССПЭН, 1998; «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000; «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004 (в соавторстве с М. Ю. Мухиным); АВТОВАЗ между прошлым и будущим: История

волжского автомобильного завода, 1966–2005. М.: Изд-во РАГС, 2006 (в соавторстве с Р. Г. Пихоей, А. К. Соколовым, М. Р. Зезиной); *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / отв. ред. С. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2010; История современной России. Период экономических реформ, 1992–1999. М.: Новый Хронограф, 2011 (в соавторстве с Р. Г. Пихоей и А. К. Соколовым); Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.) / отв. ред. С. В. Журавлев. М.; СПб.: Центр

гуманитарных инициатив, 2015; Мо- да по-советски: роскошь в стране де- фицита. М.: Изд-во «ИстЛит», 2019 (в соавторстве с Ю. Гроновым); Рас- пад СССР. Дискуссии о причинах,

Беседовал А. С. Стыкалин.

А. С. Сергей Владимирович, давай- те поговорим о вашем пути в исто- рическую науку. Когда вы решили, что станете историком, и что пред- определило выбор этого пути?

С. Ж. В первую очередь — семья. У меня мама историк, кандидат исто- рических наук. Она, слава Богу, жива еще! После окончания истфака МГУ она всю жизнь преподавала в школах и вузах. Поэтому интерес к истории у меня, можно сказать, с детства.

А. С. Вы уже в школе знали, что пойдете поступать в Историко-ар- хивный институт (МГИАИ) или на исторический факультет МГУ?

С. Ж. В старших классах школы хо- дил на дни открытых дверей в сто- личные исторические вузы. И вот на одном из таких «дней» в Истори- ко-архивном институте я услышал выступление С. О. Шмидта и других преподавателей, которые заворожи- ли меня настолько, что решил посту- пать именно сюда. Добавьте к этому наполненное седой древностью зда- ние института и почти «домашнюю» атмосферу маленького вуза. Это сейчас я понимаю, насколько мне повезло, ведь конец 1970-х гг. был временем расцвета МГИАИ. В нем работали потрясающие преподава- тели, сочетавшие глубокие знания,

обстоятельствах и последствиях. Сб. статей / отв. ред. С. В. Журавлев. М.; СПб.: ИРИ РАН, Центр гумани- тарных инициатив, 2019.

ораторское мастерство и неформаль- ное отношение к своей профессии.

А. С. И потом они уже были вашими педагогами в стенах Историко-ар- хивного института?

С. Ж. Я бы даже больше сказал. Не только педагогами, еще и настоя- щими учителями, причем не только в науке, но и в жизни! Ведь общение не ограничивалось лекциями. Твор- ческую обстановку в институте фор- мировали Сигурд Оттович Шмидт, Наталья Ивановна Басовская, Ни- колай Петрович Ерошкин, Татьяна Петровна Коржихина. К сожалению, они уже ушли из жизни... Я никогда не разочаровывался в сделанном в 1978 г. выборе вуза. Оказалось, что как раз историко-архивная специа- лизация, умение работать с источни- ками стали делом моей жизни.

С первого курса я стал ходить на кру- жок источниковедения, которым ру- ководил Сигурд Оттович Шмидт. Затем был старостой этого кружка.

А. С. Знаменитый кружок. Его про- шли многие квалифицированные историки. Причем — совершенно разных поколений.

С. Ж. Кружок источниковедения, который действовал в МГИАИ

не один десяток лет, — это действительно уникальное явление. Ведь что в этом опыте было ценного? Первокурсник встречается на кружке и студентов старших курсов, и аспирантов, и уже состоявшихся в науке выпускников. Такая доброжелательная и одновременно взыскательная среда кружковцев разных поколений, в которую молодой человек попадал, была идеальным «инкубатором» для выращивания талантов.

Очень не хватает нам сейчас в гуманитарных вузах таких неформальных научных сообществ и таких подвижников, как Шмидт. Впрочем, в последние десятилетия мы в значительной степени растеряли и свой источниковедческий багаж, который всегда был сильной стороной отечественной научной школы. Но это особая тема для разговора.

А. С. Шмидт был у вас научным руководителем и диплома, и кандидатской?

С. Ж. Совершенно верно. Из темы дипломной работы, посвященной источникам по истории строительства метро в 1930-е гг., выросла затем тема кандидатской.

А. С. Это он предлагал вам заняться той или иной темой? Как это происходило?

С. Ж. К 4-му курсу, когда началась архивная практика, Шмидт, конечно, уже видел, что я в большей степени интересуюсь историей XX в., нежели древностью. Он предложил мне подумать о нескольких темах будущего диплома на выбор. Даже, скорее, речь шла не о темах, а о коллекциях доку-

ментов, в которых студенту самому предстояло найти тему. Имелось в виду, что практику целесообразно проходить в том архиве, где находится соответствующий фонд по теме будущего диплома. Так, попав впервые в 1982 г. в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), я буквально «утонул» в фонде Главной редакции «Истории фабрик и заводов» (Ф. 7952).

Это было знаменитое «Горьковское начинание» 1930-х гг. Параллельно с индустриализацией планировалось написать новую «пролетарскую» историю 100 предприятий страны и их трудовых коллективов, причем совместными силами историков, литераторов и самих рабочих. А дальше было как в известной басне про лебедя, рака и щуку. Камнем преткновения стал вопрос о допустимости вымысла. Из этой удивительной затеи, ярко характеризующей эпоху, в итоге мало что вышло. К тому же в 1936 г. Горький умер, а многие авторы были репрессированы. Но в архиве сохранился огромный массив источников.

Прямо или косвенно, в инициировании этой темы наверняка поучаствовал еще один творческий и очень близкий Шмидту человек — знаменитый историк культуры Людмила Марковна Зак. На волне оттепели она интересовалась этим сюжетом, в 1959 г. подготовила сборник «А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов». Кстати, ровно 30 лет спустя, в 1989 г., Людмила Марковна была моим оппонентом на защите кандидатской по этой теме.

А. С. Это интересная тема, которая, с одной стороны, дает

мостик к истории индустриализации, а с другой стороны — к истории культуры, культурных процессов.

С. Ж. Совершенно верно. «История фабрик и заводов 1931–1938 гг.» — как раз тот сюжет, в котором сошлись сразу много проблем, или, я бы даже сказал, слоев. С одной стороны — это яркое историографическое явление. С другой — массовое общественное начинание, правда, серьезно отягощенное нарастанием с середины 1930-х гг. цензуры и самоцензуры, а затем и репрессий. К этому стоит добавить противоречивую фигуру Горького и литераторов из его окружения. Проект (например, в отношении истории метро или гигантов первой пятилетки) предполагал написание современной истории заводов. Это означало создание соответствующей источниковой базы: дневники, стенограммы интервью с работниками и др. Тем самым, как бы мы сейчас сказали, это был один из первых опытов устной истории. Во время войны, когда сотрудники знаменитой Комиссии И. И. Минца проводили интервью с военнослужащими, все это им сильно пригодилось. Кстати, некоторые из них участвовали в «горьковском начинании», да и сам Исаак Израилевич в 1930-е гг. одно время возглавлял объединенное издательство «История фабрик и заводов» и «История Гражданской войны».

А. С. То есть благодаря такой теме открывались перспективы дальнейших исследований в разных направлениях?

С. Ж. Несомненно. Это хороший пример конкретной исторической

темы, которая одновременно позволяет выйти на самые разные исторические сюжеты. Для студента это важно еще потому, что он видит перспективу.

Видимо, первый научный опыт не проходит бесследно. И сейчас, спустя годы, мне кажется скучным и неправильным всю жизнь заниматься одной темой. В новейшей и современной (постсоветской) истории России меня интересуют разные сюжеты, но такие, которые позволяют реконструировать прошлое в комплексном ключе. То есть подробно и всесторонне изучив какой-то предмет, выйти на более широкие обобщения.

Мне кажется, уходит в прошлое время узкой специализации в науке — привычного разделения на проблематику политической, экономической, социальной или культурной истории. Наступает эпоха комплексных исследований и востребованности ученых-универсалов, владеющих разнообразным методическим инструментарием и способных в равной мере к анализу и синтезу исторических процессов.

А. С. Видимо, в этом ключе поиска оптимального сочетания микро- и макроподходов к изучению межвоенного периода была задумана ваша монография «Маленькие люди и большая история» об иностранцах и об их советских коллегах с московского электрозавода?

С. Ж. Отчасти, конечно, это продолжение изучения истории предприятий, но в более выраженном социальном ракурсе. Эта книга, ставшая

основой для защищенной в 2000 г. докторской диссертации, является продуктом своего времени. Она отразила острые дискуссии 1990-х гг. о сталинизме, взаимоотношениях общества и власти, о том, в какой мере рядовые люди в 1920–1930-е гг. были «винтиками» политической системы, как они воспринимали действительность и как выживали в ней.

Одновременно мне показалось важным посмотреть, как будут работать «на советском материале» некоторые перспективные наработки западной науки. В 1990-е гг. мне повезло не только по работам, но и лично познакомиться с работавшими в то время в Институте истории общества Макса Планка в Геттингене германскими историками Альфом Людтке и Хансом Медиком — основоположниками истории повседневности и микроистории.

А. С. К тому времени вы уже работали в академическом институте?

С. Ж. Да, но попал туда не сразу. После окончания института я получил направление в аспирантуру. Тогда поступать нужно было либо после вуза, либо через 2 года работы по распределению. Сразу не получилось, т. к. положенные 1,5 года служил в армии. А 2-летний стаж «добрал» затем в архиве города Москвы. Здесь мне повезло, т. к. в хранилище среди прочих лежали документы по истории московских предприятий. Так что архив помог мне вернуться к теме диплома.

А. С. А у вас уже за время работы был накоплен большой эмпирический архивный материал по этой теме?

С. Ж. Очень важным периодом в этом отношении была очная аспирантура, в которую я поступил осенью 1986 г. Моим научным руководителем был С. О. Шмидт, формально я был аспирантом возглавляемой им Археографической комиссии Академии наук. Но реально обучался при кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. Осенью 1989 г. здесь состоялась защита кандидатской. К этому моменту я уже несколько месяцев работал младшим научным сотрудником в Институте истории СССР АН СССР (ныне — ИРИ РАН).

А. С. Каковы оказались ваши впечатления об институте?

С. Ж. Они тогда формировались в основном из жизни нашего подразделения. Здесь мне снова сильно повезло. С первых дней я начал работать в Секторе источниковедения истории советского общества (ныне — Центр изучения новейшей истории России и политологии), который возглавлял замечательный ученый Андрей Константинович Соколов. Его я считаю своим вторым учителем в науке. К сожалению, в 2015 г. он умер.

А на рубеже 1980–1990-х гг. Соколову было чуть более 40. Это были непростые времена. В моде — кардинальный пересмотр советского наследия, переписывание истории с перестановкой знаков с «плюсов» на «минусы». А вот Соколов на базе своего Сектора задумал коллективный источниковедческий проект. Книга под совсем не источниковедческим названием

«Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура» вышла в середине 1990-х гг. Это был своего рода манифест ученых, не желавших поступаться своим профессионализмом в угоду политической конъюнктуры. Соколов считал, что именно источниковедческий подход является «прививкой» от конъюнктуры в науке. Чтобы завершить эту тему, скажу, что руководство ИРИ РАН тогда думало иначе, и в 1990-е гг. были ликвидированы оба источниковедческих направления — сначала «советское», а затем и «досоветское».

А. С. Хорошо помню Соколова, довелось быть с ним вместе на одной конференции за рубежом в 2008 г. Помню, с каким интересом его слушали и иностранные коллеги.

С. Ж. Андрей Константинович имел авторитет за рубежом. В 1970-х гг. он год стажировался в США, хорошо знал язык, следил за тенденциями западной историографии. Если Шмидт «подтолкнул» меня к теме кандидатской, то Соколов — к докторской диссертации. В начале 1990-х гг., когда начался процесс рассекречивания архивов, Андрей Константинович участвовал в комиссиях по рассекречиванию, в частности, в ГАРФ и в РГАЭ. Приходя затем в Институт, он делился с сотрудниками информацией о том богатстве, которое становилось доступным. Среди рассекреченных массивов источников выделялись связанные с «заграницей» — участием иностранных рабочих и специалистов в индустриализации, с закупками иностранной техники и оборудования и др. Благодаря «наводке» Соколова я оказался одним из первых, кто посмотрел эти

документы в читальном зале, и эта тема меня увлекла.

А. С. Да, это интересно — как интегрировались иностранцы, как смотрели на нашу реальность. У нас больше известно о приезжавших в СССР ненадолго иностранных писателях, деятелях культуры. А вот прибывшие строить социализм инженеры, а тем более простые рабочие, долгое время жившие и трудившиеся вместе с нашими рабочими на предприятиях, кажется, не были предметом специального исследования?

С. Ж. В систематическом ключе — и тем более как самостоятельный социум — иностранцы не изучались. Инженеры работали в основном по годовым валютным контрактам. Но оказалось, что самая интересная часть истории связана именно с квалифицированными рабочими. В 1930-е гг. на заводах заводились личные дела на каждого иностранца. В отличие от инженеров, многие из которых жили довольно обособленно и не собирались интегрироваться в советское общество, с рабочими все оказалось сложнее. Многие привозили с собой в СССР семьи и часто жили в коммуналках, как и их советские коллеги.

А. С. У них было больше возможности для интеграции в советское общество?

С. Ж. Объективные обстоятельства жизни в СССР и внешнеполитическая ситуация способствовали этому. Иностранцы постепенно оказывались между «молотом и наковальней». Их дети учились в советских

школах, посещали дошкольные учреждения, ездили в пионерские лагеря, быстро заводили приятелей во дворе. Естественно, дети иностранцев намного быстрее адаптировались к советской жизни, осваивали русский язык, чем их родители. Особенно их мамы, которые зачастую были домохозяйками с ограниченным кругом общения.

А. С. С высококвалифицированными инженерами понятно — они приезжали с учетом того, что удастся неплохо заработать. А что, интересно, служило мотивами переселения в СССР для рабочих? Это были люди левых идей, связанные с компартиями? Вы пытались это понять?

С. Ж. Основных мотивов было два, но на практике они не противоречили друг другу. Это, во-первых, желание получить работу в СССР и прокормить семью в условиях кризиса и массовой безработицы на Западе. Во-вторых, ехали, несомненно, преимущественно люди левых или коммунистических убеждений, которые интересовались советским экспериментом и желали внести свой вклад в строительство социализма. Они приезжали либо по контракту, который затем продлевался, либо под видом туристов — на свой страх и риск. Под влиянием жизни в СССР идеализм, как правило, улетучивался. Бытовые условия и уровень зарплат существенно отличались от того, к чему привыкли западные высококвалифицированные рабочие.

Выбор стран, из которых привлекались рабочие, был во многом обусловлен тем, откуда поступало оборудование (как правило, это была

сложная автоматическая и полуавтоматическая техника). Приоритет отдавался специалистам, имевшим опыт обслуживания станков в своих странах. Они должны были помочь инсталлировать оборудование и научить советских коллег работать на нем. На практике большинство иностранцев оказались из Германии и США. Среди американцев приоритет отдавался владевшим русским языком эмигрантам из бывшей Российской империи и их потомкам. Им было проще интегрироваться, и не требовались затраты на переводчиков. Что касается выходцев из Германии, то здесь свою роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, среди немецких рабочих, прибывавших в СССР, изначально преобладали люди коммунистических убеждений. Во-вторых, с дореволюционных времен в России немецкий язык был главным техническим языком.

А. С. А как они воспринимали советские реалии? Ждало ли их разочарование? Может быть, дома, будучи под влиянием «левой» пропаганды, они воспринимали Советский Союз иначе?

С. Ж. Как правило, так оно и было. Образ СССР на Западе и советские реалии 1930-х гг. существенно отличались. Помимо бытовых проблем, иностранцы оказывались под политическим прессингом. Их склоняли к тому, чтобы отказаться от оплаты в валюте, принять советское гражданство, перейти из национальной партии в ВКП(б) и тем самым навсегда остаться в СССР. После 1933 г. вопрос в отношении немецких рабочих был поставлен ребром: «Если Вы не переходите в советское

гражданство, значит, Вы за Гитлера». А ведь многие из немцев были до приезда в СССР активными коммунистами или евреями по национальности, участвовали в столкновениях с фашистами и т. д. В случае возвращения в Германию их ожидал концлагерь.

А. С. А как они пережили тяжелый период 1937–1938 гг.? Много ли было жертв репрессий?

С. Ж. Следующим этапом на волне ксенофобии стало увольнение всех иностранцев из отраслей военно-промышленного комплекса. Оставшись без средств к существованию, многие из тех, кто еще не принял советское гражданство, покинули СССР. Оставшиеся, как правило, стали жертвами массовых репрессий.

А. С. Вы в основном работали с материалами 1930-х гг. А удавалось ли проследить, как в дальнейшем складывались судьбы их детей, кто вернулся, кто остался здесь?

С. Ж. Да, конечно, меня судьбы тоже интересовали. В «Маленьких людях» прослеживаются судьбы некоторых героев этой книги начиная с 1920-х гг. и вплоть до рубежа 1950–1960-х гг. Эхо этих историй слышно и в наши дни, по крайней мере после выхода книги я встречался, получал письма от потомков людей, о которых написал.

Те немногие немцы, кто пережил ГУЛАГ, после реабилитации остались в СССР или уехали в ГДР. Судьбы можно отследить по следственным делам и по материалам реабилитации.

А. С. Это если кто-то из родных давал разрешение на ознакомление с делами?

С. Ж. В 1990-е гг. на законодательном уровне все было проще. Ученые тогда на добровольных началах работали в составе групп «Мемориала», помогая создавать соответствующие базы данных репрессированных и региональные «Книги памяти». Я входил в одну из таких исследовательских групп, которая имела доступ к следственным делам Московского управления ФСБ.

А. С. Вы были в числе первых историков, обратившихся к тематике 1990-х гг. Еще в 2011 г. выпустили в соавторстве с А. К. Соколовым и Р. Г. Пихоей «Современную историю России». «Лихие девяностые» уже принадлежат истории? Могут ли историки делать выводы о месте ельцинской эпохи в истории России?

С. Ж. Конец советской эпохи стал без сомнения важнейшей рубежной вехой. И без того «короткий XX век» (считается, что он начался с 1914 г.) оказался еще более «укорочен». Вслед за Новейшей историей наступил период современной истории России, который все чаще ассоциируют с постсоветским временем. Но истоки современной истории, причины и последствия произошедших в 1990-е гг. трансформаций следует искать в поздней советской эпохе. В частности, в периоде перестройки. К тому же в восприятии рядовых людей горбачевские и ельцинские реформы слились в единую «эпоху перемен». Неудивительно, что меня заинтересовал период трансформа-

ций 1980–1990-х гг. Здесь во многом ключ одновременно и к причинам распада СССР, и к становлению новой России.

Да, 1990-е гг. уже, несомненно, принадлежат истории. А вот что касается последних 20 лет, то здесь еще слишком много незавершенных, продолжающихся процессов.

До упомянутой вами «Истории современной России», в 2006 г. мы с коллегами (А. К. Соколов, Р. Г. Пихоя и М. Р. Зезина) издали монографическую историю Волжского автозавода. Работа над главами о 100-тысячном заводском коллективе в 1980–1990-е гг. убедила меня в том, насколько «верхушечными» и формальными остаются пока наши знания об этом периоде. Почему бы, опираясь на аналогичный опыт изучения советской истории 1920–1930-х гг., детально не проанализировать процессы экономических и политических трансформаций сквозь призму жизнедеятельности этого предприятия? Если позволит время, постараюсь реализовать этот план.

А. С. Позже вы увлеклись темами историко-культурного плана — история моды, как она менялась в советскую эпоху. Была ли какая-то взаимосвязь, плавный переход от одной тематики к другой?

С. Ж. И да, и нет. Изучение социальной истории остается прежним приоритетом. Историю же советской моды, которой я действительно интересуюсь в последнее время, воспринимаю как часть еще одной более общей и пока еще малоизученной

проблемы — истории потребления в СССР. Да и мода все-таки интересует меня не столько в культурологическом или искусствоведческом плане, сколько как комплексная историческая проблема, которая выходит на серьезные вопросы функционирования советской системы. Включая массовое и индивидуальное производство одежды, торговлю и потребление, моделирование вещей, ценовую политику, подготовку специалистов и т. д. То есть мода — это настоящий сгусток проблем советской экономики, идеологии, социальной и культурной сферы, общественных представлений. В неудовлетворенных потребительских ожиданиях, кстати говоря, тоже лежат причины распада Союза. Так что связь здесь есть.

А. С. Расскажите о том, как в условиях «архивной революции» 1990-х гг. в страну стало приезжать много иностранных ученых, были реализованы первые совместные проекты...

С. Ж. В то время в читальных залах действительно было больше иностранцев, чем российских ученых. У многих иностранных коллег был гигантский интерес не только к нашим архивам, но и к сотрудничеству с российскими учеными. В. П. Данилов, В. З. Дробижев и в советские времена пользовались авторитетом в научном мире. Мне довелось в 1990-е гг. участвовать в нескольких архивно-исследовательских проектах, руководителем которых с российской стороны был Андрей Константинович Соколов. Результатом стали изданные сначала в России, а затем и в США в серии «Анналы

коммунизма» книги в жанре повествования в документах «Голос народа» и «Общество и власть». Позже в рамках проекта с коллегами из Нидерландов мы занимались изучением мотивации труда в советской промышленности. Убежден, что это сотрудничество было ценным опытом, причем взаимно полезным.

Судьба свела меня в 1990-е гг. со многими иностранными коллегами, с которыми мы участвовали в совместных проектах. Среди этих высоких профессионалов были Льюис Сигельбаум, Габор Риттерспорн, Линн Виола, Ален Блюм, Тимо Вихавайнен и, конечно, мой многолетний соавтор и друг Юкка Гронов.

А. С. А как вы оцениваете современное международное сотрудничество?

С. Ж. Оно продолжается. Более интенсивно, чем прежде, с Китаем, есть международные гранты РФФИ. Но все равно не в тех размерах, как должно быть.

Скажу лишь о двух вещах, вызывающих тревогу. Во-первых, ситуация изменилась к худшему, когда после реформы РАН рухнула система эквивалентных обменов академических институтов с ведущими зарубежными центрами русистики. Второе — это усложнение процедуры доступа и заметное замедление рассекречивания документов в российских архивах. В условиях более либерального доступа к коллекциям документов в других бывших советских республиках, в частности, на Украине и в странах Балтии, иностранные ученые в последние деся-

тилетия переориентировались на изучение советской истории на этих документах совместно с историками из этих стран. Следствием этого становится ситуация, когда советская история изучается без участия российских историков и на материалах только какого-то одного региона или республики, что с учетом неполноты привлекаемой источниковой базы и современных «войн памяти» может приводить к искажениям, некорректным выводам и обобщениям.

А. С. Проблема связана прежде всего с тем, что наши архивы в значительной степени остаются закрытыми по многим темам?

С. Ж. И с этим тоже. Никто не говорит о раскрытии государственных секретов. Но проблема видится в сложившейся системе перестраховки, которая наносит ущерб имиджу страны и препятствует развитию науки.

А. С. Вы участвуете в международном движении «Историки без границ» — это тоже одна из форм расширения контактов и связей с историками из других стран?

С. Ж. Мне предложили войти в состав международного Координационного комитета «Историки без границ». Эта работа по большому счету только начинается. Идея создания этой международной общественной организации возникла несколько лет назад в Финляндии, среди историков и дипломатов. Мысль совершенно здравая: поскольку почти все современные конфликты имеют корни в прошлом, имеет смысл использовать знание истории и куль-

туры народов для разрешения уже существующих или предотвращения потенциальных конфликтов. Для того, чтобы начать поиск взаимопонимания, подчас важно даже наладить диалог между людьми. Здесь историки и другие представители гуманитарных профессий могли бы помочь. Но на практике, конечно, не все так просто, как в теории.

А. С. А в какой мере идет продуктивный, плодотворный диалог с историками стран, с которыми — как сейчас принято говорить — у нас идут «войны исторической памяти»: Украина, Польша? Мы знаем остроту в трактовке некоторых вопросов, проблемы, разногласия и т. д. Приходилось ли контактировать с украинскими, прибалтийскими и другими историками по этим вопросам?

С. Ж. Диалог, пусть подчас и довольно сложный, идет в разных форматах. В том числе и на индивидуальном уровне между учеными, и в рамках международных научных форумов. В основном на нейтральной территории. Мне приходилось говорить об этом на страницах вашего издания (№ 2 за 2018 г.). Несколько лет назад в рамках «Историков без границ» в Хельсинки было организовано две неформальные встречи российских и украинских историков.

А. С. И до сих пор такие встречи проходят только на нейтральной территории. Например, ежегодно в Австрии. Этим занимается команда академика А. О. Чубарьяна.

С. Ж. Наличие любых неформальных контактов с украинскими колле-

гами можно только приветствовать. Но мы бы хотели восстановления прежнего уровня общения, включая деятельность российско-украинской комиссии историков. Слава богу, что есть украинские историки, которые не опасаются приезжать на научные мероприятия в Россию. Я к украинским коллегам отношусь с большим уважением и вижу их вклад в изучение общей советской и российской истории. Часть украинских историков дорожат своей научной репутацией и считают себя частью международного научного сообщества. Но есть и те, кто делает карьеру на сиюминутной политической конъюнктуре, в частности, на создании национальной истории по принципу «у Украины никогда не было и не может быть ничего общего с Россией».

А. С. Как реконструируется в результате национальная история — это еще один большой вопрос. И вопросов вообще возникает очень много. Вот недавнее выступление президента В. Зеленского в Польше, когда он вспомнил про 1-й Украинский фронт, но не уточнил при этом, какой армии он принадлежал... Несколько странный подход к истории.

С. Ж. Согласен. Все эти новости про «Украинские фронты», в которых воевали только украинцы, выдают историческую безграмотность высших должностных лиц или их советников. Вот был в РККА Степной фронт (видимо, в нем воевали «степные кочевники?»), который в октябре 1943 г. был переименован во 2-й Украинский фронт. Любопытно, как бы этот факт прокомментировали в Киеве?

Если же говорить серьезно, то будущее за интернационализацией науки. Ведь вне более общего европейского или мирового контекста мы и события своих национальных историй должным образом оценить не сможем. То же самое относится и к нашей общей истории — будь то в рамках Древней Руси, Российской империи или СССР. Именно такой подход наш институт сейчас реализует в рамках написания 20-томной академической «Истории России» с древнейших времен до современности.

А. С. У Института российской истории РАН, где вы работаете, продолжаются международные связи и проекты с разными иностранными учеными, создается много совместных книг на основе таких проектов. Какие сейчас у вас основные и наиболее важные проекты совместных исследований с учеными из других стран по тематике истории советского времени?

С. Ж. Спасибо за вопрос. Особенно он актуален в связи с 75-летием Победы. У нас в институтском архиве хранится уникальный комплекс источников — материалы так называемой Комиссии И. И. Минца по истории Великой Отечественной войны. Это 12 тыс. интервью с солдатами и офицерами, которые были взяты во время войны по горячим следам боев. Мы и сами активно вводим в научный оборот эти материалы (например, в рамках гранта РФФИ по истории освобождения Крыма в 1944 г.), и совместно с иностранными коллегами, в частности, с профессором университета Ратгерс (США) Йохеном Хелльбеком. Не-

которое время назад сначала в Германии, потом в России была издана книга «Сталинградские протоколы», рассказывающая глазами солдат правду о боях под Сталинградом. Американская версия книги называлась «Сталинград — город, который победил Третий рейх». Сейчас мы продолжаем сотрудничество в изучении истории германского оккупационного режима и сопротивления ему со стороны жителей. В ИРИ РАН в конце сентября 2020 г. пройдет большая международная конференция, посвященная истории Второй мировой войны. Мы ее проводим совместно с Германским историческим институтом в Москве, который является нашим научным партнером.

А. С. Перейдем к вопросам, связанным с исторической политикой: в какой мере ваш институт востребован нашими государственными структурами в формировании исторической политики, законодательства в области истории, формирования учебных программ, выставочной деятельности? К вам обращаются как к экспертам по истории, спрашивают вашего мнения?

С. Ж. Это большая тема. В последние годы действительно существенно возросла роль ИРИ РАН как экспертного центра в области истории России. Мы проводим научную экспертизу законопроектов и других документов по запросам РАН, органов государственной власти и управления, региональных администраций. Это внешне не заметная, но весьма ответственная аналитическая работа, поскольку каждое экспертное заключение требует обоснования.

В качестве другого примера можно назвать участие института в создании Историко-культурного стандарта по истории России для средних школ. Тогда — а это были 2012–2013 гг. — в обществе разгорелись дискуссии о «едином учебнике». Остроту вопроса сняла разработка Историко-культурного стандарта, на основе которого затем было создано несколько линеек школьных учебников. В стандарте среди прочего мы заложили концепцию единой Российской революции 1917–1922 гг., которая ныне стала уже общепринятой. Участвуют сотрудники института и в написании учебников.

Еще одно направление работы института — популяризация исторических знаний. Здесь мы тесно сотрудничаем с Российским историческим обществом и с фондом «История Отечества». Один из больших проектов такого рода — создание на железнодорожных вокзалах интерактивных экспозиций «Исторический багаж» по истории данного города (совместный проект с РЖД и с региональными отделениями РИО). Эту работу мы начали в 2019 г., а в 2020 г. планируется открытие исторических экспозиций на вокзалах в 20 городах-героях и городах воинской славы.

А. С. А такие вопросы, как стоит ли ставить памятники Ивану Грозному?

С. Ж. И такие экспертизы тоже бывают, если речь идет о решениях не регионального, а федерального уровня. К примеру, как только калужский губернатор предложил, чтобы «Стояние на реке Угре» праздновалось как

федеральное событие, экспертиза соответствующего законопроекта была направлена в РАН. Свою роль сыграла не только реакция Татарстана, но и позиция Института. Здесь мы однозначно за принятие решений, корректных в научном плане и способствующих консолидации общества.

А. С. А тут проблемы могут быть очень разными. Помимо общероссийской истории, у народов России своя история. Мы знаем, как был отмечен в прошлом году юбилей Золотой Орды. В «Исторической экспертизе» выходило очень основательное интервью с сотрудником вашего института В. В. Трепавловым. Ведь Россия страна многонациональная и поликонфессиональная.

С. Ж. Вадим Винцерович Трепавлов — руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН, один из признанных авторитетов в своей области. Мы регулярно привлекаем его к соответствующим экспертизам. Вы верно подметили наличие двух категорий учебников по истории — федеральных и региональных. Если в ходе работы над Историко-культурным стандартом вопрос с федеральной составляющей был в основном решен, то экспертиза учебных пособий по региональной истории остается проблемным полем и по сей день. Ведь трактовки исторических событий в них и в федеральных учебниках иногда не совпадают.

А. С. Тут главное, чтобы они не были прямо противоположными в оценке тех или иных событий и персоналий.

Ведь можно считать, к примеру, Шамиля и героем освободительного движения, и врагом российской государственности и британским агентом. Других примеров можно привести десятки.

С. Ж. Задача исторического сообщества заключается в том, чтобы организовать диалог и найти компромисс. У нас есть опыт нахождения взаимно приемлемых решений в ходе обсуждения Историко-культурного стандарта (тогда, например, было решено отказаться от термина «татаро-монгольское иго»). Есть и опыт в Европе, где имеются общеевропейские учебники, но одновременно есть и национальные истории. Там, как мы видим, все тоже непросто.

А. С. Особенно учитывая большие разногласия между европейскими странами!

Мне как-то довелось быть свидетелем венгерско-словацкой дискуссии о создании единого учебника, и речь зашла о Трианонском мирном договоре 1920 г. Запомнились слова едва ли не самого крупного на сегодня словацкого историка: ну можно ли в принципе в учебнике по истории Ближнего Востока написать общую арабо-израильскую главу о «шестидневной войне» 1967 г.?

Хотелось бы услышать ваше мнение по такому поводу: ИВИ РАН не только делает попытки договориться о написании совместных учебников с немцами, поляками, но есть уже и первые плоды. Насколько это перспективно, в какой мере можно договориться? Ведь есть какие-то темы, далекие от по-

литики — повседневность и т. д., — где можно сделать что-то общее. Но есть и такие темы, где вряд ли можно прийти к общему знаменателю.

С. Ж. *Под лежащий камень вода не потечет.* По каким-то сюжетам можно попробовать сделать совместные учебные пособия, например, для учителей. Есть опыт, когда одну и ту же тему излагает сначала российский историк, и затем иностранный, а читатель может сравнить трактовки. Иногда удается полностью согласовать позиции по конкретным темам и написать их совместно.

Недавно в Смоленске, где в местном университете действует центр белорусистики, обсуждалась идея написания совместно с белорусскими коллегами учебного пособия по истории для приграничных регионов (очерки истории российско-белорусского приграничья). По истории Великой Отечественной войны и по послевоенной истории наши позиции настолько близки, что мы бы могли, думаю, написать совместный с белорусскими историками учебник.

А. С. С украинцами это было бы сделать сложнее. И по проблематике войны, и по проблематике Средневековья, я уже не говорю про Голодомор и другие вехи эпохи новейшей истории. Даже, например, наши корни — когда Киевская Русь трактуется только как феномен украинской государственности, и нам говорят, что ваша русская история — это Орда, и даже не Новгород.

С. Ж. К сожалению, идет мощная мифологизация прошлого. Гражда-

нам вдалбливаются стереотипы с антироссийским душком. Мешает отсутствие широкого диалога с украинскими историками и с украинским обществом в целом. И политизация, которая идет и со стороны Украины, и отчасти от нас, — тоже влияет. Когда на центральных каналах порой неумолимо идет антиукраинская пропаганда, она в негативном ключе влияет на общую ситуацию.

А. С. Конечно, останутся дискуссионные вопросы, это естественно.

С. Ж. Нужно встречаться и обсуждать проблемы, но условие одно: в научном, а не политическом дискурсе. Есть еще важный проект Германского исторического института в Москве по истории формирования национальных идентичностей в Средние века и раннее Новое время. Андрей Доронин организовал команду, в которой вместе работают уже не один год белорусские, российские и украинские историки. Уже есть неплохие результаты. Здесь, конечно, играет свою роль особый статус Германского исторического института в Москве. Но почему бы не использовать его как площадку для расширения научного диалога?

А. С. Хотелось бы еще поговорить про исторические парки «Россия — моя история». Вы же участвовали в этом проекте на материале XX в.?

С. Ж. Да, уже несколько лет вместе с другими коллегами из ИРИ РАН и ведущих вузов участвую в этой работе в качестве эксперта и автора некоторых текстов. Сейчас сотрудничаю с региональным историческим парком в Уфе, они перерабатывают

тексты и расширяют региональную составляющую. Кроме экспозиции на ВВЦ в Москве, исторические парки есть уже более чем в 20 городах страны.

Через пару лет началу реализации этой инициативы исполнится 10 лет. Уже сейчас видно, это важный проект национального уровня и к тому же один из наиболее успешных проектов нашего времени, имеющий большой общественный резонанс и потенциал пропаганды исторических знаний.

Но прежде чем мы поговорим о самом парке, в том числе о его проблемах, разрешите несколько слов о «вечном». Мы в ИРИ РАН много спорили по поводу того, должен ли историк, который дорожит своей репутацией, участвовать в том, что имеет отношение не только (или не столько) к академической науке, сколько к пропаганде исторического знания и к исторической политике. В этом ряду и наши образовательные проекты вроде Историко-культурного стандарта, и проект «Исторический багаж», о которых уже упоминалось. И историко-просветительский выставочный проект «Россия — моя история». Не скрою, что среди коллег есть разные точки зрения по этому вопросу. Но, действительно, будет ли лучше для интересов дела, если эту работу сделают не профессионалы, а дилетанты? Убежден, что нет. Поэтому я считаю, что нужно не только критиковать, потягивая пиво в сторонке (хотя критика очень полезна, особенно если она конструктивная). И тем более не прятать голову в песок в страусиной позе и с опаской, как бы «не замараться»,

а участвовать, убеждать, находить разумные компромиссы, двигаться вперед в насыщении экспозиций научными трактовками и выверенной информацией. Такова моя позиция вообще и в отношении выставочного проекта «Россия — моя история» в частности.

Есть немало того, что привлекает в этом проекте. Современные информационные технологии. Занимательная «игровая» составляющая в расчете на то, чтобы люди ходили на выставку семьями. Зная немного «кухню», могу сказать, что проект делают люди молодые и творческие. Важно, что проект не статичный, он все время находится в динамике, развивается, совершенствуется. В нем становится больше места для общества. При сохранении, к сожалению, некоторых вещей, от которых идеологи проекта пока не готовы полностью отказаться.

Для того, чтобы оценить современную ситуацию, необходимо сравнить с тем, как все начиналось. В 2013 и 2014 гг. в Манеже с огромным наплывом посетителей прошли две выставки — «Романовы» и «Рюриковичи». На них дореволюционная история страны была представлена в характерной историко-православной манере. С хронологией «по царям», с канонизированными героями, плюс — с бросающимися в глаза элементами «актуализации» прошлого («Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке» — о периоде Дмитрия Донского, «первые санкции» и «информационные войны» против России — о времени Ивана Грозного и т. д.). Отчасти это «проблемное» наследие первых двух выставок присутствует и сейчас.

На следующем этапе — при создании экспозиций по истории XX в. — в работе уже участвовал ИРИ РАН, привлекались также специалисты из МГУ и РГГУ. К чести организаторов выставок, они с самого начала внимательно прислушивались к нашему мнению. Не со всем и не сразу, правда, соглашались. Да и среди ученых встречаются разные точки зрения. Например, в отношении роли Запада в отечественной истории или относительно конспирологической трактовки событий 1917 г. Но в любом случае это был нормальный диалог. В котором неоднократно участвовал и директор ИРИ РАН Ю. А. Петров, который выступал и в роли эксперта.

А. С. А кто главный идеолог проекта?

С. Ж. Инициатива исходила от Патриаршего совета по культуре. Не секрет, что организатором и главным «мотором» выставок «Россия — моя история» выступил владыка (ныне митрополит) Тихон (Г. А. Шевкунов). Он человек творческий, с режиссерским образованием и со своим видением прошлого.

Кстати, обратите внимание на название проекта. В нем центральное место занимает слово «моя», нацеливающее посетителей на личную сопричастность с историей нашей страны. Мне такой подход импонирует.

А. С. Как появились «Исторические парки» в разных городах страны?

С. Ж. Проект развивался по этапам. Началось все с 4 ежегодных хронологических выставок в Манеже начиная с 2013 г. Далее экспозиции

были объединены в одну гигантскую — в «Историческом парке», получившем прописку в павильоне на ВВЦ. С 2017 г. началось транслирование экспозиций в регионы. Так выставка, отражающая историю страны с древности до современности, появилась в крупных городах страны. На начало 2020 г. исторические парки действуют уже в 21 городе.

Все это время содержательная часть экспозиции совершенствуется. Отчасти это связано с привлечением профессиональных историков к обновлению контента, к редактированию и написанию текстов. Но меняются и некоторые стенды целиком, и даже залы. Например, это относится к периоду войн и революций 1914–1922 гг., по которому было сломано немало копий.

Отчасти к изменениям подталкивают и объективные причины. Упомяну лишь две из них. Помимо общероссийского контента, во всех выставках на местах присутствует еще и региональная история. В Казани, например, в весьма значительном объеме. Процесс согласования трактовок прошлого в этих двух составляющих неминуемо ведет к компромиссу. А с учетом многонационального и поликонфессионального состава населения страны речь, в частности, идет о ревизии православных трактовок.

Второй момент связан с тем, что ставится вопрос об официальном использовании экспозиции «Россия —

моя история» в качестве учебного материала. Если так, то необходимо приводить концепцию и содержание выставок в соответствие с Историко-культурным стандартом и написанными на его основе (в рамках гражданской истории) школьными учебниками.

А. С. А как вы относитесь к доминированию на выставке военно-исторической тематики? При входе в здание с экспозицией «Россия — моя история» посетителей встречает большой плакат с цитатой из Александра III: «У России два союзника — армия и флот». Не стоит ли подсказать организаторам, чтобы они периодически чередовали этот плакат с другим, на котором был бы не менее яркий слоган о великой российской культуре, достижениями которой мы тоже гордимся?

С. Ж. Согласен с вами по поводу усиления внимания к роли культуры, науки, человеческого потенциала. То, что вы подметили, это пример актуализации прошлого. И одновременно — отражение государственнической концепции выставки. Военно-историческая тематика бесспорно важна, но к ней все не должно сводиться. Здесь требуется разумный баланс. Если вам бросилось в глаза такое доминирование, то к данному вопросу стоит прислушаться.

А. С. Спасибо вам за обстоятельный разговор!

"WE, HISTORIANS, CAN DO A LOT TO ESTABLISH A DIALOGUE BETWEEN PEOPLE".

Interview with S. V. Zhuravlev

Zhuravlev Sergey V. — Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Russian History of the RAS (Moscow)

Key words: archival sources on Russian history of the Soviet period, history of industrialization in the USSR, social and socio-cultural history of Russia in modern times, the Soviet Union through the eyes of foreigners, Russia in the 1990s, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, international relations of Russian historians, historical exhibitions.

Abstract. A good specialist in the Soviet history shares the results of his research, talks about the projects of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences and the international cooperation of Russian historians.

«В ЭТОТ МОМЕНТ Я ДАЛ СЕБЕ
ЗАРОК: “ЕСЛИ Я ОСТАНУСЬ ЖИВОЙ
ДО КОНЦА ЭТОЙ ПРОКЛЯТОЙ ВОЙНЫ,
ТО Я НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ БУДУ
ВОЛНОВАТЬСЯ ПО ПУСТЯКАМ”».

Интервью с И. С. Кремером

(Апрель 2019)

Ключевые слова: семейная память, советская молодежь в 1930-е гг., Великая Отечественная война, эпоха позднего сталинизма, история дипломатии

Аннотация. Известный германист и историк международных отношений профессор Илья Семенович Кремер (1922–2020) рассказывает о пережитом в XX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-143-159

И.С. Кремер является автором работ: *Кремер И. С.* Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией. (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963; *Кремер И. С., Чубарьян А. О.* Очерк истории внешней политики СССР. (1917–1963 гг.): Пособие для учителей сред. школы. М.: Просвещение, 1964; *Кремер И. С.* ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977; *Kremer I. S.* Rids af Sovjetunionens udenrigspolitik, 1917–1982 (датск.) (= Советский Союз на мировой арене) / [Overs. fra russ. af Anne Lund]. — М.; [København]: Progres Sputnik, 1984; *Кремер И. С.* ФРГ: этапы «восточной политики».

М : Междунар. отношения, 1986; *Белоусов Л. С., Григорьева И. В., Кремер И. С. и др.* История новейшего времени стран Европы и Америки, 1918–1945: [Учеб. для вузов по спец. «История»] / под ред. Е. Ф. Язькова. М.: Высш. школа, 1989; *Kremer I.* Die Sowjetrevolution und Russland nach 1985: Von der Oktoberrevolution zur Oktoberkrise. Zürich EtH, 1993, 110 S; *Сагомонян А. А., Кремер И. С., Хазанов А. М.* История международных отношений в XX — начале XXI века: СНГ и российско-украинские отношения : учебное пособие. М.: Рема, 2009; *Винокуров В. И., Кремер И. С., Кузнецов А. И.* Международные отношения. История, теория и практика, учебное

пособие. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2014; Сагомонян А. А., Кремер И. С. История международных отно-

шений. 1900–1991 гг.: учебное пособие. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2016.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о вашей семейной памяти, о предках, о родителях.

И. К. Я предков за пределами моих родителей помню очень смутно. Вся отцовская семья — из Гомеля. Там было несколько семей Кремеров. Один из Кремеров оказался очень крупным нашим разведчиком. Была такая двухтомная «Еврейская энциклопедия», где его приписали мне в качестве отца. Его звали Семен, он был военным атташе в Лондоне, где связался с Фуксом — профессором химиком или физиком, который передал ему технологию атомной бомбы. У меня есть белорусское издание с большим портретом этого Кремера. Кстати, я похож на этого Кремера — родственники мы не очень дальние. Это человек, который украл атомную бомбу... В Белоруссии были все мои предки.

Жена моя — Инесса Александровна Ходош, кандидат исторических наук, руководила одно время Фундаментальной библиотекой Академии наук. До нее директором был очень хороший человек, крупный ученый, крупнейший специалист по истории Сибири, член-корреспондент — Виктор Иванович Шунков. Он ее пригласил на место замдиректора, а после его смерти она стала директором. И она же добивалась превращения библиотеки в Институт научной

информации, и стала сначала и.о. директора института, а когда подобрали директора (в ЦК хотели на эту должность обязательно мужчину), она стала замдиректора.

Родился я в Гомеле. Отец работал на заводах, на фабриках. Он не имел образования. Я помню себя на руках у бабушки. Всех дядей и тетей я видел и с ними встречался. Из Гомеля мы попали в Самару, где я начинал учиться. Потом какое-то время жили в городе Алатырь Чувашской республики. А потом мы переехали в город Клинцы Брянской области — недалеко от Гомеля. Я время от времени ездил к своим родственникам, к которым очень хорошо относился. Там росли дети примерно такого же возраста. У моей жены в Минске погибли почти все родственники — около 30 человек. Они погибли в гетто; они не успели уехать. Самой маленькой среди них была 4-летняя девочка, которая тоже погибла.

С. Э. А из Гомеля ваши родные успели уехать?

И. К. Из Гомеля уехали. А из Клинцов моя семья — отец, мать и две сестры — ушли пешком. Поскольку немцы продвигались очень быстро в сторону Москвы, мои родные двинулись к югу в сторону Чернигова. Где-то там они попали на станцию, с которой уходил последний товар-

ный поезд. И оказались в Сызрани, где жили всю войну.

С.Э. В правительственных документах не было ни слова о помощи властей евреям при эвакуации, поскольку это бы доказывало справедливость нацистской пропаганды о власти «жидо-большевиков»! Евреи по-разному вспоминают о ходе эвакуации. Мой отец, в частности, рассказывал, что его матери с двумя маленькими детьми помогали добраться из Молдавии до Одессы, а потом вывезли морем из уже окруженного города. Они были простые люди, никаких связей с начальством не имели. Что вспоминали ваши родственники, им помогали при эвакуации?

И.К. Из Клинцов они ушли пешком, разбили по дороге обувь, шли уже босиком, наткнулись на полуторку, их подвезли. А уже потом они на какой-то станции застали последний товарный поезд, на котором и добрались до Волги.

С.Э. Почему вы решили стать историком?

И.К. Я, как, наверное, многие люди этого поколения, был политизированным мальчиком. Все, что делалось в мире — было очень важным для меня. У меня, конечно, была карта Испании и флажки, которые я переставлял во время гражданской войны в этой стране. Я просто болел Испанией! И когда случалось, что там фашистами занят какой-то крупный город — я плакал!

В школе у меня была общественная работа, я был председателем «учко-

ма», потом старостой. И в юности у меня была мечта написать исторический роман! Историю я очень любил и очень много читал. Я думаю, что значительная часть из того, что я прочитал — я прочитал еще школьником. Читал буквально запоем.

В Ленинградском университете было очень интересно. Там преподавали первоклассные ученые. Из русистов там преподавал академик Борис Дмитриевич Греков — читал он немного скучновато, но был очень знающим. Был еще крупный востоковед — Василий Васильевич Струве. Еще — очень хороший античник — Соломон Яковлевич Лурье. Видный русист — Владимир Васильевич Мавродин. В общем, я там провел весь учебный год, мне было интересно учиться. Но жил я далеко от университета. Общежитие было на Малой Охте, за Смольным; я ехал остановок двадцать на трамвае до Васильевского острова. Я плохо переносил ленинградский климат и много болел. В это время была Финская война, мы разносили повестки. Если бы я родился не в 22-м, а в 21-м году, то я бы мог быть призван и на Финскую войну. А так — еще не дорос.

Из Клинцов я получил сообщение, что родные готовятся к переезду в Москву. Я начал думать, что делать. Если они будут в Москве, что мне делать в Ленинграде?! Я забрал документы и, как уже сказано выше, переехал в Москву, и был принят на второй курс.

С Зигой (Сигурдом) Шмидтом мы подружились. Потом мы двадцать лет жили рядом — я на Арбате, а он в — переулочке рядом с моим домом.

Нас разделяли 50 метров. Всю жизнь мы встречались с Сигурдом Оттовичем. Я был в апреле 2012 г. на его 90-летию, а через год он умер.

С.Э. Я хотел вас спросить о голоде 1932–1933 гг. Вам уже было 10 лет. Вы помните что-то из того времени?

И.К. Я помню такой эпизод. В нашем районе голода не было. Город Клинцы находится на границе с Украиной, к югу — Чернигов. Но я помню, как шли истощенные до предела люди с Украины. И вот к нам приходит женщина в каком-то мужском пиджаке, и, войдя в квартиру (я открывал дверь), она распахивает пиджак, а на ней ничего нет — она голая. Она говорит: «Помогите, я голодная!» Я бегу к маме, что-то у нее беру и несу этой женщине. У меня такое воспоминание об этих голодных, ободранных людях, которые пробирались с Украины в Россию, чтобы спастись.

С.Э. Этим голодным людям помогали, давали хлеб, продукты, когда они приходили в ваш город?

И.К. Думаю, что да. Клинцы был более или менее благополучный город. Да и деревня — я же ездил в пионерские лагеря в деревню, 25 км от Клинцов — там было нормально. Но было другое. Когда я повзрослел, мне отец рассказывал, что приезжал автомобиль (скажем, полуторка), останавливался в центре села, и чекисты шли уже по намеченным адресам, брали мужиков, сажали в машину и увозили в Сибирь, в лагерь.

С.Э. Это было так называемое раскулачивание?

И.К. Да, но это повторялось и в 1937–1938 гг.

С.Э. Некоторые утверждают, что поколение 20-х гг., воспитывавшееся в советской школе, в своей массе поддерживало идеи коммунизма. Это соответствует действительности?

И.К. Да, это верно. Я школьником вел дневник. Я помню, что особенно меня взволновала судьба маршалов, когда их расстреляли в 1937-м. Я не ставил под сомнение официальную версию и писал в дневнике: «Кому же теперь можно верить?»

С.Э. То есть вы верили официальной пропаганде?

И.К. Дело не в пропаганде. Я верил в идею социализма вообще. Верил в то, что это будет очень хорошее, светлое, справедливое будущее. То, что происходило в Клинцах, не было так страшно, как в больших городах. Хотя, наверное, были и аресты. Но семья у нас была беспартийная. В семье, конечно, кое-что обсуждалось критически.

В 1937 или 1938 г. появились новые школьные тетради, на них, на обложке — перьевой рисунок тонкими линиями — композиция на тему «Песни о вешем Олеге»: к Олегу подбирается змея. И кто-то додумался, что если пройти по этим завитушкам, то получается: «ВКП(б) — второе крепостное право». То есть «вредители» мерещились везде. В параллельном классе учился сын начальника НКВД. Он был такой военизированный мальчик, ходил в галифе. Его пригласил директор, дал ему эту

тетрадку и сказал, чтобы он показал отцу, что враги советской власти изобразили на этом сложном рисунке. А в этом рисунке при желании можно было увидеть все что угодно.

С.Э. А в чем была суть «сигнала», что это напечатали враги или что враги так читают?

И.К. Именно что напечатали враги. Директор школы потом, между прочим, сотрудничал с немцами, как и многие мои учителя.

С.Э. А у вас в школе не было такого, что когда кого-то из родителей арестовывали, то в школе проводили собрание, и дети должны были отречься от родителей?

И.К. К счастью, нет. Например, у меня был друг — Нестор Козлов — очень способный парень, мы очень дружили, он даже перешел из класса «А» в класс «Б», чтобы быть рядом со мной. По-видимому, он был из дворян. Он еще любил говорить, что настоящая его фамилия — Козлов-Куманский. У него арестовали отца, который был математиком и преподавал в другой школе. Но это никак не коснулось Нестора-историка, как мы его называли. Он получил золотой аттестат и поступил в Ленинградский технологический институт. Во время блокады он погиб от голода.

Ни от кого из детей «врагов народа» не требовали «отречения от родителей». В моей собственной судьбе был случай. Мы увлеклись оружием, мы готовились к войне, мы хотели войны. Может, вам это диким кажется. Но мы хотели сразиться с этими про-

клятыми фашистами. Я был в пятом классе, в 1934–1935 учебном году. Один из моих дядей был театральным режиссер. И свою плетеную корзинку с реквизитом он оставил у нас. Крышечка корзинки откидывалась, и там оказалось что-то, что меня заинтересовало — кортик. Я, конечно, его вытащил. В школу я его не понес, но стал рассматривать, что там есть еще. А еще там был маленький настоящий пистолет, который назывался «бульдог». Я этот пистолет вынул и, конечно, показал товарищам. В классе были два Смирнова — Алексей и Володя. Через какое-то время Алексей принесет более серьезное оружие — пистолет системы «Смит и Вессон». Его родной брат — летчик потерпел аварию, остался жив, после госпиталя вернулся к родителям на излечение. И вот Алексей заметил, что старший брат прячет в печке (в большой русской печи есть ниша) что-то, завернутое в тряпку. Он поинтересовался, и оказалось — пистолет. Он принес. Так у нас стало уже два пистолета. В нашем классе училась дочка начальника милиции Таня Бобкова. Она вытаскивала из браунинга отца патроны и приносила их нам. Поскольку они были меньше и проскакивали, мы их обертывали в газетную бумагу и впикивали на место — в барабан. А потом ходили в лес стрелять по деревьям. Забавлялись.

Я помню, как наш классный руководитель Константин Павлович Пошивайло собрал нас и сказал, что есть закон об уголовной ответственности с 12-летнего возраста (детей могли приговаривать и к очень суровому наказанию). Так он нас предупреждал, чтобы мы не думали о глупостях.

Однажды я сидел на его — к счастью! — уроке. У меня, конечно, был с собой пистолет (мне еще хотелось, чтобы девочки знали, что у меня пистолет!). Пистолет был в кармане, а ремешок от него — на поясе. Но это мне было мало. И я достал патрон. У меня был хороший перочинный ножичек. Я вытащил свинцовую головку, высыпал порох (но, видно, не весь) и шилом начал ковыряться. Он вспыхнул, я задел капсулу. Она пых — и прямо по щеке, мимо носа пламя (там несколько крупинок пороха осталось, видимо). Взволнованный Константин Павлович кричит: «Дайте из чего вы стреляли!» Я протягиваю ему патрон, не пистолет. Он обжегся, и я обжегся — я поставил патрон на парту, а он взял. «После урока — к директору!» Я решил, что ничего хорошего там не светит, и когда урок закончился, я — взволнованный и испуганный — побежал домой. Дома я ничего не сказал. Но у меня поднялась температура. Я слег. Утром я слышу какой-то разговор за стенкой в другой комнате — пришел Константин Павлович беседовать с моей мамой. Мама подходит к постели и говорит: «Слушай, у тебя пистолет? Отдай! Константин Павлович просит. Тебе ничего не будет, он не станет жаловаться, но отдай! И чтобы больше это никогда не повторилось!» Я говорю: «Не отдам!» У мальчика температура, как можно с ним спорить — и мама ушла. Но родители пообещали Пошивайло, что они что-то предпримут. Потом я видел части этого пистолета, упавшие в снег — они его развинтили и по дороге в туалет (в городе Клинцы у нас были удобства на дворе) выбрасывали его части, а остальное, видимо, выкинули в туалет. Так что тогда пронесло! А могло быть очень плохо.

А потом были военные тревоги. Вот идет вечер школьный, и вдруг — сирена воеет. Мы все вскакиваем, каждый получает сумку с противогазом, носилки для девочек брали — раненых подбирать. Раненые все у нас назначены; кого подбирать. И были походы, скажем на 10 км, ходили с лопатами, учились рыть окопы, девочкам объясняли, как бинтовать раненых и как их эвакуировать.

После войны, где-то в 1950 г., я поехал читать лекции в Брянск. В Брянске я сказал, что хотел бы навестить свой родной город — оттуда около 3–4 часов езды. А на следующий день у меня была лекция в областном театре. А это человек 800, билеты проданы — лекция о международном положении.

С. Э. Это было «Общество знания»?

И. К. Да, полное название — Общество по распространению политических и научных знаний. В общем, тогда в Брянске мне пошли навстречу. В том западном краю области находился санитарный самолет. Я приехал в Клинцы, переночевал там, утром навестил Константина Павловича Пошивайло. И он мне рассказал, что не остался в гимназии при немцах (при немцах школу открыли как гимназию). А директор А. М. Смоленский остался при немцах директором, его супруга — Капитолина Иванова — тоже продолжала преподавать русский язык и литературу. И почти все учителя работали при немцах. А историк — Степунин (не знаю, был ли он членом партии или нет) — так и работал в газете, выходившей при оккупантах. Сын директора — Коля Смоленский, который уже успел по-

ступить в МГУ, убежал из Москвы и работал при немцах в школе учителем. Преподавательница немецкого языка, немка, выдала свою дочь замуж за немецкого офицера и уехала с отступающими немецкими войсками. И только беспартийный математик — Булашевич — ушел на фронт и погиб под Брянском в начале войны. То есть — полное предательство! И только Константин Павлович пошел сторожем на дровяной склад — отказался сотрудничать.

С.Э. А потом, когда вернулись Советы, были репрессии в отношении этих учителей?

И.К. Смоленские — директор, Капитолина Ивановна, их сын Коля — бежали с немцами. Где-то в районе Минска их задержали наши, их вернули в Клинцы, был суд. Стариков помиловали, а Коля получил год или два и потом преподавал историю (я не знаю, окончил ли он вуз). Он уехал из родного города в Новозыбков (это между Клинцами и Гомелем) и там преподавал.

С.Э. А с остальными учителями что было?

И.К. Я не знаю их судьбу.

С.Э. Не было такого жесткого отношения — если коллаборационист, то — обязательно в тюрьму?

И.К. Нет, такого не было.

С.Э. В начале войны вы с другими студентами МГУ работали на строительстве противотанковых укреплений, вернулись в Москву, а потом пошли работать на завод?

И.К. Я недолго проработал на заводе — завод эвакуировался, я уволился. И ходил на учебу. Ведь университет был здесь (в Москве), когда я вернулся 12 августа. И мы еще в сентябре ходили слушали лекции. А потом университет эвакуировали. Значительная часть отправилась в Среднюю Азию, а часть — в Свердловск.

С.Э. Исторический факультет разделили на части?

И.К. Да. Историк Б.Г. Вебер — поехал в Свердловск. Но, допустим, видная медиевистка В.В. Стоклицкая-Терешкович была в Ташкенте.

С.Э. А студенты тоже поехали с преподавателями?

И.К. Девочки, конечно, поехали. Ну, и мальчики, которых не брали в армию.

С.Э. А вы почему остались?

И.К. Я считал — чего бежать-то? Москва, фронт, армия дерется — бежать незачем. Я пошел работать.

Еще был такой эпизод: моя будущая жена уехала из Москвы вместе с Министерством сельского хозяйства, где работали ее родители — отец был заместитель управляющего делами. Он оставался временно в Москве, а само министерство отправилось в Омск. Я заболел — у меня начались страшные головные боли. Мой завод, «Красная Пресня», эвакуировался где-то в начале октября, в это же время уезжал и университет. Я работал на заводе совсем недолго, около двух недель. Я заряжал там аккумуляторы

для «катюш» вместе с каким-то пожилым человеком — он был доцентом МАИ. Мы заряжали аккумуляторы. Часов с десяти вечера подъезжали полуторки с установленными на них «катюшами». В передней части кузова, примыкающей к кабине, мы пристраивали этот аккумулятор, подключали его, и машина уходила на фронт.

С. Э. Вы жили в общежитии?

И. К. Нет, я уже жил в квартире моей будущей жены, на Тверской. Квартира была пустая, потому что ее отец жил на работе. У меня был ключ от квартиры. Но у меня настолько было плохо с головой — по-видимому, от тяжелой работы с лопатой у меня что-то произошло с головными сосудами. У меня было желание расшибить голову, чтобы я перестал чувствовать эту боль. Я ходил по улице и думал: «Вот если я разбегусь и ткнусь головой в стену, боль прекратится?» Это довольно долго продолжалось. На историческом факультете уже прошла запись в лыжный батальон, и меня забраковали из-за плохого зрения.

Я сказал отцу моей будущей жены, что очень хочу увидеть Инессу. И он мне сделал командировку. Я поехал в Омск. В Омске будущая теща встретила меня плохо. Мы хотели поехать в Москву, но она денег на поездку не дает. Мы пошли на рынок и продали мой пиджак. Немного денег у меня еще было, и нам хватило на билеты до Москвы. Однажды, когда мы с Инессой вернулись в Москву, числа 18–19 октября вдруг заезжает на автомобиле мой будущий тесть Александр Александрович:

«Даю вам 20 минут, собирайтесь, немцы уже здесь!»

С. Э. Немцы уже были в Химках?

И. К. Да, где-то возле Химок. Москва уже объявлена на осадном положении. Он нас отвез на Курский вокзал, где оставшиеся в городе сотрудники Министерства сельского хозяйства сидели на чемоданах. Справа от меня сидел министр — товарищ И. А. Бенедиктов. И так мы просидели больше двух суток. Подали поезд, мы уехали. Мы уехали 20-го или 21-го, а в Омск приехали только к ноябрьским праздникам. По дороге у нас однажды украли паровоз, похоже, что эвакуировавшиеся на других поездах заплатили машинисту больше. Было и такое...

Я пошел работать на завод, токарем, техническим контролером и т. д.

Меня взяли на учет в военкомате. Объявили, что в Новосибирске, Омске и других городах создаются Сибирские дивизии на помощь Сталинграду. Мне сложили рюкзак, и я отправился в военкомат. На работе не отпускали, но я решил идти на фронт. Меня опять не взяли из-за зрения. Помню, моя теща была очень разочарована. Она так надеялась от меня избавиться. Какой-то босяк приехал из провинции, а она представляла, что у ее девочки будет солидный муж. Когда я вернулся из военкомата, она меня встретила вопросом: «Ну что?!» Я ответил, что меня забраковали. «Суждены нам благие порывы!» — сказала она иронично.

Я и дальше работал токарем на авиационном заводе, к тому времени я по-

лучил 7-й разряд, был стахановец — и приносил домой дополнительно 200 грамм хлеба. Прежде как рабочий я получал 500 или 600 грамм. То есть я стал важным членом семьи! Но все равно теща меня терпеть не могла.

А тут теща решила с дочкой и внучкой, родившейся в Омске в 1943 г., ехать в Москву. И еще несколько жен крупных работников решили ехать. Тесть был в то время управляющим делами омской части Министерства сельского хозяйства. Теща рвется в Москву, потому что немцев уже прогнали, все меняется к лучшему. Для сотрудников министерства подготовили товарный вагон, обитый внутри коврами, поставили печку «буржуйку» посередине. Это было зимой с 1942 на 1943 г. А я остался на заводе. Но всей душой я рвался в Москву к жене и дочке. На заводе у меня была «броня» от армии. И я понимал, что если вернусь в Москву, то потеряю ее. «Но не важно, — думал я, — я пойду на войну!» Кстати, головная боль тогда у меня прошла. Физическая работа очень ее излечивает. Через какое-то время я поехал в Москву.

С. Э. А вы могли уйти с завода самостоятельно? Это не считалось преступлением?

И. К. Мы договорились. Начальник ОТК был приятный человек. Я сказал ему, что уехали жена и дочка, и попросил его отпустить меня.

Я уехал и в Москве тут же встал на военный учет. Работу сразу не нашел. Но мною заинтересовались в военкомате. Начались разные медосмотры, и теперь я уже подходил

по зрению. По мере развития войны, когда мужчин становилось все меньше, подходили уже все. Так я в конце лета 1943 г. попал в армию.

Меня послали учиться в запасной полк в районе Петушков. Я там был в лагере и обучался на командира зенитного орудия. А потом я попал в Чернышевские казармы — это где Даниловский рынок и патриаршее подворье. Там были большие казармы, в которых находилось политуправление войск ПВО. Командующим был генерал-полковник артиллерии М. С. Громадин. Я познакомился с политработниками. Начальником политуправления был Павел Христофорович Кулаков — бывший секретарь Красноярского крайкома партии, член ЦК ВКП(б). А замом у него была молодая женщина, она отвечала за комсомол. Она привлекла меня, как историка, читать лекции на историко-патриотические темы.

В 1944 г. меня отправили на фронт. Я переехал границу с Польшей у города Хелм и попал в Люблин. Там я сдал свои документы в штаб 5-го корпуса ПВО, попадаю к начальнику корпуса (полк не был определен). Я сдал свой аттестат, командировочное удостоверение и поинтересовался, где буду спать. Был уже вечер, а я целый день был в дороге. Офицер, который со мной говорил, сказал: «Я заканчиваю работу, спи на моем столе». И ушел. Это были бараки, которые из Майданека перенесли на окраину города, и из них построили казармы. Я лег на стол и уснул. И вдруг, часов в 11–12 ночи звонок — в головах у меня стоит кожаный футляр, а в нем военный телефон.

Я вскочил, поднял трубку. Спрашивают: «Кто говорит?» Я бормочу: «Я здесь ненадолго». — «Кто начальник, там есть начальник?» Я говорю: «Сейчас я позову». Пошел, открывал двери, искал этого своего уже знакомого офицера. Оказалось, что это начальник оперативного штаба корпуса — Александр Николаевич Денисов. Я говорю: «Товарищ майор, Вас срочно просят к телефону!» Звонили из группы Булганина. Н. А. Булганин был уполномоченным Советского правительства в Польше, он находился где-то в Люблине. Он сообщил Денисову, что восстал польский полк — на дороге, по которой я проехал несколько часов назад. Это была 2-я польская армия, которая формировалась на территории Польши. Полк восстал против «москалей», поляки расстреляли 12 советников, присланных из Советской армии, и перекрыли эту дорогу недалеко от Люблина. Командованию корпуса предлагается немедленно развернуть пару полков в сторону этого лагеря, окружить артиллерией, пушки поставить на стрельбу по наземным целям и предложить полякам сдаться. В общем, корпус участвовал в подавлении этого восстания. Это был первый мой день на фронте.

С. Э. Они долго сопротивлялись?

И. К. Их быстро скрутили. За сутки все было кончено.

А потом меня приписали к одному из полков, но очень часто выдергивали. Допустим, ночью мы стреляем, сбиваем один немецкий самолет. Мы сбили или не мы, не знаю, но группа офицеров из штаба едет туда, где этот самолет упал. И возвращается

с документами тех летчиков, но никто читать по-немецки не может. «А там студент в землянке, давайте его сюда». Меня разыскивают, и я должен это перевести. Там фото семьи, детей, а эти отцы уже все лежат мертвые. Знаете, у меня даже было какое-то сочувствие к этим детям.

С. Э. Вы участвовали в наступлении на территории Польши?

И. К. Мы взяли Лодзь, и, соответственно, вперед передвигается зенитная артиллерия. Я еду на открытой машине — «Виллисе» по главной улице Лодзи. И мы едем почти по трупам. Я говорю — почти, потому что это не трупы, это уже скелеты! По ним прошли танки, они перемешались с грязью, а из грязи торчат одни кости... Я помню, что в этот момент я дал себе зарок: «Если я останусь живой до конца этой проклятой войны, то я никогда в жизни не буду волноваться по пустякам». Это интересный такой поворот. И я действительно сдержал свое слово и сейчас не замораживаюсь из-за ерунды.

С. Э. Это во время наступления было?

И. К. Да, после начала наступления на Висле в январе. К югу от нас был Сандомирский плацдарм, а севернее — Варшава. В день взятия Варшавы я был на правом берегу Вислы. Я какое-то время был в Варшаве, потом меня едва не убили под Познанью. После Варшавы наступление шло в сторону Одера, но Познань держалась еще больше месяца. Я там проезжал на автомобиле, и нас обстреляли из пулемета. Собственно, город уже был в наших руках, если

не считать центра, где возвышался форт — крепость. Она возвышалась над городом, и все подходы к городу простреливались.

Познань пала 23 февраля. И началась подготовка к большому наступлению. Наши два прожекторных полка принимали непосредственное участие. Мы форсировали Одер и двинулись на Берлин. Там было два больших сражения — у Мюнхенберга и Зееловских высот. Тут и появился офицер из Москвы, который увез меня в сторону Берлина.

На окраинах Берлина мы были в конце апреля. Я расписался на Рейхстаге. На самом деле я расписался не на стене, а на колонне. Когда я шел по Фридрихштрассе, в центре пути там был разбитый писчебумажный магазин, в витрине торчал огромный рекламный карандаш, в котором был настоящий красный грифель. Я не написал на колонне: «Илья Кремер, полк такой-то». Я написал: «Илья Кремер, МГУ». То есть у меня уже в эти дни произошел поворот — я уже ощущал себя дома! Я понимал, что все заканчивается.

Потом, много лет спустя, я бывал в Берлине. Конечно, я больше никогда не видел этой надписи. Там все отреставрировали... Но немцы поступили очень благородно! Часть этих надписей они свезли в Трептов-парк. В Трептов-парке стоит знаменитая статуя солдата с девочкой на руках, под постаментом находится большое помещение. Туда свезли плиты с надписями от облицовки Рейхстага. Может быть, где-то есть и моя. Не знаю, снимали ли они надписи с колонн. Когда потом уже я приехал в Бер-

лин, меня пригласили на экскурсию посмотреть новый Бундестаг. И там на втором или третьем этаже внутри, между кабинетами депутатов, вставлены плиты с надписями советских солдат.

С. Э. Это хорошо, что они сохранили эти свидетельства!

И. К. Немцы, конечно, перестроились, и это очень хорошо!

С. Э. В 1945 г. вы вернулись в Москву и сразу поступили на третий курс?

И. К. Я вернулся к октябрьским праздникам. И поступил на третий курс. Мне предлагали поступить на второй, но ведь четыре года я уже и так потерял. Мне надо было сдать в январе много экзаменов, ибо за годы войны программа истфака серьезно изменилась. И я, как говорится, — не спал, не ел, но как-то пробился на третий курс.

С. Э. Кто из знаменитостей вам преподавал?

И. К. Там было много крупных людей. Аркадий Самсонович Ерусалимский, Исаак Семенович Звавич, Сергей Данилович Сказкин — он был деканом, Анатолий Георгиевич Бокщанин, приехавшие из Ленинграда Евгений Викторович Тарле, Борис Дмитриевич Греков.

С. Э. А в каком году вы окончили?

И. К. В 1948-м.

С. Э. Вы пытались поступать в аспирантуру?

И. К. Нет. Так получилось, что мой приятель Толя Миркинд со своей подругой — Тусей Залкинд, пришел ко мне в гости на Тверскую. Кстати говоря, в Москве у меня опять восстановились довольно серьезные головные боли, но за месяц до этого что-то случилось, я почувствовал, что в голове у меня что-то прорвалось. Я думаю, что это был какой-то счастливый тромбик. И с этого времени больше голова не болела. Я вообще не знаю, что такое головная боль, последние 70 лет.

Так вот они пришли. Мы хорошо посидели — я относился к Толе с большой симпатией, моя жена тоже с ним была дружна. Это был 1946 г. Я — студент четвертого курса. Они зашли где-то под Новый год. Когда мы прощались, уже в коридоре — я еще не работал — Толя упомянул, что Туся работает в редакции «Дипломатического словаря». Он сказал ей: «Вот ты работаешь, скажи там, что у Ильи хорошее перо. Помогите ему устроиться!» С этим они ушли.

Я тогда подумал, что вряд ли эта рекомендация поможет. Но нет! Недели через полторы — звонок по телефону. Меня попросили зайти в Советское информбюро на ул. Станиславского (теперь — Леонтьевский переулок) к заведующему европейским отделом Е. В. Рубинину. Я пришел, там сидели: помимо хозяйина кабинета заведующая редакцией «Дипломатического словаря» Эмилия Исааковна Теумин и будущий известный журналист Виктор Осипович Шрагин (он тоже с истфака). Они интересовались, со мной разговаривались: кто я, что я умею, что делаю, какой язык знаю и т. д. И Ру-

бинин говорит: «Вы знаете, говорят, что у Вас хорошее перо. Давайте попробуем. Вот скоро 8 марта, попробуйте найти в Москве 2–4 женщин и напишите о них небольшие эссе». Я сказал: «Хорошо, попробую», ушел и начал думать.

Я знал, что в соседнем доме на Тверской живет балерина Ольга Васильевна Лепешинская. Собственно, живет ее мама, а она вышла замуж, но бывает там часто. Я решил, что это будет одна моя женщина. Вторая женщина, достойная моего «хорошего пера» — преподавательница на истфаке, в будущем академик Милица Васильевна Нечкина. А еще я где-то вычитал, что есть такая ткачиха-стахановка Серегина. Имени я не помню. Я нашел ее телефон, позвонился. Короче говоря, я встретился со всеми тремя, написал и отдал товарищу Рубинину.

Мне очень помогла Лепешинская! Когда я дозвонился, она сказала, что готова встретиться у своей мамы. Я пришел, балерины не было дома в назначенный час. Но мама меня приняла, налила чай, угостила печеньем и начала со мной говорить о балете. О балете я не очень много знал, и мне все было важно! Она мне сказала, что Олечка только что станцевала в «Шелкунчике». И что вообще Олечка, конечно, уже достойна стать примой, поскольку Улановой уже 36 лет. Потом раздался звонок: Олечка влетает в квартиру, веселая, в меховой шубке, сбрасывает шубку (я даже не успел ей помочь), входит в комнату, садится с ногами на стул и спрашивает: «Ну, о чем речь?!» Я рассказал о своем задании. И она начинает мне говорить о «Щелкун-

чике». И, вы знаете, это было так интересно. Она такая талантливая и, как выяснилось, разнообразно одаренная женщина, даже пишет стихи! Если я написал хорошую статью, то только благодаря ее помощи! Она на всякий случай решила перестраховаться: «Только вы мне покажете, что получилось!» Я ночь не спал, печатал на машинке, отнес ее маме. И через день-два звонит ее мама и говорит: «Илья, заходите, Олечка оставила для Вас конверт». Я прихожу, она мне подает конверт — там лежит эта статья и два билета на «Золушку». И написано: «Статья мне понравилась! Вы меня хвалите так, как хвалят только покойников. С уважением, Ольга».

Я собрал все три статьи и отвез товарищу Рубинину. Они были напечатаны в двух газетах — в Париже и в Тегеране. В Тегеране — в русскоязычной газете «Новости дня».

Так я стал журналистом. Через какое-то время меня пригласили в редакцию «Дипломатического словаря», и там я стал сначала младшим редактором, а где-то через месяц — редактором. Главным редактором был товарищ А. Я. Вышинский.

С. Э. И каким он был как человек?

И. К. С нами он был очень вежлив всегда. Но критики не терпел, с ним нельзя было спорить, высказывать какие-то возражения или замечания. Когда вышел первый том, он у себя в большом кабинете устроил обсуждение. Пришло человек двадцать историков, и кто-то из них сказал, что в статье «Бевин» (министр иностранных дел Англии в лейборист-

ском правительстве после войны) ему непонятно, что означает какая-то фраза. И что Вышинский ему ответил? Он повернулся к нам (мы все сидели стайкой) и говорит: «Мы, наверное, добьемся второго издания “Дипломатического словаря”. Я прошу вас, товарищи, пожалуйста, отредактируйте эту статью так, чтобы и дураку было понятно, что там говорится».

А вопрос задал, по-моему, академик Исаак Израилевич Минц — он уже был академиком и главным редактором «Истории Гражданской войны», его ценил Сталин, вообще почему-то очень благоволивший к конникам! Все эти маршалы — Тимошенко, Буденный, даже Жуков — были конники. Сталин, похоже, считал, что общение с лошадьми облагораживает. А Минц был комиссаром корпуса Червоного казачества РККА...

Я потом столкнулся с ним по одному поводу. У моей жены была подруга — Анна Смирнова. Отец Смирновой был в Москве крупный деятель, кажется, — зампреда Горисполкома. Его расстреляли в ходе Большого террора. А во время Гражданской войны этот Смирнов был у Минца комиссаром бригады. Началась пора реабилитации. Я тогда работал в Институте истории АН СССР, попросил Минца принять вдову Смирнова. Он согласился. Она пришла к нам в институт, я ее провел к Минцу и ушел. Потом она зашла ко мне попрощаться и сказала, что он пообещал что-то сделать, правда, не очень охотно — так она почувствовала. Я зашел в кабинет к академику.

С. Э. Какой это был год?

И. К. 1955-й!

Так вот, я зашел к Минцу и спрашиваю: «Исаак Израилевич, Вы можете?» — «Я, конечно, помогу, но знаете что? — Вы мне больше таких встреч не устраивайте!»

С. Э. Вы действительно учились вместе с дочерью Сталина?

И. К. Со мной в семинаре Исаака Семеновича Звавича училась Светлана Сталина (в связи с рождением сына она отстала на год от нашего курса). Она окончила исторический, но в аспирантуру пошла на филологию и защитила диссертацию по современной американской литературе. Она хорошо знала английский. Звавич очень интересно читал, хотя, на мой взгляд, тема была не очень занимательной — европейская историография. Но он читал блестяще. В свое время он окончил Лондонскую экономическую школу. Это было в 1920-е гг., он служил тогда в советском торгпредстве. Светлана приходила к нему на лекции, и мы сидели всегда вместе. На факультете она дружила с моими однокурсницами — Инной Данилевич и Олей Рывкиной. Оля до конца с ней переписывалась. Я с Олей тоже был связан дружбой. Светлана рассказывала этим девочкам, как погиб ее сводный брат — Яков. После пленения он содержался в лагере в офицерском бараке. Однажды вечером, несмотря на запрет выходить из барака после определенного часа — вышел и закурил. Часовой с вышки выстрелил на огонек. И Яков погиб.

С. Э. То есть он не бросался на колючую проволоку?

И. К. Все это придумано! Так создаются легенды.

С. Э. Расскажите о «Деле Дипломатического словаря».

И. К. У меня был серьезный крах вроде того, что позднее происходило с Анатолием Морицевичем Миркиндо (см.: istorex.ru/page/unichtozhit_i_zabit_dokumenti_i_vospominaniya_o_zhizni_i_gibeli_istorika_mirkinda). Кстати, любопытно, что в 1953 г., когда умер Сталин, Толя прилетел ко мне в Москву. Мы с ним гуляли, даже на лодках катались. И я был очень взволнован. Он спросил меня, почему я так нервничаю. А я ответил, что боюсь, что будет еще хуже. Но Толя ответил, что будет только лучше и хуже уже быть не может. Он оказался прав тогда. А я был пессимистично настроен, я опасался, что может начаться движение к фашизму. Как и сегодня, сейчас я опасаюсь этого. Я буду очень рад, если я ошибаюсь!

С. Э. Будем надеяться на лучшее!.. Я так понял, что «Дело Дипломатического словаря» было из-за Соколова Лозовского?

И. К. Нет. Более того, не только член Главной редакции С. А. Лозовский, но и наша заведующая Э. И. Теумин была расстреляна.

С. Э. При ком находилась редакция словаря?

И. К. При Политиздате. Там меня исключили из партии, и я был в очень тяжелой ситуации — без денег, без работы. В начале 1953 г. меня исключил партком, 12 февраля

общее партийное собрание, а потом, уже после смерти Сталина, в апреле было заседание райкома. Это было дня за три до заявления о невинности «врачей-убийц». Владимир Владимирович Альтман был автором, со статьями которого я работал. Меня обвинили, что я готовил к печати статьи «врага народа». На парткоме исключили меня одного. А на партсобрании исключили меня и заодно — Моисея Ароновича Персица, моего парторга, который за мной «не уследил». В райкоме партии исключили и заведующую редакцией Веру Семеновну Соловьеву как человека, пошедшего на поводу у «сионистов». Она была очень позитивным, добрым человеком! Вера Семеновна пришла домой, мужа дома не было (он, кстати, работал в Верховном суде, его фамилия — Кондрашов). Она села в теплую ванну и перерезала себе вены. Но в квартире Дома правительства, в котором она жила — («Дом на набережной») — были соседи. Квартиры там были не всегда отдельные — две комнаты занимала она с мужем, а две комнаты — другая семья. Моя жена в юности тоже жила в этом доме. Это было ужасно, когда ночью забирали соседей! Отец моей жены как-то случайно проскочил, но родного брата ее матери расстреляли, а другого — забрали на 18 лет. Это тот брат, который на фотографии «Ленин на параде войск Всеобуча» (май 1919 г.) идет рядом с Лениным — Владимир Леопольдович Розовский. Но вернемся к случившемуся. Короче говоря, соседи увидели, что из-под двери льется кровавая вода. Когда открыли дверь, тут же вызвали скорую помощь, ее увезли в больницу, где она восемь дней была между жизнью и смертью.

Но ее спасли. И когда она лежала там, было опубликовано сообщение ТАСС о том, что «врачи-отравители» не виноваты. Вера Семеновна стала кричать: «Спасите меня, пожалуйста, я очень хочу жить!» Она уже понимала, что начинается поворот. Она выжила, но не была после этого уже такой оптимистичной, позитивной, веселой женщиной.

А я на два года с большим трудом попал преподавать в техникум. Через два года с меня сняли партийный выговор, и я пришел на работу в Институт истории АН. Там защитил кандидатскую диссертацию. Потом меня пригласили в только что созданный Институт международного рабочего движения на должность завсектором истории. Это был такой полудиссидентский институт. Там были историк Е. Плимак, философ М. Мамардашвили, социолог Новиков и много других людей хорошего научного уровня. В 1974 г. В. В. Загладин пригласил меня в Институт общественных наук при ЦК КПСС.

Я преподавал в Институте общественных наук иностранцам на немецком языке. Одновременно в Москве я преподавал в Высшей профсоюзной школе на улице Лобачевского. Я был членом Советского комитета мира, сотрудничал с Фондом мира и с Советским комитетом за Европейскую безопасность.

В 1969 г. я был приглашен выступить с лекциями в институте Сиrola в Финляндии. Но замдиректора Н. А. Ковальский, как-то подвозя меня домой, сказал: «Илья, ты ходишь, как будто у тебя какой-то праздник! Я знаю, что ты в Финляндию

собрался. Ты так уж шумно не радуйся». Я спрашиваю: «А что случилось?» — «Знаешь, у нас говорят: курица — не птица, Финляндия — не граница!» — «А почему?» — «Потому что у нас с Финляндией есть соглашение о выдаче перебежчиков...» Я перестал радоваться, хотя я, естественно, и не собирался перебежать, но радоваться почему-то перестал.

В 1969 г. я попал в делегацию Академии наук СССР на Конгресс советских и итальянских историков в Италии. Я в это время — заведующий сектором истории в большом академическом институте. Руководитель делегации — очень хороший человек, крупный востоковед, академик Александр Андреевич Губер, специалист по истории Индонезии и Филиппин. И примерно за два дня до отъезда (у меня уже и паспорт, и валюта в кармане) утром раздался звонок: «Илюшенька, у меня плохая новость — вас вычеркнули из списка. Я пытался что-то сделать, но ничего не сумел». Я поблагодарил его, попрощался и отправился на работу. В институте я наткнулся на свою соученицу по истфаку, которая была дружна с Анатолием Сергеевичем Черняевым. Он тоже из моей группы, мы вместе учились. В Праге он работал в журнале «Проблемы мира и социализма», там он был — Шварц, все его статьи печатались под этой фамилией. Теперь он работал в Международном отделе ЦК КПСС. Я позвонил ему, и мы встретились. Я говорю: «Знаешь, если меня вычеркнули, меня больше никуда не пустят — это какая-то черная метка уже. Попробуй что-то сделать!» Он говорит: «У нас работал один человек, очень тесно связанный с соседями (КГБ). Но он

ушел. Я не знаю, к кому мне сейчас обратиться... Знаешь что — иди погуляй часа полтора, я подумаю». Я прошагал от памятника Герою Плевны до Ногина — вверх-вниз часа полтора. Позвонил Анатолию, и он сообщил, что я еду, он за меня поручился. И я благодарен ему на всю жизнь, потому что у меня было в дальнейшем очень много поездок — в советское время и позднее.

С.Э. Скажите, а что обеспечивает долголетие? Дайте совет более молодым коллегам!

И.К. У меня некоторые обычные человеческие чувства просто вырезаны. Я никому не завидую. Есть люди, которые, я знаю, счастливее меня — ну и слава богу, пусть будут и дальше счастливы. Меня это не трогает и даже радует. В интригах я никогда не участвовал. Из трудностей сталинского времени я пережил два года, когда был исключен из партии и работал в малоинтересном для меня месте. Я тогда преподавал в техникуме историю СССР, нагрузка была очень большая — 40 часов в неделю. Еще во время войны я дал себе зарок никогда не огорчаться по пустякам. У меня была насыщенная событиями жизнь! В Академии наук я работал более 20 лет. Потом был Институт общественных наук (это между 1974 и 1992 гг.). Несколько раз преподавал за рубежом — был три раза профессором Берлинского свободного университета. Преподавал в университете в Бонне и в Цюрихе. Мои лекции в Швейцарии были там изданы. И вот уже больше четверти века я — в Московском государственном лингвистическом университете. Мне 97 лет, и я продолжаю читать лекции.

С.Э. Получается, ваши секреты долголетия: не расстраиваться по мелочам, не завидовать, вести насыщенную жизнь!

И.К. Да, я много работал всегда. Это отразилось на моих статьях и книгах — их не так много. У меня три книги по Германии. Книга «Советский Союз на мировой арене» — она

издана на датском языке. Лекции изданы в Цюрихе. Все университетские программы по международным историческим проблемам тоже изданы. К этому возрасту, конечно, можно было иметь и больше, но суета отнимала время — международные дела, общественная работа и т. д.

С.Э. Большое спасибо за интервью!

“AT THAT MOMENT I GAVE MYSELF A VOW: ‘IF I STAY ALIVE UNTIL THE END OF THIS DAMNED WAR, THEN I WILL NEVER WORRY ABOUT TRIFLES IN MY LIFE’ ”.

Interview with I. S. Kremer

Kremer Ilya S. (1922–2020) — Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

Key words: family memory, Soviet youth in the 1930s, the Great Patriotic War, the era of late Stalinism, history of diplomacy

Abstract. Professor Ilya Semenovich Kremer (1922–2020), Germanist and historian of international relations, talks about his experiences in the XX-th century.

«ОЧЕНЬ ЧАСТО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОЗУНГИ ПРИХОДЯТ НА СМЕНУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ».

Интервью с К. В. Никифоровым

(Июль 2019)

Ключевые слова: эпоха Ельцина, распад Югославии, российская школа славистики и балканистики, история югославянских народов, реформы Академии наук.

Аннотация. Историк-славист директор Института славяноведения РАН не только говорит об актуальных проблемах развития отечественного исторического славяноведения и балканистики, но и вспоминает опыт работы в администрации президента Российской Федерации в 1990-е гг.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-160--175

К. В. Никифоров является автором работ: *Батурич Ю. М., Ильин А. Л., Никифоров К. В. и др.* Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001. (2-е изд. — М., 2011); *Виноградов В. Н., Достяк И. С., Никифоров К. В. и др.* Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М.: Наука, 1990; *Ильин А., Кадацкий В., Никифоров К., Пихоя Л.* Отзвук слова: из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М.: Никколо М; ИМА-пресс, 1999; *Никифоров К. В.* (в соавторстве) Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2014; *Никифоров К. В.* (в соавторстве) Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЭН, 2011; *Ни-*

кифоров К. В. (в соавторстве) Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М.; СПб.: Нестор-История, 2015; *Никифоров К. В.* (в соавторстве) Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв.: аспекты общественно-политического развития. М.: Новый хронограф, 2003; *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999; *Никифоров К. В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индик, 2015; *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М.: Институт славяноведения и бал-

© Историческая Экспертиза, 2021

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН (Москва)

канистики РАН, 1995; *Никифоров К. В.* Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012; *Никифоров К., Шемякин А., Хлебникова В. и др.* (отв. ред.) Югославия в XX веке: очерки поли-

тической истории. М.: Индрик, 2011; *Никифоров К. В.* (отв. ред., соавтор) История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2017.

Беседовал Н. С. Эрлих.

Н. Э. Наш журнал во многом посвящен исторической памяти, в том числе и семейной, и первый вопрос традиционный: расскажите, пожалуйста, про вашу семью.

К. Н. Отец у меня тоже историк, китаевед. Он учился в МИФЛИ в Москве (Московский институт философии, литературы и истории), в годы войны его присоединили к МГУ. Доучивался отец после войны и оканчивал истфак, Восточное отделение. В 1954 г., когда после смерти Сталина стало чуть-чуть посвободнее, отцу удалось на три года уехать в Китай преподавать в Пекинском народном университете всеобщую историю. Это время он, конечно, максимально использовал и для того, чтобы запастись источниками и литературой. И это очень помогало ему потом.

Вот так получилось, что я родился в Пекине в 1956 г. И мое свидетельство о рождении было выдано консульским отделом нашего посольства.

Н. Э. На двух языках?

К. Н. Нет, только на русском. Через полгода после моего рождения мы уехали из Китая и Культурную революцию уже не застали. Из воспоминаний о Китае у меня осталось только то, что рассказывали мне родители.

Моя мама тоже историк, она окончила Московский педагогический институт имени Карла Либкнехта. Был и такой в Москве. В 1943 г. его объединили с Педагогическим институтом имени Ленина, ныне Московский педагогический университет. Кстати, мама, как и отец, окончила институт с красным дипломом. Потом она работала в издательстве, где и познакомилась с отцом — редактировала его работы... После Китая они вернулись в Москву. Во второй раз в Китае я побывал, когда мне было ровно 40 лет. Это был 1996 г., я был в составе делегации. Когда спустился по трапу самолета, то сказал, что 40 лет не был на родине! Люди посмотрели на меня с удивлением, но это была абсолютная правда!

Ну а если говорить о выборе профессии, я могу сказать, что у меня были одинаковые способности — и гуманитарные, и точные. Есть такие гуманитарии, которых от одного слова «математика» уже воротит, но это не про меня. Я долго искал и все-таки выбрал тоже историю. Учиться было интересно. Специализировался я, правда, не по Китаю, а по совсем другой стране — по Югославии. Тогда еще существовала Югославия. На кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ было в соответствии с названием деление на южных и западных

славян, я занимался южными. У занимавшихся южными славянами в свою очередь было деление на тех, кто изучал историю Болгарии, и тех, кого интересовала Югославия.

Я учился на югослависта, точнее — сербиста, занимался XIX в., новой историей Сербии и после окончания МГУ попал в профильный для кафедры Институт славяноведения, он тогда назывался Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Это был 1982 г. Здесь я уже окончил аспирантуру, написал кандидатскую диссертацию по первой половине XIX в. Но затем меня заставили перейти на новейшую историю, хотя я этого совсем не хотел. Ведь в те годы почти все архивы по современной проблематике были закрыты, да и писать о том, что думаешь, было практически невозможно. Но мне поставили жесткие условия — либо я иду на новейшую историю, либо меня не берут в институт. Пришлось согласиться. Сейчас я, может быть, и не жалею, что невольно стал более широким специалистом и уверенно чувствую себя в проблематике и по новой, и по новейшей истории Сербии — а это два с половиной века!..

А тогда я только защитил кандидатскую, начал делать по ней книгу. Хотелось ее завершить. Научный багаж был еще скудным. И сразу переход на совсем новую для меня тематику. Ну а потом вообще все развалилось! Жить стало не на что, нужно было кормить семью, куда-то уходить. И случилось, что ученый секретарь нашего института попал в группу спичрайтеров к Ельцину. Он меня и пригласил в эту группу. Мне, конечно, как историку было интерес-

но посмотреть, как функционирует высшая власть в стране. Плюс — была иллюзия, что достаточно быстро можно что-то кардинально изменить к лучшему, причем без сильных потрясений и тем более кровопролития.

Н. Э. Вам там нужно было заниматься подготовками речей и выступлений?

К. Н. Нужно было готовить абсолютно все выступления по всем темам. Много позже появились книги Ельцина, мы к этому не имели отношения. А остальное: от поздравления с юбилеем до ежегодного послания Федеральному собранию (его писали вместе с помощниками президента) — было на наших плечах. Тогда это была совсем небольшая группа из четырех человек. Работа велась практически на износ! Сейчас, насколько я понимаю, этим занимается гораздо большее количество людей, и все налажено немножко по-другому. А тогда время было революционное, мы вмешивались и в содержательную часть выступлений и фактически учились с нуля тому, как это делается. До этого в принципе не было такой службы.

Я работал там с 1992 по 1998 г. Летом 1998 г. я первый раз ушел в нормальный отпуск (меня отпустили!). И пока я был в отпуске, как раз случился дефолт. А мы уже уходили, написали заявление. Так что ушли мы не потому, что случился дефолт, а потому что все уже назрело. Уйти, собственно, хотелось даже раньше, но все-таки это сложно, потому что такая служба требует какой-то адекватной замены и ее нельзя просто так оставить.

Тогда группа спичрайтеров входила в Службу помощников президента. Она напрямую подчинялась первому помощнику и самому президенту. Тогда Администрация президента занималась более широкими проблемами. И была Служба помощников президента, которая обеспечивала его непосредственную деятельность. Мы сидели в самом Кремле, в первом (сенатском) корпусе, а потом в четырнадцатом (которого ныне нет), потому что в первом был ремонт. Я застал то время, когда в первом корпусе еще были кабинеты Сталина, Ворошилова, Берии, других деятелей.

Н. Э. В неизменном виде, не считая, может быть, каких-то портретов?

К. Н. Портретов не было никаких. Но там, например, была квартира Ленина в Кремле. Можно ко всему этому относиться по-разному... Но это история. Я бы из него музей сделал, чтобы люди могли смотреть, как это было. Но в этом первом корпусе все переделали, перепланировали, сделали какие-то зимние сады, поставили оттоманки.

Н. Э. Это было в 90-е гг.?

К. Н. Ремонт первого корпуса происходил где-то в середине 90-х, и все перешли работать в четырнадцатый корпус, который, как известно, был новоделом и такой исторической ценности, как первый, не имел. Сейчас, поскольку четырнадцатый корпус снесен, все службы Администрации президента находятся на Старой площади. И они очень разрослись. Характерный момент — когда я пришел на работу в самом конце лета

1992 г., у меня на столе под оргстеклом лежало два листка формата А4 с необходимыми телефонами. В основном это была Служба помощников президента. На Старой площади тогда сидело Правительство, а Парламент — в Белом доме.

А к тому моменту, когда я уходил через шесть лет, были уже две книжечки номеров телефонов, т. е. за шесть лет — две страницы превратились в две напечатанные книжечки! И это только телефоны! Только по этой детали можно представить, какой был чиновничий рост.

Интересно, что коммунисты продумали все очень хорошо. Между первым и четырнадцатым корпусами был подземный переход. В первом корпусе был лифт с рельсами, и дальше рельсы шли из лифта по подземному переходу в четырнадцатый корпус. Оказывается, предполагалось, что если Брежневу станет совсем плохо и он не сможет ходить, тогда его можно будет перевозить в коляске по рельсам и доставлять в нужное место. Так что все было предусмотрено и сделано заранее. К сожалению, ничего этого не сохранилось.

Н. Э. Для Ельцина в последние годы его правления тоже что-то подобное было предусмотрено?

К. Н. Во-первых, я ушел за год до его ухода с поста президента. Ну и все-таки нет, для Ельцина ничего подобного не планировалось. Потому что в любом случае уже заканчивался его второй срок. Он должен был уйти в марте 2000 г., а ушел за несколько месяцев до этого — в декабре 1999-го.

Н. Э. Избирательная кампания 1996 г. была несколько скандальной и напряженной.

К. Н. Трудно мне сказать, хотя я и принимал в ней участие... У нас с американцами была такая программа по обмену опытом, которая называлась «Избирательная кампания действующего президента». В то время на второй срок избирались и Клинтон в США, и Ельцин в России. Меня с небольшой группой сотрудников Администрации президента направили на две недели в США, где мы встречались с различными специалистами, лоббистами и официальными представителями по связям с общественностью. Также можно было по нашим просьбам встретиться с кем-то еще. Я попросил о встрече со спичрайтерами Клинтона.

Мне предоставили эту возможность, и я провел с ними полдня. Что интересно — у нас никогда такого не было, — у них официально писалось на карточках: «спичрайтер президента». У нас и слова такого не было. Когда я начинал, это называлось «консультант», потом «референт». А у них все было более откровенно, хотя американские спичрайтеры тоже были не особо публичные персоны.

Меня тогда интересовали больше вопросы административного ресурса. Если, скажем, у них начинается предвыборная кампания, могут ли они помогать президенту, учитывая, что они все-таки государственные служащие и получают зарплату от налогоплательщиков всех партий, а не только демократической. Они отвечали, что не могут. Я спрашивал: «А если делать это после рабо-

ты, в свободное время?» Мне сказали, что теоретически это возможно, но в этом случае они должны брать из дома собственный ноутбук, чтобы не работать на государственном. И если они захотят звонить в предвыборный штаб или по предвыборным делам, то им должны установить отдельную телефонную линию, и звонить они могут только по этой линии. И за эту связь платит предвыборный штаб. Понятно, что по этой части у них тоже есть нарушения, проверить сложно. Но внешне они следят за неиспользованием административного ресурса гораздо строже.

Н. Э. А если выяснится такое нарушение, то пресса может раздуть скандал?

К. Н. Конечно, и такие случаи, как мы знаем, бывали. Кроме того, мне объяснили, что на избирательную кампанию Клинтона нанимают дополнительных спичрайтеров, которые получают зарплату от предвыборного штаба. Только они могут работать на выборы. А постоянные спичрайтеры Клинтона не могут. Повторяю, что все это трудно проконтролировать. Но тем не менее у нас ничего такого и близко не было. Мы без прорыва работали всю избирательную кампанию. Но внешне это была наша обычная работа. Можно сказать, что в поездки по стране Ельцин ездил как президент, но ездил и как кандидат в президенты. И это было, конечно, использование административного ресурса... В любом случае служащие, получающие зарплату из бюджета, участвовать в таких вещах не должны. Но у нас даже вопрос такой не был поставлен.

Н.Э. Припоминается знаменитый тур музыкантов: «Голосуй, или проиграешь».

К.Н. Миллионы шли мимо нас... Но там очень много народу кормилось. И, на мой непосвященный в эти детали взгляд, очень много денег просто растаскивалось со всех сторон. Я могу сказать и о том, что никакие американцы в выборах не участвовали. Несколько американцев действительно приехали, но они сидели в номерах гостиницы «Президент-отель» и мучились от безделья. Ни в одном заседании предвыборного штаба участия не принимали. А потом раздули из мухи слона, что именно они обеспечили победу Ельцина.

Говорят, что якобы в первом туре победил Зюганов. Ничего не могу сказать, т.к. в подсчетах результатов голосования я участия не принимал... Потом перед вторым туром Лебедь перешел на сторону Ельцина, призвав своих сторонников голосовать за действующего президента. Ельцин уже плохо себя чувствовал, и между этими турами у него случился очередной то ли инсульт, то ли инфаркт.

Вы помните, что потом была операция на сердце. И, конечно, уже здоровье президента подводило. У него, может быть, хватило здоровья не пустить Зюганова, но делать что-то дальше сил уже не хватало. Мы хотели уйти чуть-чуть раньше, сразу после выборов, но потом Борис Николаевич заболел, и это все тянулось еще два года. У меня уже складывалось четкое представление, что мы уже «не туда» идем. Иллюзии постепенно размывались.

Я вернулся в свой родной институт. Наш тогдашний директор Владимир Константинович Волков — очень хороший ученый и порядочный человек — спросил меня, есть ли у меня какие-то условия, я ответил, что мои условия — быть рядовым ученым, заниматься наукой. Мне было скучно просто зарабатывать деньги, хотелось, пока есть силы, написать что-нибудь для души. Это было время Югославского кризиса. Я наблюдал за ним, хотя в мои обязанности и не входило заниматься этим. Но эти мои сторонние наблюдения помогли мне довольно быстро написать и защитить докторскую диссертацию уже по новейшей истории.

Я застал еще многих ученых старшего поколения. И мне кажется, наша власть должна поклониться в ноги этим ученым, тем, кто не ушел из профессии, не бросил науку! Их стараниями мы пережили 90-е гг. Сейчас уже пришли молодые ученые, и континуитет нашей науки, несмотря ни на что, сохранился. В основном — за счет ученых старшего поколения, а не тех, кто уехал за границу, а теперь иногда возвращается.

Так получилось, что меня долго уговаривали согласиться баллотироваться на пост директора института. Я долго отказывался. Но пришлось согласиться. И не потому, что я такой хороший. Просто у нас в науке критически мало ученых моего возраста, которым нужно было продолжать дело старшего поколения. И вот уже 15 лет я работаю директором и постепенно сам приближаюсь к старшему поколению.

Я понимал, что принимаю институт не в самых благоприятных для

Академии наук условиях. На деле оказалось еще сложнее, реформу РАН в том виде, в котором она произошла, все же никто не ожидал.

Я понимал, что нужно, по крайней мере, сделать две основных вещи. Во-первых, увеличить публикаторскую активность. Сколько я работаю, считаю — было бы оптимальным, чтобы в нашу работу в течение года не вмешивались, а в конце года мы бы выкладывали перед начальством наши новые книги. И все было бы ясно. Потому что наша работа вполне осязаема. Количество публикаций, монографий, статей, защищенных диссертаций, проведенных конференций — выложить те же программки. Наша работа видна! А о качестве работ должны судить профессионалы.

В советское время было трудно публиковать научные работы, был установлен бумажный лимит для каждого института. Поэтому, чтобы напечатать свою книгу, ученые стояли в очереди. Правда, и тиражи были огромные, три тысячи экземпляров, что нынче кажется безумным!

Но зато печататься сейчас все-таки можно. Нужно только деньги на это достать. В нашем институте 155 ставок, но за счет занятых частично (на пол- и четверть ставки) работает больше, примерно 170 человек. И в год мы издаем 60–70 книг и еще около 700 статей. За рекордный 2018 г. выпустили 81 книгу. Это очень хороший показатель.

И второе. Конечно, необходимо было обеспечить процесс смены поколений. А он всегда очень болезненный.

В советское время попасть работать в Академию наук было огромным счастьем. Тогда считалось, что ты вытащил счастливый билет на всю жизнь. Сейчас много разных соблазнов: и заграница, и политика, и бизнес, и все что угодно. Зарплаты в советское время были до 300 руб. у кандидата, 400 руб. у доктора наук. Аспирантом я тогда получал 80 руб., младшие научные сотрудники получали 120 руб. На эти деньги можно было скромно, но жить.

А сейчас, знаете, сколько получает очный аспирант в Академии наук в гуманитарном институте? Он получает в месяц 3100 руб. Как долго в Москве можно прожить на 3100 руб.?! О чем тут можно говорить, о какой поддержке науки, если аспирант-очник, который должен заниматься написанием кандидатской, получает деньги, которых едва хватит на покупку проездного и один поход в магазин?! Мы тоже были молодыми, нам тоже не хватало денег, мы где-то подрабатывали. Но, как говорится, тогда мы учились и подрабатывали, а сейчас молодежь работает и подучивается. А это большая разница.

На наше счастье всегда есть определенный процент молодых людей, любящих науку. Это люди, фактически готовые жертвовать собой ради науки. Вознаграждение в этом случае сильно отложено. Чтобы стать доктором наук (когда можно будет получать тоже небольшие для Москвы, но все-таки хоть какие-то деньги), нужно проучиться 5 лет в университете, потом в лучшем случае 5 лет уйдет на кандидатскую диссертацию, но потом докторская — это еще 10 лет. В целом лет 20–25. И то, если

у тебя все идет как по накатанной. Но тем не менее мы недавно подвели баланс: у нас сейчас ровно 30% молодежи (до 39 лет включительно). Это уже очень неплохой результат!

Повторяю, это было второй моей целью — привлекать молодежь, попытаться их как-то поддержать. И очень важно, чтобы эта молодежь успела поработать вместе с учеными старшего поколения. Кстати, формально, если не брать идеологию (она больше все-таки влияла на тех, кто занимался новейшей историей), очень высоко была поднята профессиональная планка в советское время! Вот для того, чтобы молодежь увидела эту планку — как надо работать, какой должен быть научный язык, как работать с документами, — очень важно было, чтобы они успели поработать со старшими коллегами. Это была очень важная задача. Я думаю, мы ее более-менее выполнили.

Н.Э. Что Вы скажете о реформе РАН 2013 г.?

К.Н. Чтобы не углубляться в детали, скажу лишь, что, по-моему, выборы директора института — одна из черт этой реформы, которая заслуживает поддержки. Раньше на завершающей стадии голосовало Отделение Академии наук, в которое входил тот или иной институт, а теперь выбирает коллектив института. Причем голосуют не только ученые, как раньше, но и все остальные — так называемый АУП (административно-управленческий персонал). Директор — с одной стороны, конечно, ученый. Но с другой стороны — он администратор. Такая прямая демократия на низшем уровне, на местном, или на уровне

небольшого академического института — это вполне допустимо и работает. Причем работает лучше, чем если бы директора, например, назначали.

В Югославии, которой я занимаюсь, пытались прямую демократию или самоуправление развить не только на местном уровне и на уровне низовых предприятий, а «прошить» ею все общество снизу доверху, политику, экономику, культуру. Но, как мне кажется, за этим красивым фасадом было лишь легче прятаться руководившим все и всем коммунистическим функционерам. Отсюда, кстати, и ненависть этих коммунистических функционеров к «буржуазной» представительной демократии. Мы тоже не любили представительную демократию, но пошли другим путем — у нас Советы были и исполнительной властью, и законодательной, и какой угодно.

Все же прямая демократия невозможна, когда речь идет о большой стране. Но на местном уровне (о чем много писал и Солженицын) нужна именно непосредственная демократия, и опыт всех наших земств очень ценен. Но, скажем, в Москве, строго говоря, нет ни представительной, ни непосредственной демократии. Есть маленький крохотный парламент в 45 человек. Это ничто для такого огромного города (города, который больше многих государств!). А что внизу? Большинство москвичей даже не знает, поскольку ничего не работает. У местных властей денег нет. Без денег никакого местного самоуправления быть не может. Вот если бы на местах решали, на что потратить выделенные деньги:

сделать парк, построить дорогу, школу и т.п. — это было бы совсем другое. А сколько говорилось о муниципальной полиции: чтобы шерифа назначало местное самоуправление и платило ему зарплату. Тогда это будет не просто участковый — ведь 90% населения вообще не знает, кто у них участковый. Тогда это будет человек, работающий за деньги, которые ему платят на местах, и работать он будет с местным населением.

Даже если представить, что югославы действительно пытались сделать что-то в этом роде, по крайней мере — в теории, нужно констатировать, что их опыт оказался неудачным.

Н. Э. Это было чем-то похоже на ливийскую джамахирию, по крайней мере на то, как она задумывалась?

К. Н. Как и Каддафи, Тито был во многом на совершенно особом положении — пожизненный руководитель партии и государства. Но все же Югославия больше походила на СССР и другие страны «реального социализма».

Это была партийная держава, но более умная. Югославские руководители допускали почти все, что не влияло на их собственную власть. Однако чем больше я занимался этой страной, тем больше понимал, что там происходило все то же самое, что у нас. В конце правления Тито фактически начался застой, когда уже мало что менялось. После смерти Тито у них началась своего рода перестройка, и тут же обострились национальные проблемы. В этом, по-видимому, есть какая-то закономерность. По-видимому, очень ча-

сто национальные лозунги приходят на смену демократическим. В Югославии в конце 60-х — начале 70-х гг. происходила так называемая «Хорватская весна», или так называемое «массовое движение». Оно началось с демократических лозунгов, но потом довольно быстро скатилось на национальные и даже на националистические позиции.

Мне кажется, это довольно частое явление. Тот же Майдан на Украине. Он же начался со вполне нормальных студенческих требований о демократизации и ликвидации коррупции, а потом пришли более сплоченные националистические деятели, и все поменялось. Даже у нас на Болотной площади начинали с демократических протестов, а потом начали маршировать колонны крайне правых. Кто знает, может, при других обстоятельствах они тоже перехватили бы инициативу. Всегда есть такая опасность.

И тогда уже пострадают все слои общества. Не только определенной национальности (как при фашизме) или определенного класса (как при коммунизме). У нас ведь тоже от репрессий пострадали не только дворяне или интеллигенция, но и те, кто строил никому не нужный Беломорканал, который рыли на костях крестьян, согнанных из соседних сел. Если посчитать, то в России пострадало больше всего крестьян. Опять же, вспомним раскулачивание, массовый голод и т.д.

Н. Э. Мне кажется, что, например, в музее ГУЛАГа теме страдания интеллигенции уделено гораздо больше внимания, нежели остальным.

К. Н. Больше просто потому, что интеллигенция могла об этом написать в воспоминаниях! Моего деда арестовали в 1930 г. И, может быть, благодаря этому он остался жив, потому что через 7 лет было уже гораздо больше расстрельных статей. А его отправили на строительство Беломорканала имени Сталина, и он выжил, потому что был бухгалтером. Он находился в штабе стройки в Медвежьей Горе (сейчас это Медвежьегорск). Поскольку дед был бухгалтером, он все-таки не рыл канал лопатой. Благодаря этому и выжил, я думаю. Хотя и досталось ему по полной, тяжело болел и даже на Соловках был одно время. И выйдя, он мог обо всем этом рассказать. А неграмотные крестьяне гибли там тысячами!

Правда, дед никогда не говорил на эту тему. Кстати, когда его пришли арестовывать — он слушал радио. И потом, всю жизнь после освобождения он везде выключал радиоприемник.

Н. Э. А что ему вменяли в вину в 1930 г.?

К. Н. Честно говоря, я уже и не помню... По-моему — вредительство. Тогда как раз боролись с «вредительством», «Шахтинское дело» и т. п.

Н. Э. Сколько он провел в заключении?

К. Н. Ему дали 5 лет, потом сослали, и семья жила в Великом Устюге. Отец, когда поступал в МИФЛИ, скрывал, что он сын «врага народа». Затем добровольцем пошел на войну. Когда окончил университет и аспирантуру — ему разрешили жить

и работать в Москве, и он получил служебную комнату.

А деду после смерти Сталина разрешили сначала жить на 101-м километре. Он жил в Малоярославце, где, говорят, в те годы были блестящие школы, в которых преподавала профессура Московского университета. Им нельзя было возвращаться в Москву, и они вели там обычные уроки. После XX съезда КПСС деду разрешили жить в Москве.

Н. Э. А ваш отец про войну тоже не любил вспоминать?

К. Н. Практически нет. Он служил в наземной авиации. Но заканчивал войну в составе 1-го Украинского фронта переводчиком. Нужно было допрашивать пленных немцев, которых становилось все больше и больше. Отец знал немецкий (был все-таки студент МИФЛИ!). Вот что больше всего поразило меня: он рассказывал, как стоял на посту, охранял (кажется) аэродром и повторял про себя китайские иероглифы. Представляете, насколько сильна была тяга учиться?! Ведь война, завтра могут убить! А он уже начал учиться и понимал, что китайские иероглифы нужно постоянно повторять, иначе их забудешь. Это было совершенно нестигаемое поколение.

Или история, случившаяся по окончании войны: с отцом служило много украинцев. Пока война дошла до Волги, у нас уже и больных, и слепых призвали в армию. А Украину так быстро захватили, что мобилизацию толком не провели. И когда наша армия уже освободила Украину,

мужчин и юношей, конечно, призывали. На Украине еще были человеческие ресурсы, а в России их уже не было. Поэтому у отца было довольно много украинских друзей, с кем он заканчивал войну.

Он рассказывал, как их в Берлине построили на плацу и объяснили, что желающие могут остаться на сверхсрочную службу. Расписывали преимущества такой службы. На что кто-то из украинцев в строю негромко сказал: «Хороша тюрьма, да охотников нема!» Крестьянин, конечно, хотел вернуться и землю свою обрабатывать. А отец хотел вернуться в свою науку. Он очень быстро — экстерном — сдал экзамены и поступил в аспирантуру. Отношение, конечно, было хорошее: все-таки — фронтовики! Но и он был очень талантливым и любил свою науку...

Наш институт создавало поколение фронтовиков... И мне это очень дорого. Правда, был еще один Институт славяноведения. Короткое время: с 1931 по 1934 г. такой институт работал в Ленинграде, потом всех пересажали — было «Дело славистов», «Дело академиков». Институт ликвидировали. Но сразу после войны, в самом конце 1946 г., институт возродился уже в Москве, куда переехала Академия наук. Повторяю, наш институт создали фронтовики. Тогда мужчин в институте было подавляющее большинство. Сейчас уже больше женщин. Это закон — если зарплаты становятся меньше, феминизация нарастает. Возьмите, к примеру, школы и районные поликлиники. Сейчас в школах стали больше платить, и мужчины начали возвращаться.

Н. Э. Говорят, что есть президентский указ о том, что нужно поднимать зарплаты в научной сфере, и вроде бы все для этого делается. Это так?

К. Н. Это все очень сложно. Про очных аспирантов я уже сказал. Так что — делайте выводы... Но что-то меняется. Помимо зарплат, мы получаем от Министерства науки и высшей школы так называемые субсидии. И они нас очень выручают. Но если бы подняли зарплату, было бы лучше. Зарплата — это обязательство государства. А от чего зависит размер субсидий — никто не знает. Вроде бы от нашей работы: кто успешней работает, тот больше получает. Но как это делается — непонятно и непрозрачно. Мы не знаем наверняка, дадут ли вообще нам что-то. Помимо зарплат, еще есть гранты. Но они есть не у всех, и рассчитывать на них как на постоянный доход тоже невозможно.

Конечно, не только деньги важны. Я, может быть, субъективен, но у нас очень хороший институт и очень хороший микроклимат в нем — за что мы всегда боремся. Ученые — люди с амбициями, часто бывают конфликты. Но у нас, слава Богу, до этого доходит редко. Хотя у нас сложный институт: различные специальности — историки, филологи (литературоведы и лингвисты), культурологи, и разные страны, которыми мы занимаемся. Но мы как-то научились друг с другом мирно уживаться, ладить, и особых проблем у нас никогда не было. Поэтому и результаты работы, на мой субъективный взгляд, хорошие.

Но надо отдать должное и начальству. За те 15 лет, что я работаю ди-

ректором института, никто мне ни разу не позвонил и не сказал, что нужно делать то и то, или где-то изменить акценты, отказаться от разработки какой-то темы.

Н. Э. В том смысле, что нет никакого идеологического прессы?

К. Н. Абсолютно! В это мало кто верит. Когда иностранцам это говорю, например. Но это на самом деле так! Какой мне смысл все это говорить иначе?! Я понимаю, что телевидение это одно, а наши книжки, часто по 300 экземпляров — другое. Понятно, что мы в основном читаем друг друга и это неопасно! Но тем не менее советской власти это не было понятно, и давление было просто безумным. А сейчас им хватает ума не вмешиваться.

Н. Э. История Югославии, наверное, тоже имела определенные идеологические моменты?

К. Н. Конечно! Все время была синусоида! Постоянно! То они друзья, то становились ревизионистами, то еще кем-то. Сразу становилось трудно работать. Или «македонский вопрос»! В советское время нас замучили (я только пришел тогда в институт). Основная часть Македонии входила в состав Югославии как отдельная республика, а болгары считали Македонию исторической частью Болгарии. Между ними были постоянные споры. И мы, чтобы не вмешиваться в их споры, вообще не употребляли термин «Македония, македонский». Это было табу!

Я помню, как в газете «Известия» написали, что в Северной Греции на-

шли могилу Филиппа Македонского — отца Александра Великого. Как так?! — спросило у нас партийное руководство. А мы писали в ответ, что это можно было упоминать, потому что могила Филиппа Македонского никак не связана с болгаро-югославским территориальным спором.

Надо понимать, что наша продукция — не точка зрения государства, Академии наук и даже определенного института, это точка зрения конкретного ученого. И даже в одной книжке могут быть разные позиции. Я считаю, что это абсолютно нормально. Лишь бы это было в рамках науки. Поэтому такого рода прессинг бессмыслен. У нас может быть такая позиция, а может быть другая — кто знает! Все-таки у нас гуманитарные науки. Это в математике все бывает точно, хотя и там не всегда дважды два — четыре.

Возьмите, например, Косово. Сербы скажут: была Косовская битва, сербы эту битву проиграли, покинули край, стали уходить на север, а это место заняли албанцы. Так Косово постепенно стало албанским. А вы посмотрите, там одни сербские названия, а сколько там сербских памятников! И это будет чистой правдой!

А албанцы вам скажут совсем другое. Они скажут, что славяне пришли на Балканы в VI–VII вв., а мы там до этого спокойно жили. Славяне нас выдавили в горы, а потом после Косовской битвы мы вернулись к своим родным очагам. И вообще мы древнее автохтонное население, потомки иллирийцев. Хотя между иллирийцами и албанцами есть лакуна лет в 600, но это мало кого останавливает.

Таким образом, у каждого — своя правда! Правд может быть несколько, а истина только одна. Наука пытается до нее добраться, но не всегда это возможно.

Н. Э. А институт — это место для дискуссий?

К. Н. Конечно! Без дискуссий нет науки, а наука делается в институтах. Этого, к сожалению, не могут понять! Надо заботиться прежде всего, чтобы институты работали. Не надо их без нужды объединять или делить, вытаскивать лаборатории и т.п. В самом институте могут быть лаборатории, другие подразделения. Но я не вижу пока лучшей формы организации науки, чем небольшие институты человек в 200. По крайней мере, у нас. Может быть, в технических институтах по-другому.

При нормальном финансировании они будут функционировать еще долго, и никакая вузовская наука в ближайшее время не сможет с ними конкурировать. Просто у наших преподавателей даже нет времени на науку. Я сам преподаю в Московском университете и знаю это. Если каждый день занятия, когда заниматься научной работой?! Тогда надо менять полностью организацию высшей школы: в один день профессор пришел прочел лекцию, в другие дни его аспиранты читают, а он занимается наукой.

А у нас исторически сложилась система научных институтов, и это наше конкурентное преимущество, что у нас есть, не хочу сказать была, Академия наук. Кстати, если уж нужно было проводить реформу Академии,

то с той целью, чтобы повысить влияние академических институтов. Они были как бы нанятые Академией наук, а не ее неотъемлемой частью. Вот поэтому институты так легко от Академии отцепили.

Н. Э. Наверное, при любой реформе никогда не бывает все идеальным?

К. Н. Конечно. Я уже говорил, что, по моему мнению, выборы директора — это лучшее, что есть в реформе РАН. Что касается хозяйственной деятельности, то нас это не касается, поскольку мы расположены в арендованном помещении и хозяйственной деятельностью не занимаемся. Правда, у нас после реформы забрали 25% площадей. Хотели даже выселить из здания, но, слава Богу, до этого не дошло. Хотя и в академические времена институт тоже уплотняли. В целом говорят, что в Академии наук был какой-то хаос вокруг хозяйствования и сейчас навели порядок. Возможно. Наши нынешние руководители хорошие финансисты.

Но наука — это все-таки другое. Нашим новым руководителям было сказано, что они должны освободить ученых от хозяйственных функций. Ради Бога! Мы только за! Но они же еще и деньги нам дают. А кто деньги платит, тот, конечно, считает, что уже за все отвечает, за нашу научную продукцию, пытается как-то ее оценивать. Отсюда и увлечение наукометрией вместо экспертных оценок. Они дают нам деньги и считают, что имеют право нами командовать. Но все сложнее. Всегда вспоминается Маргарет Тэтчер, которая говорила: «Запомните, нет государственных денег! Есть деньги нало-

гоплательщиков!» Они нам не из своего кармана выдают деньги. Если частные — пожалуйста: частник дает деньги и может делать все что хочет! Но если деньги налогоплательщиков, а не собственные, тогда должен быть какой-то общественный совет, который будет определять, что нужно делать. И голос самих научных институтов должен учитываться.

Мне также кажется, что наукометрия — это очень странное увлечение, которое пришло с Запада, когда уже сам Запад стал разочаровываться в ней. Мы подхватили, а сейчас всячески развиваем. Еще раз повторю, в фундаментальных науках гораздо важнее экспертное мнение самих ученых. Мы знаем, кто чего стоит. Особенно в той специальности, к которой принадлежим, среди славистов, например. Те, кто у нас работает, — знают, кто является серьезным ученым, а кто не очень. И не нужны здесь индексы Хирша и проч.

Сколько сил уходит на это! Нас всех замучили наукометрией и отчетами! И очень сильно давление бюрократии. Все время уходит на бумажные и электронные отчеты. Зачем, например, кадровый резерв для начальников, еще что-то...

Понятно, что чиновникам нужно показать свою значимость, необходимость представить деятельность. И часто параллельные департаменты одного министерства придумывают одно и то же, но чуть-чуть по-другому — надо и этим ответить, и тем. Причем просят использовать разные компьютерные программы, которые мы должны специально осваивать. Бывает так, что просят написать, сколько

через 10 лет будет статей и в каких именно журналах. Зачем это и как это подсчитать заранее? У нас не самая плохая славистика — все-таки я могу об этом говорить. Россия — самая большая славянская страна, и слависты у нас всегда были хорошие.

Ну ладно, мы провели реформы, пождите теперь лет 5–10, чтобы люди как-то приспособились к ним. А когда это происходит постоянно, сразу вспоминается китайская поговорка: «Не дай Бог жить в эпоху перемен!», потому что постоянно что-то меняется, и надо приспосабливаться снова и снова, вместо того чтобы делом заниматься.

Н. Э. Расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах.

К. Н. Как я говорил, я занимаюсь XIX в., XX и чуть-чуть XXI, и везде бы хотел что-то еще сделать. Какие-то работы у нас просто плановые. Так, в частности, мы вместе с сербскими коллегами опубликовали документы из российских и сербских архивов, посвященные общественным и культурным связям наших стран: «Москва — Сербия, Белград — Россия». Вышло четыре больших тома. Последний относился к межвоенному периоду. Теперь идет работа над сборником документов, посвященным социалистическому развитию СССР и Югославии — от конца войны до середины 1970-х гг., т.е. примерно до начала застоя. Там я должен написать обширную обзорную статью исторического характера. Это — современная история.

Хоть у нас Институт славяноведения, но долгие годы, 30 лет, мы

назывались Институт славяноведения и балканистики. В 1997 г. наше название сделали в два раза короче. В тот период, когда в Югославии был кризис и к Балканам было приковано внимание всего мира, Россия вдруг отказалась от названия «балканистика» в одном из своих ведущих научных институтов. Я не работал тогда в институте, но, как мне объясняли: шли реформы, академическое начальство желало отчитаться, что преобразования проводятся, и вот — сократили наше название. Повод у них был, мне кажется, очень надуманный: славяноведение — это мировая проблема, балканистика — региональная. В нашем названии якобы проблемы разного уровня. Ну и что? А как можно выбрать только славянские народы, чтобы описать весь регион Центральной, Юго-Восточной и отчасти Восточной Европы? Ни одну проблему — ни лингвистическую, ни культурологическую, ни историческую — невозможно рассматривать изолированно, только на одном славянском материале.

Балканы остаются, конечно, в поле нашего зрения. Не так давно у нас был проект «История Балкан в Новое время» в четырех томах. Этот проект был инициирован работавшим у нас в Институте Владиленом Николаевичем Виноградовым — самым крупным отечественным балканистом последнего времени. Первые три тома вышли под его редакцией, четвертый том (Балканы после Берлинского конгресса и до Первой мировой войны) готовился уже мной. Балканской темой хотелось бы и дальше заниматься. Кстати, в сентябре 2019 г. в Бухаресте состоялся XII Международный конгресс по из-

учению Юго-Восточной Европы. В его работе приняла участие большая делегация из нашего института.

У меня была монография, посвященная выдающемуся сербскому государственному деятелю Илие Гарашанину и его известной программе «Начертание». Он — главная фигура в истории сербского автономного княжества, не доживший лишь несколько лет до независимости страны. Хотелось бы написать книгу и о втором этапе его деятельности, связанном с так называемым Первым балканским союзом. Вообще, в новой истории Сербии было три таких великана — Илия Гарашанин, Йован Ристич и Никола Пашич — все они заслуживают особого изучения. Николой Пашичем у нас много занимался Андрей Шемякин — блестящий знаток! К сожалению, он рано ушел из жизни, два года назад. Мне кажется, он знал о Пашиче все, даже больше, чем сербские коллеги!

Конечно, хочется написать еще что-то. Посмотрим... К сожалению, не хватает времени на систематическое хождение в архивы. А историк — зависимая профессия. Мы зависим от документов и архивов. Если их нет — это уже не та работа. Мы не можем писать сочинение на вольную тему. Историк нужен документ, мы зависимы от него. Откроют архивы шире, мы будем счастливы и напишем новые книги. А закроют — и ручеек нашего творчества сразу пересыхает. Я недавно прочел, что у нас еще по Колчаку какие-то документы закрыты! Так когда это было?! И при чем тут нынешняя Россия?! Что там можно держать закрытым по Колчаку?! Какие-то зверства

были и с одной, и с другой стороны. Но это уже давно история. Где-то ему уже и памятники ставят. Если у нас история полная и объективная, мы должны памятники не только большевикам ставить, но и лидерам Белого движения. Или не ставить никому. А Колчак, кстати, для России сделал много полезного как полярный исследователь и ученый-океанограф.

Наконец, лет десять назад я поставил себе цель подготовить специалистов по современной истории но-

вых постъюгославских государств. И планомерно ее реализую. Уже защитили кандидатские диссертации мои ученики, написавшие работы по истории Македонии, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Готовится диссертация по новейшей истории Черногории. Приходит новое поколение историков-славистов, и значит, у нашей науки есть будущее.

Н. Э. Спасибо большое за интересную беседу!

“DEMOCRATIC SLOGANS VERY OFTEN GIVE WAY TO NATIONAL”.

Interview with K. V. Nikiforov

Nikiforov Konstantin V. — Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Slavic Studies of the RAS (Moscow)

Key words: the Yeltsin era, the collapse of Yugoslavia, the Russian school of Slavic and Balkan studies, the history of the Yugoslavian peoples, reforms of the Academy of Sciences.

Abstract. The specialist in Slavic history, director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, not only speaks about the current problems of the development of historical Slavic studies and Balkan studies in Russia, but also recalls the experience of working in the Russian Federation Presidential Administration in the 1990s.

«Я СОЖАЛЕЮ, ЧТО В МОЛОДОСТИ БЫЛ НЕ ТАК ЛЮБОПЫТЕН И НЕ ТАК ЛЮБОЗНАТЕЛЕН, КАК СЕЙЧАС».

Интервью с Д. В. Панченко

(Июнь 2018)

Ключевые слова: Ленинградский университет 1970-х, неформальные интеллектуальные течения в Ленинграде 1980-х, Россия 1990-х, классическая филология, история античности, астрономия и космология в Древнем мире, параллели в развитии Запада и Востока, международные научные связи.

Аннотация. Специалист по классической филологии и истории античного мира рассказывает о своей жизни, интеллектуальном общении с коллегами, размышляет над параллелями в развитии древних цивилизаций.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-176-193

Д.В. Панченко является автором работ: Платон и Атлантида. Л.: Наука, 1990; Фалес и возникновение традиции теоретического исследования. Афины: Евразия, 2005; на новогреческом языке; Записки русского бедуина. М.: НЛО, 2006; Диффузия идей в древнем мире. СПб.: Филологи-

ческий факультет СПбГУ, 2013; На восточном склоне Олимпа: роль греческих идей в формировании китайской космологии. СПб.: Наука, 2016; Гомер. Илиада. Троя. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Почему вы стали историком, что определило ваш выбор?

Д.П. Это история выбрала меня. Я был увлечен древней историей с пятого класса, когда мы ее проходили в школе. Уже тогда — лет в один-

надцать — участвовал в городской олимпиаде для школьников; приходил в университет на исторический факультет, отвечал на вопросы на месте, потом писал пространную работу дома — помню, что это было по Второй Пунической войне. Инте-

© Историческая Экспертиза, 2021

Панченко Дмитрий Вадимович — кандидат исторических наук; доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ и Департамента истории Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург)

рес этот, как видите, сложился очень рано. Вышедшая очередным изданием книжка «Знаменитые греки» (мне посоветовал ее купить мой школьный учитель) моему увлечению очень поспособствовала. Какое-то время я колебался между интересом к Греции и Риму, с одной стороны, и к доколумбовой Америке — с другой. Выбрал Грецию и Рим — и правильно сделал.

Когда я был в седьмом классе (по возрасту — это нынешний восьмой), случилось событие особого рода: мой двоюродный брат, только что поступивший в университет, на математику, познакомил меня со студентом кафедры истории Древней Греции и Рима Василием Рудичем. Василий принял во мне близкое участие, давал мне читать разные книги. Я прочитал в русских переводах множество античных авторов, почти все, что было переведено, мне это было страшно интересно. Сам Василий Рудич давно уже живет в Америке, стал профессиональным историком Древнего Рима, выпустил три значительных книги. Я многим ему обязан.

Тогда же, в седьмом классе, я несколько недель ходил на мифологический семинар Александра Иосифовича Зайцева, и Зайцев произвел на меня неизгладимое впечатление.

С.Э. Это был семинар именно для школьников?

Д.П. Нет, обычный семинар для студентов. Приходили аспиранты, студенты, ученые, а с ними и я — мальчик, любивший древнюю историю и играть в футбол. Я кое-что помню из того, что там происходило и гово-

рилось, до сих пор. Но, к сожалению, я заболел ангиной, которая долго не проходила, и потом мне было неловко, пропустив несколько недель, приходиться вновь — так что пришлось ждать поступления в университет, когда я возобновил посещение семинаров Зайцева.

В год перед поступлением в университет я участвовал в еще одном семинаре — на кафедре истории Древней Греции и Рима. Вел его Эдуард Давыдович Фролов, тогдашний заведующий кафедрой. Он оказал мне честь участвовать в семинаре наравне со студентами — я писал работу, выступал с докладом. Это была отличная моральная поддержка. Когда я поступил в университет, мне очень нравились его лекции по древней истории. Курсовые работы я писал у него. На кафедре был еще один замечательный преподаватель, которого, к сожалению, давно нет среди нас — Юрий Викторович Андреев. С ним мы тоже рано сблизились и, когда я стал старше, дружили. Я старался по возможности посещать все занятия с Зайцевым, который принадлежал другому — филологическому факультету. И неформальным своим учителем я считаю именно А.И. Зайцева. Важными для меня были также занятия и дружеское общение с другим филологом-классиком — Александром Константиновичем Гавриловым.

Тогдашний исторический факультет был, конечно же, заведением идеологическим. Был какой-то полусумасшедший замдекана, экстравагантный, но бдительный парторг, какая-то бесконечная история КПСС, так называемый научный

коммунизм и другие идеологические «науки». Но не было недостатка в людях, которым по-настоящему была интересна история. Проходили увлекательные конференции по древней истории. Неплохой институцией было Студенческое научное общество на нашей кафедре. Вообще, на нашей кафедре — для тех, кому было интересно, — жизнь кипела. Я мог сравнить это с тем, что происходило на кафедре Средних веков — там как-то очень милостиво всем ставили «пятерки» за курсовые, лишь бы мальчики и девочки что-нибудь сделали. И там, конечно, были сильные ребята — на курс старше меня, например, учился Николай Копосов, с которым мы дружим много лет. То есть, несмотря на идеологическое давление, была относительно живая заинтересованная атмосфера — мне кажется, в большей степени, чем сейчас.

С. Э. На кафедру античной истории шли люди, которые все-таки именно историей интересовались? Те, кто собирался делать какую-то партийную карьеру, вероятно, выбирали другие кафедры?

Д. П. Распределение по кафедрам было с первого курса. Бывало наоборот, что те, кто приходил на античную кафедру, потом переходили на кафедру истории КПСС, понимая, что это гораздо практичней.

С. Э. После университета вы поступили в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР?

Д. П. Почти так, но не совсем: я все-таки год работал в школе. Когда

я пришел на распределение, какая-то тетенька, явно проникшись ко мне симпатией, предложила мне идти в педагогическое училище освобожденным секретарем комсомола. То есть я мог ничего не делать и иметь гарантированную защиту от того, чтобы идти в армию. Но я возмущенно ответил, что этому не бывать, и тогда меня послали в школу. Это была 321-я школа, недалеко от моего дома, не худшая. Люди там были вполне приятные, но сейчас я понимаю, какое это было безумие. Мне, только окончившему университет, дали девять классов — четыре параллели, 330 учеников. Я не думаю, что проявил себя тогда хорошим учителем — ни опыта, ни склонности, да и чрезмерная нагрузка, к которой я еще прибавил придуманный мной же кружок по древней истории — и это было единственным, чем я занимался там с увлеченностью. К концу того года вдруг поступило предложение из Института истории, оно восходило к Виктору Ивановичу Рутенбургу. Ему нужны были аспиранты для занятий итальянским Возрождением. Видимо, не нашлось кого-то подходящего из медиевистов, и мне предложили попробовать поступить — как человеку, который знал Античность, которая в эпоху Возрождения и возрождалась. Я с готовностью это предложение принял и в результате был страшно рад. Институт истории в то время, в 1979-м, очень контрастировал с историческим факультетом. Здесь была либеральная атмосфера, костяк коллектива сформировался еще в 1960-е гг. Это был институт и приятный по атмосфере, и сильный по набору специалистов. Правда, мне пришлось на время отойти от активных заня-

тий Античностью. Я писал диссертацию о литературных источниках «Города солнца» Томмазо Кампанеллы, а литературные утопии меня давно интересовали. Три года я провел в Институте истории, в аспирантуре — с большим удовольствием.

С.Э. И диссертацию защищали по Кампанелле?

Д.П. Да.

С.Э. Не так давно вышла книга Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» — о советском мировосприятии, где были правила игры, которым следовали почти все люди. Например, ходили на комсомольские собрания, но сами в это время думали совсем о другом. Как молодые ученые, студенты, аспиранты в брежневское время относились к советской власти?

Д.П. По-разному. Кто-то — вполне простодушно. Кто-то не любил «провокационные» разговоры с критикой советской власти. А кто-то очень быстро в ней разочаровывался. Уже когда я поступал в университет, я плохо относился к советской власти. Я хорошо относился к идее социализма, к Марксу, к марксизму, но советская власть мне представлялась лживой. Я, конечно, знал о сталинских репрессиях, знал о начале войны и других таких вещах.

С.Э. Это родители рассказывали?

Д.П. Что-то я знал из семьи, что-то — от старших знакомых, друзей. Но началось это раньше и независимо. Когда я был ребенком, то любил смотреть по телевизору спортивные пе-

редачи — хоккей, футбол или как бегают на коньках. В какой-то момент меня стало поражать несоответствие между тем, что я вижу, и тем, как это комментируют. Я чувствовал, что мне врут — врут всегда с каких-то идеологических позиций. Мое первое понимание, что я живу в стране, где постоянно врут, пришло из спортивных репортажей. Потом я стал читать газету «Советский спорт», когда мне было лет десять. Я чувствовал несправедливое распределение симпатий: скажем, голландцы были отличными конькобежцами, но их если и хвалили, то сквозь зубы. Мое первое понимание фундаментальной лживости советской системы пришло из этой сферы. Но я думаю, что скорее Плутарх и Шекспир сформировали во мне какое-то антисоветское настроение. Да и Пушкин. Это же была удивительная эпоха. Знаете, на какую тему я писал выпускное сочинение в 10-м классе? «Вослед Радищеву восславил я свободу». Свободолюбивая борьба против царского режима настолько входила в идеологическую обойму, что какие-то либералы в Министерстве образования могли подsunуть такую тему — и я с удовольствием писал сочинение о свободолюбивой лирике Пушкина.

В начале 1970-х обстановка была относительно либеральной. Тотального идеологического давления и принуждения не было. Сформировались относительно независимые круги вокруг каких-то ученых. Для меня никогда не стоял вопрос, что нужно в работах ссылаться на сочинения Ленина или решения съезда КПСС: я воспринимал это как нечто совершенно недопустимое.

С. Э. В исследованиях, посвященных Античности, можно было не ссылаться на «классиков»?

Д. П. На Маркса я, кажется, однажды сослался — наверное, в автореферате диссертации. Больше не ссылался. Где-то к середине учебы в университете я не просто понимал, что не люблю эту так называемую советскую власть, но я считал правильным культивировать в себе какое-то противостояние ей. И, надо сказать, чуть не вылетел из университета на 4-м курсе после доклада на семинаре по новой истории о тоталитаризме (под названием «Томас Манн и фашизм») — но тогда все счастливо обошлось: я и сам проявил неожиданную быстроту реакции и решительность, отказавшись выдать на рассмотрение начальству текст моего выступления, и парторг факультета, как мне передавали, распорядился оставить меня в покое — потому что «он серьезно занимается наукой». Неужели ценили? Или же решили не раздувать скандал в отсутствие явных улик? Когда после университета я стал уже «вольным человеком», в моем окружении было много людей, которые были связаны с так называемой Второй культурой.

С. Э. В московском «Мемориале» я слушал лекцию о Второй культуре в Питере, и лектор не раз упоминал вас как ее активного деятеля.

Д. П. Ну, я был на периферии. Действительно, в какой-то момент я вместе с моим другом Сурином Тахтаджяном стал издавать машинописный журнал «Метродор». Я подробно описал это в 15-м томе «Нового литературного обозрения»,

за 1995 г. — отсылаю туда тех, кому это интересно. Это был игровой журнал, который вырос вокруг литературной мистификации. Постепенно там стали появляться какие-то серьезные материалы.

С. Э. Вы были еще студентами?

Д. П. Нет, мы были аспирантами.

С. Э. Сколько вышло номеров этого журнала?

Д. П. Формально — десять.

С. Э. Для подпольного журнала это много!

Д. П. Насколько я припоминаю, третий номер был посвящен высшему начальству. Это была нахальная фикция, у нас просто не было материала на номер. Однажды выпустили сдвоенный номер. Но в десятом выпуске было триста страниц.

С. Э. Как он распространялся, его читали по очереди?

Д. П. В основном да. Сколько было читателей, трудно сказать. Был один или два подписчика. Под копирку делалось максимум семь копий — на замечательно тонкой бумаге, за рубль шестнадцать копеек пачка; сомневаюсь, что чтение седьмой или шестой копии могло доставить удовольствие. К десятому номеру это приобрело некоторый масштаб: у нас были материалы Пригова, Рубинштейна, материалы, связанные с Курехиным. Они тогда еще не были знаменитостями, но были друзьями друзей, моими старшими и добрыми приятелями.

С. Э. Какой это был год?

Д. П. 1982-й. Это был последний выпуск журнала. Когда я оканчивал аспирантуру, ко мне пришли сотрудники КГБ, они мне очень много и долго что-то говорили, в течение месяца со мной беседовали. Я тянул время, потому что решался вопрос, оставят ли меня после аспирантуры в Институте. Я хотел остаться в Институте истории. Они же хотели меня завербовать, причем на очень хороших условиях: они, мол, нуждаются в честных людях, я буду говорить только то, что считаю нужным, а там, глядишь, быстро дорасту до члена-корреспондента.

С. Э. А шантажировали именно тем, что вы издаете журнал?

Д. П. Они вообще не очень шантажировали. Просто показывали, что знают, что я общаюсь с какими-то «сомнительными людьми». В какой-то момент меня привели в отделение, я оказался за железными дверьми на каком-то кожаном диване, с искусственным светом. Вероятно, это была акция легкого устрашения. Но я почувствовал себя важным человеком и даже позволил себе откровенно соврать — на вопрос о том, кто издает журнал «Метродор», я сказал, что не знаю. Надеюсь, что это была извинительная ложь. Итог всего этого был невероятный — это 1982 г. — меня вызвал директор нашего института, Валерий Александрович Шишкин. Прихожу — там целый квартет: вместе с директором — его заместитель Михаил Павлович Ирошников, мой научный руководитель, Виктор Иванович Рутенбург, и второй по важности человек в нашем секто-

ре всеобщей истории — Александр Александрович Фурсенко. Они говорят мне — на вас жалуется КГБ, вы издаете какой-то журнал, пытались в него вовлечь кого-то из сотрудников Академии наук (это прозвучало как главный упрек). «Давайте решать: если вы хотите оставаться в институте, то прекращайте издавать журнал». Я обалдел от изумления, но ответил, по-видимому, в том духе, что — спасибо, подумаю. Потом уже Виктор Иванович — разговор был у него дома — очень разумно мне объяснил: «Они уже к вам пришли, если они решили ваш журнал закрыть — они его закроют». Я согласился и до сих пор вспоминаю позицию, занятую руководством института (главным в этом вопросе был, несомненно, Рутенбург), с удивлением и благодарностью.

С. Э. Получается, что они знали про этот журнал, но не торопились его закрывать?

Д. П. Журнал не был политическим, и куда им было спешить? К тому же на обложке журнала предупредительно значилось, что он издается «с разрешения Высшего Начальства». Какая там была политика? Журнал в каком-то смысле возник как разросшийся комментарий к якобы новонайденной трагедии «Клопы» некоего Метродора Лемносского. Дело там происходило вокруг прокрустова ложа, насельниками которого и были клопы. Один из фрагментов трагедии гласил: «Но как Прокруста опознаю я?» — «Прокруста ты узнаешь по бровям его». Всякий, понятно, был волен вспомнить о бровях Брежнева. Еще у нас периодически фигурировала

Северная Корея, но все оставалось в рамках спокойного юмористического контекста. Там был дух свободы, но не дух конфронтации.

Со временем наш журнал стал фигурировать в каких-то западных передачах. В тогдашнем КГБ была установка на социализацию личностей. По счастью, в отношении нас они занялись «социализацией личности», а не репрессиями. Хотя сразу прибавлю, что если в то время они кого-то решали репрессировать, то это было бесцеремонно, грубо и жестоко. Не так, понятно, как в былые времена. Но за распространение книжек угодить на три года в тюрьму можно было запросто.

С.Э. То есть они сочли, что ваш журнал не очень опасен, так что нужно социализировать, а не репрессировать.

Д.П. Да, он действительно был не очень опасен. Единственно, сам факт издания независимого журнала, без спроса, не вписывался в тогдашние рамки. А в общем в это время дистанцироваться от советского официоза можно было при желании достаточно далеко. Делаешь один шаг — обнаруживаешь, что ничего страшного не произошло, и делаешь второй. Я достаточно хорошо чувствовал, что я могу себе позволить безнаказанно, а что нет. Но то, что меня оставят в Институте — я не ожидал.

Кстати сказать, создавая журнал, я, в сущности, хотел примерно того же, к чему стремитесь теперь вы — чтобы было сообщество. От греческих и римских писателей остались

замечательные произведения, но их никто не обсуждал так, как, скажем, произведения русских классиков. А жаль! Я мечтал о живом, заинтересованном и умном разговоре о Софокле, Сократе, Аристофане, Катулле, Таците... Из этого почти ничего не вышло (и так это остается до сих пор), но вышло что-то другое. С какого-то момента журнал стал специализироваться на неконформистской критике либеральной оппозиции, можно сказать — на критике того, что в гуманитарных науках было относительно независимым, как сочинения Лосева или тартуско-московский структурализм.

С.Э. Я помню, что Лев Яковлевич Лурье опубликовал в «Метродоре» статью, где критиковал Лотмана за статью «Декабрист в повседневной жизни».

Д.П. Да, я думаю, это был отличный материал. Идея была в том, что критика на страницах официальной печати людей, уклоняющихся от генеральной линии партии, воспринималась бы как подрыв их положения. А какой здесь подрыв положения, если с критикой выступает какой-то самиздатский журнал? У нас были другие позиции, мы были такими молодыми экстремистами, ратовавшими за строгую науку, свысока смотревшими на новомодные веяния.

С.Э. Вы были той «молодой шпаной», которая собиралась, как пел Макаревич, стереть тогдашних «авторитетов» с лица земли?

Д.П. Мы, конечно же, не думали о себе в таких выражениях. Наши

дискуссии были вполне разумными, хотя в них, может быть, была какая-то заносчивость. Но все было по существу.

С.Э. В этом журнале была статья с критикой Ольги Михайловны Фрейденберг. Ее не вы написали?

Д.П. Там была целая подборка, не без моего участия. Но главным критиком тут был мой друг и коллега Леонид Жмудь, который с десятого номера стал нашим третьим соредактором — вторым был Сурен Тахтаджян. В трех последних выпусках «Метродора» были материалы трех больших дискуссий: обсуждение творчества Фрейденберг, обсуждение Лосева и обсуждение московско-тартуской школы. Мы все в них так или иначе участвовали. Надо отметить, что самым умеренным критиком выступал самый старший из нас — Александр Иосифович Зайцев. Про Фрейденберг он говорил, что, когда будет опубликована ее переписка с Пастернаком, очень может быть, что разговоры о ее наследии пойдут другим образом. О Лосеве — что есть род людей, которым близка такая манера, для которых она существенна, интересна. Мы не были молодыми волками, но немножко были кусаками.

С.Э. Ниспровергали авторитеты, скажем так.

Д.П. Да. Но я думаю, что много здравого и справедливого там было. Другое дело, что значение творчества Фрейденберг, Лосева, структуралистов не сводится к тем ошибкам — частным или принципиальным, — которые мы у них обнаруживали.

С.Э. Я знаю, что многие античники относятся к наследию Фрейденберг крайне отрицательно, пишут о ее филологических ошибках. Но мне кажется, Фрейденберг по своему складу не филолог, а философ. Для нее античный материал — это лишь источник, как было в свое время для Ницше. Ведь его концепцию дионисийского и аполлонического тоже сначала критиковали, но потом во многом приняли.

Д.П. Фрейденберг я читал давно и не так уж много. Однако наша — по крайней мере моя — полемика шла не с отдельными промахами и нелепостями и не с отдельными персонажами. Я сформулировал это, когда вместе с Гавриловым и Жмудем готовил в 1985 г. машинописный сборник в честь Зайцева, и это, мне кажется, остается принципиальным и по сегодняшний день: мы — свидетели впечатляющего угасания воли к правде. В эпоху застоя очень четко обозначилось: правда, истина становились не нужны. Люди свободомыслящие, свободные от советского официоза предпочитали играть в какие-то игры. Я тоже любил игры, но для меня важно было различать игру и поиск научной истины. Он для меня всегда был бесконечно серьезным. В конце концов, что произошло в 1990-е гг.? И среди реформаторов оказались люди, довольно безразличные к поиску истины, к тому, чтобы напряженно думать, искать, трудиться, а не конструировать ситуации, благоприятные для поддержания приятного самочувствия. Мы уловили важный деструктивный тренд и пытались ему противостоять. В этом был глубокий смысл, хотя я, безусловно, готов признать, что

во многих отношениях наша критика была односторонней.

С. Э. Какие перспективы открылись после падения советской власти для ученого-античника?

Д. П. Я был, разумеется, среди тех, кто в ночь с 20 на 21 августа был на площади перед Ленсоветом. В ту ночь я встретил удивительно много людей, знавших греческий и латынь. У меня было ясное понимание, что все будет решаться в Москве, я не думал, что нас сейчас начнут бить саперными лопатками по голове, и все-таки... Опыт этой ночи и опыт демонстрации на Дворцовой площади накануне на многие годы стал определяющим впечатлением. Мы сами поучаствовали в том, чтобы отстаивать свою свободу, и мир, который открывался, был совершенно иным. Он стал меняться уже во время перестройки. До нее ездить за границу было возможно только после прохождения какой-то комсомольской или партийной комиссии — сначала в социалистические страны, потом в Югославию и лишь затем в капиталистические страны. Мне это казалось унижительным, и я никуда не ездил. Я принял для себя решение — не знаю, выполнил ли бы я его на самом деле, — что если к тому моменту, когда мне будет лет 35, ситуация не изменится, то я постараюсь из своей страны уехать. Мне как-то не хотелось всю жизнь провести взаперти. Но тут началась перестройка, и по приглашению моего старинного друга Василия Рудича я осенью 1988 г. полетел в Америку — это была моя первая заграничная поездка. Я поехал в Йельский университет, где прочитал две лекции. Василий

и его друзья мне сильно помогли с английским. Лекции были замечательно восприняты, а я увидел другой мир, другой университет. Классический департамент в Йельском университете в то время, думаю, был лучшим в мире. Потом он на моих глазах рассыпался: кто-то уходил по старости, кто-то с кем-то ссорился, кто-то переезжал. От него остались рожки да ножки. Но в 1988 г. это было блестящее собрание ученых. То, что они так хорошо восприняли мою работу, не могло не вдохновлять. Я к тому моменту как раз закончил свою первую книгу, «Платон и Атлантида»; в Йельском университете я излагал ее содержание. В другом докладе я говорил о книге Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции».

Какие открывались перспективы? Нереальные, фантастические. Представьте: весной 1991 г. я гастролировал с различными докладами по университетам американского восточного побережья, включая лучшие, причем никто это специально не устраивал, меня словно передавали из рук в руки; и эти гастроли произвели такое впечатление на семью американских благотворителей — Джоанну и Дэниэла Роузов (людей, надо сказать, исключительных), что они совершенно неожиданно для меня вызвались спонсировать мое годичное пребывание в Гарварде, куда, в департамент социологии, меня пригласила Лия Гринфельд. В Америке я обзавелся замечательными друзьями и коллегами. Среди ближайших — Дэвид Констан и Курт Раафлауб. Иные знакомства с коллегами были не только приятными и вдохновляющими, но могли иметь

прямое научное значение. Скорее всего, я никогда бы не прочитал статью Джорджа Гулда о формировании гомеровских поэм, если бы он мне ее не подарил, а без этой статьи не было бы моей книги об «Илиаде».

После Америки последовала Англия. В Кембридже среди таких ученых, как Майлс Берниет, Джеффри Ллойд, Дэвид Седли, Малькольм Скофилд, я стал своим человеком. В Оксфорд я прилетал с докладом по приглашению Мартина Уэста. Не говоря уж о том, что побывал в гостях у Карла Поппера, с которым мы переписывались.

Вальтер Буркерт — переходя к немецкоязычному миру — не только писал мне рекомендательные письма, но и — неловко вспоминать — прислал приглашение для получения швейцарской визы. Почему неловко? — В частности потому, что в тот раз нам не удалось повидаться, зато я воспользовался швейцарской визой, чтобы на воздушном шаре перелететь в Германию!

Да, Германия... Я из числа тех, не столь уж, кстати сказать, малочисленных счастливых, кто оказался в объятиях Фонда имени Александра фон Гумбольдта. Это потрясающее учреждение. Не только щедрое, но и заботливое, умное, умеющее поддерживать в нас, выходцах с края Европы, самоуважение и энтузиазм в работе. Мне очень повезло с моим немецким академическим гостеприимцем: Юрген Миттельштрас — философ и крупный ученый; и это не все: самый его облик, идеально сочетающий дисциплину, энергию и доброту, пробуждает во мне лучшие начала.

Вообще в меня было вложено столько доброты, отзывчивости, да и, по привычным мне меркам, денежных средств, что я должен был, обязан был достичь гораздо большего, нежели сумел. В последние годы я пытаюсь наверстать упущенное — что-то из этого должно выйти!

Но вернемся в девяностые — в своем рассказе я кое в чем выходил за их рамки. Итак, как будто бы все было замечательно: путешествуешь, едешь за границу, видишь мир — и за это еще получаешь деньги, совершенно несопоставимые с зарплатой, которую платили в России в начале и середине 1990-х гг. То есть я принадлежал к числу тех, кто выиграл от изменений. Но мне совсем не нравилось чувствовать себя среди привилегированных, меня удручало, что новые возможности распространялись не на всех и что люди, которые тоже вполне заслуживали того, чтобы получить стипендию и куда-то поехать, по тем или иным причинам не могли этого сделать. То, что при свободе общественная справедливость не очень-то выросла, — это было видеть крайне неприятно. В годы между моими заграничными я пребывал, впрочем, в роли обыкновенного труженика, причем из Института истории я был уволен — за прогул.

С.Э. Из-за того, что вы ездили за границу?

Д.П. Формально. Но в те годы, пока сотрудник был за границей, его зарплату делили между другими. Я был уволен потому, что так захотел один-единственный, но очень влиятельный человек. Моим основным местом работы стала классическая

гимназия, преподавал я в разных других новых учреждениях, позже перешел в университет. Начиная с 1990-х гг., если я не был на стипендии в Америке, Германии или Финляндии, я не помню, чтобы я работал меньше, чем на двух работах.

С.Э. А в отношениях с теми, кто не ездил, возникали какие-то трения?

Д.П. Трений не возникало, но все равно что-то чувствовалось. Достаточно сказать, что я не решался поделиться впечатлениями о поездках — меня распирало, но я себя останавливал. Мне было неловко. Постепенно почти у всех появились какие-то поездки, но сначала, конечно, была неприятная ситуация неравенства.

С.Э. Вы работали в гимназии, а потом перешли в Смольный институт?

Д.П. Где я только не преподавал! Какие-то вузы возникали и исчезали, какие-то существуют до сих пор. Меня приглашали читать древнюю историю или древнюю философию. В 1999 г. на филологическом факультете возникла программа, которая была названа «Смольный институт». Несколько лет назад она получила статус Факультета свободных искусств и наук. Я работаю там с самого начала. Несколько лет назад я ушел из гимназии — тогда открылось питерское отделение истфака в Высшей школе экономики, меня позвали туда. Выбор был сделан, хотя последний мой год в гимназии был очень успешным. В Высшей школе экономики тоже все сложилось достаточно благополучно и интересно. Но, действительно, главным местом,

где я преподаю, с 1999 является Факультет свободных искусств и наук.

С.Э. Только что вы подарили мне вашу книгу «На восточном склоне Олимпа. Роль греческих идей в формировании китайской космологии», и в ней, как и в предыдущей работе «Диффузия идей в древнем мире», рассматривается, как греческий мир влиял на другие культуры. Как возникла эта тема?

Д.П. Отчасти случайно, отчасти — совершенно логично. С конца 1980-х гг. моим главным научным интересом становится феномен возникновения теоретической науки в Древней Греции. Так получилось, что почти вся теоретическая наука впоследствии развивалась на основе того, что сделали греки. Но сочинения ранних греческих ученых до нас не дошли. Сохранились пересказы пересказов, отрывки отрывков. Я поинтересовался, а что дошло от Древнего Китая? Читая капитальный труд Нидэма «Science and civilization in China», я с удивлением увидел знакомые метафоры применительно к знакомому мне материалу — небесные явления или космологические идеи описываются буквально в тех же метафорах! Это настолько меня поразило, что я стал разбираться. Постепенно, разбираясь, я пришел к мысли о том, что каким-то образом греческие идеи достигли Китая. Я стал этим заниматься. Тщательно проверять довод за доводом, искать правдоподобные конкретные сценарии распространения идей. По ходу своих поисков я выяснил множество интересных вещей, знание о которых представляет ценность независимо от того, повлияли греки на Китай или нет. Все знают,

каким образом Эратосфен определил, какую часть всей земной окружности составляет расстояние между широтами Александрии и Сиены, но никто ничего разумного не сказал о том, каким образом Эратосфен определил само это базовое расстояние, без чего было бы невозможно установить величину земного шара; благодаря китайскому материалу я это выяснил. Астрономическая система Анаксимена оставалась непонятой на протяжении всего времени изучения греческой науки и философии; на основании китайских параллелей я ее объяснил. Моя гипотеза требовала показать, что греческая система мер длины, какой мы ее хорошо знаем со времен Геродота, явилась результатом трансформации прежней; я это сделал, причем неопровержимым образом. Хороший сценарий с передачей идей из Милета в западный Китай тоже нашелся.

В результате мои представления о том, что возможно и что невозможно, коренным образом изменились. И когда спустя сколько-то лет мне попала статья, в которой сравнивались мифологические представления Полинезии и Скандинавии и автор заявлял, что тут, конечно, не может быть какой бы то ни было связи, я азартно подумал: а почему, собственно, не может быть? Стал знакомиться со Скандинавией бронзового века и пришел к тому, что уже в глубокой древности люди и идеи перемещались на колоссальные расстояния. Постепенно это стало одним из моих главных интересов.

С.Э. Ваши оппоненты, наверное, возражают вам. Помните, Мирча Элиаде говорил, что если мы взгля-

нем на аграрные культуры от Португалии до Китая, то увидим, что они построены на одних и тех же принципах. Вам не возражают, что идеи могли рождаться независимо в разных регионах?

Д.П. Конечно. Я и не спорю с этим. Если имеются сходные условия, то в них могут рождаться сходные идеи. Если у разных наблюдателей одно и то же небо над головой, то они могут и даже должны прийти к более или менее близким идеям. Но я всегда выступаю против априоризма: надо смотреть на конкретные сходства конкретных идей, подчас весьма специфических. А также на конкретные обстоятельства. Вы говорите, «от Португалии до Китая». Китайскую классическую цивилизацию основали люди, сражавшиеся на боевых колесницах. Откуда пришли боевые колесницы? Они пришли с Запада (в широком смысле слова). В последней главе книги «На восточном склоне Олимпа» я сопоставил раннекитайские религиозные представления с индоевропейскими и, в частности, древнегреческими — там все почти один к одному, еще и имена звучат сходно. Так что в цивилизациях «от Португалии до Китая» могут быть элементы общего наследия. Существует столько всего удивительного и подчас внешне неправдоподобного! Но названное вами возражение, естественно, звучит очень часто.

С.Э. Рецензенты вам в таком стиле возражали?

Д.П. Если бы были рецензенты! На «Диффузию идей» была рецензия, написанная Львом Самуиловичем Клейном, — местами

полемиическая и критичная, но в целом сочувственная и уважительная. «Восточный склон Олимпа», похоже, останется без рецензентов, пока я не озабочусь появлением английского варианта книги.

С. Э. Это проблема нашей исторической корпорации. Автор должен сам найти рецензента и чуть ли не сам ее писать. Наш журнал «Историческая экспертиза» с трудом находит рецензии для публикации.

Д. П. Понимаю! Вы, по крайней мере, справляетесь. В последние годы добавилась новая трудность — наукометрия не учитывает рецензии, даже в самых рейтинговых журналах.

С. Э. Интересен ваш аргумент о том, что в данном случае речь идет не об общих верованиях, описываемых Элиаде, а об уникальных идеях, которые обнаруживаются далеко не везде, но только в некоторых странах. Поэтому и можно говорить о влиянии одной культуры на другую. Можно провести аналогию с перемещением вещей на тысячи километров. В Эрмитаже есть византийские предметы искусства, которые находили на Урале и за Уралом, т. е. они мигрировали на огромные расстояния. Получается, с таким же успехом могли передаваться и идеи.

Д. П. Идеям труднее было передаваться, чем вещам. Но мне трудно поверить в то, что сравнение движения планет с муравьями, бегущими по гончарному кругу в направлении, противоположном его вращению, — чтобы это сравнение дважды независимо возникло и в Греции, и в Китае.

С. Э. Вы затронули тему, связанную с реакцией коллег — что на английском реакция будет, а на русском — нет. У меня складывается впечатление, что в советское время общество было более закрытым, доступ к литературе был ограничен — но для ведущих ученых их работа была своего рода миссией. Кстати, их тоже переводили на английский язык. Сейчас все открылось, доступ к литературе есть, возможным стало общение, поездки. Но настрой, который был у лучшей части гуманитарной интеллигенции, в значительной мере исчез. Так ли это? Как вы считаете?

Д. П. Я согласен. Ситуация изменилась, и, боюсь, она изменилась не только у нас в стране. Просто у нас общие тенденции часто приобретают более драматичное и радикальное выражение. Интерес к работам других ученых в целом слабеет. Когда я говорю о переводах на английский, что я имею в виду? Число ученых, занимающихся Древней Грецией или Римом, не очень велико. Больше всего их в Америке и в англоязычном мире — отсюда мои слова о рецензиях. Но и с публикациями на английском не все так гладко. Вот вы опубликовали статью по-английски, она доступна в Сети, ее прочитали несколько видных специалистов, они прислали вам приятные письма — это совершенно не гарантирует, что ваша работа станет частью кумулятивного научного процесса, по крайней мере, в ближайшей перспективе. С этим постоянно приходится сталкиваться. Или так: у ученого растет репутация, его приглашают на конференции, на его работы даже начинают ссылаться —

но редко бывает, что кто-то берет на себя смелость выступить за или против какой-то неожиданной гипотезы. Если она оказывается на пересечении различных областей знания, люди не станут тратить свои силы, чтобы разобраться, не возьмут на себя риск высказаться. Драйв ослабел. Он остается у отдельных ученых. Отдельные ученые продолжают работать так же, как и раньше. Но если взять сообщество, community, то коллективное рвение к получению новых значительных результатов, к установлению новых истин поубавилось.

С. Э. Как вы это объясните?

Д. П. Ясного ответа я не дам, но несколько соображений могу высказать. Большинству из нас свойственно жить интересами повседневной жизни, сегодняшним днем. Однако пятьдесят, сто и даже сто восемьдесят лет назад мыслящие люди в Европе, России и Америке жили еще и в истории. В девятнадцатом столетии история предстала некоей отвлеченной силой, направляющей ход человеческих событий. А историки предстали подобием ее жрецов. Наша профессия притягивала общественный интерес и, соответственно, одаренных людей. Так продолжалось довольно долго, но этого больше нет — разве что чуть-чуть, по инерции.

Большими историческими интерпретациями с увлечением занимается то общество, которое имеет более или менее внятное представление о будущем. Пока существовало всеобщее движение к прогрессу, науке было интересно проследить: вот тот путь, который привел нас сю-

да, тут мы шли вперед, а вот тут мы сбились с пути — как мы пришли к такой катастрофической эпохе, как первая половина XX в.? А как мы из нее выкарабкались, да еще снова отчетливо движемся к лучшей жизни? Чем наша цивилизация отличается от прочих? Почему западная цивилизация некогда рванула вперед? А что происходило в Китае? Все было интересно, поскольку это было значимым знанием, которое относилось к нашей коллективной жизни. Состязание двух систем, при том что официальная советская идеология считалась прямым продолжением открытых Марксом, как утверждалось, законов исторического развития, этому интересу тоже способствовало. Но к концу 60-х гг. состязание двух систем по существу закончилось: американские космонавты высадились на Луне, а советские танки — в Праге. На Западе бурные 60-е гг. завершились решением, в принципиальном плане, всех основных социальных требований, вытекавших из идеала прогрессивного движения к справедливому и по возможности счастливому обществу. Коллективные задачи, мобилизующие ум, волю и энергию, оказались на время как бы исчерпанными, и направление движения утрачивало ясность. Некоторым субститутотом выступила проблема экологии. Затем появился грозный исламский фундаментализм. Затем неожиданное по своей стремительности возвышение Китая. Но эти новые проблемы — состояние окружающей среды, изменение климата, воинствующий ислам, потоки мигрантов, полуторамиллиардный Китай, активность мафиозных государств, упадок политического значения Европы — все это подобно

действию стихий. Мы можем принять меры к защите от них, но мы не можем их направлять.

Эпоха самоуправления человечества закончилась. Наступившую я некогда назвал эпохой аномии (в своем эссе «Когда закончилось Новое время?»). Нет какого-то руководящего порядка, руководящей идеи. Теперь неясно ни то, кто лидер, ни то, к чему мы идем. Все приобретает немного эфемерный характер. Эта эпоха, возможно, переходная и скоро обретет другие контуры, но в настоящее время наша профессия превратилась в одно из многочисленных частных увлечений современного человека. Мы более не заняты общественно значимым делом.

С чего я взял, что история перестала мыслиться как некая метафора миропорядка, как некая суперсила? Возьмем превосходный сборник превосходных статей Люсьена Февра, одного из основателей школы «Анналов», составленный им в начале 50-х гг. минувшего века. Он называется «Бои за историю». Я прекрасно понимаю полную оправданность такого названия в то время, но сейчас мне неловко повторять его — словно оно придумано подростком с несформировавшимся чувством стиля, мне неловко включать его в обязательный список для студентов. Товарищ Февр, Марк Блок, в «Апологии истории» вспоминает, как в 1940 г., в день вступления немцев в Париж, кто-то из братьев по оружию выпалил: «Неужели история нас обманула?» Сейчас эта фраза звучит нелепо, так никто не скажет. Что значит «история нас обманула»? Да, может, ход

событий сложился не так, как мы верили или предполагали. Обмануть может божество, персонифицированная сила. История перестала мыслиться такой силой — регулирующей и направляющей ход человеческих судеб.

Кроме всего прочего, в последние десятилетия историки (и не только историки, все гуманитарии) в подавляющем большинстве своем перегружены обязанностями. И эти обязанности в последние годы возросли: давление университетской бюрократии становится все больше.

С.Э. Не только руководство вузов пишет отчеты, преподаватели тоже?

Д.П. Ну, скорее, речь идет о бесконечно занудном оформлении программы того или иного курса. Другое дело, что, как обычно у нас, на что-то закрывают глаза, что-то спускается на тормозах, но общее давление производственных бумаг, формальностей, требований к публикациям возрастает. Я не буду осуждать однозначно нынешнюю систему кнута и пряника — но эта система функционирует неэффективно. Для одних — с избытком пряника, для других — с избытком кнута. В результате либо возникает много профанации, либо, наоборот, люди оказываются перегруженными — у них уже нет времени думать о работах коллег, им нужно лишь успеть справиться со своими задачами. Поэтому пока все складывается не очень благоприятно. Конечно, не то чтобы все — электронные ресурсы высвобождают время для работы, существует возможность бывать в заграничных библиотеках и архивах.

Присутствие идеологического прес-са минимально, оно несопоставимо с советским.

С. Э. Кто ваши любимые историки?

Д. П. Фукидид. Восхищают не только его трудолюбие и нацеленность на установление того, как все в точности происходило. Вы ежеминутно ощущаете, что имеете дело с необычайно умным человеком и к тому же человеком, который при всем своем трезвом и строгом разуме поразительно ощущает и передает — самыми лаконичными, но безотказно действующими средствами — драматизм происходящих событий. Очень люблю и высоко ценю Сыму Цяня. Та же, что у Фукидида, обстоятельность, точность, глубина и работоспособность. И особая (китайская?) благородная сдержанность отнюдь не холодного и не безразличного к персонажам и событиям человека. Кто из новых? «Римская история» по праву принесла Моммзену Нобелевскую премию — гений! Как убедительно и как ярко представляет он ход событий! Книга Ростовцева о Римской империи может, напротив, показаться суховатой, но я как раз люблю раскрыть ее на странице с какими-нибудь бескрайними ссылками, с этой ненарочитой демонстрацией дисциплины и учености, и уж потом в очередной раз восхититься мыслями и формулировками в основном повествовании. У Тойнби множество совершенно замечательных экскурсов, примечаний, отдельных соображений, неожиданных взглядов — в частности на явления греческой и римской истории (его философия истории меня впечатляет несколько меньше). Назову еще

двух французов — Токвиля и Марка Блока. В книгах Токвиля галльский ум и галльское красноречие воистину предстают во всем своем блеске. И на чьем счету еще столько оправдавшихся исторических предсказаний? А «Феодалное общество» Марка Блока — это попросту образцовый труд. Да и, честно говоря, приятно знать, что один из лучших историков был среди героев Сопротивления.

С. Э. Традиционный вопрос о ваших творческих планах. Что вы собираетесь делать дальше?

Д. П. Планы окрыляющие. Таковы, что должны бы вырасти крылья и я бы должен тотчас взлететь, прихватив с собой вас, и мы бы стали беседовать с вами, паря в небесах. Беда только, что слишком много накопилось работ, не доведенных до конца. В ближайших планах — книга о Кампанелле, с новыми поворотами моей старой темы. Еще в советское время мне, я думаю, удалось объяснить, почему общества, описываемые в литературных утопиях, обнаруживают тоталитарную тенденцию. «Город Солнца» был в центре моих рассуждений; теперь надлежит дать интеллектуальный и психологический портрет автора этой утопии.

Не доведен до конца мой главный план последних лет — большая работа о возникновении теоретической науки в Древней Греции. Мне многое удалось, но сопротивление столь фрагментарного материала, дошедшего через третьи и двадцать четвертые руки, подчас оказывается непреодолимым. Придется умерить амбиции и смириться с невозможностью выстроить во всех отношениях

ясную и логичную историю ранней греческой астрономии и философии.

Появился английский перевод первой части моей книги «Гомер. “Илиада”. Троя». Книга об «Илиаде» для меня очень важна, английский вариант требует доработки. После этого надо будет думать об английской версии книги о влиянии греческой космологии на Китай. Кроме того — мои «Викинги бронзового века», большая работа, опубликованная в «Stratum plus». Опять же, необходимы английские версии — там столько захватывающих материалов! Следующим шагом будет книга о греческой мифологии в ее связи с представлениями о небе и небесных явлениях европейцев бронзового века. Здесь много можно сказать нового и, надеюсь, достаточно убедительного.

Наконец, много лет я, по стопам Зайцева, интересуюсь природой культурных рассветов — именно рассветов, упадки меня как-то мало занимают. Я думаю, что мне удалось вывести формулу этих культурных рассветов. Она опубликована и по-английски, а затем и по-русски, но не получила ни одного отклика в печати — как, в сущности, случи-

лось и с книгой Ганса Грэве о культурных расцветах и «Культурным переворотом» Зайцева. Но справедливо здесь то, что пока моя формула представлена лишь в рамках относительно короткой статьи и преимущественно на материале лишь одного культурного рассвета (в Афинах V в. до н.э.).

Сверхзадачей для меня остается главная зайцевская тема — природа греческого чуда. Как бы ни была хороша книга Зайцева, его объяснение требует дополнений и уточнений. Есть много и других увлекательных сюжетов: например, через неделю я буду делать доклад о влиянии Алексиса де Токвиля на Ивана Сергеевича Тургенева.

С.Э. Это уже весьма далеко от вашей основной темы!

Д.П. Да. За это я и люблю исторические науки — в них много всего интересного. Я сожалею, что в молодости был не так любопытен и не так любознателен, как сейчас, когда выяснить все, что хочется, уже не успеть. Интересного все больше и больше.

С.Э. Спасибо за интересное интервью!

“I REGRET THAT IN MY YOUTH I WAS NOT AS CURIOUS AS NOW”.
Interview with D. V. Panchenko

Panchenko Dmitri V. — Ph.D, Saint Petersburg State University, Associate Professor; Higher School of Economics in Saint Petersburg, Associate Professor (St. Petersburg)

«Я сожалею, что в молодости был не так любопытен и не так любознателен, как сейчас»

Key words: Leningrad University in the 1970s, informal intellectual movements in Leningrad in the 1980s, Russia in the 1990s, classical philology, the history of antiquity, astronomy and cosmology in the Ancient World, parallels in the development of the West and the East, international scientific and academic relations.

Abstract. A specialist in classical philology and the history of the ancient world talks about his life, intellectual communication with colleagues, reflects on the parallels in the development of ancient civilizations.

«НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СРЕДНЯЯ ЗАРПЛАТА ПО МОСКВЕ — 70 ТЫС. РУБЛЕЙ, ЗНАЧИТ, ЗАРПЛАТА НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ ДОЛЖНА СОСТАВЛЯТЬ 140 ТЫС.».

Интервью с Ю. А. Петровым

(Май 2019)

Ключевые слова: семейная память, исторический факультет Московского университета, экономическая история России, история предпринимательства и банковского дела в России, предпосылки революции 1917 г. в России, Институт российской истории РАН.

Аннотация. Известный специалист по экономической истории предреволюционной России, директор Института российской истории РАН рассказывает о своем пути в науке, об учителях, участии в многочисленных научных проектах, высказывает свое мнение по ключевым проблемам развития предпринимательства и банковского дела в России. Речь идет также о важнейших текущих исследовательских проектах Института российской истории РАН.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-194-207

Среди работ Ю.А. Петрова: Коммерческие банки Российской империи. М., 1994 (в соавт. с В.И. Бовыкиным); Династия Рябушинских. М., 1997; Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998; Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002; Век акций, рент и облигаций. Ценные бумаги Российской империи. М., 2005; Кредит и банки в России до начала XX в.: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005 (член авторского коллектива); История на-

логов в России. IX — начало XX вв. М., 2006 (в соавт. с В.Н. Захаровым и М.К. Шацилло); Защита капитала: опыт российской бизнес-элиты XIX — начала XX вв. М., 2006 (в соавт. с Г.Н. Ульяновой); История Сбербанка России. 1841–1991 гг. М., 2007 (в соавт. с С.В. Калмыковым); Наемные управляющие в России. Опыт бизнес-элиты XIX–XX вв. М., 2007 (в соавт. с Е.Н. Савиновой); Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2008–2009

© Историческая Экспертиза, 2021

Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (Москва)

(руководитель проекта); Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. М., 2011; Российское государство от исто-

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о своих корнях, о вашей семейной памяти.

Ю.П. Корни мои простые — крестьянские. По отцовской линии — крестьяне из Рязанской, а по материнской — из Тульской губернии. Вообще говоря, мое поколение — это типичное детище советского периода. Мой отец Александр Иванович родился в деревне, а затем сделал карьеру в городе, став заслуженным учителем РСФСР, кавалером ордена Ленина, директором профессионально-технического училища.

А мама родом из Богородицкого района Тульской губернии, ее отец стал рабочим на заводе «Компрессор». И моя мама родилась и выросла уже в Москве, стала экономистом-статистиком.

Так что корни крестьянские, но я уже отношусь ко второму поколению служащей интеллигенции.

С.Э. Ваши родители из крестьянских семей. Скажите, коснулась ли их коллективизация?

Ю.П. Дело не в коллективизации. Мой дед по материнской линии уехал из деревни в Москву по оргнабору. Тогда мобилизовали крестьянскую молодежь на работу на заводах на пятилетку. Так он и уехал в Мо-

ков до XIX в.: территория и власть. М., 2012 (совм. с А.И. Аксеновым, Н.И. Никитиным, Н.М. Рогожиным, В.В. Трепавловым).

скову. Это было в конце 20-х гг., еще до коллективизации.

А отец провел свои отрочество и юность в деревне. В его семье было семеро детей. Уже после Великой Отечественной войны его отец сказал ему: «Поезжай, Саша, в город, там будет более достойная жизнь!» И это правда! Жизнь в деревне, конечно же, в те годы была очень сложной.

Мой отец — Александр Иванович, мать — Валентина Ивановна. Дед по материнской линии — Иван Андреевич, механик-водитель танка Т-34, прошел всю войну. Дед по отцовской линии — Иван Егорович Петров, был мобилизован в царскую армию в 1913 г. и почти 10 лет прослужил матросом на Балтийском флоте, а в Великой Отечественной уже не участвовал по возрасту.

С.Э. Принимал ли он участие в Кронштадтском восстании?

Ю.П. Нет, в восстании он не участвовал. Он служил на линкоре «Андрей Первозванный». Вообще, дед никогда не рассказывал о своих революционных подвигах. Наверное, их и не было. Во флоте он служил до начала 20-х гг. Потом вернулся в деревню, женился на моей бабушке Евдокии Ивановне и всю дальнейшую жизнь провел в небольшой

деревушке — селе Курово Луховицкого района Рязанской (ныне Московской) области.

Я родился и вырос в Загорске. Мой отец руководил там ПТУ. Когда мне было лет 12, отцу дали другую работу, и мы переехали в подмосковный город Пушкино. Там прошла моя юность. Школу я окончил в Пушкино, а потом поступил на исторический факультет МГУ.

С.Э. Почему вы выбрали именно историю, что повлияло на ваш выбор?

Ю.П. Наверное, было несколько факторов. Интерес начал проявляться, когда мне было лет восемь-десять. Тогда была волна прекрасных исторических фильмов, на которые мы бегали по несколько раз. Это и «Спартак» с Кирком Дугласом, и «Приключения Одиссея»; и «Подвиги Геракла»; конечно, «Клеопатра», хотя это был не слишком детский фильм, но мы пробирались на него. А еще книги: «Борьба за огонь», а моей любимой книгой была «Быстроногий Джар» о приключениях доисторического мальчика и его дружбе со зверями, об охоте времен палеолита.

Влияла вся обстановка начала 60-х гг.! Плюс — тогда еще был большой пиетет перед наукой. Я это почувствовал еще мальчишкой. Мы ходили в кино, а перед фильмом обязательно демонстрировался киножурнал «Наука и техника» о выдающихся достижениях и открытиях.

Так сложилось, что я с детства очень любил читать. Читал историческую

литературу, Жюль Верна, Майн Рида — весь «набор» нашего поколения. Все это повлияло на то, что появился какой-то интерес к истории. И когда в начальной школе мы начали изучать историю Древнего мира — это, насколько я помню, 4-й класс, — мы читали учебник с упоением. Я как сейчас помню автора — Коровкин. Наша учительница была полной дамой, ей было несколько трудно говорить. И довольно часто она ставила меня перед классом, вручала учебник, и я читал для всех следующий параграф.

Так что в школе я достаточно рано понял, чего хочу, и определился, что поступать надо только в Московский университет на исторический факультет.

С.Э. Вы поступили с первого раза?

Ю.П. Нет! У меня был юношеский романтизм, и когда я в первый раз готовился к экзаменам, я учил одну только историю, считая, что все остальное ерунда и я и так сдам. Кончилось все довольно печально: я получил двойку на первом экзамене — на сочинении. И пришлось еще год готовиться дополнительно по всем остальным предметам. Через год я сдал, но не прошел на дневное отделение — не добрал баллов. Конкурс был большой — человек 5–6 на место. В те времена история была популярна не менее, чем сегодня. Я проучился на вечернем, потом перешел на дневное отделение и оканчивал уже в 1978 г. дневное отделение истфака.

С.Э. Кто из выдающихся преподавателей читал у вас, и кто из них оказал на вас наибольшее влияние?

Ю. П. На истфаке все преподаватели были замечательные! Я помню лекции по Античности, которые читал нам Авдиев. Он читал Древний Египет, и сам был уже иссохший старец, напоминавший нам фараона. Бокщанин — блестящий оратор — читал Древнюю Грецию и Рим. Борис Александрович Рыбаков читал Древнюю Русь. Анатолий Васильевич Адо — блестящий преподаватель по новой и новейшей истории. Обо всех сохраняю благодарную память.

Где-то с третьего курса я выбрал для себя направление — «История России». Я решил, что изучать историю других стран в наших условиях достаточно непросто, потому что нужно туда ездить, работать в архивах и библиотеках, а в те времена это было не так-то легко. И, главное, я решил, что сначала нужно понять свою историю, а потом уже сравнивать ее с другой. Я выбрал историю России XIX в. В советский период сознательно не пошел, потому что в те годы было трудно вести по-настоящему научную работу — слишком силен был идеологический пресс. А в XIX в. была некая отдушина!

На кафедре у нас был замечательный профессор — Петр Андреевич Зайончковский, у которого я занимался в спецсеминаре. Я очень признателен ему за уроки мастерства историка! Еще был Михаил Герасимович Седов — выдающийся специалист по народничеству, который сам сидел во времена Сталина и поэтому прекрасно знал все каторжные и тюремные обстоятельства, с которыми сталкивались его герои. Нина Степановна Киняпина — крупнейший специалист по внешней политике,

Лариса Георгиевна Захарова, знаток эпохи Александра II, и многие другие.

Проблема была в том, что уже тогда я определился, что хочу заниматься экономической историей, историей экономики, а на кафедре такого профессора — выраженного специалиста — не было. И я обратился к своему будущему учителю — Валерию Ивановичу Бовыкину, который работал на кафедре источниковедения. На источниковедение я идти не хотел, чтобы не заниматься только источниками. Мне хотелось понимать, что стоит за историческим фактом. У источниковеда ведь трудная судьба, потому что и его работа, и работа историографа являются подготовительными — анализируются источники, историография. А дальше?! В общем, я обратился к Валерию Ивановичу, он меня поддержал. У него я защищал диплом по кафедре «История СССР периода капитализма», но руководителем был профессор Бовыкин с кафедры «Источниковедения». Вот так началась научная биография.

Потом Валерий Иванович предложил мне поступить в аспирантуру Института истории СССР АН СССР. У меня по жизни не очень складывается с экзаменами: на экзамене по специальности я сказал что-то не то про ленинскую тактику периода первой российской революции. Мне поставили четверку. С четверкой уже трудно было попасть в дневную аспирантуру, и я поступил в заочную.

После этого работал в Государственном историческом музее, где

заведовал экспозиционным отделом по периоду капитализма. Так продолжалось пять лет. Работа в музее очень интересная, но она была сопряжена с большой административной нагрузкой, и я никак не мог закончить работу над диссертацией. Поэтому, когда мой учитель — профессор Бовыкин предложил перейти на работу в Институт, я сразу согласился, несмотря на серьезную потерю в деньгах. Я потерял примерно втрое — у меня зарплата была 300 рублей, как у завотделом в музее, а в Институт я пришел на 110 рублей, как младший научный сотрудник. Я должен тут выразить признательность моей супруге — Ларисе Анатольевне! В то время у нас намечался первенец, деньги, разумеется, были нужны! Это была середина 80-х, и заработать дополнительные деньги где-то на стороне было практически невозможно. Так что зарплата была единственным источником дохода, но моя супруга согласилась на то, чтобы я перешел работать в Академию наук, куда меня всегда манило: научная, кабинетная работа историка — это, пожалуй, то, что я больше всего люблю делать в жизни!

С. Э. Экономическая история, опирающаяся на статистику, на первый взгляд не так интересна, как другие разделы истории, где идет работа с документами личного происхождения. Почему вы решили остановиться именно на экономике?

Ю. П. Мне и тогда казалось, и сейчас я остаюсь при убеждении, что экономическая история дает для историка максимальную возможность искать в истории закономерность. Есть разные истории — личные, устные, се-

мейные. Все это нужная и полезная вещь! Но я все-таки полагаю, что понять, почему общество развивается так, а не иначе, можно лучше всего на материале экономической истории, там, где люди неосознанно предпринимают свои ежедневные действия. Из длинного ряда этих действий потом можно понять закономерность того, почему это так происходит.

С. Э. Как говорил Энгельс — базис в конечном счете определяет надстройку?

Ю. П. Меня как раз этот тезис насчет базиса не так уж привлекает. Хотя надо отдать должное, тут Энгельс не так уж и неправ! Действительно, экономические отношения в обществе очень многое определяют. Они дают возможность понять, почему, несмотря на свободную волю, свободу принятия решений и индивидуальные особенности человека, все-таки происходит некое движение, которое можно так или иначе ввести в рамки формулы. За это я и люблю экономическую историю. И она ведь не такая уж сухая — это не одна сплошная статистика. В советское время она была не слишком популярна, а начиная с 90-х гг. произошел настоящий бум интереса к предпринимателям и бизнесменам прошлого! И это оправдано, потому что об этих людях в советское время не писали. Этот бум, в частности, дал мне возможность написать книгу о династии Рябушинских. Я долго собирал материалы, мне было интересно, как эта знаменитая московская текстильная и банкирская династия стала тем, чем она стала на протяжении нескольких поколений. Они тоже, кстати, выходцы из крестьян.

С.Э. Их история начинается с XIX в.?

Ю. П. История их клана прослеживается до середины XVIII в. Они были старообрядцы, крестьяне Боровского Свято-Пафнутьевского монастыря. Но этот рывок в бизнесе состоялся на рубеже XVIII–XIX вв. на основе текстильных светелок, крестьянских промыслов, из которых потом выросли громадные фабрики, работающие до сих пор.

Это направление истории предпринимательства увлекло меня и стало, можно сказать, основным в 90-е гг. Кандидатскую диссертацию я защищал по теме: «Коммерческие банки Москвы», теме сугубо финансовой.

А докторскую я защищал уже по теме: «Московская буржуазия в начале XX века», где рассмотрел и их экономическую, и активную политическую деятельность, и культуртрегерскую, меценатскую, филантропическую и проч. У меня была потребность воспринимать этих людей в полном объеме их активности. Надеюсь, это получилось. Книга, вышедшая по материалам диссертации, в свое время получила Макарьевскую премию.

С.Э. Вы упомянули, что Рябушинские — старообрядцы. Я случайно натолкнулся на информацию, что почти все русские миллионеры были старообрядцами. Как вы могли бы это объяснить?

Ю. П. Во-первых, не все. Это некоторое преувеличение. Но несколько общеизвестных кланов, таких как Морозовы, Гучковы, Рябушинские, действительно, ведут свое происхо-

ждение из старообрядцев, чему есть достаточно простое и исторически достоверное объяснение. Старообрядцы в Российской империи были достаточно дискриминированной группой. Они, например, не могли устраиваться на государственную и тем более — на военную службу. Поэтому для них оставалось не так много возможностей для самореализации. И одна из основных — это бизнес, коммерция, промышленность и т.д. Вот тут они и развернулись, конечно, еще и благодаря тому, что у этой группы были свои особенности. О некурении табака и воздержании от алкоголя все мы знаем, а у них еще была очень сильная взаимовыручка. Если возникали моменты затруднения, то выдавали кредиты, а иногда и субсидии, для того, чтобы можно было сохранить свое дело. Вот такая взаимовыручка, плюс большая энергия и невозможность реализоваться в другой сфере и предопределили тот факт, что старообрядцы заняли заметное место в русском бизнесе и особенно в текстильной промышленности. А текстильная промышленность тогда была ведущей, основной отраслью.

Но все же сводить весь предпринимательский класс к старообрядцам было бы, мягко говоря, неточным. Он включал в себя самых разных представителей, в том числе и выходцев из протестантов. Тогда не было понятия «этнические русские». Поэтому если богатый купец-иудей или лютеранин принимал православие — он становился русским, и никаких вопросов больше не возникало. Русские, конечно, были в абсолютном большинстве у старообрядцев. Но были и очень серьезные

группы и просто великороссов, и татары, и иудеи, и лютеране (немцы). Русский бизнес-класс был как большой синтетический шарик с очень разными сегментами. При этом они все друг с другом взаимодействовали и конкурировали. У каждого была своя ниша, куда другие не слишком вмешивались.

С. Э. Вы упомянули лютеран, иудеев и старообрядцев. Я слушал лекцию замечательного византиниста Сергея Аркадьевича Иванова, в которой он привел критическое высказывание (не свое) в адрес «Духа капитализма» Макса Вебера. Когда Вебер выводил успех предпринимательства из протестантской этики, то выдал частный случай за общую закономерность. Потому что те же иудеи, старообрядцы и парсы добиваются удивительных успехов в бизнесе. С протестантами их объединяет только то, что все они напрямую с детства работают со священными текстами своих религий — тренируют мозг при чтении и комментировании. То есть конкретные положения религиозного учения не столь важны, как постоянная тренировка умственных способностей.

Ю. П. У меня есть сомнение, что ежедневное чтение Торы так уж сильно заостряет мозг. Известны типажи, когда начетчики постоянно повторяют священные тексты, но ничем другим в жизни заниматься не могут.

Интересно, что Вебер не всех учел! Естественно, у него и не было такой задачи, потому что ему важно было уловить закономерность — почему у протестантов, особенно швейцарских, победил дух капитализма. И он,

на мой взгляд, это убедительно доказал. Разумеется, у другой социальной и этнической группы могут быть свои предпочтения. Но Вебер сделал колоссальную вещь, и я не стал бы умалять его заслуг. Он абсолютный классик, и его будут читать. И следующие поколения тоже.

С. Э. Вы упомянули о буржуазии и ее участии в политической деятельности в начале XX в. Как вы считаете, была ли действительно значительна роль буржуазии в Февральской революции, или это миф?

Ю. П. Давайте немного отступим, потому что революция была еще и в 1905 г. Союз Саввы Морозова и Николая Баумана был вполне очевиден. Бауман, как известно, прятался от полиции в особняке Саввы Морозова, где сейчас находится Дом приемов МИДа РФ. Как раз эта взаимосвязь была более четко прослежена. Почему, откуда это фрондирование и поддержка таких, как сейчас говорят — маргинальных групп? У буржуазии было очень сильное недовольство и политикой власти, и своим положением в стране. Они вполне справедливо осознавали себя солью земли. Они создавали рабочие места и целые отрасли индустрии — они преобразовывали крестьянскую Россию в промышленную державу. И осознание ими своей миссии проявилось достаточно рано. На рубеже XX в. пришло новое поколение. И если старики и отцы были верноподданными купцами, то новое поколение бизнесменов уже позиционировало себя более независимо от власти, более критично. И поэтому они отчасти и поддерживали революционеров. Но дело Саввы Морозова было лич-

ным шагом, других таких примеров я не знаю. Оппозиционное движение, партию кадетов поддерживали, пытались создавать собственные партии — так называемую Торгово-промышленную — чтобы участвовать в выборах в Думу, получить депутатский мандат и возможность влиять на политику власти. Все это не получилось. И Торгово-промышленная партия не прошла выборный рубеж. Кое-кто прошел в Думу, но не в том количестве и не в том качестве, как они себе это представляли. Поэтому и сохранялось фрондирование по отношению к абсолютистскому самодержавному режиму. Настроения эти преобладали особенно в Москве, где такие люди, как Павел Рябушинский и Александр Коновалов — будущий министр Временного правительства — вели свою независимую линию, чтобы по мере возможности делать Россию менее абсолютистской и более правовой. Их идеалом была конституционная монархия по типу английской, там, где произвол власти был бы не столь откровенен, как в России. Что они делали для этого на путях союза с левыми силами? Скажем так, попытки были. Накануне Первой мировой войны Александр Коновалов встречался с известным большевиком Скворцовым-Степановым, а тот имел поручение от Ленина получить от буржуазии деньги на проведение очередного съезда РСДРП. И на этой основе между ними был торг: большевики устроят забастовки для того, чтобы повлиять на правительство, чтобы показать, что в стране не все так благополучно, а мы им дадим денег. Но потом переговоры были прерваны, стороны разошлись. Ни до чего конкретного здесь дело не дошло.

А что касается Февраля, то, несколько отступив, здесь надо объяснить, что кризис российской государственности обозначился в 1915 г. с отступлением русской армии с громадными потерями и осознанием того, что страна проигрывает войну. Тогда буржуазия выступила уже более активно и настойчиво. Они приняли участие в создании так называемого прогрессивного блока в Думе. Именно тогда пошатнулись позиции Александра Гучкова — известного московского бизнесмена и политика, человека, поддерживающего правительственный курс. Он был соратником Столыпина и возглавлял одно время Государственную думу. В это время его позиции пошатнулись и на авансцену вышли другие люди — те самые Коновалов и Рябушинский, которые сказали, что армии не хватает вооружения и снарядов, и призвали организовать собственные военно-промышленные комитеты, органы мобилизации экономики на дело войны под началом уже бизнесменов, а не чиновников. И эта идея прошла и принесла серьезные политические дивиденды. Потому что вслед за своим пращуром Козьмой Мининым — торговцем из Нижнего Новгорода, буржуазия вновь объявила о своей готовности на траты и жертвы ради общей победы.

С царским режимом в тот момент отношения были довольно острыми. Даже за лидером московской радикальной группировки была организована полицейская слежка, ее материалы сохранились в архиве. И Рябушинский, и Коновалов даже имели свои клички у филеров. Отслеживалось любое их движение, любой сбор публики в их особняках,

применялось внедрение агентов в эту среду с целью получать информацию — о чем говорили и какие решения приняли. В общем, осенью 1916 г. возник клинч между властью и буржуазией. И тем не менее. Нельзя говорить о том, что буржуазия организовала и спровоцировала Февральскую революцию. Эти люди прекрасно сознавали, что революция во время войны чревата такой анархией, из которой Россия может не выйти. Поэтому их главной тактикой было давление на правительство, но не его свержение. Это была типичная либеральная позиция, направленная на то, чтобы исправлять и ограничивать власть в ее произвольных действиях, но ни в коем случае насильственно не свергать. Поэтому февраль 1917 г. для всех в России, и для них тоже, оказался полной неожиданностью. И то, что мы слышим сейчас в эфире, с экранов телевизоров о том, что Февраль готовился то ли англичанами, то ли американцами, то ли немцами через большевиков — это не более чем досужие разговоры и спекуляция на нашей истории. Февраль оказался полной неожиданностью для всех политиков того времени. В том числе и для московских коммерсантов, которые уже принимали в этой политике непосредственное участие. И конечно же, после Февраля то, что Коновалов стал министром торговли и промышленности в первом составе Временного правительства, говорило о том, что новая власть уже по-другому оценивает этих людей, назначая их на высокие ответственные посты.

С. Э. Они пришли к власти, но почему не сумели ее удержать?

Ю. П. Ситуация была такая, что страна вошла в штопор. Именно потому, что власть у них была, а влияния и реального воздействия уже не было. Начались конфликты с рабочими, у них свои были претензии к буржуазии, усилились перебои на предприятиях. В общем, наступала та самая анархия, которой они боялись. И они не могли с ней справиться легальными или гуманными средствами. О военной же диктатуре они думали уже в августе 1917 г.: были симпатии, была конкретная финансовая помощь Корнилову, потому что у них было ощущение, что без диктатуры не обойтись, иначе страна обрушится. Все знают, что выступление Корнилова оказалось пшиком. Можно сказать, что московские коммерсанты осенью 1917 г. от политики практически отошли, они уже поняли, что дело проиграно. Но при этом никто до определенного времени из России не уезжал. Они все-таки оставались здесь, известен весьма симптоматичный случай, когда после национализации банков, проведенной большевиками в декабре 1917 г., один из московских крупных бизнесменов — Александр Найденов — владелец Московского торгового банка, чье здание до сих пор украшает улицу Ильинку, несмотря на эту национализацию, выплатил вкладчикам банка все претензии из своих личных средств. Он считал себя обязанным и не мог с этими деньгами уехать за границу.

С. Э. Если говорить о послереволюционной судьбе ведущих российских предпринимателей — у всех ли из них были счета на Западе?

Ю. П. Были люди, что называется, прозорливые, которые сумели кое-

что вывезти и перевести. Но надо иметь в виду, что была мировая война, и все финансовые транзакции были весьма затруднены. Поэтому в массе своей русские бизнесмены оказались за границей в положении бывших богатых людей. Были, конечно, исключения. Например, петербургский банкир Николай Денисов сумел продать акции своих петроградских банков западным партнерам. Те рассчитывали на скорое падение советской власти, что они купят контрольный пакет и вернутся в Петроград, но это не состоялось, а деньги у Денисова появились. С их помощью он создал в Париже знаменитый Торгпром — Торгово-промышленный союз — это организация бывших российских бизнесменов, в нее входили и Рябушинские, и Коноваловы, которые были вынуждены из России эмигрировать. При этом у Рябушинских была своя история — они были крупными экспортёрами льна из России. И даже во время войны русский лен пользовался громадной популярностью на Западе, и они окольными путями вывозили этот лен. Но не всегда платежи за него могли пройти в Россию. Поэтому, когда они эмигрировали — а там был не один Павел Рябушинский, а еще несколько его братьев — получилось, что у их партнеров-контрагентов на счетах были деньги за поставки льна. Это им дало возможность попытаться организовать свой бизнес уже на Западе. Но, к сожалению, бизнес этот шел ни шатко ни валко — все-таки это другие страны и другие обычаи, и все ниши были уже поделены. А Великая депрессия 1929 г. зачеркнула все эти эксперименты, и после 1929-го практически все бывшие российские миллионеры стали бедняками.

С.Э. То есть продолжить предпринимательскую деятельность практически никому не удалось?

Ю.П. В 20-х гг. были попытки, но не сравнимые с Россией по масштабу. И уже в 30-х гг. с трудом находили деньги на чай и бисквиты для проведения заседаний Торгпрома. Наступила внятная нищета бывшего класса.

С.Э. Получается, что предпринимательского таланта недостаточно, если ты не встроен в эту систему?

Ю.П. Талант, безусловно, вещь необходимая, но нужно сызмальства вариться в этой среде, знать все ее особенности и традиции. Чего у них как раз не было.

С.Э. В Америке, наверное, в этом смысле было проще, чем в Европе?

Ю.П. Честно говоря, не помню успешных российских бизнесменов в Америке. Там смогли развернуться только люди с гениальным даром, вроде Сикорского. Да, такие смогли! Или наш знаменитый изобретатель телевизора Зворыкин. А крупных бизнесменов не знаю.

С.Э. Большевик Валентинов написал в эмиграции книгу о финансовом состоянии семьи Ульяновых, в которой пришел к выводу, что генеральской пенсии отца было недостаточно, чтобы обеспечить их большую семью, в которой практически никто не работал. При этом они жили достаточно обеспеченной жизнью с заграничными поездками и т. д. Понятно, что, когда Ленин стал вождем, у него появились

источники финансирования. Вам не известны источники финансирования их семьи до начала первой русской революции, когда Ленин выдвинулся на заметную политическую роль?

Ю. П. Я таких деталей не знаю, хотя насчет буржуазного образа жизни не очень соглашусь. Я был в доме, в котором они жили в Казани. Очень скромный! Понятно, что много детей, и каждому нужно было по комнате! Но при этом Владимир спал в коридоре на проходе. У отца, конечно, было очень хорошее жалование, но после его смерти пенсия была уже совсем другая. Не скажу, что они роскошествовали. Не знаю, к чему это упоминает Валентинов, что он хотел доказать. Они вели обычный образ жизни разночинцев, без особых изысков. Поэтому, видимо, Ленин и был всю жизнь неприхотлив в быту. Если посмотреть, как он жил в Горках — бытовую обстановку, мебель — все это довольно скромно. Так что здесь я не соглашусь, что Ленин формировался как барчук или золотая буржуазная молодежь.

С. Э. Валентинов оставляет этот вопрос открытым и не настаивает. Он писал это из-за границы, и доступа к советским архивам у него, конечно, не было.

Ю. П. Надо понимать, что писал он это тоже не просто так и не от большой любви. Все подобного рода меньшевистские рассуждения надо проверять, имея в виду, что Ленин их ругал всю жизнь, называя дурачками. И это, конечно же, настраивало их на соответствующую реакцию. Я считаю, что прежде чем ставить по-

добного рода вопросы, нужно было найти документы о их жизни: сколько они платили за дом, какова была пенсия и т. д. Соответственно можно было рассчитать по ценам того времени на продукты рацион, который они могли себе позволить. Но Валентинову это было сложно делать из-за границы.

С. Э. В вашей биографии есть интересный эпизод, когда вы руководили сектором истории Центрального банка России. Расскажите, что это за сектор, чем он занимается?

Ю. П. Я проработал там с 2004 до 2010 г., перейдя туда из Института российской истории РАН. Я занимался там своей любимой экономической историей. Мы делали выставки по истории денежного обращения, банковской системы страны. В 2010 г. Центробанку исполнилось 150 лет. К этому юбилею подготовили двухтомное серьезное исследование — такая работа была проделана впервые — «Банк России. Полтора века истории». Это была большая коллективная работа, я привлек к ней многих моих коллег из научного мира. Эта книга до сих пор остается самой лучшей по истории Центрального банка.

Еще мы работали, конечно, по другим проектам. За эти годы удалось подготовить и издать двухтомную энциклопедию «Экономическая история России до 17-го года». Это два больших тома, каждый больше 100 печатных листов. Работа заняла несколько лет, привлечены были несколько сот авторов, была проделана очень серьезная работа. Так что науки в банке я не оставлял, а напро-

тив — именно наукой и занимался. Ну а когда появилась возможность принять участие в конкурсе по выборам директора Института, я решил попробовать и в результате стал им.

С.Э. А на выборах голосует коллектив?

Ю.П. В те времена была немного иная система. Трудовой коллектив выражал свое отношение, голосовал, но это не было решающей стадией, поскольку основное голосование проходило в Отделении историко-филологических наук. Там кандидатов выбирали члены-корреспонденты и академики. Именно голосование в отделении и было решающей стадией. Сейчас все изменилось. И напротив, по теперешним правилам именно голосование трудового коллектива является решающим и единственным. Все остальные инстанции только утверждают и согласовывают результаты этого голосования. Я считаю, что это справедливо. Потому что именно коллективу работать с директором, и кому же как не ему решать, кто достоин этого.

С.Э. Вы являетесь директором ИРИ РАН уже почти 10 лет, это большой срок. Расскажите, пожалуйста, с какими проблемами вы столкнулись в своей деятельности и каких успехов удалось достичь.

Ю.П. Всех проблем, конечно, не перечислить! Но главная была в том, что Институт российской истории РАН, ведущий институт, как-то дряхлел и, я бы сказал, — серел. Атмосфера в институте была далекая от научной. Тут был и nepoтизм, и фаворитизм, и прочие вещи, с кото-

рыми я считал необходимым бороться. Что из этого вышло — мне трудно судить. Но по отзывам сотрудников, коллег, за эти годы ситуация изменилась. Институт ожил, встряхнулся, мы взяли курс на омоложение состава: сейчас у нас работает довольно много молодых перспективных ученых. Разумеется, мы сохраняем и наш актив в лице маститых уважаемых авторов. Сейчас институт ведет несколько очень важных ответственных исследовательских программ. Первая среди них — это история России в 20 томах. Мы, как оргцентр с привлечением лучших сил российской науки, пишем новую академическую историю, которой еще не было. Хотя попытка такого обобщающего труда была предпринята еще во времена Брежнева. Этот проект имеет под собой поручение президента, финансирование идет от Министерства образования и науки. Работа идет очень горячо по всем направлениям. И я думаю, что через два-три года мы будем иметь новую 20-томную академическую фундаментальную историю нашей страны.

Есть и другие проекты. Например: «Акты российского государства» — документы государственных и других архивов по истории средневековой России с XIII по XVII в. Это большая публикаторская программа, которая так же идет по распоряжению верховной власти. Мы готовим к изданию архивные документы, прежде неопубликованные, которые, как нам кажется, представляют интерес для достаточно широкой читающей публики. Туда входят такие виды документов, как посольские книги — книги, в которых фиксировались все внешние отношения России;

разрядные книги — это формирование воинских сил России; таможенные книги, где фиксировались внешнеэкономические расчеты; и много других. Это большая перспективная программа, рассчитанная на долгий срок.

Ну и наконец, из проектов, более интересных для самого широкого читателя, можно назвать недавний проект по созданию исторических выставок, экспозиций на основных вокзалах и станциях Российской железной дороги. Было прямое поручение президента Владимира Владимировича Путина помочь РЖД в концептуальной исторической разработке этих выставок. Сейчас мы этим заняты. Первая пилотная линия открыта на направлении Петербург — Москва: на двенадцати станциях, включая Петербург, Москву, Бологое, Вышний Волочёк и другие. Экспозиции открыты на вокзалах и в залах ожидания, где пассажиры могут не только скоротать время, но и посмотреть, чем интересен край, где они оказались. Отражается не только и не столько история железных дорог, сколько история региона, где находится эта выставка.

Это вкратце, если говорить о перспективных больших проектах, которые у нас в стадии разработки.

Ну а что касается атмосферы в институте, я скажу, что серьезную финансовую поддержку мы получили от Министерства образования и науки, благодаря чему мы сейчас боремся за выполнение майского 2012 г. указа президента, в соответствии с которым, напомним, заработная плата научных сотрудников дол-

жна в два раза превышать среднюю заработную плату в данном регионе. На сегодняшний день средняя зарплата по Москве — 70 тыс. рублей, значит, зарплата научных сотрудников должна составлять 140 тыс. Не скажу, что мы уже достигли этого рубежа, но благодаря поддержке министерства движемся к этому.

С.Э. Это серьезная проблема для всех учреждений науки, и во многих местах ее решают путем перевода на полставки, на четверть ставки.

Ю.П. Такой прием был распространен год-полтора назад, но все понимают, что это фикция, и Министерство уже наложило запрет на эту практику. Таким способом мы только изобразим на бумаге рост доходов. Кому это нужно?!

С.Э. Такая финансовая поддержка выделяется только вашему институту?

Ю.П. Нет, не только нашему. Насколько я знаю, в других институтах примерно такая же ситуация. Деньги выделяются. Я не скажу, что наши ученые получают большие добавки ежемесячно, но несколько раз в год мы получаем такие транши. Тогда кошелек тяжелеет, а разговоры о безденежье затихают. Особенно под Новый год (*смеется*).

С.Э. В заключение хотелось бы спросить о ваших личных творческих планах.

Ю.П. Я являюсь ответственным редактором одного из томов этой 20-томной серии — тома по истории России второй половины XIX в.,

и сейчас все мои мысли крутятся вокруг этого тома, где я буду писать и ряд глав. Но еще более важно организовать эту работу, привлечь лучших специалистов, подготовить план-проспект, где будет прописано конкретное содержание всего тома,

договориться об объемах отдельных разделов, о сроках исполнения. Вот эта работа на ближайшие год-два для меня самая главная!

С.Э. Спасибо большое за интересное интервью!

“TODAY THE AVERAGE SALARY IN MOSCOW IS 70 THOUSAND RUBLES, WHICH MEANS THAT THE SALARY OF RESEARCHERS SHOULD BE 140 THOUSAND”.

Interview with Yu.A. Petrov

Petrov Yu. A. — Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Russian History of the RAS (Moscow)

Key words: family memory, Faculty of History of Moscow University, economic history of Russia, history of business and banking in Russia, the causes of the 1917 revolution in Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Abstract. A well-known specialist in the economic history of pre-revolutionary Russia, director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, talks about his path in historical researches, about teachers, participation in numerous academic projects, expresses his opinion on the key problems of the development of business and banking in Russia. The interview concerns also the most important current research projects of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science.

«ГРУСТНО И БОЛЬНО ЗА ИСТОРИЮ, КОТОРОЙ МАНИПУЛИРУЮТ КАК УГОДНО И ТАК БЕССТЫДНО».

Интервью с П. М. Поляном

(Август 2017)

Ключевые слова: военнопленные Второй мировой войны, миграции, депортации, Холокост, историческая демография, политика памяти в современной России, архивные изыскания.

Аннотация. Известный географ, историк и филолог на основе своих многолетних исследований рассказывает о насильственных перемещениях населения в СССР и зарубежной Европе в XX в. и их демографических последствиях.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-208-221

П.М. Полян является автором работ: Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / предисл. А. Вишневецкого (2001; переведена на английский язык: *Against their will. The History and Geography of Forced Migrations in the USSR.* Budapest; New York: Central European University Press, 2004. 425 p.; переведена на польский язык: *Wbrew ich woli. Historia i geografia migracji przymusowych w Związku Radzieckim.* Gdansk: Muzeum II Wojny Światowej, 2015. 352 s.); Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине / предисл. Д. Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с. (Изд. второе, переработанное и до-

полненное; переведено на японский язык: *Futatsu no dokusai no giseisha: hitorā to sutārin no omō mamani hakugaisareta sūhyakuman'nin no kakokuna unmei.* Tōkyō: Nara Shobō, 2008. 935 p.; 1-е издание: Жертвы двух диктатур. Военнопленные и остарбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация / предисловие Д. Гранина. М.: ЦИРЗ «Ваш выбор», 1996. 440 с., 142 илл.: 1-е издание частично переведено на немецкий язык: *Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung* [Депортированные домой. Советские военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация]. R.Oldenbourg Verlag München Wien, 2001. 223 s.); Сталинские депортации. 1928–1953.

© Историческая Экспертиза, 2021

Полян Павел Маркович — доктор географических наук, директор Мандельштамовского центра НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва) (Москва)

М.: Демократия, 2005 (совместно с Н. Поболем); Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М.: Новое издательство, 2006. 576 с. (совместно с А. Шнеером; в 2014 г. вышла на иврите); Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008. 388 с. (совместно с А. Кохом; перевод на англ. яз.); Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX вв.). Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2010 (совместно с В. Козловым, В. Шереметом и др.); Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. 584 с.; Залман Градовский. В сердце вине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима / сост., предисл. и редакция П. Поляна; пер. с идиш А. Полян и М. Карпа. М.: Гамма-пресс, 2010; Территориальные структуры — урбанизация — расселение:

теоретические подходы и методы их изучения / предисловия: Г.М. Лаппо и А.И. Трейвиша. М.: Новый хронограф, 2013. 784 с., ил.; Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима. Изд. 2-е, исправленное. М.: АСТ, 2015. 608 с., илл. (1-е издание: Свитки из пепла. Еврейская «Зондеркомmando» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы. — Рукописи членов зондеркомmando, найденные в пепле у печей Освенцима (З. Градовский, Л. Лангфус, З. Левенталь, Х. Герман, М. Наджари и А. Левите). М.; Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 558 с., илл.); Историомор, или Трепанация памяти. Битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. М.: АСТ, 2016. 624 с.; Географические арабски: пространства вдохновения, свободы и несвободы. М.: Икар, 2017. 832 с., илл.; Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П.М. Полян. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 824 с., ил; Полян П. «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. СПб. : Нестор-История, 2021. — 992 с., ил.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Почему вы выбрали профессию историка, где вы учились, кто были ваши преподаватели?

П.П. А я не выбирал профессию историка, я изначально — да и по сей день — географ. Географ по образованию (закончил геофак МГУ), по ученым степеням и званиям (доктор наук, профессор, почетный профессор), по всежизненной службе в Институте географии РАН (а также в географических ячейках Ста-

вропольского университета, ныне Северокавказского федерального). Поэтому, с сугубо формальной точки зрения, я — географ. Что не мешает, а, наоборот, помогает мне существовать в двух других научных ипостасях, историка в том числе (третья — филология).

Именно в географии у меня были прямые и замечательные учителя — Исаак Моисеевич Маергойз, Леонид Исаакович Василевский, Георгий

Михайлович Лаппо и Жанна Антоновна Зайончковская. Каждому из них я обязан усвоенными уроками методологического, теоретического, методического, эмпирического и, не менее важно, человеческого свойства. Все они, если можно так выразиться, «индукционисты», т. е. исследователи, перелопачивающие океаны эмпирики и только на том основании формулирующие обобщения и эскизы теории. Мой Маергойз был богемистом, специалистом по экономгеографии Чехословакии, в которой он знал каждую деревушку, каждый заводик и каждый завиток истории. Из этого знания и сошлись контуры теории территориальных структур народного хозяйства, которую он сформулировал, и я горжусь своей причастностью к ее разработке. Более подробно я пишу об этом, как и о других, в своей новой, готовящейся еще книге «Географические арабески. Пространства вдохновения, свободы и несвободы» — своего рода втором томе географического двухтомника (первый — «Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения» — вышел в 2014 г.).

Еще тогда, в студенческие годы, невозможно было обойтись без исторического аспекта. Я, в частности, много работал с «Историческим атласом Чехословакии» — выдающимся картографическим произведением (маергойзовский экземпляр и сейчас у меня). Постепенно я нащупал свой профиль в географии: это география населения, урбанизация, расселение, миграции. А занимаясь миграциями, я очень скоро (в середине 1980-х) уткнулся в огромную,

зияющую брешь — в миграции принудительные, депортации, говорить о которых, мягко говоря, не рекомендовалось (позднее, в середине 1990-х, аналогичная «брешь» обнаружилась и в расселении — так называемые «ЗАТО», или «закрытые города», без учета которых всякий анализ расселения, и в том числе городских агломераций, которыми я занимался, дефектен).

Так я начал — одним из первых в СССР, наверное, — заниматься депортациями, что и предопределило ту делянку, на которой я проработал и работаю вот уже несколько десятилетий, а именно: стык географии, истории и демографии. В конечном счете это вылилось в докторскую диссертацию (1998), в монографию «Не по своей воле» (2001) и сборники документов «Сталинские депортации» (2005, совместно с Н. Поболем) и «Вайнахский этнос и имперская власть» (2008, несколько разделов).

Среди моих учителей нет историков, но среди историков есть близкие коллеги, с которыми меня сводила жизнь. Например, с Виктором Петровичем Даниловым или Сергеем Красильниковым из Новосибирска. Мне очень близка и импонирует «мемориальная» школа историков, прежде всего то, как работают Александр Гурьянов и Никита Петров. Общение с ними и другими коллегами помогало развиваться как историку и самовоспитываться, если угодно.

С. Э. Вы занимаетесь темой принудительных миграций. А в советское время было возможно такой темой заниматься?

П. П. Я уже сказал и о том, что тема депортаций была табуированной. Не то чтобы я всегда был такой смелый, но мне всю жизнь хотелось — и всю жизнь удается — заниматься тем, что мне интересно. То, что Мандельштам называет в «Четвертой прозе» разрешенным воздухом, меня не прельщало. Поскольку я занимался миграцией, то рано осознал, что без принудительного аспекта миграционной политики и практики в Советском Союзе невозможно ничего понять. Так что это была, с одной стороны, внутренняя профессиональная потребность заполнить эту эмпирическую и методологическую брешь. А с другой стороны, это было очень интересно, потому что, познакомившись с той западной литературой, которая на эту тему существовала, — а своей, хотя бы официозной, у нас вовсе не было, — я увидел, как недалеко они ушли. Понятно, что они работали без архивов и на очень причудливой эмпирической базе (отчеты альпинистов, например), но все-таки они работали. И я ощутил это как нестерпимую брешь, как высотку, которую надо всенепременно взять. В это время началась уже гласность и перестройка, и стали появляться публикации Земскова, Бугая и некоторых других, кто этим систематически и в рамках академической деятельности занимался. Появились публикации и Данилова, Ивницкого и Красильникова с его группой по поводу такого элемента, как «раскулачивание» и «кулацкая ссылка» (Серезжа Красильников очень хотел бы, чтобы все говорили «раскрестьянивание», но это получилось бы уж чересчур общо, так что берем «раскулачивание», но в кавычках, как некий компромисс). Какие-то свои эмпирические,

т.е. архивные, деланки начал осваивать и я. Например, Переселенческий комитет и внутренние, так называемые плановые, но в целом добровольно-принудительные миграции, практиковавшиеся государством, но без той степени принуждения, которая применялась по отношению к тем, кого мы правильно называем депортированными. Будучи секретарем семинара по урбанизации при Московском филиале Географического общества, я организовывал первое научное мероприятие по этой проблематике (круглый стол «Принудительные миграции в СССР») и привлек практически всех, кто хоть как-то себя на тот момент проявил в этой области. Заседание проходило в Московском филиале Географического общества, на улице 25 Октября, нынешней Никольской, и это был один из редких случаев, когда зал был переполнен так, что негде было упасть яблоку.

С. Э. В каком году прошла эта конференция?

П. П. Я это недавно восстанавливал, так что знаю точно: 18 апреля 1990 г. Только-только начали появляться первые публикации, в основном в «Аргументах и фактах» и других, не вполне научных изданиях. Они вызывали на спор и диспут, на доброжелательный спор и диспут. И для меня было важно то, что с теми же Земсковым и Бугаевым, несмотря на фундаментальные интерпретационные расхождения, мы всегда удерживались в рамках коллегиальности и корректности.

С. Э. Вы начали собирать материал на тему депортации еще до 1985 г., а опубликовать смогли после?

П. П. Не то чтобы я начал собирать материал, он неизбежно копился сам и своей непереваренной эмпирической массой начинал сильно давить. Как «индукционалисту» от Маергойза мне было очень важно эту эмпирику пропускать через себя и поверять теми установками, которые я постепенно обдумывал и вырабатывал, выстраивая необходимый инструментарий — систему терминов и систематику самих депортаций. Такие предложенные мной понятия, как «тотальные депортации», как дефиниции и соотношение принудительных и добровольно-принудительных миграций, до известной степени общепоняты и общеприняты.

А потом уже был этот вал эмпирики, полностью нас захлестнувший, огромное количество публикаций разных документов, очень часто плохо подготовленных и с археографической точки зрения, и с комментаторско-исторической. Иногда прорывались и какие-то фальшивки, которые тоже возникали в этой области, в том числе и запущенные во время войны немцами. И, будучи уже вооруженным понятийно-терминологическим аппаратом и представлениями о какой-то классификации, пусть еще недостаточно совершенными на том этапе, но все-таки уже зафиксированными, я эту эмпирику пропускал через себя с гораздо большей эффективностью. Плюс та эмпирика, что я сам находил в архивах. А в архивах, и в наших, и в зарубежных, я работал очень много. Можно сказать, что в этом сводном архивном ландшафте я чувствую себя достаточно уверенно.

Дальше все развивалось по нарастающей. Я заявил тему депортаций

для научной стажировки по линии Фонда Гумбольдта в Германии. Уже там, на месте тема модифицировалась, и я занимался таким видом принудительной миграции, к которым Советский Союз имел отношение уже в качестве жертвы и поставщика. Я имею в виду остарбайтеров, угон рабочей силы во время войны.

С. Э. С какого года вы стали этим заниматься?

П. П. Тоже года так с 89-го. В «Мемориал» повалил огромный поток писем из-за того, что журналист газеты «Неделя» опубликовал не вполне точные сведения о том, что Германия якобы ищет таких людей, чтобы заплатить им компенсацию. На тот момент времени это было не так, компенсация и гуманитарное регулирование пришли со временем, но это было лет через десять.

Журналист указал при этом адрес «Мемориала». И я хорошо помню мешки с десятками, сотнями тысяч писем. Эти письма хранились, постепенно обрабатывались, а мы с Жанной Антоновной Зайончковской даже разработали анкету, разосланную по случайной выборке. Это было уже в начале 90-х, а в Германию я поехал в 1991 г. В результате в 1996 г. появилась книга «Жертвы двух диктатур».

С. Э. А до перестройки архивы по депортациям были для вас доступны?

П. П. Нет, меня бы туда не пустили бы, но я тогда и не просился. Я занимался геурбанистикой, городскими агломерациями, опорным каркасом расселения, много ездил по стране

в качестве начальника экспедиционного полевого отряда Института географии (главным образом по Кавказу, где я был практически везде, кроме Талыша и Карабаха). В экспедициях мы работали в локальных ведомственных архивах, собирая демографическую информацию районного уровня. Но уже тогда я упирался в депортации, а точнее в компенсационные миграции, когда тех же лакцев или аварцев переселяли на место депортированных чеченцев. Но это не было целенаправленно, это было побочным результатом других научных интересов и усилий. А с системообразующими архивами и фондами я начал работать несколько позже, чем те же Бугай и Земсков, у которых, возможно, был упрощенный доступ, не знаю.

С.Э. Т.е. не только публиковать, но и изучать было невозможно.

П.П. Да, это общее место. Если бы мне вдруг это было бы тогда нужно, то пришлось бы добиваться, домогаться. Нужно было бы оформлять какие-то формы секретности. Но когда я ощутил потребность в этой эмпирике, архивы как раз стали — как бы мне навстречу — открываться. И архивной революцией, которая началась в горбачевское время и неплохо развивалась при Ельцине, я, конечно же, воспользовался сполна.

С.Э. По поводу остарбайтеров, сколько человек было угнано в Германию во время войны?

П.П. Смотря как считать. Если речь о тех остарбайтерах, кого классически следовало бы так называть, т.е. без «западников» (принудительных

рабочих из аннексированных территорий Польши, прибалтийских стран, Румынии) и без так называемых беженцев и эвакуированных 1943–1944 гг., без немалочисленных коллаборантов, — то это порядка 3,2 млн чел. А в общей сложности за пределами Советского Союза, по состоянию его границ на 17 сентября 1939 г., оказалось 8,7 млн человек, включая и столь же массовый контингент военнопленных — тех, которые выжили и которых тоже переместили для принудительного труда в Третий рейх. Остарбайтеры — значительная, если не наибольшая, часть в массе репатриированных, которые являлись отдельной депортационной операцией.

Как историк я предметно занимался не только этим, но и Холокостом, военным пленом и многим другим. И сейчас мной ощущается потребность в синтезе депортационных сюжетов и сюжетов, связанных с войной, чтобы это на каком-то другом уровне синтезировалось и интегрировалось в историю массовых перемещений людей. Это примерно то, чем я сейчас в значительной степени занят.

С.Э. Это будет новая книга, уже обобщающая?

П.П. Я на это надеюсь. Книга о депортациях вышла в 2001 г. Книга об остарбайтерах и военнопленных выходила дважды, в 1996-м и 2002-м, заметно отличаясь друг от друга. Т.е. довольно давно, их уже и достать нельзя. Я постоянно получал сигналы от читателей и даже от издательств, что хорошо бы их переиздать. Но переиздавать один к одному

неинтересно и неправильно, потому что за прошедшие полтора десятка лет очень много было наработано и коллегами, и мной самим. Некоторые вещи устарели, некоторая эмпирика смотрится уже допотопно. Например, ситуация с казаками, которые были переданы англичанами СССР в Юденбурге (так называемая выдача в Лиенце).

Надо все делать заново, на другом уровне, иначе получится консервирование того, что уже устарело. Это трудная задача, но я пытаюсь с ней совладать, и более того — ставлю перед собой еще более трудную задачу — ввести это в общий контекст с теми принудительными миграциями, которые имели место быть на таком пятачке глобуса, как Российская империя, Советский Союз за весь XX в., который можно смело назвать веком депортаций.

С. Э. Недавно я читал книгу одного румынского историка и впервые узнал, что порядка 100 тыс. немцев из Румынии (Трансильвании) были депортированы в Советский Союз. Из ваших работ я понял, что это был не единственный случай. Но эти люди не имели к Советскому Союзу никакого отношения. На каком основании их переселяли?

П. П. Ну как же не имели? Румыния воевала с СССР, Румынию освобождала Красная армия, так что они являлись частью театра военных действий Второй мировой войны. Я их называю «вестарбайтерами» — метафорически, конечно, потому что такого исторического термина нет, но метафорически это верно. Это зеркальная картинка по отно-

шению к «остарбайтерам» — к тому, как немцы, без оглядки на международное право, поступали с гражданским населением на оккупированных территориях Советского Союза («остарбайтеры»), так и Советский Союз, понимая, насколько тяжел трудовой баланс после войны и как много всего нужно восстанавливать, и тоже без оглядки на международное право — поступал с гражданским населением немецкой национальности на юго-востоке и востоке Европы, но и не только там. Вот эти две подкатегории, «интернированные арестованные» и «интернированные мобилизованные» — это не 150–160 тыс., а суммарно всех интернированных (с поляками и японцами) — около 300 тыс. Истории и географии депортации и репатриации этого контингента посвящена осязаемая часть моей книги «Не по своей воле».

С. Э. Из каких стран немцев отправляли в Советский Союз?

П. П. Большинство из Румынии, но тоже из Югославии, Венгрии, Чехословакии. Арестованных, так называемых «интернированных мобилизованных», а вот «интернированных арестованных» хватало и отправляли с территории Польши и Германии. Это несколько иная подкатегория гражданских лиц, которым, кроме того, что они немцы, можно было инкриминировать национал-социалистическое прошлое, в отличие от других, «интернированных мобилизованных», у которых была только коллективная вина принадлежности к немецкому этносу. География расселения вторых была менее суровой, она не простиралась дальше Урала. Большинство оседало

на предприятиях угледобычи, черной и цветной металлургии южной и юго-восточной Украины, в основном на Донбассе, но были они и в Карелии, и на Кавказе. Одни и те же генералы-чекисты были ответственными и за внутрисоюзные, и за эти, внешние операции.

Поскольку им был спущен план, они и выполняли план. Кто попадал под депортацию, с какими нарушениями это происходило, их не волновало, они отвечали не за качество, а за количество. Поэтому было депортировано немало людей нетрудоспособных или не попадающих в установленные возрастные границы. У мужчин они были, если не ошибаюсь, от 17 до 45 лет, у женщин — от 18 до 30. И первыми вернулись те, кто был в очень плохом физическом состоянии, но еще не умер. Их начали отпускать уже в 1946 г. В целом все растянулось примерно на такое же время, как и у немецких военнопленных, которых тоже задерживали, не особо соглашаясь с международным правом, но считаясь с визитом канцлера Аденауэра.

Все еще зависело от того, с какой страной это было связано. Допустим, в Румынию отпустили раньше, чем в Югославию, поскольку с Румынией дружба казалась тогда более крепкой, чем с режимом Тито. Но к началу 1950-х гг. большинство уже было репатрировано, кроме тех, кто получил уже в СССР добавочные сроки. И репатриировались они точно такими же маршрутами, как и немецкие военнопленные.

С.Э. А их отправляли семьями или только мужчин?

П.П. И мужчин, и женщин, но не то чтобы семьями. В случае оstarбайтеров действительно были такие ситуации, когда даже бабушку с внуком отправляли или маму с сыном. Но здесь такого не было. Это были индивидуальные списки, по критериям возраста, работоспособности, беременных оставляли, к людям в браке разных национальностей тоже был подход индивидуальный и т.д. В такие критерии могли попасть и родственники, но это не были *посемейные* списки как таковые. Это был *контингент*, как и полагается при депортациях советского типа, но не так, как было при раскулачивании, когда единицей депортации была именно семья.

С.Э. Сколько советских военнопленных было в немецком плену, сколько их там погибло?

П.П. В 2012 г. вместе с Рюдигером Овермансом и Андреасом Хильгером мы выпустили в издательстве Шёнинг (Падеборн) первый сборник документов о советских военнопленных на немецком языке — «Красноармейцы в немецком плену» — около 1000 страниц! Просто стыдно и грешно, что на русском языке его нет до сих пор.

Было несколько учетов военнопленных, которые, естественно, дали разные результаты. Все они имеют свои сильные и слабые стороны. Т.е. эта работа еще не завершена, но можно придерживаться результатов, на которые вышел в свое время Кристиан Штрайт, т.е. 5,7 млн военнопленных в немецком плену, из них 3,3 млн умерших. Это дает нам примерно 60% смертности советских

военнопленных. А для советских военнопленных еврейской национальности смертность составила 95%. И это уже мои расчеты, я специально этим занимался. Судьбу таких военнопленных определяли «Приказ о комиссарах» и так называемые «Боевые приказы Гейдриха» № 8 и 9. А какая судьбы? Если ты еврей, то тебя должны просто расстрелять, так же как и комиссара. Среди репатрировавшихся военнопленных было около 5000 евреев, очевидно, что они смогли изменить свою идентичность, скрыть ее и каким-то образом уцелеть за те годы, когда они находились в плену. Примерно столько же евреев было и среди репатрировавшихся оstarбайтеров: большинство из них тоже военнопленные, сумевшие переложиться в цивилистов — как правило, еще в СССР.

С. Э. Вы пишете в своей книге, что то, что случилось тогда с советскими военнопленными, — это по своей сути второй Холокост?

П. П. Нет, вторым Холокостом я бы категорически это не назвал. Но заметил бы, что с советских военнопленных-евреев Холокост как систематическое и государственное народоубийство начался. 22 июня, согласно «Приказу о комиссарах», уже были первые расстрелы комиссаров с еврейскими фамилиями. И даже несмотря на то, что в самом приказе слова «еврей» нет, но многомесячная пропаганда была такова, что в головах тех, кто отдавал приказы о расстрелах, отождествление комиссаров и евреев было очень сильным. Даже если считать, что формально расстреливали не евреев, а комиссаров, то уже с начала или се-

редины июля, после выхода боевых приказов Гейдриха, их уже расстреливали, так сказать, на «законных основаниях».

С. Э. Это массовое убийство советских военнопленных потрясает своими масштабами, но об этом почти ничего не говорят, ни у нас, ни в мире.

П. П. Тем не менее и с большим отрывом судьба советских военнопленных, особенно евреев, была наиболее трагична. Их не жалели, потому что исходили из блицкрига. Когда поняли, что блицкриг не состоялся, их начали «жалеть» и смертность их начала падать, но все равно в целом получилась чудовищная цифра. И до весны 1942 г. количество умерших в плену военнопленных превосходило, по моей оценке, количество евреев по ходу Холокоста.

Почему-то, когда наши власти об этом говорят, то пытаются — по старой главпуровской традиции — эту цифру уменьшить, пытаются доказать, устами Гареева или Мединского, что потери были соизмеримыми и что смертность была соизмеримой, и есть люди, которые это исследуют, — все это есть, но не надо называть это вторым Холокостом. Можно назвать это стратоцидом, это не этническая категория. В отличие от желания избавиться от евреев или цыган, или страдающих неизлечимыми болезнями психического свойства, здесь установки на массовое физическое уничтожение не было. Но и установки на их сбережение не было тоже. Поэтому смертность их была высокой в определенные интервалы времени. Просто никто их

не жалел, если помрут — помрут, т. е. по сути была такая же политика, как и советская относительно узников ГУЛАГа, когда было наплевать на то, где и как погибнет тот или иной заключенный.

С.Э. Недавно один из кремлевских пропагандистов заявил, что во время Великой Отечественной войны погибло больше 40 млн человек. А какова ваша оценка как демографа?

П.П. Это взято с потолка, бездумно, некритично, без каких-либо оценок и сразу сыграло роль ужасика. Неожиданно одна из башен Кремля оказалась заинтересована в увеличении количества погибших, и получилась просто фантастическая цифра, которая априори ничему не может соответствовать.

В настоящее время все пользуются оценками на 26,7 млн. Но, скорее всего, это несколько заниженная цифра, потому что она не учитывает уже имеющиеся в Центральном архиве Министерства обороны данные сводной картотеки безвозвратных потерь, над сплошным учетом которой — буква за буквой — в свое время работали такие историки и архивисты, как Ильенков или Ивлев. Возможно, работа эта уже завершена, не знаю — не следил. Работа велась без какой-либо поддержки со стороны Генштаба, на энтузиазме. В одной из известных мне публикаций был назван промежуточный результат, тогда выходило 13,5 млн, и это, говорю по памяти, по достижении буквы «И». Не удивился бы, если бы выяснилось, что общая цифра потерь страны превосходит 35 млн.

С.Э. Недавно в «Новом мире» вышла статья Сергея Белякова о потерях на войне. Он привел интересный аргумент, что расчеты ведутся относительно переписи 1939 г., которая была сфальсифицирована. Авторы переписи 1936 г. расстреляли, а в переписи 1939-го показатели были завышены. И он говорит, что, возможно, поэтому неверны и подсчеты потерь на войне, что они должны быть на несколько миллионов меньше.

П.П. Я не видел эту его статью. Но оценка в 26,7, полученная балансовым методом, дана не главпуристами, а высочайшей квалификации демографами. То, что перепись была сфальсифицирована, ими учитывалось. И профессионалы-демографы работают как с остатками материалов переписи 1937 г., так и со скорректированными материалами переписи 1939-го. И здесь речь о балансовых оценках, где все учитывалось. Были и обсуждения, полемики в профессиональной литературе. Впрочем, я обязательно посмотрю то, что Беляков напечатал. Писатель он талантливый.

С.Э. В вашей новой книге «Историомор» много внимания уделяется политике памяти в современной России. Чем можно объяснить народный сталинизм, который начинает появляться уже со второй половины 90-х гг.? Можно ли это объяснить исключительно тем, что этому способствует власть, или есть другие причины?

П.П. Однажды в июне я плыл на парохде по Москве-реке и видел гигантские очереди людей, которые

хотели бы прикоснуться к мощам Николая Угодника, доблестно уворованными в свое время апулейскими пиратами из Бари у какого-то другого города в Малой Азии. И люди стоят в этой многоверстной очереди часов так по девять! Как объяснить это культивируемое мракобесие, эту бессмыслицу и глупость, когда, желая в миг избавиться от каких-то своих недугов или психических проблем, люди не идут к врачу, не работают над собой, а прут к этим несвежим останкам в золоченой обертке, думая, что таким образом за одно мгновение они от всех напастей избавятся? Это феномен не столько историко-, сколько медико-патологический, но он и материален, если вспомнить о самой этой добровольной очереди.

То же и по поводу Сталина и всех его растревоженных Мединским предтеч и ипостасей — Владимира, Ивана Грозного и прочих извергов и виртуальных «опричников». Посыл примитивен, как табуретка: стране нужен порядок, нужна твердая рука и т.п. И эти банальные, примитивные постулаты сходятся с политикой, которая формируется руководством страны, более того — рискну утверждать, что Мединский — один из тех, кто эту мракобесную повестку с энтузиазмом формирует. Чем стало при нем Министерство культуры вкупе с примкнувшим к нему Военно-историческим обществом? Он не историк (подтверждение докторской степени в карманном белгородском совете лучшее тому доказательство), на российскую историю и на собственную честь ему плевать, зато он государственный пропагандист и мифотворец, осуществляющий функцию так и не почившего в бозе

Главпура, функцию **историомора** (коннотации с «голодомором» очевидны), т.е. выкручивания у истории рук «во благо» мифологизации прошлого и политизации настоящего. Это делается сознательно, делается пассионарно, с привлечением бюджетных пряников и кнутов. Тем не менее в долгосрочной перспективе усилия Мединского и иже с ним бессмысленны. Все эти «победы» политики над историей, беспамьятства над памятью временны и преходящи, верифицированная история все равно сильнее мифологизированной исторической политики. Но сейчас приходится иметь дело с ложью, работать в отравленном ею поле, тратить время и силы на актуальное противостояние с ней. Грустно и больно за историю, которой манипулируют как угодно и так бесстыдно.

С. Э. Вы считаете, что в первую очередь виновата власть?

П. П. У власти достаточно цинизма, чтобы сеять такой «постмодернизм от Мединского» и пожинать его плоды. Мало того — она еще и «воспитывает», оболванивает общество, пардон, электорат. Хорошее образование играет колоссальную роль, и снижение его качества на всех уровнях, профанация и имитация («корочка вместо знаний») — все это налицо. Политика эта очень цинична, но и очень рискованна. В моей книге много различных примеров, но каждый божий день приносит все новые и новые. Один из них — удар по морде, полученный в прямом эфире своим от своего — корреспондентом НТВ от воспитанного тем же НТВ и другими гостелеканалами футбольного фаната Колобка на пире вседозво-

ленности ВДВ. Даже интересно, как эти базарствующие субъекты «добазарили».

С. Э. Получается, что человеку, отказавшемуся от просвещения, хочется сильной руки?

П. П. Да. Вместо того, чтобы создавать предпосылки для повышения культурного уровня граждан, министерство Мединского, не покладая рук, работает на его понижение и разжижение — во имя простоты вдалбливания в головы людей мифов, выгодных власти. Чего только он себе не напозволял, Мединский, но он по-прежнему на своем месте и продолжает выдвигать все новые инициативы. А мы в этом живем, это нюхаем. Истории сейчас трудно, историкам трудно, можно сказать, что мы сейчас живем в фазе активизированного и особо циничного историомера.

С. Э. Какова ваша оценка состояния профессионального цеха? Там же тоже появляются апологеты Сталина, чем вы можете это объяснить? Они хотят сделать карьеру или искренне верят?

П. П. Я думаю, и то, и другое. Недавно пришлось читать «труды» Пыхалова. Он утверждает, что наши потери в войне преувеличены, а сталинские депортации целесообразны и даже гуманны. Его аргументация убога, от пропаганды неотличима, но он пользуется популярностью. Я не буду здесь его детально критиковать, не хочу заниматься пыхалововедением, как и мединсковедением.

Сейчас продается очень много низкосортной исторической продукции, издаваемой при этом приличными тиражами и покупаемой. Идет взаимопыление пропагандистов и их читательской аудитории, они друг друга поддерживают. Это пугающий процесс...

Я полагаю, что крайне нужна, например, Ассоциация пользователей архивов — для того, чтобы отстаивать свои коллективные интересы — читательские и научные¹. Сейчас есть очень много несуразностей и проблем с архивами, с правовым полем пользования документами, когда произвол преобладает над непроизволом. Я сторонник того, чтобы конфликтные ситуации выяснялись в юридическом поле, с помощью профессионалов-юристов, а не посредством каких бы то ни было петиций и обращений, — власти, похоже, их уже просто перестали читать. «Письма в защиту...» создают легкий шумовой эффект, но юридическим основанием, как правило, не обладают, поэтому власти на них не реагируют. Я из ПЕН-центра, организации корпоративно-правозащитной, еще и поэтому вышел, а не только из-за конфликта по поводу Пархоменко.

Чтобы можно было от имени цеха останавливать непотребные законопроекты и инициировать исправления в уже действующие законы. Например, с какого перепугу дела нереабилитированных преступников-коллаборантов, таких как Краснов, Шкуро или Власов, фактически недоступны историкам?

Соответствующего закона нет, но по факту доступ к таким материалам имеют только сотрудники ФСБ (см. трехтомник о Власове), — а почему? Для историков войны эти дела имеют огромное значение, в следственных материалах могут быть существеннейшие детали, там могут быть — в качестве вещдоков — даже дневники, воспоминания, любые эго-документы.

Существует, к примеру, Ассоциация самих архивов, где директора архивов как-то между собой кооперируются. И это распространенная практика. А вот Ассоциации читателей архивов — нет! И, возможно, не будет, потому что для этого много чего нужно, кроме понимания и первичной инициативы — и инициативная группа, и бюджет, а главное — объединяющая корпоративная воля, причем сами историки находятся друг с другом в сложноконкурентных отношениях. Возможно, такая идея была бы уместна в контексте Вольного исторического общества, например.

С. Э. У нас в журнале было интервью с Андреем Галиничевым, который добился права бесплатно копировать архивные документы. Для этого ему пришлось ходить по судам. Можно сказать, он совершил подвиг ради всех?

П. П. Да, но он не единственный, были и другие такие случаи. Например, Георгий Рамазашвили, цивилизовавший своими судебными поединками Центральный архив Минобороны в Подольске. Все это верно, но когда ты один, то ты, конечно, герой и молодец, и я аплодирую таким людям,

как и Карагодину аплодирую. Но автоматически это не закрепляется. Реализация права самому фотографировать в архивах тоже встречает разные трудности. Но совсем другое дело, если это зафиксировано, если есть на что сослаться, и ты можешь грамотно ответить на неправомерные претензии архивистов, если они возникают. А они возникают. Конечно, в разных архивах все по-разному, но многие директора избыточно боятся того, как бы чего не вышло, перестраховываются, минимизируют свои мнимые риски.

Но как раз поэтому, скажу еще раз, такие правозащитные действия, на мой взгляд, не должны быть индивидуальными, не должны быть подвигами Давида с пращей, а должны быть более систематичными и системными.

С. Э. **Согласен. Одиночка может дать пример, что какие-то действия возможны, но организация была бы намного эффективнее. Кстати, есть уже организация «Диссернет». Маленькая группа людей, но хорошо организованная, сумела привести к тому, что среди депутатов, министров и т. д. резко упало количество защит для получения ученой степени.**

П. П. Да, это отличный пример. Потом надо действовать только в рамках правового поля. Нужно иметь штат юристов, специализирующихся на этих аспектах гражданского права, которые закрывали бы бреши в различиях интерпретаций законов и подзаконных актов. Потому что на этом расхождении и идет бесконечное злоупотребление со стороны

администраций. Надо внести четкость и ясность в то, что осознанно делается серой зоной. То есть речь о юридической структуре исторической науки.

С.Э. Хотел бы спросить о стиле вашей книги «Историомор». С выводами книги можно соглашаться, не соглашаться, но главное, что ее хочется читать. Почему вы пишете языком, непривычным для наших гуманитариев, и как коллеги относятся к вашей манере письма?

П.П. Во-первых, я пишу так, потому что мне это органично. И другие свои книги я пишу и буду писать в этой же манере. И исторические, и географические, и филологические, связанные, к примеру, с Мандельштамом. У меня нет трех стилей, у меня есть три профессии. Эти три профессии влияли, каждая, на стилистическое

формирование, но я осознанно пишу одинаково во всех ипостасях. Но в любом случае живой язык лучше казенного, образность лучше сухости, а широта кругозора лучше узости.

С.Э. В отличие от многих наших коллег, вы еще думаете и о читателях, поэтому так пишете?

П.П. Назвался текстом, будь литературой. Для меня элемент художественности в научной литературе желателен и даже обязателен.

С.Э. Я хочу вам пожелать новых творческих успехов. Ждем вашу новую книгу.

П.П. А она уже на подходе — «Географические арабески: пространства вдохновения, свободы и несвободы» — некий перекресток моих географических и исторических штудий.

“IT’S SAD AND PAINFUL FOR THE STORY, WHICH IS MANIPULATED IN ANY WAY AND SO SHAMELESSLY”.

Interview with P. M. Polyan

Polyan Pavel M. — doctor of geographical sciences, Director of the Mandelshtam center HSE, leading researcher at the Institute of Geography, RAS (Moscow)

Key words: prisoners of war of the World War II, migration, deportation, Holocaust, historical demography, politics of memory in modern Russia, archival research.

Abstract. The famous geographer, historian and philologist, on the basis of his many years of research, talks about the forced displacement of the population in the USSR and foreign Europe in the 20th century and their demographic implications.

«В КРОНШТАДТЕ ЦАРИЛО РАДОСТНОЕ НАСТРОЕНИЕ. ВЕСЬ ГОРОД ПРИВЕТСТВОВАЛ СВЕРЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ».

Интервью с Л. Г. Прайсманом

(Апрель 2019)

Ключевые слова: семейная память, эмиграция в Израиль, изучение советской истории в Израиле, дело Дрейфуса, политический террор, Гражданская война в России, Кронштадтский мятеж.

Аннотация. Известный израильский историк, выходец из СССР, рассказывает о своей жизни, делится результатами своих научных изысканий.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-222-238

Л.Г. Прайсман является автором работ: Дело Дрейфуса. Иерусалим, 1987; Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001; История евреев России. М.: Ле-хаим, 2005 (глава авторского коллектива учебника и автор восьми глав);

Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция на Волге. СПб.: Издательство Н.И. Новиков, 2015; Огненные годы Русского Севера. 1917–1920. М.: ИЦ Свет, 2019; Дело Дрейфуса. СПб.: Нестор-История, 2020.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Расскажите о вашей семейной памяти.

Л. П. Я сохранил свою семейную память. Родился я в Москве, в квартире, где с 1930 г. жила моя мама — на Рождественском бульваре. Теперь этого дома больше нет. Нет и школы, которая находилась в моем дворе. Это была 16-я французская спец-

школа. Там в свое время зарождалось диссидентское движение. Группа моих друзей-школьников клеила листовки.

Я появился на свет в очень интересной московской семье: мой дед родился в 1880 г. в Богородске, а прадед был николаевским солдатом. Николаевские солдаты в ходе реформ Алексан-

© Историческая Экспертиза, 2021

Прайсман Леонид Григорьевич — историк, специалист по истории еврейства в России, истории российского революционного движения и Гражданской войны (Израиль)

дра II получили право повсеместного жительства. Поэтому они жили в Москве и в Московской губернии.

Мой прадед был часовщиком. А во время высылки из Москвы двух категорий еврейского населения ремесленников, николаевских солдат и их потомков, прадеду как-то удалось остаться в Богородске. Мой дед стал аптекарем, и как аптекарь он имел право свободного выбора места жительства. Корни семьи происходят из Литвы. Фамилия моего деда — Матис. Было принято жениться на своих. Дедушка так и поступил: его жена, которая была моложе деда на 17 лет, родом из Каунаса. У дедушки была аптека в районе Земляного вала. В те годы, когда я жил в Советском Союзе, аптека была в том же доме, а потом дом снесли и построили другую аптеку.

Мой папа родился в Киевской губернии, в Белоцерковском уезде, в местечке Ракитное. Это была религиозная хасидская семья, наверное, самая богатая в этом местечке. Деду принадлежала табачная торговля, табачная фабрика, был большой дом. Ракитное было знаменито серьезными погромами во время Гражданской войны. В те годы в этих погромах отметилась каждая противоборствующая сторона. У папы были большие проблемы в связи с тем, что он родился в такой богатой семье: его дважды выгоняли из института, он был сыном лишенца. Потом он воевал, был офицером во Второй мировой войне — штабной офицер в 4-й танковой армии генерала Лелюшенко в бригаде самоходной артиллерии. Папа закончил войну в Праге. Он поселился в Москве, встретил там маму. То, что в 1952 г. его выгнали

с работы в министерстве, стало для него страшным ударом! С ним случился первый инфаркт. А в 1975 г. папа умер от третьего инфаркта.

Из семейных легенд я вспоминаю одну довольно веселую: в 1916 г. к моему деду пришли какие-то молодые люди просить деньги на революцию. И он им дал. Ему было все равно, из какой они оппозиционной партии — от кадетов до большевиков. Это были большевики. Получается, что Октябрьский переворот в Москве делался на мои деньги! Я с этим категорически не согласен!

В 1917 г. дед понял, что ситуация очень сложная. Он продал аптеку и купил один из ценнейших русских бриллиантов. Если бы он купил десять, он мог бы их сохранить. В 1930 г. была знаменитая «Золотая лихорадка», и деда арестовали. Он продержался два дня — методы допроса были страшные! Квартиру конфисковали. А бриллиант был в наволочке подушки, на которой спала моя мама — ей было тогда 6 лет, они жили на Лосиноостровской. Дед приехал с двумя молодыми людьми и сказал бабушке сакраментальную фразу: «Маня, нужно отдать!» Так они и отдали этот бриллиант.

С. Э. Вижу, что семейные воспоминания повлияли на ваше желание стать историком. А что еще оказало влияние на ваш выбор профессии?

Л. П. Я рос в советской еврейской семье, и вокруг меня было очень много того, с чем я был не согласен! Колоссальное влияние на меня оказала школа, где уже в 9-м классе мои друзья клеили листовки. Но я чувствовал

все несовершенство и ложь советской жизни! Плюс — антисемитизм... И в истории я находил как бы другой мир, и мне это было безумно интересно! У меня была очень хорошая учительница — Элеонора Юрьевна Бараль. Она тоже повлияла на мой выбор. А родители были категорически против! Они говорили: «Что ты будешь делать в профессии историка с твоей национальностью?! И что ты будешь делать со своими взглядами?!» Но я очень хотел стать именно историком! Поступил в Ленинский педагогический институт (Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина) и в 1973 г. окончил его историческое отделение.

С.Э. А в МГУ тогда принимали евреев?

Л.П. В 1967 г. принимали. Не знаю, как позже. Поступить на истфак всегда было проще, чем на филфак. И очень часто это было не указание сверху, а политика местного руководства. Декан филфака Самарин был антисемитом. А на истфаке этого не было. Так что все не так просто...

Я очень хорошо учился. Моя дипломная работа называлась: «Международные отношения от Аустерлица до Тильзита». Я увлекался началом XIX в., декабристами, историей Франции. Мой научный руководитель — Геннадий Семенович Кучеренко сказал мне откровенно: «Леня, вы хороший историк, а значит, должны быть циником и понимать, что с вашей национальностью в аспирантуру вас сейчас не возьмут». И я пошел преподавать историю в Издательско-полиграфический техникум.

Меня это немного угнетало — все-таки советское преподавание истории имело свою специфику! Но я старался преподавать то, что можно: о сталинской эпохе и о войне я говорил правду.

Меня всегда особо интересовало, что случилось в России в 1917 г., почему произошли такие события, которые во многом и страшно изменили историю России, историю всего мира и историю моей семьи.

Скоро я стал понимать, что дальнейшая жизнь в Советском Союзе — это не для меня. Я решил уезжать. Вначале я не хотел ехать в Израиль, а хотел уехать в Америку. И в 1979 г. я получил вызов из Израиля. В это время я познакомился со своей будущей женой. Мы поженились и решили, что вызов придет на всю нашу семью — вызовы тогда приходили очень быстро. Но в это время вызовы перестали доходить. Я тогда начал активно заниматься еврейской историей. Мне было очень интересно: вот большевики ТАК себя ведут, а как относились к евреям другие группы российских революционеров?! Начав с декабристов, я узнал, что Пестель был большим антисемитом. Впоследствии, занимаясь народниками, я прочитал жуткую погромную листовку Народной воли, где приветствовались погромы, а Александр III был назван «господским жидивским царем».

Я познакомился с отказниками, которые выпускали журналы, проводили кружки и семинары по истории. Вызова на тот момент я еще не получил, но стал активно участвовать в этих мероприятиях, и в конце концов, естественно, на меня вышло КГБ.

И в один прекрасный момент меня вызывает директор техникума Ольга Дмитриевна Абрамова и говорит: «Леонид, я не могу сейчас с вами беседовать, но вы зайдите во вторник». Я прихожу во вторник, в кабинете она, вместе с молодым человеком, сотрудником КГБ. Ольга Дмитриевна просто растворяется из кабинета. Молодой человек показывает удостоверение и говорит: «Я — представитель Комитета государственной безопасности. И хочу с вами побеседовать. Скажите, вы собираетесь уезжать в Израиль?» Я говорю: «Вообще-то, вопросы о моих планах касаются только меня!» — «А у вас есть друзья, которые хотят уехать?» Я думаю: «Сейчас! Я ему еще стучать буду?!» А вслух отвечаю: «А вопросы о моих друзьях — тем более — касаются только меня!» — «И что же еще касается только вас?! Устроили тут местечко!» Я: «Что вы имеете в виду под словом *местечко*?» — «А мы имели в виду, что у вас местный интерес, Леонид Григорьевич. Мы обо всем знаем». Я говорю: «Вы знаете, в возможностях вашей организации я никогда не сомневался!» Он: «А книги из Израиля у вас есть?» Но вместо того, чтобы сказать, что вопросы формирования моей библиотеки касаются тоже только меня, я ему ответил — нет. «Что, разговор не получился?» — спросил он. «Нет, не получился. Знаете, я не успел записать ваше удостоверение. Не покажете ли мне его еще раз?». Он: «А зачем вам это нужно, Леонид Григорьевич?» — «Ну, мы с вами находимся не на равных». А он отвечает: «Мы с вами на равных никогда находиться и не будем...» Беседа закончилась, но он сообщил о ней директору техникума, что я себя вел очень му-

жественно. Меня тогда неожиданно лишили ставки — я был уволен. Это был 1981 г., и нужно было где-то числиться. Поэтому я пошел работать в кооператив «Советский писатель» на метро Аэропорт. Он описан Войновичем — это жилищный кооператив СП, где жили советские писатели. Вначале я был вахтером в подъезде, где жила Мариэтта Шагинян. А потом в моем подъезде была такая загадочная квартира. На ней было написано: «Евгения Гинзбург» (мать Василия Аксенова). Но к тому времени она уже умерла. Потом было написано: «Аксенов». Но Аксенов тогда уже уехал. И в то время в ней жил какой-то парень — биолог.

Я проработал там полгода. А потом друзья из Израиля прислали вызов. К моему несчастью, председателем кооператива был еврей — Курганов. И как только он узнал о вызове, он настолько испугался, что быстро выгнал меня с работы. Позже я устроился на ту же должность в кооператив «Советский художник» — это был габриэлевский кооператив на Киевской.

Вначале, до того, как уехать, я получил отказ. Мне полностью перекрыли выезд — я негоден к воинской службе в мирное время; я историк (но никаких секретов я не знал, и у меня, к слову, плохой музыкальный слух). Отказ мне дали с формулировкой: «Нет мотивов для выезда». Это была стандартная формулировка отказа для всех. Вот в это время я активно включился в еврейскую деятельность.

Кроме статей о народниках и еврейской самообороне, я писал книгу «Русские либералы и евреи». Вместе

с М. Членовым я вел исторический семинар в Москве. Михаил Членов — это один из известных руководителей еврейского движения в советское время, а потом — один из главных лидеров еврейских организаций, глава Евроазиатского конгресса, а кроме того — выдающийся этнограф и полиглот, знающий около 70 языков. Помимо этого, я участвовал в движении израильских граждан. Мы отказались от советского гражданства; давали пресс-конференции западным корреспондентам, устраивали походы в Верховный совет. По нынешним понятиям — это было очень мало, по тем понятиям — это очень много. У нас был еврейский детский сад, который разгромило КГБ. Так продолжалось около трех лет. Это была группа отказников. И таких нас были тысячи. Но то была не какая-то организация! А были люди, преподававшие иврит по всему Советскому Союзу; проводились исторические семинары; были воскресные еврейские школы и кружки по изучению иудаизма. Все было легально, не было никакого подполья, мы ничего не нарушали.

С. Э. А была какая-то экономическая взаимопомощь?

Л. П. Нет. Мы как-то жили, подрабатывали. Моя жена, окончившая академию им. Тимирязева, свободно знала английский и давала уроки английского языка. А я зарабатывал как репетитор уроками истории. Некоторые из моих друзей были арестованы, например, мой хороший знакомый Юлий Эдельштейн. На сегодняшний день он возглавляет израильский Кнессет и на внутренних выборах в Ликуд получил первое место. Моего

друга Володю Бродского, который совмещал еврейскую деятельность с диссидентской деятельностью, — посадили в 1985 г.

С. Э. В каком году вы подали заявление на выезд?

Л. П. В декабре 1981 г. Летом 1982-го я получил отказ. А летом 1985-го — разрешение на выезд. У меня уже был отключен телефон, за мной ходили гэбэшники и неоднократно запугивали. Много чего было. Но, кстати, меня ни разу не арестовывали!

В конце концов мы решили принять участие в фестивале в Москве, как израильские граждане. Они, конечно, не хотели всех этих проблем. Но если бы к власти пришел не Горбачев, а Романов (что было вполне вероятно), я думаю, что поехал бы в другом направлении.

Когда нас выпускали, нам дали три дня на сборы, при этом подчеркнув: «Если вы не уедете сейчас, то вместо Ближнего Востока можете отправиться на Дальний». Так в 1985 г. мы приехали в Израиль. Вместе с нами в Израиль уехала моя теща, Шаховская Берта Ефраимовна. У нее была страшная судьба. Она родилась в Польше, в Белостоке. Сразу же после начала Великой Отечественной войны оказалась в оккупации. Она прошла гетто Белостока, лагеря смерти Майданек, Освенцим и была освобождена англичанами в концлагере Берген-Бельзен.

С. Э. Чем вы стали заниматься в Израиле?

Л. П. В Израиле я поступил в докторантуру и получил степень доктора

философии. Моя диссертация была написана на русском языке. Ведь как в Израиле защищают диссертацию?! Есть несколько специалистов в мире, занимающихся русской тематикой, и им высылается работа. А тема моей диссертации была: «Конституционно-демократическая партия и национальный вопрос».

С. Э. Вы начали заниматься этой темой еще в СССР?

Л. П. Совсем немного. Конечно, основное было уже в Израиле. Но, к сожалению, там я мог пользоваться только израильскими библиотеками и архивами. Это был существенный недостаток. Моим научным руководителем был выдающийся израильский историк Ш. Этингер и другой израильский историк, занимающийся Россией, — Френкель. Я стал работать у Этингера, он возглавлял коллектив «Краткой еврейской энциклопедии». С 1987 по 2009 г. я работал в «Краткой еврейской энциклопедии», пока она, к сожалению, не была распущена. Я писал статьи для нее: очень много. Помимо этого, я занимался историческими исследованиями. Грантов у меня не было, но помогло то, что меня часто посылали в Советский Союз читать лекции либо в качестве историка, либо по линии Сохнута, но тоже как историка. И я стал работать в российских архивах. Моя первая большая книга была написана в первую очередь благодаря работе в Государственном архиве РФ. Мне там очень помогла блистательный историк и архивист, моя близкая подруга — Зинаида Ивановна Перегудова. Я читал лекции в Ростове и поработал в ростовском архиве. Ведь мой герой Азеф — из Ростова.

Это была книга «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы». Впрочем, самая первая моя книга была написана еще в Советском Союзе, в отказе, она вышла в Израиле, а называется: «Дело Дрейфуса».

О деле Дрейфуса существует колоссальная литература. Преследование одного офицера-еврея вызвало большую волну протеста во всем мире, чем все преследование евреев в эпоху нацистской Германии! Это был еще XIX в. Но почему-то в России не было написано ни одной книги. Это очень странно. В 20-е гг. все крупнейшие историки, жившие в России и занимавшиеся Францией, были евреями, но этой темы они избегали. А где-то в 70-е гг. такой историк, как Манфред, мог писать о деле Дрейфуса, практически не упоминая о том, что это был антисемитский процесс. Сразу скажу, что это научно-популярная книга (французскими архивами я не пользовался).

Когда я приехал в Израиль, я немного дополнил книгу за счет публикаций, которые выходили на французском и английском языках. Там был большой раздел о том, что писали о деле Дрейфуса в Советском Союзе. В серии «Молодая гвардия» вышел ряд книг, в которых попытались посмотреть на дело Дрейфуса по-новому. Где писали, что дело Дрейфуса закреплено в мировом общественном мнении в выгодном для евреев свете. Например, в книге о Пуанкаре главным было доказать, что теорию относительности придумал не еврей Эйнштейн, а христианин — француз Пуанкаре.

В 2002 г. я получил интересный заказ. «Федерация еврейских общин»

решила, что во многих российских вузах хотят заниматься еврейской историей, а точнее — историей евреев России. Меня попросили создать и возглавить группу для написания учебника «История евреев России» для вузов. Это была очень интересная работа, потому что никогда еще не было написано полной истории евреев на территории России, начиная от государств греческого Причерноморья до эпохи Путина.

Был такой историк И. Гессе, он говорил о том, что ему очень трудно из-за того, что его не пускают в архивы. Он очень хвалил управляющего архивом Государственного совета С. А. Панчулидзева, который был антисемитом, но разрешал Гессе работать в архиве, ибо считал, что соперники должны фехтовать шпагами одинаковой величины. Но это было другое время. Сейчас архивы открыты. Мы создали группу, в которую вошли российские, израильские и американские историки. Из американских там был ваш хороший знакомый Анатолий Хазанов, который написал раздел «Евреи на территории Древней Руси». Из российских историков — Илья Альтман, который очень хорошо написал главу «Вторая мировая война и Катастрофа на территории Советского Союза».

Я возглавлял научный коллектив и написал большинство глав, начиная от позднего Средневековья до конца Гражданской войны. Работы было много. Вышло два издания — в 2005 и в 2007 г. Сейчас практически не осталось этих книг, и «Федерация еврейских общин» рассылает оставшиеся экземпляры по своим общинам. Презентация прошла в рамках

Международной книжной выставки на ВДНХ в павильоне Израиля, а также в Еврейском центре в Марьиной Роще. Я считаю, что такого труда никогда ранее не было, и очень горжусь своим участием в этом проекте.

Уже позже я занялся тем, что интересовало меня больше всего — вопросом, почему произошли русская революция и Гражданская война. Я написал книгу «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы» — о самой страшной террористической организации первой половины XX в. Это была партия социалистов-революционеров. (Другой самой страшной организацией уже в конце XX в. была Аль-Каида.) Это книга о феномене русского террора. Ведь русский террор — это не только убийства министров или крупных государственных чиновников, а это массовый террор против всех, кого террористы считали своими врагами. Назначение на некоторые должности, как, например, министра внутренних дел, рассматривалось как смертный приговор.

Люди не хотели идти, потому что вначале убили Сипягина, потом убили Плеве. И когда любимец Николая II Курлов хотел занять этот пост, Николай сказал: «Я не могу, я знаю Ваш характер — Вас убьют!» Сколько было покушений на губернаторов! Сколько было убийств командиров! Например, командира Семеновского полка Мина — за подавление восстания. Убивали инженеров — за то, что они выступали против рабочих. Дошло до того, что появились группы безмотивного террора. Например, в декабре 1905 г. безмотивники закидали бомбами кофейню Липмана

в Одессе. В ней сидели семьи и ели мороженое. Почему? Да потому что рабочие в кафе не сидят. Или они должны были бросить бомбу в вагон какого-то проходящего поезда. Например, должен был ехать губернатор, но он не поехал, и они бросали бомбу в вагон первого класса — потому что рабочие первым классом не ездят. Или, например, охота за командующим Черноморской эскадрой адмиралом Г. Чухниным. То есть это был уже не персональный, а классовый террор. Война террора!

Я не хочу сравнивать государственный террор большевиков, пришедших к власти, с террором противников царского режима, но это был террор. И такое отношение России к крови показывает, что страна была больна! Все общество болело, как на футбольном матче. Но болело за одну сторону. Когда убили Плеве, то, например, в редакции «Освобождения» все были счастливы. Люди встречались на улице и целовались! Все были рады и в Министерстве внутренних дел. А Витте говорил: «Почему говорят о Плеве, а не говорят о кучере? Кучера жалко!» Ответственность удивительным образом не обращала внимания, что все это кровавые вещи, и сочувствовала этому. Великого князя Сергея Александровича безумно не любили в Москве за высылку части еврейского населения, за жесткие подавления студенческих волнений. Он был жутким реакционером, извращенцем. И вот его убили, а ведь история довольно интересная, т. к. Каляев в первый раз не бросил бомбу в карету из-за того, что в ней находились двое детей его брата Павла. Каляев тогда подошел к руководителю группы Савинкову

и сказал: «Борис, я считаю, что детей убивать нельзя, но если боевая организация в твоём лице скажет, что можно — я брошу и убью!» В следующий раз детей не было, и великого князя бомбой разорвало на части! А в Москве появилась поговорка: «Впервые русский князь раскинул мозгами!» Когда вдова Елизавета Федоровна выскочила из дворца и увидела, как толпа студентов и мастеровых ногами давит куски мозга, оставшиеся от ее мужа, она стала кричать: «Что вы делаете?!» Так что общество на самом деле морально готовило к следующему витку террора. Или, например, отношение Льва Николаевича Толстого. Когда Короленко приехал и рассказал ему о покушении на петербургского градоначальника Лауница, Толстой, по словам Короленко, нахмурился, произнес: «И что, опять не попали?!» И позже, когда говорили о погроме крестьянами помещичьих имений, где лились тонны крови, Короленко смутился, а Толстой сказал: «А чем вы недовольны?! Мужик берет то, что ему положено!» И вот это отношение *великого гуманиста* говорит о том, какая ситуация была в России. Ведь с террором во многом покончил Столыпин, а во многом помогло и то, что все увидели жуткую изнанку террора — ведь главный террорист являлся основным сотрудником Департамента полиции. Ни та, ни другая сторона не может поверить в это! Террористы — потому что Азеф устраивал такие покушения. Он сам устроил охоту на Плеве, а Департаменту полиции выдавалось такое количество покушений революционеров, что и там никто не мог этому поверить. В России именно тогда увидели страшную изнанку террора.

С. Э. Ваша следующая книга была о Демократической революции на Волге.

Л. П. Книга называется «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге». Очень долго шла устойчивая линия — есть красные и есть белые. Ленин очень любил эту трактовку: «Если не мы, то придут белые генералы». А на самом деле все было гораздо сложнее. Кроме небольшой добровольческой армии на окраинах России, в 1918 г. основная борьба шла между сторонниками третьего пути (это сторонники Учредительного собрания) и идеалами Февральской революции, а с другой стороны — большевиками. Почему этот путь не удался, как это произошло, как к этому относились крестьяне, как относились рабочие, и какова была роль чехов в этих событиях?!

Была, например, такая забытая история, что отдельно от Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) действовали Ижевская и Воткинская рабочие армии, которые вместе составляли 40 тыс. штыков (армия Деникина, контролировавшая в сентябре 1919 г. колоссальные районы России, состояла всего из 140 тыс. человек), и большинство офицеров были рабочие. Они организовали местный комитет членов Учредительного собрания. Спротивлялись героически! Лучший пример — фильм «Чапаев»: атака каппелевцев — психическая атака. На самом деле такой атаки не было, а было так: 7 ноября 1918 г., когда решили к годовщине Октябрьской революции взять Ижевск, у защитников Ижевска кончились патроны,

а город им сдавать не хотелось, и они под музыку пошли в атаку с винтовками, не имея ни одного патрона, ни одного снаряда. И целые части Красной армии бросились в отступление. У них было огромное превосходство в численности, в вооружении. И благодаря этому красные части смогли взять Ижевск. Те отступили в Воткинск, и им очень не доверяли в армии Колчака. Но это были лучшие дивизии его (Колчака) армии! Идя в атаку, они вешали на плечо винтовку, а в руки брали ножи, и части Красной армии отступали всегда. А они верой и правдой боролись против большевиков до 1922 г. уже в составе Владивостокской армии, потом ушли в Китай.

Немалую роль в том, что Гражданская война началась на необъятных просторах России, сыграли чехи. Чешские эшелоны растянулись от Волги до Дальнего Востока. Чехи были военнопленными, которые переходили в русскую армию с развернутыми знаменами просто потому, что они были «братья-славяне». Там была создана «чешская дружина» из чехов, живших в России (в России оказалось около ста тысяч чехов). А их просто отправляли в лагерь военнопленных с самыми ужасными условиями заключения в годы Первой мировой войны. И что еще хуже — на строительство Мурманской железной дороги, где половина из них и осталась! Первая чехословацкая бригада была создана в начале февраля 1917 г. И во время июльского наступления 1917 г. выяснилось, что единственная часть, которая наступала и побеждала, была чехословацкая бригада. Они просто мечтали о своей независимости. А потом —

революция. Чешский вождь Т. Масарик настаивал, чтобы они не вмешивались в события в России. Но когда немцы наступали на Украину, когда были прерваны переговоры в Бресте, чехам пришлось принять участие в войне с немцами, и они очень героически себя вели, дав возможность красным войскам отступить.

В конце концов, было достигнуто соглашение (в это время Чехословацкий корпус стал частью французской армии), что чехи уходят из России на Дальний Восток, а оттуда — на поля сражения во Францию. Но они должны были сдать большую часть оружия и путешествовать просто как группа свободных граждан — 30 винтовок на эшелон — для того, чтобы защищаться от нападения контрреволюционеров. Эшелоны шли очень медленно. Железные дороги чудовищно работали. Кроме того, на каждой станции советские власти вымогали с легионеров оружие и деньги.

А еще — навстречу шли эшелоны с венгерскими военнопленными, которые в основном были очень прокоммунистически настроены. В конце концов 17 мая 1918 г. произошел Челябинский инцидент. Это было началом Гражданской войны. Причем в этом инциденте не принимало участия ни одного российского гражданина. Из венгерского эшелона бросили брусok, который на Челябинском вокзале разбил голову легионера. Чехи остановили эшелон, избили весь вагон, а виновника убили. Они отправили одну делегацию, которая была арестована, отправили вторую — ее тоже арестовали. Командовавший ими русский офицер Войцеховский был против выступления,

но, в конце концов, возглавил его. И хотя у них поначалу было всего 30 винтовок на эшелон, они взяли город практически без выстрела и увидели, как это просто. Но союзники хотели, чтобы они шли дальше на Дальний Восток. И движение продолжилось.

Произошло еще несколько инцидентов, и Троцкий — глава Реввоенсовета, решил сыграть Бонапарта. Он издал приказ о том, что любой чехословак, который будет замечен вооруженным на линии железной дороги, — должен быть расстрелян, а эшелон, в котором он находился, будет отправлен в концлагерь. Просто Троцкий не учитывал, как к нему относилось большинство населения страны. Чехам это стало известно раньше, чем тем, кому была разослана телеграмма. Было принято решение в один день продолжить движение эшелонов, а в случае чего — пробиваться оружием. В пользу того, что никаких других планов у них не было, говорит то, что они без выстрелов взяли Пензу, захватили оружие и пошли дальше на восток. А когда к Чечеку — командиру этой группы, явилась делегация пензенских граждан, он им сказал: «Нет. У меня есть приказ — мы должны отступить на Дальний Восток!»

Это восстание совпало с восстаниями эсеровских организаций, офицерских организаций и т.д. Самая большая группа Дитерихса находилась во Владивостоке, не имея связи с другими частями корпуса, она восстала только 29 июня. В общем, чешский корпус помог свергнуть советскую власть на колоссальной территории от Волги до Дальнего Востока. Были организованы правительства:

в Самаре Комитет членов Учредительного собрания — Комуч; Временное Сибирское правительство (ВСП) — в Иркутске и еще много других.

Комуч проводил политику полных политических свобод, демократических выборов в городах. Говорилось, что крестьяне не будут лишены той земли, которую они взяли, но окончательно этот вопрос будет решаться Учредительным собранием. Было разрешено собраться новым Советам, которые приняли очень левую резолюцию, но все равно продолжали действовать. Стоял вопрос — как быть дальше, потому что им все-таки приходится воевать с создающейся Красной армией.

Вначале было решено собирать армию на добровольческой основе, но это не получилось, и Комуч объявил призыв. Здесь опять встала большая проблема — члены Комуча были уверены, что крестьяне, освобожденные ими от большевиков, поддержат их. Но крестьяне еще мало чувствовали твердую руку советской власти. Была объявлена продовольственная диктатура, начали продразверстку, но ее успели провести только в крупных городах. А в глубинке она еще не чувствовалась. Деревня никогда еще так хорошо не жила, как зимой 1917–1918 гг. Солдаты вернулись с фронта. Вся помещичья земля досталась крестьянам — очень жестоким путем было убито много помещиков, арендаторов. Налоги платить стало не нужно. В армию никого поставлять не нужно. В общем, был рай, и вдруг — эти призывают в армию, те призывают в армию.

В Уфимском совещании участвовали делегации разных правительств. Им было очень трудно договориться. Но все же был достигнут компромисс между правыми и умеренными кругами — это была Директория. Ее представители отправились на переговоры в центр реакции в Омск, а через пять недель она была свергнута казачьими отрядами.

Все это оказало большое влияние на весь ход Гражданской войны. Лучшей силой Восточного фронта был чешский корпус. После окончания Первой мировой войны, когда родина стала свободна, чехи и словаки стали стремиться домой, где все было не так просто. Многие чехи и словаки были социалистически настроены. А когда к власти на российских просторах приходили те, кого чехи считали реакционным офицерством, кто держал их в лагерях, из-за кого они гибли на строительстве Мурманской железной дороги, — они были настроены резко против переворота. В силу этих причин чехи ушли с фронта.

Вначале они контролировали линию железной дороги. В газете чешского корпуса была опубликована карикатура: на железной дороге стоит чешский часовой, а из леса на него смотрит партизан и говорит: «он белый», со станции на него смотрит русский офицер и говорит: «он красный»! Они оказались между молотом и наковальней. Поэтому они думали о том, чтобы уйти. Они смогли развить в России бурную экономическую деятельность, прекрасно себя снабжали, были очень хозяйственными: скупали сырье и организовали немало заводов по производству чего

удогно — пиво, колбас, сосисок и т. д. На чехах лежит один грех — когда они уходили, они пропускали вперед только чешские эшелоны. Они брали с собой и тысячи русских, но все-таки линия железной дороги с замерзшими русскими эшелонами — это все оставляло довольно тяжелое впечатление.

Третий путь на Востоке России потерпел поражение. Другая попытка третьего пути была предпринята на Русском Севере, где начали скапливаться антибольшевистские силы самого широкого спектра. Эта попытка тоже, к сожалению, не удалась, и Север стал в конце концов местом террора.

С.Э. Это тема вашей последней книги — «Огненные годы Русского Севера», уже получившей немалый отклик¹. Сейчас вы работаете над книгой о Кронштадтском мятеже. Расскажите о том, что там происходило.

Л. П. Кончилась Гражданская война. Страна лежит в развалинах. Положение крестьянства не улучшается, а ухудшается. Большевики вводят так называемые посевкомы, которые, помимо всех реквизиций, указывают крестьянам, что нужно сажать и сеять. Все это приводит к массовым крестьянским восстаниям. Например, знаменитое Антоновское восстание в Тамбовской губернии — десятки тысяч человек! Страшное восстание в Сибири, в котором участвовало более 100 тыс. человек;

восстание на Волге — комбрига Сапожкова; движение в Воронежской губернии — восстание Колесникова... Заводы тоже в развалинах. Если в Петрограде на 1 января 1917 г. работало 379 тыс. человек, то 1 января 1921 г. — 79 тыс. человек. Все это вызывает массовое недовольство. Недовольство вызывает и отсутствие любых политических свобод, преследование всех левых политических партий. Недовольна интеллигенция, недовольны рабочие — вроде бы их объявляли самым привилегированным классом, но они живут так, как даже в самые мрачные годы царизма не жили! Падает производство, их увольняют. А те, кто работает, должны получать хлеб: работники категории «Б» — 200 грамм, рабочие категории «А» — 400 грамм, и рабочие горячих цехов — 600 грамм. Но это не выполняется. Топливный кризис, транспортный кризис.

Нужно сказать, что Балтийский флот в Гражданской войне почти не участвовал. Но по-прежнему считался (по пошло-эффектному высказыванию Троцкого) — «Красой и гордостью Революции». Невоюющий флот получал более высокий продовольственный паек и такие товары, о которых вообще забыли в России, — сахар, соль, спички, мыло, сигареты и т. д.

Моряки были очень свободолюбивы. Они знали положение в стране. Кто были матросы? В основном это были просто крестьяне и рабочие. Многие родились в крестьянских

¹ Л. Г. Прайсман подробно рассказывает о содержании этой книги, а также готовящейся книги о Кронштадтском мятеже в электронной версии своего интервью: URL: istorex.ru/leonid_praisman_v_kronshtadte_tsarilo_radostnoe_nastroenie_ves_gorod_privetstvoval_sverzhenie_bolshevistskoy_vlasti.

семьях, но уехали в города и окончили начальные училища, были такими полупролетариями. И вот в 1920 г. некоторые получили отпуск, они приехали в свои деревни и увидели, что советская власть сделала с крестьянами. Они увидели весь ужас продотрядов и продразверстки, когда берут даже семенное зерно, идут сплошные конфискации, реквизиции и расстрелы.

Нужно сказать, что в Кронштадте нарастало недовольство большевистской диктатурой. Главной причиной было то, что большевики сделали с русской деревней, но не меньшую роль сыграли политические требования, и это видно по знаменитой Кронштадтской резолюции, принятой вначале бригадой линкоров, а потом одобренной колоссальным собранием рабочих, матросов и красноармейцев. Что требовали? Произвести свободные перевыборы советов, предоставить свободу агитации всем левым социалистическим партиям. Их главный лозунг был не «За Советы без коммунистов» (это им придумали большевики), а «Власть Советам, а не партиям!». Вообще у них было жуткое разочарование в партиях! Второе требование: провести 10 марта беспартийную конференцию рабочих, крестьян и красногвардейцев; осуществить свободные выборы профсоюзов; освободить арестованных в связи с начавшимися волнениями; закрыть все политотделы во всех частях Красной армии и на заводах и фабриках, потому что ни одна партия не может иметь никаких преимуществ, а должны быть созданы культурные комиссии; запретить дежурство вооруженных отрядов в рабочих цехах — рабочие могут сами охранять.

Основные экономические — что поразительно — требования Кронштадтской резолюции были во много раз бледнее, чем новая экономическая политика, которая была во многом проведена под воздействием восстания в Кронштадте и восстаний по всей стране. Они требовали: убрать заградительные отряды; ввести равные пайки (кроме горячих цехов); разрешить крестьянам свободно действовать на своей земле и иметь скот — только если крестьянин сам трудится на своей земле. Все! Они не требовали свободы торговли. И даже не требовали заменить продразверстку продналогом — нет! У них были очень скромные требования. И основными были именно политические требования, которые оказались страшными Ленину. Восстание было подготовлено в самый неподходящий момент. Нужно было бы подождать еще несколько недель, и лед бы тронулся. Флот поддерживает кронштадтцев, гарнизон Петрограда в большинстве разделяет их требования, можно спокойно занимать Петроград. Продовольствия очень мало, но поводом к восстанию послужили рабочие волнения в Петрограде, которые были вызваны сокращением норм выдачи хлеба в январе на 1/3.

Кроме того, топливный кризис привел к тому, что 11 февраля были закрыты 45 металлургических и прочих заводов, в том числе — Путиловский завод, Сестрорецкий завод, крупнейшие заводы Петрограда, и 20 тыс. рабочих были выброшены на улицу! Это привело в феврале к массовым рабочим выступлениям в Петрограде и в Москве. Причем эти рабочие выступления показали,

что Красная армия не хочет их подавлять.

Большевики стали действовать своими излюбленными методами. Было арестовано все руководство меньшевиков и эсеров; все активисты из интеллигенции; все рабочие активисты, о которых имелись конкретные данные, что они принимают участие в демонстрациях.

Когда об этом узнали на флоте, моряки двух крупнейших линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» были возмущены. И с согласия комиссаров было принято решение послать делегацию в Питер, чтобы познакомиться с положением на заводах. Они познакомились. Вернулись. Рассказали, что происходит, и в результате была принята эта знаменитая Кронштадтская резолюция. Она была первоначально принята на собрании линкоров, а потом на большом митинге на Якорной площади у Морского собора.

Участие в митинге приняли 16 тыс. человек. Его вел большевик Васильев. Там выступали глава ВЦИК — Калинин и комиссар Кронштадта — Кузьмин, в его устах звучали угрозы: «Врагов Революции будем расстреливать!» Ему из толпы кричали: «Вали отсюда! Кронштадт не запугаешь!» Все это обострило положение. Калинин тоже не пользовался популярностью. Уехал, не сумев договориться. Собрание решили провести в Инженерном училище, потом оно было перенесено на «Петропавловск». Были слухи, что готовится наступление. Был избран ревком, в который вошли моряки и представители рабочих. Они очень быстро

сумели захватить весь город. И когда большевистские лидеры стали говорить с руководителями Петрограда, что у них только 200 штыков и большинство коммунистов их не поддерживает: «Нам что, сдаваться в плен?», им приказали уходить. Отступившими коммунистами был захвачен форт Красная горка, а власть перешла в руки ревкома.

На что надеялся ревком? Они считали, что их поддержит *красный* Петроград и вся рабочая Россия. Но этого не произошло. С одной стороны — питерский пролетариат был жутко ослаблен большевистским террором и арестами, а с другой стороны — большевики были не идиоты. Во-первых, с 1 марта были сняты все заградительные отряды и подброшено продовольствие. А кроме того, по решению Совнаркома было отпущено 10 млн рублей золотом на срочную покупку продовольствия за границей. Оно оперативно было доставлено в Питер, и рабочие получили хлеб, мясо, масло, шоколад, консервы — продукты, которые они не видели всю Гражданскую войну. Моряки потом говорили, что рабочие их предали.

А в Кронштадте царило радостное настроение. Весь город приветствовал свержение большевистской власти. Радуются рабочие, которым давно надоела эта диктатура. Большевики решили действовать по своей обычной схеме, и уже 2 марта была опубликована резолюция Совета трудовой обороны, подписанная Лениным и Троцким. В ней говорилось, что на линкоре «Петропавловск» произошли волнения и была принята эсеровско-черносотенная

резолуция. Но эсеровско-черносо-тенная «власть советам» — это какой-то нонсенс! Утверждалось, что сразу же за спиной лидеров матросов встали белогвардейцы — генерал Козловский и его офицеры. Было постановлено арестовать Козловского и всех его соратников, ввести осадное положение в Петрограде и образовать Совет обороны Петрограда.

Генерал Козловский был трагической фигурой. Он не принимал никакого участия в восстании. Это был бывший царский генерал, которого Троцкий назначил руководителем кронштадтской артиллерии. Козловский пытался уехать из Кронштадта, но его не пропустили. И все восстание он себя вел более чем пассивно. Как и другие офицеры, прошедшие в Кронштадте Гражданскую войну, — они были запуганы террором, были убийства офицеров. Поэтому особой активности офицеры не проявляли и ждали, что будет дальше. Но Козловский был единственным генералом в Кронштадте, поэтому его нужно было объявить врагом. В письме Петроградского комитета обороны за подписью Зиновьева читаем: «Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов». Кронштадтцы сразу видели ложь всех этих воззваний. Был создан штаб обороны.

Когда штаб обороны и ревком поняли, что большевики никогда не пойдут с ними на мир, встал вопрос — какой придерживаться тактики: оборонительной или наступательной? По мере развития событий матросы стали требовать наступления. Они знали, что в Петрограде целый ряд

кораблей принимает Кронштадтскую резолюцию. Там начинаются аресты. Кронштадтские матросы были более по-боевому настроены, чем офицеры. Они рвались в бой в то время, как большевики проводили свои обычные действия — они ввели в Петрограде институт заложников.

Несколько сот матросов отправились в Петроград с Кронштадтской резолюцией, но вернулось только 10 человек. В основном они были все арестованы и расстреляны. Воссоздается 7-я армия — та самая армия, которая воевала с Юденичем. Ею командует Тухачевский. Он приезжает и получает всю полноту власти. Спешно готовится штурм. И вдруг начала прибывать масса матросов. Они стали окружать части красных. И, к ужасу красного командования, один батальон переходит на сторону мятежников. Происходят колебания и в рядах курсантов. Штурм был отбит с очень значительными потерями для красных.

Восстание в Кронштадте вызвало необыкновенный гул оживления во всех центрах русской эмиграции. В. М. Чернов, который находился в Праге, пишет письмо, что может прибыть в Кронштадт и возглавить его. Дошло до того, что в эмиграции обсуждали вопрос переброски армии Врангеля в Кронштадт, потому что нужно военное руководство. Но возобладало мнение о том, что если армия Врангеля была бы перебросена в Кронштадт, то матросы соединились бы с красными, потому что к врангелевцам они относились еще хуже.

Продовольственное положение было очень тяжелое. Люди были полуго-

лодными. 8 марта в Кронштадт прибыла делегация Русского Красного Креста, договорились о помощи. Но финны, только что заключившие мирный договор, не хотели портить отношения с Советской республикой. Поэтому удалось переправить только 400 пудов продовольствия на подводках. Но это была всего лишь капля в море!

Положение стало очень сложным. А ведь 7 марта должен был открыться X съезд Советов. Его долго не открывали, т.к. решили сообщить, что Кронштадт взят. Но Кронштадт не был взят. Красноармейское командование видело, что даже в самых, казалось бы, надежных частях многие разделяют взгляды мятежников. В двух полках Омской дивизии заявили, что не пойдут гибнуть на леду и брать Кронштадт, а лучше пойдут брать Петроград и свергать большевиков. Полки, в конце концов, были остановлены и разоружены. Было расстреляно больше 70 человек. В результате полки были «приведены в чувство». Но большевики учли опыт. За наступающими должны были идти заградотряды. С их командиров была взята подписка: не будете стрелять — придется за это отвечать по законам революционного времени.

Начала прибывать тяжелая артиллерия. Было переброшено почти 3 тыс. коммунистов: мобилизованных и добровольцев; 300 делегатов X съезда. В Кронштадте же в те дни огромное количество коммунистов подало заявления о выходе из партии. Распалось много парторганизаций. Из подавших заявления коммунистов потом многие были

расстреляны (если не успели бежать в Финляндию).

Гарнизон устал. Вначале (после 7–8 марта) был подъем духа, а теперь чувствовалась чудовищная изолированность от всей остальной России. Штурм начался в ночь на 17 марта. Наступающим удалось прорваться в город, начались ожесточенные бои. Матросы, а главное — рабочие, прекрасно знающие свой родной город, — сопротивляются все более решительно. Они заходят в тыл и начинают теснить штурмующих на лед. И второй штурм чуть не провалился. В атаку был послан конный полк, первый в истории случай атаки кавалерии по льду морской крепости.

В конце концов Кронштадт был взят. Началась кровавая расправа. Только за первые четыре месяца было расстреляно более 2000 человек. Уйти в Финляндию смогли 8 тыс. человек: из 15 членов ревкома — ушли 12. Первоначально беженцев содержал Американский Красный Крест, но все было сложно. Большевики призывали их вернуться. Многие вернулись. Конечно, их ждала тюрьма... Из самого Кронштадта позже — в 1922 г. было выслано более 3 тыс. человек.

В общем, восстание было подавлено. Это и другие восстания способствовали переходу к новой экономической политике. Но при этом Ленин заявил о том, что сейчас должна быть укреплена политическая власть, были запрещены все дискуссии в партии — знаменитая резолюция «О запрете фракций в партии». А помимо этого Ленин говорил о том, что мы не будем

меньшевиков и эсеров держать на свободе. Мы поместим их в самые комфортабельные тюрьмы. А знаменитая провокация с боевой организацией профессора Таганцева...

Таким образом, это восстание, имевшее шанс на победу, если бы «лед тронулся», — потерпело поражение. И в России на много лет установился страшный режим.

“A JOYFUL MOOD REIGNED IN KRONSTADT. THE WHOLE CITY WELCOMED THE OVERTHROW OF THE BOLSHEVIK REGIME”.

Interview with L. G. Praisman

Praisman Leonid G. — historian, an expert on the history of the Jews in Russia, history of Russian revolutionary movement and the Civil war (Israel)

Key words: family memory, emigration to Israel, the study of Soviet history in Israel, the Dreyfus affair, political terror, the Civil War in Russia, the Kronstadt rebellion.

Abstract. The well-known historian from Israel, born in the USSR, talks about his life, shares the results of his historical research.

«ОТ НОВЫХ ЗНАНИЙ Я ПОЛУЧАЛА ОГРОМНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ».

Интервью с Л. П. Репиной

(Ноябрь 2017)

Ключевые слова: Московский университет, Институт всеобщей истории РАН, исследования по британской истории в России, британская историография, методология истории, российские исследования в области интеллектуальной истории, историческая память.

Аннотация. Лорина Репина, известная не только как специалист по британской истории, но и как основатель и бессменный руководитель Российского общества интеллектуальной истории, рассказывает о своем пути в науку, проектах в области изучения интеллектуальной истории, делится творческими замыслами.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-239-258

Л. П. Репина является автором работ: Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. (1979); Современная историография Великобритании (1991, в соавт. с Г. И. Зверевой и В. В. Согриним); «Новая историческая наука» и социальная история (1998; 2-е изд. 2009); Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002; История исторического знания (2004; 3-е изд. 2008; 4-е изд. 2019, в соавт. с В. В. Зверевой и М. Ю. Парамоновой); История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной (2005; 2-е изд. 2010); История и память: историческая культура Европы

до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной (2006); Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной (2010); Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика (2011); Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной (2014); Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной (2017); Событие и время в европейской исторической культуре XVI — начала XX в. / под общ. ред. Л. П. Репиной (2018).

Беседовал С. Е. Эрлих.

© Историческая Экспертиза, 2021

Репина Лорина Петровна — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой теории и истории гуманитарного знания РГГУ (Москва)

С. Э. Почему вы решили стать историком, оказали ли влияние семья, школьные учителя? Расскажите о ваших университетских учителях, которые повлияли на ваше профессиональное становление.

Л. Р. Исходя из того, что училась я в физико-математической школе, мой профессиональный выбор был достаточно неожиданным. Училась я с удовольствием, и предполагалось, что по этому направлению я и пойду в дальнейшем. Такой мой выбор сохранялся до самого выпуска, но в последний момент он все-таки был определен в пользу истории, и, надо сказать, моя семья этот выбор не одобрила.

Выбор исторического направления по большому счету был определен кругом чтения, т. к. я всегда интересовалась историей, литературой, всегда много читала, как раньше говорили — «запоем», и на чтение уходило все мое свободное время. Читала я не только популярную историческую литературу, исторические романы, которыми, конечно же, все увлекались, но и научную литературу.

С. Э. Вы уже в школе читали научные книги?

Л. Р. Да. Например, я очень хорошо помню, что еще в школьные годы я прочитала книгу Бориса Дмитриевича Грекова о Киевской Руси, несмотря на то, что это не было художественное чтение. Читала я и другие книги наших выдающихся историков.

Одноклассники и мои друзья пошли совсем по другому пути и были

очень удивлены тому, что я решила заниматься историей. В то время как раз шли споры между «физиками» и «лириками», и в этих дискуссиях мне не раз приходилось отстаивать пользу истории как науки.

В наше время вопрос о пользе истории и о злоупотреблениях историей рассматривается почти на всех исторических конгрессах. Нежданно-негаданно, надо сказать, мы вернулись к такому положению вещей, потому что в настоящее время происходит снижение статуса общественных наук вообще и исторической науки в частности, что воздействует в том числе и на молодое поколение, на его выбор — не в пользу истории. Потом сюда добавляются и просто бытийные вещи, как то, что мы понимаем: если человек хочет выбрать какую-то успешную карьеру, выбор его в пользу истории едва ли окажется на первом месте.

Поступая в университет, я предполагала специализироваться на истории Древнего мира. Специализация в МГУ начиналась, как и сейчас, с третьего курса, а определиться с выбором надо было уже в конце второго курса. В это время я как раз и встретила со своим учителем, с Евгенией Владимировной Гутновой, которая вела у нашей группы семинар по общему курсу истории средних веков. В дальнейшем я захотела работать именно с ней, поэтому и пошла на кафедру средних веков. Очень часто наш выбор определяется не только научными интересами, а просто какими-то привходящими моментами. В моем случае при выборе специализации роль сыграла личность преподавателя.

Специализация по кафедре средних веков мне очень нравилась. С Евгенией Владимировной мы определили круг проблем, с самого начала я предполагала, что буду заниматься исторической урбанистикой, городской историей. Во время обучения я попыталась овладеть методами, которые помогли бы мне представить себе городское общество, общество средневекового города в перспективе, не столько глобальной, конечно, сколько на уровне локуса, а не только на уровне национального или какого-либо другого сообщества. Работа была очень трудоемкая, приходилось по крупицам добывать в источниках то самое, условно говоря, «сырье», те сведения, на которые можно было бы опереться. Это огромные фолианты, многотомные издания в сотни томов, которые надо было просматривать, прочитывать, искать данные по отдельным индивидам, отдельным группам — искать их в документах, которые не были предназначены для такого рода анализа. В то время расцвета социальной истории это было в тренде, такая история опиралась на проблематику, связанную с социальным расслоением, с возможностью определить облик разных слоев городского населения. Работа была достаточно интересная, позднее она вылилась в последипломные публикации, в диссертационное исследование и в мою первую книгу «Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века» (1979). Это был период, когда я научилась работать, была очень хорошая школа, традиционная, классическая, истоки которой лежат в знаменитой русской исторической школе XIX ст., традиции ее передавались, что называется, «из рук в руки», даже в буквальном

смысле, потому что занятия наши проходили за одним столом с научным руководителем, с совместным чтением источников, с самым пристальным вниманием к овладению профессиональными навыками — ремеслом историка. Как мне кажется, в своих новых профессиональных увлечениях, новых направлениях в работе мне удалось сохранить приверженность тому, что было заложено в этой школе.

Советы, которые давала Евгения Владимировна, всегда были мне на пользу, мы с ней тесно контактировали вплоть до момента ее ухода из жизни, и, собственно говоря, мое последующее занятие проблемами историописания, историографией — это тоже наследие моего научного руководителя. Евгения Владимировна занималась этим очень серьезно, у нее есть много публикаций по историографии, она написала уникальный учебник по историографии средних веков. Таким образом, отчасти я унаследовала и это направление.

С.Э. Когда вы писали диссертацию по истории Англии, была ли у вас возможность поехать туда, поработать в архивах?

Л.Р. До 1988 г. я была невыездной, поэтому никакой возможности поехать в Англию и работать там в архивах у меня не было.

С.Э. Но вы пытались?

Л.Р. Пытаться было бесполезно, я трезвомыслящий человек. Посетить Англию мне удалось в 1988 г., причем это была командировка

не для работы в библиотеке или в архиве, а поездка на коллоквиум.

Кстати, не так давно я написала статью о советско-британских коллоквиумах, которые проводились достаточно длительное время, даже в период самой что ни на есть холодной войны. Проводились они один раз в два года по очереди, либо в Советском Союзе, либо в Великобритании. Долгое время я не имела возможности ездить на такие коллоквиумы, а тот, что я посетила в 1988 г., был посвящен историографии, именно поэтому мне и удалось оказаться в числе его участников.

С. Э. Кто попадал на коллоквиумы до 1988 г.?

Л. Р. У нас была группа специалистов по истории Великобритании, историков старшего поколения, они туда и попадали. Я в то время относилась к молодым ученым, и считалось, что совершать такие поездки мне еще рановато. Это сейчас людей чуть за тридцать мы не считаем уж очень молодыми. А вот в системе академии я себя чуть ли не до шестидесяти лет считала молодой. Возможно, это смешно, но это так. В академии пятьдесят лет — это вообще не возраст.

Я хочу вернуться к коллоквиуму 1988 г. Впечатления от увиденного у меня были потрясающие — даже не в плане впечатлений от самой страны, ее достопримечательностей, от иного образа жизни, хотя и это, конечно, было. Главными впечатлениями для меня были люди, замечательные ученые, с которыми я познакомилась, выдающиеся британские историки, которые имели мировую

известность и фундаментальные труды, которые создали свою школу, свои направления в историографии. Это были, кстати, не только историки, например, выдающиеся антропологи Эрнст Геллнер и Алан Макфарлейн, унаследовавший после Геллнера кафедру в Кембридже, это выдающийся экономический историк и прекрасный человек Тео Баркер, который был президентом Национального комитета британских историков, и многие другие.

Следующая моя поездка в Англию состоялась в 1990 г. Эта командировка была уже совершенно другого рода, более длительная, и мне посчастливилось поехать туда вместе с нашим выдающимся историком и методологом Михаилом Абрамовичем Баргом, который оказал на меня огромное влияние и которого я считаю одним из моих учителей, хотя формально он никогда им не был. В этой поездке мне также удалось встретиться с очень известными людьми, такими, например, как выдающийся британский историк Кристофер Хилл. Поездка эта была замечательна еще и тем, что мне удалось посетить Кембридж, Оксфорд, Бирмингем, Лестер и ряд других городов и университетских центров. К слову сказать, в Лестерском университете я познакомилась с работой Международного научного центра городской истории и знаменитого Центра локальной истории.

Впоследствии выезжать за рубеж мне стало значительно проще, хотя никогда не удавалось поехать на долгое время. Отчасти это было связано с тем, что я очень активно работала, к тому же я была уже не столь молода, чтобы ездить на стажировки, как

это стало практиковаться у нас уже после перестройки.

Научные командировки, которые у меня состоялись, были очень полезны, потому что как раз в то время я занималась современной британской историографией. Результатом этой работы была книга «Современная историография Великобритании», вышедшая в 1991 г. Авторами этой книги, помимо меня, были Галина Ивановна Зверева и Владимир Викторович Согрин, под редакцией которого эта книга вышла.

Поездки мои были интересны во всех отношениях. Первая из них была, к сожалению, очень краткосрочной, и я не успела многое сделать, а вот от второй поездки одно впечатление у меня сохранилось до сих пор. Мне удалось пройтись пешком по всей центральной части Лондона, существовавшей и в средние века. Я увидела все кварталы, улицы, которые были описаны в тех документах, с которыми я работала в процессе подготовки дипломной работы и диссертации. Источниками этими были налоговые средневековые описи и списки налогоплательщиков, в которых указывалось, где проживал какой-нибудь конкретный человек, имущество которого описывалось. Пешком я прошла по этим местам, и мне было очень интересно взглянуть на то, где жили те люди, о которых я писала.

С.Э. Но ведь там вряд ли осталось что-то от Средневековья? Названия улиц сохранились те же?

Л.Р. Я имею в виду не дома, я имею в виду конкретное место. Улицы называются, как и прежде.

С.Э. Традиции переименовывать места у лондонцев не было.

Л.Р. Нет, конечно. В этом смысле им можно позавидовать. Память там сохраняется и на топографическом уровне. Это очень важно. А вот мы постоянно разрываем эту линию памяти.

Я до сих пор, когда меня спрашивают, где я училась, говорю: «На истфаке, на улице Герцена, дом номер 5 и номер 6». Для меня эта улица все равно есть. У нас в памяти место тоже сохраняется.

С.Э. После защиты диплома у вас была аспирантура в Институте всеобщей истории. Он и в то время так назывался?

Л.Р. Да, он уже в то время был отдельным институтом — Институт всеобщей истории Академии наук СССР. С тех пор вся моя жизнь связана с этим институтом.

С.Э. В трудовой книжке у вас лишь одна запись?

Л.Р. Это так. В июне 1971 г. я окончила МГУ, в сентябре сдала экзамены и в октябре этого же года была зачислена в аспирантуру Института всеобщей истории. В то время я, конечно, очень переживала, что не осталась в университете, в своей альма-матер. Но у нас был очень сильный курс, и достаточного количества мест в аспирантуре кафедры истории средних веков МГУ не было.

В университет я поступала в 1966 г. Те, кто знает историю нашего школьного образования, наверно, помнят,

что в 1966 г. был двойной выпуск: выпускались и десятые, и одиннадцатые классы. Конкурс во всех вузах был совершенно небывалый. Курсы сформировались везде поэтому такие особенные. У нас на истфаке, помимо того, что курс был очень большой по численности, больше, чем все предыдущие и последующие, он был еще и очень сильный. Все стремились учиться, и учились мы по-другому. Мы не вылезали из библиотек, что не свойственно, надо сказать, нынешним студентам. Вчера на семинаре я спросила студентов: «Ходите ли вы в библиотеку?» На что они ответили: «Нет. Что нам там делать? Мы предпочитаем найти и даже купить книгу в Интернете». А в наше время мы практически сразу после занятий шли в библиотеку и подолгу там занимались.

Когда я работала над диссертацией, я приходила четко к девяти часам, даже немного раньше, в Ленинку, занимала очередь в гардероб, чтобы сдать вещи и потом чтобы получить пропуск. Я сидела в Ленинке до обеда, потом неподалеку обедала, шла в Фундаментальную библиотеку Института информации по общественным наукам, которая тогда была расположена на улице Димитрова, и работала там до закрытия. Обслуживающий персонал библиотек знал каждого, кто там занимался. Это была совсем другая жизнь, другая работа. С моими фолиантами, как вы понимаете, другого вообще было невозможно придумать, потому что выписать эти книги было нельзя, никакой оцифровки в то время, естественно, не было, надо было своими руками носить эти тонны книг и последовательно их читать.

С.Э. Хорошо, что эти книги были представлены в библиотеке.

Л.Р. Да, это тоже к вопросу о той школе, к которой я себя нескромно причисляю. Знаете ли вы, как эти многие очень редкие издания XIX в., особенно те, которые хранятся до сих пор в Фундаментальной библиотеке МГУ и, я надеюсь, ими еще пользуются нынешние студенты, — как они поступили в наши библиотеки? Многие тома книг поступили туда от профессоров Императорского Московского университета, они их просто передавали в библиотеку или оставляли в наследство. Сами же они привозили или выписывали эти книги из-за границы, когда ездили в длительные командировки «для приготовления к профессорскому званию». Традицией Министерства народного просвещения было то, что после окончания университета способных выпускников направляли за рубеж в длительные командировки, на год, два, где эти талантливые ученые приобретали очень много для себя в профессиональном смысле и, конечно, в книжном. Оттуда они привозили редкие книги и потом передавали их библиотекам. В таких книгах есть надписи — «из библиотеки профессора такого-то».

С.Э. Такие книги, наверное, особенно приятно читать?

Л.Р. Конечно! Этот запах старых книг, эта пыль, на которую у меня, правда, аллергия, но тем не менее все равно это всегда что-то сакральное.

С.Э. Расскажите о вашей работе в институте.

Л. Р. В институте сначала я была аспиранткой, а с 2 февраля 1975 г. была зачислена на должность младшего научного сотрудника. Зачисление меня в штат института было связано с открытием нового сектора, который назывался «Сектор научной информации и зарубежной историографии». Возглавлял в то время сектор Борис Михайлович Туполев, а впоследствии заведовать им стал Владимир Викторович Согрин, его вы, наверное, хорошо знаете. Он известный американист, много занимался также историографией, вместе с нами работали над той книгой, о которой я вам говорила.

Сектор был очень интересный, работали там в основном люди старшего поколения, я была там самой молодой. Работали там и такие историки, как Арон Яковлевич Гуревич и Леонид Михайлович Баткин. Для меня работа в этом секторе была тоже очень хорошей школой. Я занималась современной историографией. Это был очень трудоемкий процесс, но, как вы понимаете, к этому мне уже было не привыкать. Так же как когда-то я носила свои пыльные фолианты, теперь я стала носить множество современных изданий. Я часто вспоминаю случаи, как я сижу в библиотеке, на моем столе лежат горы книг и современной периодики, которую в большом количестве библиотеки в то время выписывали и получали, ко мне подходит Арон Яковлевич и спрашивает: «Зачем вы все это читаете?» Он, конечно, работал совсем по-другому, я бы сказала — «штучно». Но если занимаешься современной историографией как предметом исследования, то читать, конечно, надо как можно больше

и шире, чтобы видеть всю панораму, чтобы можно было оценить все в целом, даже если ты занимаешься каким-то одним направлением. Поскольку место этого направления ты не сможешь понять, если не знаешь, что делается вокруг, не знаешь того интеллектуального контекста, в котором это направление развивается. Читать периодику очень важно. Я и сейчас говорю студентам: «Читайте периодику, даже если вы не будете читать от корки до корки, вы по содержанию хотя бы будете понимать, чем люди сегодня занимаются, узнаете, какие вопросы волнуют специалистов, увидите какие-то неожиданности, с которыми вам, возможно, предстоит встретиться». Все новое в первую очередь отражается на научных форумах и в научной периодике. Отнюдь не в монографиях.

С. Э. Многие ваши коллеги говорят, что в советское время, особенно в Москве, было достаточное количество западной научной литературы, и специалисты не были в отрыве от западных научных исследований. Это так?

Л. Р. Да, действительно, библиотеки получали много зарубежных изданий, в том числе научной периодики, не всегда они шли в нужной последовательности, иногда номера изданий имели пропуски, но т.к. мы занимались не в одной библиотеке, обойдя все, в какой-нибудь из них всегда можно было найти то, чего не доставало.

В Исторической библиотеке не было достаточных средств для приобретения книг и журналов за границей за валюту, поэтому они работали

на обмене с западными библиотеками. Они присылали свои издания в обмен на наши, имевшиеся в обменном фонде или специально приобретаемые Исторической библиотекой. Поэтому книжный фонд библиотеки пополнялся неплохо, хотя часть изданий попадала в спецхраны, как вы знаете.

С. Э. По какому критерию их помещали в спецхран?

Л. Р. Вы очень удивитесь, но мне приходилось много работать в спецхране. Там меня интересовала, прежде всего, периодика. Книги по средним векам, по раннему Новому времени редко попадали в спецхран, а вот нужных мне периодических научных изданий там было достаточно много. Периодика, которую я смотрела, была самой разной, и меня удивляло то, что в спецхране попадались наиболее прогрессивные, казалось бы, издания. В консервативных изданиях, видимо, не было ничего крамольного, и их там почти не было. А вот журнал новых левых «New Left Review» был весь целиком в спецхране. Мне этот журнал был очень нужен, потому что там публиковались дискуссионные статьи выдающихся британских историков, бывших членов Группы историков Коммунистической партии Великобритании, которые до 1956 г. были членами коммунистической партии, а в 1956 г. в связи с венгерскими событиями они из нее вышли. Это была элита мировой исторической науки. Среди них такие замечательные историки, как Эдвард Томпсон, Эрик Хобсбаум, Кристофер Хилл, Родни Хилтон, Рафаэль Сэмюэл, и многие другие. Они занимались как раз тем,

что интересовало и меня, историей Англии средних веков, раннего Нового времени, XIX в., европейской историей. Помимо всего прочего, они очень серьезно занимались теорией и методологией исторической науки. Это был тот самый западный марксизм, который потом получил развитие и стал называться неомарксизмом. Я, конечно, должна была их читать, для меня это было чрезвычайно интересно и полезно.

С. Э. Получается, что левые были особенно опасны для советской системы.

Л. Р. Да, именно так! Но сейчас часто говорят «это было недоступно». У меня для получения доступа такой проблемы не было, я писала запрос от института с просьбой предоставить возможность для занятий по моей теме: «Современная британская историография».

С. Э. Но «с улицы» попасть в спецхран было невозможно.

Л. Р. Да, это понятно. Но для профессионального историка преград, чтобы попасть туда, я не видела. Возможно, были определенные персональные ограничения, этого я не знаю. Сказать, что это нужно было для работы, а туда не пускали, я не могу.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о пределах свободы в позднесоветское время. Вы же обсуждали с коллегами сохраняющие злободневность исторические темы, например, сталинские репрессии. Насколько свободно вы могли их обсуждать?

Л. Р. По-видимому, мы все очень четко понимали, какие могут быть ограничения, поэтому каких-то острых моментов, связанных с ненаучными дискуссиями, я не помню. Дискуссии были, но острых проблем, которые вызывали бы соответствующую реакцию, они не касались.

Мы же видели, например, какая критическая реакция была в прессе на ряд статей А. Я. Гуревича, которые печатались в таких журналах, как «Вопросы истории» и других, — поэтому все ограничения нам были хорошо известны. Поскольку я занималась проблемами, не подрывающими нашу идеологию, я для себя таких ограничений не видела, даже тогда, когда писала о научных работах «новых левых», работах историков, которые вышли из компартии, о которых я упоминала выше. Я публиковала в то время статьи о них, и никаких проблем у меня не возникало. Критические замечания, разумеется, высказывались, но статьи были опубликованы. Мы сами четко понимали, в каких рамках мы находимся.

С. Э. Это было на уровне чувства, что можно, а что нельзя.

Л. Р. Абсолютно верно. По большому счету цензура была внутри человека, а не снаружи, никакой Главлит тут не нужен был.

С. Э. Итогом работы в этом отделе стала книга «Современная историография Великобритании», а в 90-е гг. вы стали заниматься другими темами. Расскажите, пожалуйста, о них.

Л. Р. Происходило это постепенно, т. е. в моей бурной и активной дея-

тельности были и перерывы. В институте работа планировалась следующим образом: человек завершает какую-то тему, публикует серию статей, выливающих потом, как правило, в монографию, и после этого ему предоставлялось время для поисковой деятельности. Так это и обозначалось в наших план-картах. Первый год после завершения крупной работы давался на поиск новой темы, на предварительное ознакомление с ситуацией в теме, которая интересовала и в рамках которой предполагалось делать следующее исследование, на просмотр комплекса источников, которые предполагалось привлечь. После этого предоставлялось пять лет на работу над монографией, и она становилась итогом пяти-шестилетней работы. Таким образом, финальный период работы был интенсивным, выходили публикации, затем монография, в то время как поисковый период был достаточно размеренным. Это было важно, потому что предоставлялась возможность думать, спокойно вдумчиво работать. Времени для того, чтобы «чистить» работу, было значительно больше, потому что работа должна отлежаться, должна пройти обработка текста, к которому надо возвращаться, который надо перечитывать и что-то в нем править.

Я всегда помню, как меня учила Евгения Владимировна, как она была требовательна в этом плане, как она ставила передо мной множество вопросов, над которыми надо было подумать. Главы своей дипломной работы и кандидатской диссертации я переписывала много раз, это была работа совершенно иного уровня.

Времени у меня стало меньше еще и потому, что у меня трое детей, которые рождались между монографиями и защитами. Приходилось поэтому периодически включаться в более интенсивный ритм работы. Погружаясь все больше в историографию, я заинтересовалась проблемами, связанными с теорией истории. Прошу заметить, не с традиционной философией истории, что меня никогда не интересовало, т.е. не с теорией исторического процесса, а с теорией исторического познания, как сейчас это называется, эпистемологией исторической науки. Мне пришлось заняться ликвидацией собственной безграмотности в смежных социальных и гуманитарных науках. Например, когда я стала заниматься социальной историей, мне потребовалось читать много теоретических работ по социологии. Надо было понять методы, с помощью которых можно было работать в междисциплинарном пространстве. Читала много работ по антропологии, психологии, демографии. Когда я стала заниматься историографией и более сложными теоретическими проблемами, пришлось читать работы и по философии и социологии науки, теории научного познания. После лингвистического поворота я стала читать книги и по теории литературы. Вот, говорят о непрерывном образовании, так это как раз и есть то, чем мы постоянно занимаемся, непрерывное образование.

С.Э. Ученые, которые хотят быть учеными, должны постоянно заниматься своим образованием.

Л.Р. Да, иначе этот ученый перестанет быть ученым. Надо сказать, мне это всегда было интересно, я нико-

гда не заставляла себя совершенствоваться в этом плане, а получала от этих новых знаний огромное удовольствие.

Меня интересовала сама проблема междисциплинарности. Я даже написала две статьи по этой проблематике, которые потом вошли в книгу «Новая историческая наука» и социальная история», изданную в 1998 г. (вышла вторым изданием в 2009 г.). Центральное место в книге занимает проблематика, связанная с междисциплинарностью, как она понималась в XX в., и как эта концепция изменялась. Сейчас эту проблему понимают несколько по-другому, и об этом написано уже в следующей моей книге.

С одной стороны, мне интересно было то, что происходило с социальной историей, как она развивалась, видоизменялась в последней трети XX в., и как это вылилось в то, что Жак Ревель назвал «другой социальной историей», а я предпочитаю ее называть социокультурной историей. Меня также интересовали проблемы интеллектуальной истории. Мне было интересно, как интегрировались социальная и культурная история с историографией. С другой стороны, меня заинтересовала интеллектуальная история в ее новом воплощении, которое она получила в последнее двадцатилетие.

С.Э. Не все историки знают, что такое интеллектуальная история. Расскажите, пожалуйста, в чем ее отличие, например, от истории ментальности.

Л.Р. Часто наше непонимание и недоразумение упираются в то, что

мы оперируем понятиями недостаточно четкими и строгими, недостаточно проговаривая их содержание. Во-первых, понятия имеют свою историю. Например, если мы говорим об интеллектуальной истории, то такого понятия в нашей отечественной практике не было. У нас те исследовательские поля, которые представляются главными в интеллектуальной истории, обозначались по-другому. Условно я называю это историей мысли: это история политической мысли, история общественной мысли, история экономической мысли, эстетической мысли и т.д., по всем позициям, по всем сферам. В целом, если все эти поля собрать вместе, то получится история мысли. Причем в западной историографии сюда естественным образом включается и история науки. У нас она до сих пор мыслится отдельной, автономной наукой. Если говорить о западной традиции, то там интеллектуальная история и в XIX в. практиковалась и называлась именно так. Хотя были разные версии. Например, классик интеллектуальной истории, американский историк Артур Лавджой называл это историей идей. Но дело в том, что его программа истории идей абсолютно тождественна тому, что при своем нынешнем возрождении сформулировано в интеллектуальной истории. Предмет этот очень широк. Я не раз писала об этом. Программа, которая была сформулирована Лавджоем, не была реализована ни им самим, ни его учениками и последователями. Они пошли по другому пути, по пути биографии идей. Сформулировано Лавджоем это было очень широко, он включил туда все направления истории мысли; историю философии и науки,

историю всяческих знаний, историю литературы, музыки и многое другое. В моей программе развития интеллектуальной истории, сформулированной в 1998 г., это было обозначено как история всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты. Поле деятельности это очень широкое, и мне пришлось очень серьезно отстаивать свою позицию. Во-первых, потому что мое понимание не совсем совпадает с принципами западной историографии, а во-вторых, потому что это совершенно не понималось у нас. Я безмерно благодарна Александру Огановичу Чубарьяну за то, что, когда я предложила ему развивать это направление в Институте всеобщей истории, он сразу же с этим согласился, тогда же и был образован Центр интеллектуальной истории у нас в институте. Но после этого я в течение двух десятилетий встречала и до сих пор продолжаю встречать непонимание того, что же такое интеллектуальная история и почему она «такая интеллектуальная». Каждый раз мне приходится объяснять, что интеллектуальная история — не потому, что она интеллектуальней, чем какие-то другие сферы, а потому что предмет ее такой.

С.Э. Да, в названии есть двусмысленность.

Л.Р. Но когда вы говорите об экономической истории, вы же не представляете себе, что это история экономичная, или когда вы говорите о политической истории, вы же не думаете о том, что речь идет об историках, делающих политику. Все это наше традиционное мышление, когда история рассматривается как

многослойный пирог. Такое представление об истории социума характерно как раз для классической историографии, когда предполагается, что там есть отдельно экономическая, социальная, политическая, культурная, духовная сферы и все это друг над другом возвышается. В марксизме, например, это базис и надстройка, если вы помните.

С. Э. Я это очень хорошо помню.

Л. Р. Даже в школе «Анналов» это было — «от погребца до чердака». Сейчас, конечно, все немного по-другому. Мы поняли, что не все до такой степени дифференцировано и иерархизировано. В этом, кстати, большая заслуга тех же великих французов из так называемой школы «Анналов», которые очень много сделали для того, чтобы наше понимание истории стало более сложным и полноценным, чтобы мы могли представить такую красочную картину.

С. Э. Сейчас как раз самое время рассказать о вашем Центре интеллектуальной истории и об Обществе интеллектуальной истории. Насколько я понимаю, есть международное общество интеллектуальной истории?

Л. Р. Да, это международное общество изначально и было тем, что меня заинтересовало. В одну из моих недолгих поездок в Англию, в 1997 г., я планировала встретиться с президентом и основательницей Международного общества интеллектуальной истории Констанс Блэквелл. К сожалению, эта встреча не состоялась, но впоследствии состоялось общение и переписка с ней. Блэквелл

оказалась совершенно замечательной, уникальной женщиной. Она сама занималась интеллектуальной историей, и ей удалось собрать вокруг себя в определенном смысле единомышленников, стремящихся развить эту идею. К сожалению, некоторых из представителей старшего поколения сейчас уже нет в живых. Первоначально дома у Блэквелл собрались всего лишь двенадцать человек из разных стран, которые и создали Международное общество интеллектуальной истории. Все они выдающиеся ученые, замечательные люди. Так как я много читала периодики, из нее я и узнала о создании такого общества, и мне захотелось с его участниками встретиться. Такая встреча состоялась уже в другую мою поездку, после нее у меня и возникла идея создания Центра интеллектуальной истории, который был образован в Институте всеобщей истории в 1999 г. С Международным обществом интеллектуальной истории мы всегда находились в тесном контакте. Наше общество стало единственным коллективным членом МОИИ, ни в одной другой стране такой самостоятельной общественной организации нет, хотя в МОИИ входят отдельные ученые из многих стран и даже континентов. Констанс Блэквелл не раз приезжала к нам в Россию, печаталась у нас, выступала на конференциях.

Когда наш центр был создан, он был очень маленьким, там был достаточно молодой коллектив, самый молодой в институте. Работу мы начали с большим энтузиазмом. Она строилась не только вокруг самого центра, а была связана с довольно большими группами таких же энтузиастов в раз-

ных вузах. Когда мы организовали наш центр, я неожиданно для себя обнаружила, что во многих наших университетах в разных городах, в Москве, Петербурге, в регионах есть ученые, которые тоже работают в этом поле, они ищут новые подходы, а кто-то уже выходит на междисциплинарное поле. Очень быстро создавалась исследовательская сеть. Причем необязательно все идет из Москвы, сейчас существует очень много контактов между самими регионами. Раньше конференцию мы проводили один раз в год в Москве, потом мы стали проводить ее в региональных центрах, а сейчас проходит три, четыре, пять конференций в год в разных регионах. Возникли прочные межрегиональные контакты. Темы конференций всегда очень интересные — такие, которые находятся на острие современных дискуссий. Общение с этими людьми, научные форумы, которые мы устраиваем, доставляют мне огромное удовольствие, и это очень продуктивное общение.

С.Э. Несколько конференций в год — это показатель высокой активности.

Л.Р. Мало того, помимо конференций проводятся еще и семинары. Не везде, не во всех регионах, но есть несколько наших региональных отделений, которые такие семинары проводят регулярно.

С.Э. Сколько региональных центров у вас сейчас?

Л.Р. Тридцать девять.

С.Э. В основном они работают при университетах?

Л.Р. По-разному. В каждом региональном центре есть не один университет, есть педагогические, технологические, медицинские и другие университеты, в которых тоже работают историки. Получается, что на практике это объединение историков из разных вузов, которых интересует наша проблематика. В центре, конечно, наиболее мощная группировка, в виде, например, кафедрального сообщества. Так, в Омске есть кафедра современной российской истории и историографии России, там у нас очень сильное отделение. Они как раз и составляют ядро. Но историки многих других местных вузов, например Института культуры, Педагогического государственного университета, участвуют в этих семинарах и конференциях. Историки разных вузов Нижнего Новгорода объединены таким же образом, именно не вузы, а сами люди объединены. Это же не имеет какого-то институционального статуса.

С.Э. Да, самоорганизация науки — это очень важно, поэтому меня это и заинтересовало. Ведь вся западная наука построена на самоорганизации. А у нас это очень редкое явление.

Л.Р. Да, вы нашли очень точное слово, это именно *самоорганизация* людей. Они сами организовались, ведь никто не ходил и не уговаривал их объединиться. Важным моментом, я думаю, является то, что это было сделано вовремя, это был момент, когда что-то созрело, но еще не вылилось в какую-то форму. Что интересно, когда мы собрались, нас было тоже двенадцать человек. Мы собрали очень маленькую конференцию, и сразу после нее я получила

множество откликов, что привело к решению самоорганизоваться именно таким образом, оформить такое сообщество. Нас очень долго не регистрировали.

С. Э. Вас не регистрировали как общественную организацию?

Л. Р. Все дифирамбы свободе, которую мы в то время обрели, это оказалось полной ерундой. Несколько раз мы подавали заявку на регистрацию, но нас не регистрировали. Хотя в реальности это самая что ни на есть общественная организация. До сих пор в нашем уставе написано, что мы — общественная организация, не коммерческая, не какая-либо другая. В конечном итоге зарегистрировали, но с огромными трудностями.

С. Э. Что препятствовало?

Л. Р. Не хотели, видимо.

С. Э. Вы в Минюст заявку подавали?

Л. Р. Конечно, в Минюст.

С. Э. И они отказывали?

Л. Р. Да, отказывали, до тех пор, пока мы не наняли юридическую фирму.

С. Э. Получается, что есть страх перед самоорганизацией ученых?

Л. Р. По моему мнению, это даже не страх, а совершенное непонимание того, что это за ненормальные, зачем им все это надо. Причем мы же никакая не политическая организация.

С. Э. Наверное, опасение идет на уровне какого-то рефлекса.

Л. Р. Да. Всегда лучше запретить, так надежнее.

С. Э. Здесь, вероятно, еще сказывается то, что хочется всем руководить, выстраивать так называемую вертикаль, а у вас, как вы сами сказали, сеть. Видимо, на инстинктивном уровне это вызывает отторжение, потому что сеть в вертикаль не укладывается.

Л. Р. Наверное. Мы хотели зарегистрироваться как Общество интеллектуальной истории. Но даже наши юристы не понимали, что это такое, поэтому подсказали нам, что название надо сформулировать так, чтобы в нем отражалась вся деятельность, которой мы будем заниматься. Поэтому наше юридическое название — это Межрегиональная общественная организация содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории». У меня все это вызывает смех, но именно в таком виде они это зарегистрировали.

С. Э. Это очень интересный момент. Кроме организации конференций, вы еще издаете журнал «Диалог со временем». Это журнал РОИИ?

Л. Р. Конференции и журнал, конечно, связаны, но все-таки они разные, потому что журнал мы начали издавать сразу же. Первый выпуск его вышел 1999 г. Первоначально он вышел не как журнал, а как альманах, как ежегодник. Затем он стал выходить два раза в год, потом четыре раза в год, и со временем он превратился в журнал, так он сейчас и зарегистрирован. Он большого

объема, каждый выпуск — двадцать пять листов. Выходит он стабильно, зарегистрирован и в бумажном, и в электронном варианте. На всякий случай в электронном виде мы его зарегистрировали тоже.

С.Э. Вы выкладываете материалы на сайте?

Л.Р. Да, они у нас в открытом доступе. Все наши издания выложены на сайте нашего общества. Там не только журнал, но и другие издания, которые мы делаем. Центр интеллектуальной истории довольно много издает: это и монографии, и большие коллективные труды. Среди наших изданий есть серия книг, которая называется «Образы истории». Эта серия начала издаваться в издательстве «Круг», а сейчас мы сотрудничаем с издательством «Аквилон».

С.Э. Это издательство работает при вашем институте?

Л.Р. Не столько при институте, сколько самостоятельно и в тесном сотрудничестве с нашим центром.

С.Э. Все это очень серьезно получается: свое издательство, свой журнал, свои конференции. Обычно у русской интеллигенции бывает так: соберутся, поговорят, и на этом все заканчивается.

Л.Р. Да, просто поговорить — это приятно. В нашем случае надо учитывать еще то, что нас никто не финансирует, поэтому средства, которыми мы располагаем, — это взносы членов общества и гранты, которые мы получаем на наши проекты.

С.Э. Я так понимаю, финансирование вы находите сами.

Л.Р. Да, все финансирование временное. Когда проект заканчивается, надо опять думать, и это, конечно, большая проблема. Нашим коллегам в некоторых региональных отделениях, которые тоже много всего издают, удается иногда найти спонсоров. Но это одноразовая помощь.

С.Э. Вся жизнь, как говорится, одноразовая.

Л.Р. Так можно, конечно, существовать, но журнал так издавать очень трудно, как вы понимаете.

С.Э. Да, понимаю, Лорина Петровна. Есть ли у РОИИ сайт, где ваша продукция выложена?

Л.Р. Конечно. Это сайт нашего общества: <http://roii.ru>.

С.Э. Там выложена продукция всех отделений?

Л.Р. Нет, отделения выкладывают свою продукцию на других сайтах. Некоторые отделения имеют свои сайты или присоединяются к университетским. Сайт, который я назвала, это сайт нашего общества в целом. Если говорить о структуре общества, то есть президент (я являюсь президентом, хотя в ближайшие годы, надеюсь, я смогу передать эти функции) и центральное правление, куда входит несколько человек. Главное, конечно, это конференции представителей региональных подразделений, которые решают все вопросы. Отделения у нас очень разные, есть такие, где всего три человека, а есть

крупные, как, например, в Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Омске, Екатеринбурге, Перми, Ставрополе, Ростове-на-Дону и др.

С.Э. Это очень серьезно. Хотелось бы, чтобы пример РОИИ стал образцом для других историков, чтобы они тоже организовали что-то в подобном плане, потому что все жалуется, что государство не дает денег, а оно и не будет давать денег, но работу-то надо делать!

Л.Р. Это да. У нас, по моему мнению, просто все совпало, сложилась уникальная ситуация. Была большая потребность в создании такого сообщества, большая заинтересованность.

С.Э. То есть вовремя это начали делать...

Л.Р. Да, «хороша ложка к обеду» — видимо, эта «ложка» вовремя была предложена. Все это завертелось, закрутилось — и до сих пор крутится, что удивительно!

С.Э. Замечательно! У меня еще такой вопрос: входит ли тематика памяти в сферу деятельности Общества интеллектуальной истории?

Л.Р. А как же! Это очень большая его часть. У нас даже есть сетевая лаборатория по исследованию исторической памяти и интеллектуальной культуры. Она не имеет штата и состоит из людей, которые в разных наших отделениях занимаются этой проблематикой.

С.Э. Хотел узнать ваше мнение по поводу существующих подходов

к памяти. Я обратил внимание, что подход наших специалистов к памяти и подход американских и европейских исследователей различаются. Американцы и европейцы критикуют Пьера Нора — не в том смысле, что он неправ, а в том, что он описал феномен уже уходящий. Сейчас на Западе представлен целый спектр подходов к «памяти» — транснациональный, транскультурный, «путешествующий», разнонаправленный, глобальный, космополитический. При всех различиях их объединяет выход за национальные рамки. Российские авторы больше склонны рассуждать о национальной памяти. Как вы считаете, современная память действительно не вмещается в национальные «пределы», или национальная память еще долгое время будет иметь большое значение?

Л.Р. Национальная память имеет большое значение в связи с общей ситуацией — особенно в тех государствах, которые занимаются нациестроительством. Она всегда будет иметь большое значение. Но если говорить об исследованиях, я вижу, что эта проблематика подходит к этапу, который характерен для многих направлений — когда чувствуешь, что исследования развиваются вширь, но не вглубь. Так же развивались социальная история, гендерная история и др. — сначала был эффект новизны, а потом все пошло вширь. Увы, история памяти тоже, как мне кажется, зациклилась на этом этапе. Появляются новые этикетки, но это именно этикетки, они не углубляют проблематику, а просто дают разные названия. Это вызывает определенное беспокойство. Хотя есть еще возможность

думать, пытаться развивать какие-то новые и неожиданные направления и аспекты исследования.

Но меня сейчас больше волнует тема исторического сознания. Об этом много было написано. Я опираюсь на концепцию Михаила Абрамовича Барга. Мне приходилось с ним много беседовать. Это был потрясающий человек, он фонтанировал идеями. Так вот, он глубоко продумал проблематику исторического сознания. Йорн Рюсен, который потом писал об этом, как мне кажется, во многом следует Баргу. Я рада, что сейчас историки стали активно работать в этом направлении. Просто у нас был такой стереотип, что историческим сознанием должны заниматься социологи. Но они-то занимаются современностью, тем, как дело обстоит сейчас. А историк должен представлять, какое имеет значение историческое сознание для ориентации, регламентации и регулирования поведения людей — и сейчас, и в прошлом. Для историка это один из инструментов, один из способов понимания, почему тот или иной индивид или группа принимали те или иные решения. Только ли потому, что они стремились к власти или имели определенные материальные интересы? Или потому, что они имели определенную историческую память? Тут много интересного для историка. Но когда мы формулируем тему занятия как «историческое сознание» или что-то подобное, то нам говорят: «Так это же тема социологов!»

С.Э. Тема памяти вообще предполагает, что ей занимаются и историки, и социологи, и антропологи, и философы. Она рождается на пе-

ресечении различных дисциплин, и это очень хорошо.

Л.Р. Да, это направление и рождалось именно из снятия дисциплинарных ограничений. Даже название — memory studies — в русле похожих названий «gender studies», «cultural studies» — речь идет об исследованиях, а не о дисциплине. И сама проблема ставится как трансдисциплинарная.

С.Э. Мне это стало интересно, потому что я все время думал: «Чем историк может быть полезен обществу?» И обращение к памяти, как мне кажется, — это ответ на этот вопрос.

Л.Р. Совершенно верно. Это то, что я бы назвала прикладной историей.

С.Э. Хорошее слово!

Л.Р. Я вынуждена оперировать термином «публичная история», но мне он не очень нравится.

С.Э. Да, там рождается целый ряд нехороших ассоциаций.

Л.Р. Да, так же как с интеллектуальной историей, приходится все время объяснять, что это такое — что это не имеет отношения к публичным домам и т.д. Но тут дело в том, что у нас нет в языке адекватного термина, есть лишь заимствование. Как мне кажется, было бы как раз полезно предложить какой-то свой термин, я пока могу предложить только слово «прикладная». Тоже не очень красиво, но если исходить из деления наук на фундаментальные и прикладные, то это имеет смысл.

А что касается пользы — то да, публичная история — это как раз тот случай, когда появляется польза, появляется обращенность к «публике». Но «публика» — тоже не очень хороший термин, лучше — к обществу. Надо думать, обосновывать, вводить термины. Надо учиться у социологов — они очень внимательно относятся к своей терминологии. Историки в этом смысле менее аккуратны и часто путаются в понятиях. А теперь еще и философы хотят вернуть монополию на исследования памяти...

С. Э. Мне как раз в подходах к памяти нравится, что нет единой правильной теории. Каждый предлагает свой подход, и это хорошо, т. к. именно на основе конкуренции что-то интересное может появиться.

Л. Р. Совершенно верно. Кстати, когда появилось Общество интеллектуальной истории, у него главной установкой было — нет единой, единственно верной методологии. Никакого единственного подхода.

С. Э. С другой стороны, среди исследователей, которые вводят новые названия — «транснациональная память», «транскультурная память» и т. д., — идет своего рода борьба за свою этикетку. Конкуренция честолюбий присутствует. Но что их объединяет — они все говорят, что память не уместается в национальные рамки. Мне кажется, это очень важно.

Л. Р. Ну, меня несколько коробит этот тезис — «не уместается в национальные рамки». Они говорят, что национальные рамки малы, а на

самом-то деле, наоборот, хорошо бы идти к индивидуальной, региональной, локальной памяти — а не к глобальной. Глобальная память — это идеал. Как, знаете, есть императив: «историк должен стремиться к истине». Вот так мы должны стремиться к исследованию «глобальной памяти». Но тут возникает «проблема зеркала» — всегда должно быть что-то другое, инструмент, выходящий за рамки предмета, чтобы описать этот предмет объективно. Пока на земле не будет живых инопланетян, у нас не будет глобальной памяти. У нас нет пока этого зеркала. Поэтому меня сейчас больше интересуется региональная память. Кстати, обратите внимание, в последних работах по глобальной памяти все большее место занимают главы по региональной истории.

С. Э. Я согласен. Но переход от национальных рамок к местным, на мой взгляд, это форма осознания того, что есть что-то более общее, что нас объединяет...

Л. Р. Нет, тут другое. Региональная память идет от трансдисциплинарного направления региональных исследований (*area studies*). А это направление, в свою очередь, тоже развивалось как своего рода протест против национальных историй. В региональном масштабе такое исследование более реализуемо. Причем регионы понимаются по-разному — в основном с точки зрения региональной идентичности, а не территориального и тем более административного деления. Иногда мы имеем дело с регионами, которые вообще не укладываются в какие-то границы — они могут быть как над

административными границами, так и внутри любых административных границ.

С.Э. Из разговора о памяти логически вытекает вопрос о скандале с диссертацией самозваного руководителя исторической политики РФ Мединского. Не сможете ли вы прокомментировать эту злободневную тему?

Л.Р. Детально прокомментировать ее не могу, т.к. работу я не читала. Я читала только выдержки, но по ним могу сказать определенно: работу с таким названием я бы не допустила к защите. Проблема сформулирована неправильно, ненаучно. Что говорит и обо всем остальном.

С.Э. Расскажите о ваших творческих планах.

Л.Р. Они, как всегда, есть — ближние и дальние. Ближние — то, над чем я работаю не столько в плане исследования, сколько в плане подготовки к изданию результатов наших уже завершенных проектов. Но,

что интересно, когда правишь, что-то меняется, иногда в фокус попадет что-то, чего на подготовительном этапе не было. В ближайшее время планируется издание коллективной монографии «Историческая память и национальная идентичность».

А что касается дальних планов, то я собираюсь написать книгу по историческому сознанию и интеллектуальной культуре. И потом, еще есть идея подготовить второе издание моей монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI веков». С другой стороны, она есть в открытом доступе, я ее вывесила на academia.edu и вижу, что к ней часто обращаются, ее многие читают. Но если ее переиздавать, то надо основательно дополнить.

А про что-то уж совсем-совсем новое я пока не скажу. Это еще на таком уровне замысла, что пока рано об этом говорить.

С.Э. Спасибо большое за это интервью. Удачи вам в ваших научных и просветительских делах!

“I GOT GREAT PLEASURE FROM NEW KNOWLEDGE”.

Interview with L. P. Repina

Repina Lorina P. — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of General History of the RAS, Head of the Department of Theory and History of Humanities of the RSUH (Moscow)

Key words: Moscow University, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, research on British history in Russia, British historiography, methodology of history, Russian research in the field of intellectual history, historical memory.

Abstract. Lorina Repina, known not only as a specialist in British history, but also as the founder and permanent leader of the Russian Society for Intellectual History, talks about her path to historical studies, projects in the field of studying intellectual history, and shares her creative ideas.

«ВТОРЖЕНИЕ “ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ” В ПРЕДМЕТНУЮ ОБЛАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ИСХОДНО БЫЛО СВЯЗАНО С ВОЗНИКШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ В ФИКСАЦИИ ГРУППОВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.».

Интервью с И. М. Савельевой

(Июль 2016)

Ключевые слова: социология гуманитарного знания, историческая социология, историческая память, Высшая школа экономики в Москве.

Аннотация. Известный специалист в области исторической социологии и социологии гуманитарного знания рассказывает о своей научной карьере, участвует в исследовательских проектах, делится результатами своих исследований, излагает свое видение проблем изучения исторической памяти.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-259-271

Среди работ И.М. Савельевой: Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / отв. ред. И.М. Савельева. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Классическое наследие. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). СПб.: Алетей; М.: ГУ-ВШЭ, 2008; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом,

или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социология знания о прошлом (учебное пособие для вузов). М.: ГУ-ВШЭ, 2005; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: Теория и история. В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003, 2006; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: В поисках утраченного.

© Историческая Экспертиза, 2021

Савельева Ирина Максимовна — доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики (Москва), научный руководитель Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ

М.: Языки русской культуры, 1997; Полетаев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М.: Наука, 1993; Савельева И. М. Альтернативный мир:

модели и идеалы. М.: Наука, 1990; Савельева И. М. Профсоюзы и общество в США в XX в.: критика буржуазно-реформистских концепций. М.: Наука, 1983.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Почему вы решили стать историком?

И. С. Я выросла в семье историков, и, наверно, выбор профессии был этим определен. Хотя я не могу сказать, что до момента поступления на исторический факультет МГУ особенно интересовалась историей. Другое дело, что я всегда была включена в жизнь папы и мамы. Я знала, о чем они пишут, о чем размышляют, что они преподают. У них был очень интересный круг друзей, который в значительной мере состоял из известных в то время историков. То есть я была всегда в курсе того, что мы называем исторической дискуссией. Я ходила в школу в период оттепели, и тогда очень много говорили о сталинизме. Мои родители были участниками войны. Все их друзья тоже. Поэтому память о войне в нашей семье тоже значила очень много. Тем не менее я до последнего момента колебалась в выборе профессии. Это было связано с тем, что я училась хорошо и легко по всем предметам. Поэтому я выбирала между естественными и гуманитарными науками. Среди гуманитарных — безусловно, история была предпочтительней. Среди естественных — биология. Как раз тогда она стала модной дисциплиной. Если сказать честно, то окончательный выбор был сде-

лан потому, что мы жили в Риге, мой отец был проректором Латвийского университета. Он сказал: «Если ты хочешь быть биологом, тогда поступай к нам. На третьем курсе можешь целевым образом перевестись в МГУ». Родители, конечно, хотели меня еще на несколько лет задержать в семье. А я хотела в Москву. Русского потока на историческом факультете в Риге не было. Поэтому я решила, что буду историком.

На истфаке МГУ я с первых дней училась с большим интересом. Я часто говорю, что наше нынешнее представление о том, насколько историческое образование было зажато в догматические рамки «марксизма», на мой взгляд, во многом не соответствует действительности. По крайней мере, у меня и у многих моих университетских друзей опыт был иной. С третьего курса мы свободно ходили в спецхран ФБОНа, теперешний ИНИОН. Круг чтения, в том числе и новейшей западной литературы, во многом определяли наши преподаватели. Конечно, что-то мы и сами выбирали. Я специализировалась по истории США. Когда я оканчивала истфак, я была знакома с основными американскими трудами по истории, истории права, политэкономии и, меньше, по истории философии. И у нас это было нормой. Я не очень

хорошо знаю, что читали студенты на других кафедрах, но я предполагаю, что и у И.Д. Ковальченко, и у П.А. Зайончковского студенты тоже читали западную литературу. Мои родители дружили с Петром Андреевичем Зайончковским. В первые годы учебы я очень часто бывала у него в гостях и не уходила от него без книг, которые ему привозили его американские аспиранты. Причем не только исторические труды, но и, например, те романы Хемингуэя, которые тогда еще не были переведены на русский.

Специализировалась я по американской истории у Николая Васильевича Сивачева, человека очень далекого от меня, как бы мы теперь сказали, в культурно-социальном плане. Он был очень интересной личностью. В начале 1950-х гг. приехал из глухой деревни поступать в МГУ. Очень быстро вырос в сильного ученого. В конце 1950-х одним из первых советских историков-американистов отправился на стажировку в США. Своей увлеченностью и обаянием он покорила своих коллег по американским университетам. Даже Элеонора Рузвельт была им впечатлена. Когда я к нему пришла в 60-е гг., это был сформировавшийся исследователь, который разрабатывал совсем не марксистскую концепцию трудового права. Хотя мы занимались у него трудовыми отношениями в США, что, казалось бы, непременно требовало классового анализа, мы в семинаре Сивачева писали дипломы, используя не типичные марксистские клише о классовой борьбе, а концепцию национальных интересов, основы конфликтологии. Даже первые мои статьи отличались

от принятых в советской американистике подходов.

С.Э. Расскажите о вашей научной карьере.

И.С. После университета я поступила в аспирантуру в Институт международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР. Вопреки названию, это было «место встречи» московских гуманитариев. Тогдашний директор — Тимур Тимофеевич Тимофеев собрал много интересных людей, начиная от Юрия Карякина, известного специалиста по Достоевскому, Александра Лебедева, который выпустил прекрасную книгу о Чаадаеве, и заканчивая Виталием Вульфом, который увлекался театром. Мераб Мамардашвили работал в ИМРД в тот момент, когда я пришла. Туда принимали командами «изгнанников» из других институтов — группу Германа Дилигенского из ИМЭМО, сектор Александра Галкина из Института социологии. Там было очень интересно и довольно празднично. Кто-то занимался чем хотел, кто-то действительно рабочим движением, а кто-то и вовсе бездельничал. Но все пили чай и вели захватывающие беседы. Я довольно долго там пробыла. Лет десять, наверно.

Потом я перешла в ИМЭМО, где все было совершенно иначе. После этого я поняла, как складываются репутации институтов и как они могут не соответствовать тому, что реально происходит в этих учреждениях, в том числе и в научно-интеллектуальном плане. Мне кажется, что ИМРД был намного интереснее по атмосфере. Я защитила докторскую уже в ИМЭМО. В ИМРД

я занималась социальной и культурной историей рабочего движения, идя за американцами, и как историк существовала совершенно в контексте тогдашней западной историографии. В ИМЭМО я переклочилась на политические концепции. Впервые прочитала Гоббса, Локка, современных политологов. Докторскую писала по концепциям альтернативного мира 1970–1980 гг.: экологические движения и т.п. Эти политические концепции, вернее, их анализ мне показался делом довольно скучным. Я занималась этим недолго, хотя диссертацию и книгу писала с удовольствием, потому что шла перестройка, рухнули уже все устои и скрепы. Можно было свободно, а потому с вдохновением, размышлять о том, что же это на самом деле за концепции переустройства мира, которые, я думаю, вы со мной согласитесь, достаточно убогие.

В то время мы с Андреем Полетаевым уже начали писать вместе, но главное, начали издавать журнал «THESIS» (Theory and History of Economic and Social Institutions and Structures) — очень известный в свое время тематический журнал переводов самых важных статей по экономике, социологии и истории. Мы его делали увлеченно, собрали редколлегию из ведущих западных ученых. Потом узнали, что в отдаленные университеты России возили не только ксероксы, но даже конспекты «THESISa». Однако выпуская журнал, мы совсем перестали писать сами. Поэтому через три года мы просто волевым образом, хотя и не без страданий, «THESIS» закрыли и сразу же начали писать книгу «История и время. В поисках утраченного»

(1997), которая мне, наверно, дороже всего из того, что мы написали. Мы пришли к теме времени в результате работы над предыдущей книгой, посвященной циклам Н.Д. Кондратьева. Циклы Кондратьева — это большие периоды. Работая с ними, надо строить длинные ряды, искать механизмы возникновения циклов, переключатели. Все это вывело на тему времени. Когда меня спрашивали, о чем вы пишете книгу, я объясняла следующим образом: историки имеют дело со временем как никто другой. (Даже филологи не имеют дело с прошлым до такой степени, как историки, потому что филологи все-таки работают только с прошлыми текстами. А историки работают со всем социальным контекстом: политикой, культурой, экономикой, повседневностью и пр.) В то же время историки второй половины XX в. (за исключением Фернана Броделя и Рейнхардта Козеллека) практически не размышляли о том, что такое время и в чем специфика времени историка. Чем историческое время отличается от физического времени или времени экономиста, времени человека религиозного или человека с улицы. Мы решили написать книгу, в которой, с одной стороны, осветить разные подходы к категории «время» на протяжении двух тысячелетий, с другой — показать, что такое время историка и как историк работает с прошлым. Занимаясь проблемой времени, мы быстро вышли на то, что история — особая социальная наука, определить ее специфику точнее можно не по предмету и методу, а по критерию времени. Тогда мы доказывали, что ни по теоретическим, ни даже по методическим параметрам история радикально не отличается

от других социальных наук. Сейчас я считаю, что и по методу история тоже сильно отличается, и в этом проблема ее сциентизации. Но тогда для нас важно было показать, что главное — это критерий времени, что историки занимаются другими обществами и эти другие общества невозможно адекватно изучать, используя инструментарий социальных наук, ориентированных на объяснение современного социального мира.

От книги о времени мы пришли к книге о знании, о том, как конструируется знание о прошлом. В книге «Знание о прошлом: история и теория» (2003, 2006) развита наша концепция образов прошлого в разных символических универсумах. Мы показали, как, скажем, в религиозном знании прошлое конструируется одним образом, в идеологии — другим, в повседневной жизни — третьим. Теперь это довольно понятные вещи. Тогда это было впервые. Это большая книга, может быть, избыточно большая. Ее объем (два тома, более 1000 страниц) объясняется тем, что мы стремились к развернутому анализу, начиная от структуры реальности и социологии знания и заканчивая экспликацией способов конструирования образов прошлого в разных типах знания, потому что в то время идея о типах знания о прошлом совсем не была проговорена в научной литературе. Наши западные коллеги тоже говорили, что мы здесь пионеры. Потом было еще много книг, написанных вдвоем или с коллективом ИГИТИ. И работа над монографиями продолжается. Мне кажется, что результаты труда гуманитария полнее всего выражаются именно в книгах.

С.Э. ИГИТИ — это одна из наиболее престижных институций гуманитарного знания. Как возникла идея создать этот институт и как он развивается уже скоро 15 лет?

И. С. Идея создать ИГИТИ возникла не на пустом месте. У нас был большой проект в фонде Сороса, в рамках которого мы с коллегами перевели и издали более 400 фундаментальных исследований по различным направлениям социальных и гуманитарных наук. Этот проект мы воспринимали как миссию. И эти книги до сих пор все читают, они включены в программы разных вузов. У нас сложился сильный экспертный совет. Небольшой, человек восемь. Когда соросовская программа закрылась, мы, с одной стороны, остались не у дел. С другой стороны, за годы существования этой программы мы очень сильно продвинулись в междисциплинарном плане, так или иначе мы эти 400 книг отобрали, освоили, отрецензировали. В 2002 г. мы решили создать институт. Нас было совсем немного: М.Л. Андреев, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов и примкнувшая к нам в качестве молодого сотрудника Н.В. Самутина. Выбор университетов, куда мы могли обратиться, был невелик: РГГУ и ВШЭ. В РГГУ были свои проблемы в тот момент, еще не такие очевидные, как сейчас, но тем не менее. В ВШЭ тогда не было ни одного гуманитарного факультета. Однако Я.И. Кузьминов нас принял охотно, хотя сразу стало понятно, что у нас в Высшей школе экономики нет никакой среды. У целого ряда влиятельных экономистов возник вопрос, а зачем гуманитарный центр вообще нужен ВШЭ. Правда,

нас признали довольно быстро, и действительно мы почувствовали уважение.

А профессиональную среду пришлось вначале создавать, привлекая коллег извне. Мы проводили открытые семинары ИГИТИ, готовили первые коллективные публикации. Опирались на таких ученых, как Б. В. Дубин, С. Н. Зенкин, Н. В. Брагинская, Т. Д. Венедиктова. Они приходили на наши семинары, делали доклады, выступали оппонентами, приводили своих коллег. У меня с тех времен хранится большой список, озаглавленный «Друзья ИГИТИ». Несколько лет мы в Вышке прожили, можно сказать, в изоляции, которая сочеталась с хорошей известностью. Потом началась «гуманитаризация всей Вышки». Философский факультет стал для нас первым плацдармом, появились не только коллеги, но и студенты. Позже возникли факультеты культурологии, истории, филологии. Я не могу подсчитать, сколько книг мы сделали за годы существования ИГИТИ, потому что их не двадцать и не тридцать. Даже сейчас, когда от нас требуют прежде всего статьи в высокорейтинговых журналах (и мы их публикуем), список монографий сотрудников, запланированных на ближайшие пять лет, поражает и заставляет верить, что ничто не остановит книжного энтузиазма ИГИТИ.

В ИГИТИ четыре центра с очень несходной тематикой. У нас сейчас двадцать постоянных сотрудников, в основном все главные и ведущие, трое — известные зарубежные профессора, еще около двадцати сотрудников на проектных договорах.

В проектах бывало и больше, но в последние годы финансирование не позволяет привлекать дополнительных специалистов. К сожалению, сейчас мы не можем больше брать в штат молодых людей, хотя за три года работы магистерской программы «История знания в сравнительной перспективе» мы подготовили очень сильную смену. Те молодые люди, которых мы успели взять в институт, талантливы и преданы научным занятиям. Они ценят ИГИТИ, а мы ценим их. Я хочу сказать о наших воспитанниках, что за два года они превращаются в достойных ИГИТИ сотрудников, т. е. людей начитанных, понимающих, как надо заниматься исследованием, как надо жить в науке. Меня радует, что они очень привязаны к тому, что мы называем духом института, и готовы работать по гамбургскому счету. В ВШЭ есть система семинаров-проектов для учащихся, когда-то она называлась «Учитель-ученик». Теперь ей дали бюрократическое название «Научно-учебные группы». Потенциальный руководитель подает заявку на конкурс с проектом на год и с обязательствами, которые становятся все жестче. Всем участникам, включая даже студентов, за год надо опубликовать несколько статей. У меня есть семинар, который формально для аспирантов первого года, но на него приходят даже уже окончившие аспирантуру. Каждые две недели полная аудитория. Есть сугубо «молодежные» семинары, например, интересующий вас семинар по рецензированию, организованный нашими выпускниками. В общем в ВШЭ создана система очень разнообразных возможностей для молодых, и мы в ИГИТИ все их используем. Да

и ведущие научные сотрудники у нас тоже все молодые. Возраст примерно 40 лет, а все уже известные в своей области.

Кроме больших семинаров ИГИТИ у нас есть семинары центров. ИГИТИ — это в какой-то степени клуб. Мы собираемся не только на конференции, рабочие и презентационные семинары — часто наши текущие заседания заканчиваются посиделками. Раньше мы были побогаче, ходили в кафе. Сейчас едим пироги и устраиваем капустники у себя в институте.

С. Э. Поговорим о памяти?

И. С. Поговорим. Скажу честно, я не люблю обсуждать «историческую память» как научную проблему. Но раз уж вы спросили, предлагаю обсудить два тезиса, связанные с проблематикой «исторической памяти».

1. В последние десятилетия массовые или групповые представления о прошлом часто обозначают какими-то словосочетаниями, включающими слово «память» — коллективная память, социальная память, культурная память, историческая память. Все эти термины кажутся мне не слишком удачными, хотя бороться с ними уже, видимо, поздно. Тем не менее я все же считаю необходимым повторить ряд критических замечаний, сформулированных мной и Андреем Полетаевым еще в 2005 г. в статье «“Историческая память”: к вопросу о границах понятия» в коллективном труде «Феномен прошлого». Суть их состоит в том, что концепции «исторической памяти» не соответствуют современному уровню научных зна-

ний, в связи с чем я отнесла бы этот конструкт скорее к категории «бесполезных».

2. В то же время конструкт «историческая память» оказался необыкновенно привлекательным не только для идеологов различных «движений за память», но и для академических историков. Спектр работ по «исторической памяти» сегодня очень широк. Наверно, самый массовый срез представляют работы, анализирующие память о «травмах» XX в.: о войнах, Холокосте, ГУЛАГе и т. д. Появляется все больше исследований, сосредоточенных на изучении массовых представлений о прошлом («коллективной памяти») в разных исторических сообществах: знаниях о прошлом простых людей Средневековья, «культурной памяти» древности и т. д. Поскольку «историческая память» послужила в данном случае стимулом, надо признать, что она оказалась «полезной».

Несколько десятилетий развития нового направления — достаточный срок для выработки довольно согласованных представлений о факторах «повального увлечения» (выражение Я. Ассмана) темой памяти. Если говорить о внешних (не эпистемологических) причинах популярности и востребованности этой тематики, то они в целом сводятся к трем приметам нашего времени.

Во-первых, это — процесс возникновения социальных групп, формирующихся исключительно на основе прошлого: речь идет о непосредственных участниках тех или иных исторических событий. Потенциально группы такого рода существовали

всегда, но их институционализация — относительно новое явление. Процесс формирования социальных групп по принципу участия в каком-либо событии совпал с переворотом, связанным с появлением новых электронных средств фиксации, хранения и воспроизведения информации.

Раньше люди, пережившие эпидемию чумы, или участники, например, одного из Крестовых походов, или выжившие жертвы очередной резни вроде Варфоломеевской ночи впоследствии не образовывали никакой социальной группы и не имели возможности выразить свои воспоминания. В лучшем случае оставались письменные мемуары одного-двух грамотных участников этих событий типа Жоффруа де Виллардуэна и Жана де Жуанвиля или Анны Комниной и Никиты Хониата, Маргариты Наваррской или Теодора Агриппы д'Обинье, или краткие записи в хрониках какого-нибудь монаха. Теперь же фиксация, хранение и воспроизведение большого числа индивидуальных воспоминаний стали обычной практикой.

«Историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями, вплоть до придумывания своего участия в них. Отсюда возникают распространенные в последние десятилетия претензии отдельных групп участников (реальных или мнимых) тех или иных исторических событий на то, что имен-

но их воспоминания дают «правильную» картину этих событий, вплоть до активных протестов и попыток запрета иных, в том числе научных и художественных, описаний и трактовок происшедшего.

Во-вторых, это взгляд на культурную традицию модерна как на что-то завершившееся или завершающееся на наших глазах. Историзация как бы компенсирует утрату значимости того или иного явления, происходящую в настоящем. Ныне настоящее, как никогда ранее, способно воспринимать себя в качестве «будущего прошлого», целенаправленно обеспечивая материалами грядущие исторические исследования. Таким образом, вторжение «исторической памяти» в предметную область исторической науки исходно было связано с возникшей общественной потребностью в фиксации групповых воспоминаний второй половины XX в.

Интерес к феномену «историческая память» проявляют отнюдь не только историки, но и представители других дисциплин: социологии, социальной психологии, культурной и социальной антропологии, специалисты в области политических технологий, массовых коммуникаций и т.д. Иногда эти штудии влияют друг на друга (хотя при этом, к сожалению, междисциплинарные взаимодействия осуществляются не всегда достаточно профессионально), иногда ведутся независимо и изолированно.

К сожалению, многообразие подходов, концепций, моделей и результатов, полученных в рамках социо-

логии, культурной антропологии и психологии, пока, насколько мне известно, практически не нашло применения в изучении социальных (обыденных) представлений о прошлом. Подавляющее большинство авторов, пишущих об «исторической памяти», оперирует, как правило, лишь некоторыми идеями, в лучшем случае отражающими уровень научных знаний первой половины XX в. В этой связи достаточно упомянуть хотя бы популярные у многих историков идеи Мориса Хальбвакса, сформулированные в 1925 г. в исследовании «Социальные рамки памяти». Эта работа вполне укладывалась в рамки передовой психологической науки 1920-х гг. Однако, как заметил Я. Ассман, Хальбвакс не ограничился анализом «социальных рамок» памяти, а «пошел еще дальше, объявив коллектив субъектом памяти и воспоминания, создав понятия “групповая память” и “память нации”, в которых понятие памяти оборачивается метафорой».

Антропоморфизация коллективного субъекта постоянно воспроизводится при использовании понятия «коллективная память» в современной литературе, в том числе путем переноса на массовое сознание ряда понятий из психоанализа («травма» и др.), а также различных психических расстройств, выражающихся в нарушении памяти — амнезия, гиппермнезия и т. д.

Из-за этого более современно мыслящие авторы стараются использовать паллиативные термины, не несущие на себе явный отпечаток представлений о существовании «коллективной психики», например, «культур-

ная память», «социальная память» и др. Однако связывать, а тем более отождествлять представления (знания) о прошлом с памятью, на мой взгляд, неверно в принципе. Как известно любому современному психологу, память является лишь одним из компонентов когнитивной системы и составной частью процесса восприятия, усвоения, переработки, хранения и воспроизведения информации. Поэтому память имеет такое же отношение к знаниям о прошлом, как и к знаниям о настоящем и о будущем, и вообще к любым знаниям (представлениям).

«Историческая память» по-разному интерпретируется отдельными авторами-историками: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции (отсюда — изобретение традиций и установление «мест памяти» в современном обществе); как индивидуальная память о прошлом; как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах; как «коллективная память» о прошлом, если речь идет о группе, и как «социальная память», когда речь идет об обществе; как идеологизированная история, более всего связанная с возникновением государства-нации; наконец, просто как синоним исторического сознания.

Есть и другие варианты. «Историческая память» трактуется как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. В этом случае массовое знание о прошлой социальной

реальности и есть содержание «исторической памяти». Или: «историческая память» представляет собой опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы их вспомнить).

В определенной степени новый конструкт «историческая память» в наши дни начинает подменять понятие «историческое сознание», столь привычное для рефлексии по поводу ментальности современного человека. В тех же случаях, когда от «сознания» не отказываются, возникают большие трудности с разведением этих категорий. В целом из теоретически не проработанного материала следуют интерпретации, которые либо не вполне корректно используют потенциал нового концепта, либо вообще кажутся непродуктивными или избыточными.

Теперь перехожу к тезису об эвристической полезности «исторической памяти». В последние годы в противоположность теоретической рефлексии по поводу «исторической памяти», которая отличается противоречивостью формулировок и недодуманностью трактовок, эмпирические исследования выглядят гораздо более согласованными в своих подходах. По существу термин начал использоваться при анализе групповых (социальных) представлений о прошлом в противоположность индивидуальным представлениям/знаниям. При этом чаще под «исторической памятью» подразумеваются

непрофессиональные («обыденные» «массовые») представления о прошлом в противоположность профессиональным знаниям.

Изучая содержание «исторической памяти», историки активно используют методы социальной или культурной антропологии. Причем эти методы применяются и к прошлым обществам, и к ныне существующим (в последнем случае — наряду с социологическими методами). Однако использование культурно-антропологических методов требует большой осмотрительности. Нередко в работах, анализирующих современные массовые представления о прошлом, обнаруживаются признаки «анахронизмов с обратным знаком», когда современному обществу приписываются формы представлений, характерные для предшествующих эпох. Посмотрите на бум вокруг книги Я. Ассмана, которая посвящена, во-первых, древним культурам, а во-вторых, не исторической, а «культурной памяти». Тем не менее на нее ссылается почти любой автор, чьи интересы обращены к проблеме представлений о прошлом. На самом деле вряд ли можно согласиться с попытками экстраполяции культурно-антропологического подхода, правомерного по отношению к обществам с устной культурой, на современное общество, в котором действует гораздо более сложная система передачи и аккумуляции знания, включая структуры массового образования или Интернет.

Применительно к прошлым обществам возник интерес и, по существу, начинает складываться особое направление исследований — изучение

представлений о прошлом на нетрадиционном материале, выходящем за рамки собственно исторических сочинений и хроник. Для этого активно используется эпика и различного рода источники, характеризующие представления о прошлом «простых людей». Все это, конечно, очень условно. «Простые люди» Средневековья и раннего Нового времени, о взглядах которых мы можем судить по оставленным ими текстам, были не очень «простыми», поскольку они умели писать. Весьма дискуссионным является и вопрос о том, насколько, скажем, исландские саги, записанные в XIII в., отражают «массовые представления» скандинавов первого тысячелетия нашей эры.

Экстраполяция содержания эпосов на обыденные представления в целом вызывает и другие содержательные вопросы. Исследования социальных антропологов свидетельствуют, что представления о прошлом членов даже примитивного племени, жившего на каком-нибудь тихоокеанском острове в первой половине XX в., имели достаточно сложную структуру, не сводимую к какому-нибудь одному мифу или легенде. Сами эти мифы и легенды воспринимаются членами племени с большой условностью, да и легенды тоже могут довольно быстро видоизменяться, как показал еще Бронислав Малиновский.

Еще больший скептицизм в отношении возможностей реконструкции массовых представлений о прошлом дают исследования современного состояния дел в этой области. Массовые представления о прошлом, во-первых, необычайно сильно дифферен-

цированы по различным социальным стратам (даже простейшим — по полу, возрасту, уровню образования, месту поселения). Но главное — они очень быстро меняются во времени. Конечно, в прошлом общества были менее дифференцированными и скорость социальных изменений, в том числе в «общественном сознании», была существенно ниже. Тем не менее пренебрежение социальной стратификацией и изменчивостью социальных настроений применительно к обществам прошлого, особенно обладавшим письменностью, с неизбежностью дает сглаженную картину.

Конечно, и в современном обществе можно обнаружить следы архаичных способов сохранения и воспроизводства общественно значимого знания о прошлом, к каковым относятся многие праздники, ритуалы, символика. В связи с такой постановкой вопроса задача историков часто и заключается в том, чтобы описывать образы, в которых когда-то жила «коллективная память» и в которых она существует в наши дни. В этом случае применение понятия «историческая память» именно к этой, четко очерченной области представляется вполне оправданным. Более того, как это и бывает при появлении нового ракурса, в поле зрения историков оказываются интереснейшие сюжеты и композиции: «изобретение традиций», «места памяти», «образы прошлого».

Может быть, самой привлекательной, самой доступной, изобилующей материалами (как текстами, так и образами) и самой разработанной в исторических исследованиях,

ориентированных на проблематику «памяти», темой оказалась «политика памяти». Общество Нового времени, осознавшее собственную новизну и становление как модус своего бытия, нуждалось в опоре на единые правила и ценности и на общее прошлое. Конструирование этого прошлого заключалось в разных практиках: в организации документальной базы, в актуализации античного и средневекового наследия, в «изобретении традиций», в историко-философских конструкциях развития человечества, в возникающих партийно-политических интерпретациях истории, в организации массового исторического образования, монументальной пропаганде и т. д.

Лишь относительно недавно историки стали рассматривать все эти практики как элементы некоего общего процесса формирования представлений о прошлом, в том числе и на уровне массового сознания. Интерес к этой теме реализуется не только в попытках определить содержание социальных представлений о прошлом, но и в стремлении выявить механизм их формирования. Наиболее доступной для анализа оказалась политическая (точнее, властная) составляющая этого механизма. Именно поэтому «политика памяти» выглядит самой разработанной в исторических работах, ориентированных на проблематику «исторической памяти». Таким образом, изучение «политики памяти», помимо бесконечных возможностей для анализа конкретных сюжетов, создает предпосылки для ответа на более общий теоретический вопрос: как создаются социальные представления о прошлом и формируются национальные символы?

В первую очередь эта тема связана с изучением роли политического проекта и, соответственно, заказа по формированию и закреплению достаточно конкретных знаний о прошлом, задающих определенные социально-политические цели и ценности. «Историческая память», в контексте «политики памяти», трактуется, прежде всего, как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое. Поэтому востребованность такого понятия, как «политика памяти», отражает и смену интересов в предметной области, в результате которой целый ряд историков переключился с изучения идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории — на культурную политику.

С. Э. Мы можем договориться, что знания о прошлом — это память?

И. С. Наверно, нет. Наоборот, то, что называют памятью — это знание о прошлом. Память — это то, что ограничено личным опытом.

С. Э. А если мы это назовем не памятью, а знанием о прошлом, какие вы видите проблемы взаимодействия российского знания о прошлом с тем, что существует на Западе?

И. С. В книге «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю» (2008) мы с Андреем Полетаевым на материалах многочисленных опросов показали, что для обычного человека политическая история других стран не важна. О культурной истории в мировом масштабе он знает больше: о писателях, композиторах,

художниках, путешественниках, артистах, спортсменах. А в области политической истории знания «чужого» прошлого минимальны. Чужая история не служит базой для групповой идентификации, и требовать или ждать ее лучшего усвоения, наверно, нет смысла. Мне трудно представить также, что для человека современно-

го может быть значимо глобальное прошлое. «Человек мира» — явление редкое. Глобальная история еще не написана, а та, которая пишется сейчас — big history (иногда ее начинают даже до возникновения жизни на Земле) — мне кажется, так же абстрактна для индивида, как и большие величины.

"THE INVASION OF 'HISTORICAL MEMORY' INTO THE SUBJECT AREA OF HISTORICAL SCIENCE WAS ORIGINALLY ASSOCIATED WITH THE EMERGING SOCIAL NEED TO RECORD GROUP MEMORIES OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY".

Interview with I. M. Savelyeva

Savelyeva Irina M. — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Higher School of Economics (Moscow)

Key words: sociology of humanitarian knowledge, historical sociology, historical memory, Higher School of Economics in Moscow.

Abstract. A well-known specialist in the historical sociology and the sociology of humanitarian knowledge talks about her academic career, participation in research projects, presents the results of her research, sets out her vision of the problems of studying historical memory.

«В НАЧАЛЕ МОЕЙ РАБОТЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ Я ОТ ИСТОРИИ УШЕЛ, И ОЧЕНЬ ДАЛЕКО, НО ПОТОМ Я К НЕЙ ВЕРНУЛСЯ».

Интервью с Н. К. Сванидзе

(Сентябрь 2017)

Ключевые слова: семейная память, Московский университет, советская американистика, российское телевидение, популяризация исторических знаний.

Аннотация. Известный журналист, телеведущий и популяризатор истории Николай Сванидзе рассказывает о своем творческом пути.
DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-272-283

Н. К. Сванидзе является автором работ: Политика, женщины, футбол. СПб.: Амфора, 2006; Медведев (в со-

авторстве с женой Мариной Сванидзе). СПб.: Амфора, 2008.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Обычно мы спрашиваем собеседника, почему он решил стать историком. Я бы хотел, чтобы вы отметили, сказалось ли в вашем случае семейное влияние? С одной стороны, ваши дед и бабушка были видными большевиками, т. е. деятелями истории. С другой стороны, ваша мать — известный историк, специалист по Средневековью.

Н. С. Я думаю, что семейная история вряд ли повлияла на выбор моей профессии. По материнской линии бабушка с дедом были в большей

степени рядовые люди: бабушка была преподавателем английского языка в Военной академии. Она прекрасно знала английский язык, хотя, как это было свойственно людям ее поколения, ни разу в жизни не была за границей. Как она его выучила, одному Богу ведомо, но знала она его превосходно. Дед был военным летчиком, военным инженером. После войны он на несколько лет «присел», сказав что-то не то в застольной беседе. На него стукнул его заместитель, чтобы занять его место. Это достаточно стандартная история.

© Историческая Экспертиза, 2021

Сванидзе Николай Карлович — тележурналист, историк, профессор, заведующий кафедрой журналистики Института массмедиа РГГУ (Москва)

Он вышел в 1954 г., незадолго до моего рождения, был реабилитирован. Я его уже видел прямым, стройным, худощавым, всегда уступающим место женщинам в транспорте, но уже не по годам дряхлым человеком. Несколько лет в лагере не прошли даром. По отцовской линии — были большевики. Дед происходил из мелкой дворянской грузинской семьи. Его отец, мой прадед Самсон Сванидзе был священником. У него было двое сыновей. Мой дед пошел по штатской линии, получал образование в Петербурге, а потом ушел в революцию. Его другой сын, брат моего деда, был офицером царской армии, причем гвардейским офицером, очень красивый, высокий человек. После революции он снял с себя погоны и прожил долгую частную жизнь простого, очень хорошего, порядочного человека, далекого от политики. Он жил в Сухуми. А дед, который был большевиком и очень образованным человеком, был первым секретарем Тбилисского обкома партии, заместителем председателя Совнаркома Закавказской Федерации. То есть довольно большим чиновником. Он был близким другом Орджоникидзе. Одно время у него в подчинении был Берия. Потом они рассорились. Когда Берия пришел к власти, деду пришлось уехать. Орджоникидзе перенаправил его министром на Украину. И там его взяли прямо в кабинете Косиора в 1937 г. во время Большого террора. Через две недели взяли Косиора. Мой дед просто исчез. Потом, долгие годы спустя, когда бабушке показывали документы о его реабилитации, выяснилось, что он был даже не расстрелян, а просто убит на допросе. По-видимому, его сильно били, по-

скольку он был молодым и здоровым человеком. Ему было 42 года.

Отец мой тогда был еще мальчишкой. Потом бабушка взяла его в Москву. В тот же вечер, когда они уехали в Москву, в Киеве за ней пришли, но поцеловали замок. Но про нее как-то забыли, видимо, потеряли интерес... Неизвестно, что за история там была. Может, ее объявили в республиканский розыск, не во всесоюзный. В общем, ее потеряли из виду. Она прошла Гражданскую войну, состояла в партии с 1916 г., была первым секретарем одного из райкомов в Тбилиси, в Киеве тоже. С дедом они познакомились по партийной линии.

С. Э. Ее исключили из партии?

Н. С. Разумеется. Сразу, когда в Киеве арестовали ее мужа, от нее требовали, чтобы она вышла из партии. Она положила партбилет на стол, взяла сына в охапку и поехала в Москву, в Дом на набережной, недавно к тому времени построенный, к своей сестре, которая была замужем за парторгом крупного экономического института Иваном Анчишкиным. Сын его, Александр Иванович Анчишкин, мой дядя, в перестроечные годы был довольно известным экономистом, академиком.

Моя бабушка оставила родственникам своего сына, моего отца, а сама уехала в Подмоскowie, где нанялась уборщицей. Держала, что называется, «низкий профиль». В общем, про нее забыли.

Мой отец пошел на фронт, прошел всю войну, окончил 10-й класс

вечерней школы, которую не успел окончить до войны. И как фронтовик поступил на истфак, а на вступительных экзаменах познакомился с моей мамой, которая поступала туда после школы.

Мои деды и бабушки вряд ли повлияли на выбор моей профессии, хотя бабушка по отцовской линии прожила очень долгую жизнь. Я ее очень хорошо помню. Она умерла, когда я был взрослым человеком, уже пошел работать на телевидение. Однако на мой интерес к истории моя семья, несомненно, повлияла. И тут есть два обстоятельства. Во-первых, все же мои родители историки, а, во-вторых, у меня в школе никак не складывалось с естественными дисциплинами. Может быть, из меня бы и вышел Ландау, если бы у меня был талант Ландау. Но таланта Дау у меня явно не было. Мне хватало таланта, чтобы по алгебре, физике и химии еле-еле тянуть на тройку. А по гуманитарным предметам у меня все было слава Богу. Я читал книжки, мне нравилась история. Родители историки, поэтому сам Бог велел, чтобы я пошел на истфак, о чем, в общем, я не жалею.

С.Э. Кто были ваши университетские учителя, кто оказал на вас влияние?

Н.С. В университет я поступил в 1972 г., окончил в 1977 г. Знаете, учителя были разнообразные, была сильная профессура. Кто-то еще сохранился с гимназическим образованием. В том числе там были люди, которые преподавали моим родителям. Был старик Авдиев, и Бокщанин по Античности. Были замечательные преподаватели по русской истории,

археологии. Даниил Антонович Авдусин преподавал нам археологию, мы с ним ездили в экспедиции.

Потом я пошел на кафедру новой и новейшей истории Запада. Там моим научным руководителем был Евгений Федорович Языкков, специалист по США, заведующий кафедрой. У нас была блестящая плеяда американистов. Конечно, мне было у кого учиться.

Новая и новейшая история только относительно может считаться историей, она была на грани истории и политологии, но политологии как таковой в то время не было. Тема моей дипломной работы была «Уотергейтское дело». У кого-то из моих однокурсников были темы, связанные с США XVIII в. Это была уже более рафинированная история.

Безусловно, это не то, чем занималась моя мама, потому что она историк в полном смысле этого слова. Она занималась западным Средневековьем. У нее была узкая специализация: Скандинавия, Швеция. Последние годы она писала книжки по викингам. Ее самая последняя книга так и называлась «Викинги — люди саги: жизнь и нравы», которую выпустило издательство Ирины Дмитриевны Прохоровой, т.е. НЛЮ. Книга описывает ежедневный быт викингов по материалам исландских саг. Это научная монография, но читается она как роман. Ведь была проделана очень четкая работа с источниками. Некоторые ее ранние книги по генезису средневекового города очень трудно читать даже мне, профессиональному историку. Это достаточно сложное

чение. У историков-медиевистов свой понятийный аппарат. Это действительно история в полном смысле слова. Историки Античности, историки-медиевисты, чем бы они ни занимались — нашей историей, историей Запада, историей Востока — это настоящие историки. Сейчас это все в очень большом загоне, поскольку я знаю, какова ситуация в академических институтах. Там очень большой поколенческий разрыв. Молодые люди туда не идут, потому что там денег мало платят. На самом деле это имеет очень тяжелые долгоиграющие последствия. Это ужасно, потому что это ведет к интеллектуальному падению нации, в конечном счете к варваризации нашей жизни. Тогда академическая карьера была вполне статусной, престижной. Академик — это был олимпиец, просто небожитель. Стать академиком... 500 рублей будьте-нате просто за академическое звание, и тебе сам черт не брат! Сейчас совершенно другое представление об академической науке, карьере. На мой взгляд, низкий статус фундаментальной науки — одна из самых больших наших сегодняшних проблем. Гуманитарной науки в особенности. Но это имеет свои причины, потому что фундаментальная наука при советской власти была востребована и вполне функциональна. Несмотря на свою фундаментальность, она имела выход на прикладные вещи. Естественники, грубо говоря, работали на ВПК, а гуманитарии, грубо говоря, — на идеологию. Поэтому, конечно, молодые люди шли в академию, чтобы построить академическую карьеру. Кандидат наук — это все-таки был кандидат наук, а доктор — это просто умереть не стыдно.

А теперь вся жизнь «в короткую». Можешь сделать новый пулемет или новую ракету — давай! Не можешь — все твои математические выкладки просто не нужны. И никакие Ландау нам, строго говоря, не нужны. Поэтому эти будущие Ландау уезжают, а там, в США, получают Нобелевские премии. А историки, философы тем более не нужны, потому что какая к черту идеология? Нам не нужна никакая идеология, и история нам не нужна! Потому что история сейчас воспринимается как набор мифов, которые каждая власть сочиняет так, как считает нужным. И для этого не нужно профессионально знать историю. Читайте замечательный рассказ В.М. Шукшина «Срезал», там об этом все написано. Поэтому все это не востребовано и в конечном счете не нужно. Это своя, отечественная история, я уже не говорю о средневековой истории Швеции, которой занималась моя мама. Это просто какие-то слезы. В данном случае Швеция — это как образ. С таким же успехом можно говорить о Франции, Англии и других странах. Это просто не нужно государству, и государство на это денег не тратит. К сожалению, все фундаментальные науки, включая историю, в загоне, и это будет иметь для нашего культурного уровня, для нашей конкурентоспособности в мире, которая определяется во многом культурным уровнем, долгоиграющие, катастрофические последствия.

С.Э. Как вы попали в Институт США и Канады АН СССР?

Н.С. По распределению. Это был академический институт. Он был необычный своим названием — «Институт США и Канады». Платили

там, как во всех академических институтах, т.е. очень мало. Если тебе везло, то ты ездил в командировки в Штаты. По советским временам каждая советская командировка — это верх жизненных желаний любого советского человека. Это как в аду побывать, но очень приятном. То есть ты делаешь вид, что был в аду, а на самом деле понимаешь, что был в раю. Я туда не ездил. Я первый раз побывал в Штатах совершенно по другой линии — по линии школьного обмена, которым занимался академик Велихов. Я поехал на две недели сопровождать школьников. Это было перед самым моим приходом на телевидение — в 1990 г. Я как раз тогда уходил из института. За 13 лет пребывания в институте я ни разу не был в США и Канаде. Но там было очень интересно, и это большая заслуга академика Георгия Аркадьевича Арбатова (сейчас уже его сын Алексей Георгиевич Арбатов — академик). Георгий Аркадьевич был очень знающим, с весьма приличной репутацией, уважаемым человеком, фронтовиком. Такой советский либерал. Он был из группы тех интеллектуалов, которые имели доступ в самые высокие кабинеты. Например, Примаков, Иноземцев, Бовин, Арбатов, которые работали под Андроповым. Они были вхожи и к Брежневу, были лично с ним знакомы, были его спичрайтерами. Почти все они были членами ЦК партии в разное время. Их аппаратный вес был высок. Поэтому Георгий Аркадьевич имел возможность прикрывать свой институт от разных бед, насколько это было возможным в тоталитарном государстве. Это в некотором смысле был такой заповедник, отстойник достаточно свободных и свободно мыслящих людей. Много

кто из известных людей вышел оттуда и в премьеры, и на телевидение.

С.Э. Например...

Н.С. Например, там я познакомился со своим нынешним многолетним начальником — председателем ВГТРК Олегом Борисовичем Добродеевым. Там же работал один из основателей НТВ Игорь Евгеньевич Малашенко, знаменитый экономист Николай Петрович Шмелев, мой научный руководитель Андрей Афанасьевич Кокошин, который потом был первым заместителем министра обороны РФ, а потом стал деканом факультета мировой политики МГУ, академик. Там же заведовал сектором Владимир Петрович Лукин, позже посол Российской Федерации в США, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Там же работал мой нынешний коллега, известный историк и политолог Сергей Александрович Караганов. И это только поверхностная часть компании.

С.Э. В советское время институт выполнял экспертную функцию? Власть прислушивалась к рекомендациям ученых?

Н.С. Мы постоянно писали записки в компетентные структуры, в частности, в ЦК партии. У меня была тема, возможно, на данный момент недостаточно интересная, но тогда это было остро актуально, я писал по энергетическому кризису, о том, как президент Картер справляется с ним. Кроме того, я писал по Совету национальной безопасности США. У каждого из нас была своя специализация. Эти записки не превышали парочку страниц машинописного

текста, поскольку больше высокое начальство, как известно, не читает.

Такие записки писались в Академию наук, МИД, Министерство обороны. Кроме того, выполнялась чисто научная работа: выпускались монографии, всевозможные книги. Надо сказать, что наш институт оказывал какое-то воздействие на принятие решений. Экспертное мнение института было востребовано. Прежде всего, конечно, мнение академика Арбатова, но не только его самого. В общем, советовались. Хочу сказать, что это разительный контраст с тем, что происходит сейчас, когда мнение экспертного сообщества вообще никого не интересует. А тогда интересовало. Когда начиналась война в Афганистане, эксперты успели добежать и сказать: «Ребята, что вы делаете?! Вы не представляете, что такое Афганистан, что такое мусульманский мир. Вы лезете туда, откуда потом не сможете вылезти». Тот же Арбатов, например, об этом говорил, но в Политбюро ЦК и Министерстве обороны возобладали низкоквалифицированное мнение ястребов. Но нужно сказать, что в нашей среде это обсуждалось. Просто нас не послушали. Сейчас бы никто слушать не стал, а тогда нас спросили. Мы имели академический вес. Сравнить это с нынешним весом академических институтов просто нельзя.

С. Э. Когда смотришь, в каких дворцах находились институты Академии наук, понятно, что идеология Просвещения у советской власти, при всех ее недостатках, все же присутствовала.

Н. С. Разумеется. К слову, сейчас Институт США и Канады потерял глав-

ное — здание, в котором он находился, которое располагалось в Хлебном переулке. Но нынешние лоббистские возможности уже несопоставимы. При академике Арбатове отобрать здание было просто невозможно.

С. Э. Почему вы не защитили диссертацию?

Н. С. Знаете, нет объяснения. Диссертация была написана, кандидатские минимумы сданы, но когда это все было сделано, мне уже было неинтересно. Во-первых, мне уже было чуть за 30, а в этом возрасте добрые люди, как мне казалось, докторскую должны защищать, а я тут с кандидатской. Тема моей работы, связанная с энергетической политикой, меня не очень захватывала. Как-то я потерял к ней интерес. Во-вторых, началась пертурбация в стране, начались революционные изменения, которые мне были гораздо интереснее, чем тема моей диссертации. Употребляя жаргонное выражение, я на нее «забил». Сначала как бы не торопился, а потом, когда все было готово, я на нее «забил». Пришли совершенно другие времена.

С. Э. Почему вы перешли из академии на телевидение?

Н. С. Последние годы работы в Институте США и Канады я активно репетиторствовал, для того, чтобы прокормить семью, преподавал историю, обществоведение. Но это довольно нестабильная работа, без уверенности в завтрашнем дне. Когда мои друзья пригласили меня на телевидение, я согласился. Это Евгений Киселев, с которым мы дружили с университетской скамьи, он учился в Институте

стран Азии и Африки, и через сеть дружб, романов и так далее мы с ним подружились на втором курсе. А он дружил с Олегом Добродеевым. Когда в 1990 г. был подписан приказ о создании Российского телевидения, они меня позвали на эфир, как грамотного человека, «патроны подносить». С 3 января 1991 г. моя трудовая книжка на Российском телевидении. Через некоторое время из подносчиков патронов я превратился в человека, который ими стреляет. Принять решение было несложно, потому что мне сразу предложили должность комментатора. Это очень высокая телевизионная должность. Многие уважаемые люди помирали на этой должности, и не стыдно было. А мне сразу ее предложили вместо «здрасте».

Комментатор — это звание, как и полковник, между прочим. Полковник — он и есть полковник, неважно где. Вначале я был комментатором, который ничего не комментировал. Потом очень быстро я стал комментировать, работать в кадре. Моя зарплата равнялась практически той сумме, которая складывалась из моей работы в Институте США и Канады, репетиторства и преподавания в Историко-архивном институте РГГУ. Я вертелся как белка в колесе, а тут мне предложили практически те же деньги за место на одной работе. К тому же работе интересной и перспективной. Грех было долго размышлять. Хотя я размышлял, потому что я обещал перейти на полную ставку в Историко-архивный институт РГГУ. Я работал на кафедре у замечательной Натальи Ивановны Басовской, которая была школьницей моей мамы. Она меня к себе звала, предлагала доцента, я уже дал согласие, и мне было

неудобно отказаться, но тем не менее мне предлагали вещи, от которых тоже было сложно отказаться. Я всегда с огромным уважением относился к Наталье Ивановне. Когда я к ней пришел, Наталья Ивановна, как человек на земле стоящий, спросила: «Николай Карлович, какую зарплату Вам там предлагают?» Я сказал, и она все поняла. Этот момент сыграл не последнюю роль. Но это был рубеж 1990–1991 гг., в общем, у ворот стояла прямая голодуха.

Потом и драйв пошел, и все на свете.

С.Э. Но тем не менее на телевидении вы от истории не ушли.

Н.С. Я к ней пришел. В начале моей работы на телевидении я от истории ушел, и очень далеко, но потом я к ней вернулся. Вначале я был комментатором, политическим обозревателем. Я очень долго занимался исключительно современностью, внутренней политикой сегодняшнего дня. Я вел разные программы: «Контрасты», «Подробности», «Зеркало», итоговые программы дня или недели, которые имели весьма косвенное отношение к истории. Исторический сюжет всплывал исключительно случайно.

Но вот в начале этого века возник проект под названием «Исторические хроники», и тут я действительно вернулся к своему образованию, к своей первоначальной базе. Руководителем проекта, автором всех текстов в «Исторической хронике» является моя жена Марина, которая тоже оканчивала исторический факультет, но она на два года моложе меня, а я скорее выступаю в роли редактора и ведущего.

С.Э. В 2000-х гг., когда о политике говорить стало сложно, вы ушли в историю.

Н.С. Так получилось, что говорить все, что я хотел сказать о политике, было сложно, а говорить про историю — очень интересно.

С.Э. Вы замечаете, что говорить на исторические темы становится сложнее?

Н.С. Смотря о чем. Если говорить об истории, близкой к современности, то «да», поскольку это скорее политика. О давней истории говорить можно. Нельзя сказать, что все замечается под лавку.

С.Э. В советское время историки старались не заниматься XX в., поскольку там был жесточайший идеологический контроль, а вот XIX в. и более древние времена контролировались не столь тщательно. Существует ли нечто подобное на современном телевидении? Есть ли исторические темы, которые подвергаются цензуре?

Н.С. Нет. Но, может быть, сейчас цензура и появится, поскольку появилось большое количество скреп и сакральных мест. Пойди теперь и поговори о предвоенном периоде, о пакте Молотова — Риббентропа, о советско-германских отношениях перед войной, о взаимоотношениях со странами Балтии того времени, обстоятельствах их присоединения, Финской войне, присоединении Западной Белоруссии и Западной Украины, не уверен, что это сейчас возможно, не знаю...

Я об этом говорю в своих эфирах на радиостанциях, в своих интервью,

но насколько это возможно на телевидении — не знаю, не пробовал...

С.Э. Хотелось бы что-то узнать о вашей деятельности в качестве члена Общественного совета при Федеральном архивном агентстве.

Н.С. Ничего интересного я здесь сказать не могу. Такая комиссия есть, но я в ней играю довольно пассивную роль. Мы собираемся, какие-то решения принимаем заочно, т.е. по электронной почте. В основном это рабочие вопросы, ничего фундаментального на моей памяти там не принималось.

С.Э. Чем на деле занималась Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России?

Н.С. Ничем не занималась. Она заседала при мне три или четыре раза, после чего была распущена по факту. По-моему, юридически ее никто не стал распускать, но по факту она перестала собираться. Там были собраны очень серьезные люди. Но меня с самого начала смущало ее название: что значит «противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»? А что, есть такие фальсификации, которые соответствуют интересам России? Главную задачу комиссии я видел в раскрытии всех архивов.

С.Э. В 1994 г. вас наградили орденом «За личное мужество». Это связано с событиями октября 1993 г.?

Н.С. Да. Но роли у меня никакой не было. Мы вместе со Светланой

Сорокиной всю ночь вещали в эфире Российского государственного телевидения. Все остальные каналы перестали работать. Эфира из Останкино не было. Мы вещали с 5-й улицы Ямского Поля, вокруг нас действительно ходили банды с вооруженными ребятами. Совершенно неясно было, чем это все закончится. Никакой охраны у нас не было. Но мы говорили в эфире то, что думали. И это был единственный российский канал, который работал в ту ночь, который можно было включить и получить информацию достаточно объективного свойства о том, что власть еще не пала, что власть та же, что президент в Кремле.

С. Э. Ваша мать училась вместе с известным историком и популяризатором истории Н. Я. Эйдельманом, с будущим академиком Н. Н. Покровским. Эйдельман привлекался к так называемому делу «группы Краснопевцева», а Покровский по этому делу отсидел 6 лет. У вас есть какая-то информация об этом из семейных источников?

Н. С. Есть информация от родителей. Л. Н. Краснопевцев, Н. Г. Обушков, Н. Я. Эйдельман были близкими друзьями моих родителей. Особенно Эйдельман и Обушков. Я этого помнить не могу, но отец рассказывал, что тогда мы жили в коммунальной квартире на улице Матросская Тишина, где я родился, и они сидели на собранных чемоданчиках. Какие-то документы они все же уничтожили. Мои родители не были членами группы Краснопевцева, но, поскольку отношения с этими людьми у них были близкими, они, по старой памяти, понимали, что

легко доберутся и до них, идя просто по записной книжке. Было стремно и напряженно, но Бог милостив.

С. Э. Почему возникло это дело, ведь они не были антисоветчиками, они были марксистами?

Н. С. Тогда антисоветчиками называли всех, кто шел против генеральной линии партии. Даже если они были абсолютными просоветчиками. Я напомним, что идеологическая, политическая оппозиционность в 1950–1960-х гг. была совершенно не та, что потом, во время перестройки или тем более сегодня. Она вся не выходила за рамки марксистских установок. «Шестидесятники» — это те люди, которые призывали вернуться к ленинским нормам в целях преодоления наследия Сталина. То есть к установке: «хороший Ленин, плохой Сталин». В 50-е гг. это было еще более архаично. Это действительно был протест против сталинского кровавого тоталитаризма, стремление возвратиться к честным, чистым истокам пролетарской ленинской революции, к тому, чтобы читать Ленина в первоисточниках, неиспорченного, не извращенного ремарками Сталина, к тому, чтобы читать Маркса и Энгельса в первоисточниках. К большому и не стремились. Это была крамола.

Но были и люди совершенно других взглядов. Уже в то время был, например, мой старший товарищ, очень яркий человек Никита Игоревич Кривошеин. Сейчас он живет в Париже. Они репатрировались после войны. В то время сидел его отец, потом и он. Его дед был знаменитым государственным деятелем, правой рукой Столыпина, министром

земледелия Российской империи и премьер-министром правительства Юга России у генерала Врангеля. Конечно, Кривошеин ненавидел советскую власть. Никита был очень православный человек, весьма далекий от любого марксизма. Это особая статья. «Краснопевцевцы» же были чистые марксисты. Кстати, они дрались в лагере. Никита Кривошеин рассказывал мне, что в лагере были настоящие физические драки, с одной стороны, между марксистами, такими, как краснопевцевские ребята, а с другой стороны, православными людьми или бывшими бандеровцами, бывшими «зелеными братьями». Имеются в виду не те, кто Гитлеру служил, а те, кто дрался и против Гитлера, и против Советов. Например, очень «зеленые» «литовские братья». Там было много разных людей, в том числе и тех, кто ненавидел советскую власть как таковую, т.е. людей уже более современных взглядов. Между ними были очень серьезные идеологические стычки, так же как еще до войны были серьезные идеологические стычки между политическими заключенными в сталинских лагерях, когда между собой сталкивались, с одной стороны, упертые сталинисты, которые тем не менее попали под косу репрессий, а с другой стороны, какие-нибудь троцкисты, с третьей же стороны, вовсе монархисты или меньшевики, либо эсеры. У каждого из них была своя система взглядов, и все они дрались между собой. Или, например, какой-нибудь священник, который чудом остался в живых, но попал в лагерь.

С. Э. Один из историков рассказывал мне о «тихой» полудиссидентской оппозиции советскому режиму, ко-

торая в Москве в значительной мере была представлена детьми и внуками старых большевиков. Можно ли в данном случае провести аналогию с Германией, когда послевоенное поколение стало выступать против своих отцов, которые соучаствовали в преступлениях нацизма. Был ли у нас такой конфликт поколений?

Н. С. На мой взгляд, такого конфликта поколений у нас не было. Мой отец, сын репрессированного советского чиновника, не любил советскую власть. По методологии своих взглядов он был скорее марксистом, но советскую власть он не любил. Он был радикальнее, чем «краснопевцевцы». Но у него не было никаких претензий к своему погибшему отцу, так же как у меня не было и нет никаких претензий к моему теперь уже покойному отцу; хотя он всю жизнь прожил при советской власти, но по взглядам мы с ним очень близки. При этом к Ленину мой отец относился лояльнее, чем к Сталину. Моя бабушка, его мать, которая слушала «Голос Америки» уже будучи глубокой старушкой, относилась к Ленину с огромным пиететом, так же как к его соратникам, которых она знала лично. У них в доме останавливался Бухарин, когда приезжал в Тбилиси. Она знала их всех лично, поэтому это было ее глубоко личное отношение. Сталина, по понятным причинам, она ненавидела, потому что он убил ее мужа и сломал ее жизнь.

С. Э. Мне не совсем понятно, как люди в 60-е и в 70-е гг. могли считать, что Сталин плохой, а Ленин хороший?

Н. С. Среди людей, которые вообще задумывались на эту тему, это была

преобладающая позиция. Если почитать журнал «Новый мир» за 1960-е гг., когда главным редактором был Александр Трифонович Твардовский, то можно наглядно видеть, что именно эта позиция была главенствующей: призывы к истокам, пробиться к Ленину через убийцу и упыря Сталина.

Чтобы стало ясно, что Сталин в значительной степени — наследник Ленина, должно было пройти какое-то время. Да, они были очень разные люди, у них было разное отношение к своим соратникам, например, Сталин убивал всех, а Ленин своих соратников не трогал, но по общему человеконенавистничеству они были очень схожи. Даже если посмотреть интеллигентские, рефлексующие фильмы 1960-х гг., то там этот момент присутствует. Например, мой любимый фильм «Доживем до понедельника». Это превосходный, очень тонкий фильм про учителя истории, которого играет В. Тихонов. Позиция учителя — явно внутренне глубоко оппозиционная, но он не замахивается на революцию. Там по намекам понятно, что он ненавидит Сталина, хотя там эта фамилия не звучит и звучать не могла.

Должно было смениться еще одно поколение, чтобы можно было понять, кто эти личности.

С.Э. Чем вы объясняете современный, «народный сталинизм»? Многие связывают это только с пропагандой власти.

Н.С. Это немаловажный источник. Когда массированно пропагандируется тот или иной исторический персонаж, значительной части населения сложно не поддаться на это. Это

практически невозможно. Довольно сложно найти альтернативную точку зрения, когда постоянно показывают человека с трубкой, усами, жесткого, но справедливого, которого уважали, боялись, который выиграл войну. Пропаганда власти — это серьезный источник ползучей ресталинизации. Другой очень серьезный источник — наша имперская политика в последнее время, которая подкрепляет эту пропаганду. Например, взрывной рост симпатии к Сталину после присоединения Крыма в 2014 г. Казалось бы, где Сталин, а где Крым? А это ценности одного порядка, это проявление имперской силы, которая ассоциируется со Сталиным. Фактически Сталин, как и Иван Грозный, становятся нашими любимыми и чтимыми историческими деятелями. Иван Грозный — это тот же Сталин, его alter ego. Точнее, Иван Грозный — аватар Сталина. Когда в Орле ставится памятник Ивану Грозному, сталинисты приезжают его открывать. Говоришь «Иван Грозный», а подразумеваешь Сталина.

И третий фактор — это протестная популярность. С одной стороны, провластная, поощряемая властью, а, с другой — протестная. Это протест против роста коррупции, повального воровства и бардака, когда публично применяется установка «Сталина на вас нет». Сталин тут воспринимается как некий демон добра, булгаковский Воланд. Это такой мужской кулак, который в знак протеста показывают власти, ворью, богатым. Этот кулак обретает имя Сталина. Это очень серьезная вещь, и она идет вразрез с желаниями власти, но тем не менее власть сама выпустила этого джина из бутылки. Это явление обоюдоострое. Пока жизнь не будет

налаживаться, пока не изменятся государственные ценности, с популярностью Сталина и со всем этим ничего нельзя будет поделаться.

С.Э. Вы совмещаете историю с журналистикой. Кем вы себя больше чувствуете: историком или журналистом?

Н.С. Трудно сказать, и надо ли вообще делать такой выбор? Сейчас у нас очень странная журналистика. Сейчас я бы никак не смог сделать карьеру в журналистике, потому что врать я не могу. Я имею в виду: в профессии. В профессии я никогда не врал. Я не говорил и не говорю всю правду, которую я имею в виду, но неправды — я не говорю. В этом смысле сейчас я себя не вполне идентифицирую с журналистикой, в большей степени с историей.

С.Э. Каковы ваши творческие планы?

Н.С. В них нет ничего сверхъестественного, мы готовим очередное документальное кино о «Деле врачей» для канала «Россия»¹. У нас все филь-

мы с жесткими темами. Мы завершили колоссальный проект «Исторические хроники». Это 97 фильмов по 44 минуты чистого экранного времени, без рекламы! Это весь век с 1900 по 1993 г. включительно. Поскольку по 1917, 1941 и 1993 гг. мы сняли по две серии, то получилось 97 серий. Это уже для книги Рекордов Гиннеса. Когда мы завершили этот проект, у меня накопилось несколько тысяч разных стендапов, в разных местах, городах, странах, сидя, лежа, стоя, на бегу, коротких и длинных. Некоторые по несколько десятков дублей. В проекте мы точно прошлись по некоторым событиям нашей и не только нашей истории. Мы сняли документальный фильм «Душ» о гитлеровских лагерях смерти, потом фильм о Гражданской войне, потом документально-игровой фильм о Большом терроре. Сейчас выйдет фильм смешанного жанра о «Деле врачей».

С.Э. Спасибо за интересное интервью. Желаю вам новых творческих успехов.

Н.С. Спасибо!

“AT THE BEGINNING OF MY WORK ON TELEVISION, I LEFT HISTORY,
AND VERY FAR, BUT THEN I RETURNED TO IT”.

Interview with N. K. Svanidze

Svanidze Nikolay K. — TV-journalist, historian, Professor, Head of the Department of Journalism at the Mass Media Institute of the of the RSUH (Moscow)

Key words: family memory, Moscow University, American studies in the USSR, Russian television, popularization of historical knowledge.

Abstract. Famous journalist, TV person and initiator of TV projects popularizing history, Nikolay Svanidze talks about his life and his professional activities.

¹ Разговор состоялся осенью 2017 г.

«В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВСЕ ПРОФЕССОРСКИЕ СЕМИНАРЫ ЛИКВИДИРОВАНЫ. ЭТО УДРУЧАЮЩИЙ ФАКТ».

Интервью с А. В. Сиреновым

(Ноябрь 2018)

Ключевые слова: семейная память, история Владимиро-Суздальского края, российские традиции реставрации, Санкт-Петербургский университет, Степенная книга, петербургская историческая школа.

Аннотация. Директор Санкт-Петербургского института истории РАН рассказывает о себе, своих учителях и научных проектах, делится собственными научными планами, излагает программу деятельности руководимого им института.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-284-297

А. В. Сиренов является автором книг: *Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирович в истории, житиях, легендах.* СПб., 2003; *Степенная книга: история текста / отв. ред. Н. Н. Покровский.* М., 2007; *Сте-*

пенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010; *Родословные древа русских царей XVII–XVIII вв.* М., 2018 (со-ставитель).

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Наш журнал занимается проблемами коллективной памяти, в том числе и памятью семейной. Могли бы вы рассказать о ваших предках?

А. С. Мои предки — крепостные крестьяне графов Шереметевых, из Юрьев-Польского уезда Вла-

димирской губернии. Эти деревни с конца XVIII в. принадлежали Шереметевым, с тех пор, как один из них женился на последней представительнице князей Черкасских. А все эти земли были вотчиной князей Черкасских. После отмены крепостного права мой прадед переселился в Орехово-Зуево и работал

© Историческая Экспертиза, 2021

Сиренов Алексей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

там на ткацкой мануфактуре Саввы Морозова. Не знаю, насколько это интересно...

С. Э. Это интересно, потому что это память! У нас, к сожалению, часто знают о своих предках не далее бабушек и дедушек. Это замечательно, что вы помните о далеких предках.

А. С. Я не столько помню, сколько знаю о них из архивных документов.

С. Э. То есть вы подошли как историк.

А. С. Да. Я и студентам говорю, что самое первое, что должен сделать студент, обучающийся на историческом факультете, — это расспросить своих бабушек, дедушек, посмотреть документы, которые есть в семье, и по возможности восстановить историю своей семьи. Тогда он получит ответ на многие вопросы нашего прошлого и настоящего.

У нас почему-то принято говорить: «Я достоин большего, мне не нравится жить в этой стране, потому что я живу бедно». Но если мы посмотрим, как жили родители, как жили бабушки, деды, прадеды, прапрадеды, то мы увидим, что за последние сто лет благосостояние у большей части людей в нашей стране выросло очень существенно. Если мы посмотрим, что было сто лет назад, то увидим, что прогресс-то налицо. Он есть во всем мире, в том числе и у нас. Но требовать, чтобы мы жили сейчас, например, как в Германии, неправильно. У нас просто другой масштаб страны и другой временной масштаб.

С. Э. Итак, ваш прадедушка работал в Орехово-Зуеве на мануфактуре...

А. С. На мануфактуре, да. А дед работал сначала в Орехово-Зуеве, потом в Москве, под Москвой, был активист рабочего движения, особенно после революции 1917 г. В связи с революционным кризисом и разрухой фабрика закрылась, ему пришлось срочно оттуда уезжать. Он вернулся в родные места, а потом переселился из села Семьинского, где он жил, в город Кольчугино, где родился мой отец. А отец мой переехал уже в город Владимир, где родился я. Вот и вся моя родословная.

С. Э. Сейчас многие стремятся причислить себя к потомкам дворян, а вы «не в тренде», говорите, что происходите от крепостных предков.

А. С. Подавляющее большинство населения нашей страны до революции были крестьянами. При всем том, что дворян в советское время целенаправленно уничтожали, конечно же, предки большинства ныне живущих людей — это крестьяне. Потом надо иметь в виду, что в начале XX в. социальные лифты работали довольно исправно. В течение XIX в. эта система отлаживалась, и те, кто получил личное дворянство по чину или по ордену, могли быть тоже вчерашними крестьянами или мещанами.

С. Э. Например, отец Ленина...

А. С. Или если мы посмотрим на биографии поэтов Серебряного века, которые подчеркивали свою причастность к дворянской культуре, то мы увидим, что у большинства из них

этого дворянского происхождения не было. Какой дворянин мог носить фамилию «Гумилев»? Это священническая фамилия, от «гомилия», названия жанра церковно-учительной литературы. Гумилевы, Гумилевские — все это священнические фамилии. А если посмотреть, как себя позиционировал Николай Степанович Гумилев, Анна Ахматова, которая...

С. Э. ...Горенко на самом деле. Она и особенно ее сын подчеркивали свои татарские корни. Лев Гумилев даже заявил одному из собеседников, что чувствует в себе кровь чингизидов.

А. С. Да. Ахматова всячески подчеркивала свои татарские корни, а на самом деле там была какая-то бабушка по женской линии по семейным воспоминаниям... Вообще, я убежден, что если, изучая деятельность какого-либо писателя или поэта, провести генеалогическое исследование, оно приблизит нас к пониманию его как человека. Так что я всячески за генеалогию.

С. Э. Второй вопрос, который мы задаем всем: почему вы решили стать историком? Что на вас повлияло? Семья, школа или еще что-нибудь?

А. С. Повлиял на меня город Владимир, в котором я родился и вырос, где замечательные памятники древности, деятельность Владимиро-Суздальского музея. Тогда, в 1980-е, музей переживал расцвет, постоянно открывались новые экспозиции, были культурные программы, которые я с удовольствием посещал. Для меня Древняя Русь стала открываться

во многом через деятельность Владимиро-Суздальского музея. Как мне кажется, на музеях и библиотеках, особенно в провинции, лежит очень важная миссия — приобщение к культуре подрастающего поколения.

С. Э. Получается, само уникальное «место памяти» привело вас к изучению истории.

А. С. Это, безусловно, так. Это место, где все дышит историей, дышит древностью, производит впечатление, особенно на людей восприимчивых к этому. Даже если бы все ограничилось впечатлением, и я не стал бы историком, все равно, я считаю, такая просветительская работа, которую ведут музеи, очень важна. Это надо делать ненавязчиво, не так, чтобы в обязательном порядке приводить на экскурсию школьников. Но когда открываются новые экспозиции, проходят какие-то культурно-массовые мероприятия, детей туда надо приводить не специально, а так, чтобы они могли прийти туда и просто послушать и посмотреть. Теперь я понимаю, что в моем случае это было определяющим фактором.

С. Э. Ваш путь на исторический факультет был не прямой, сначала вы окончили художественно-реставрационное училище. Почему вы сразу не пошли на истфак?

А. С. Опять-таки это связано с тем местом, где я жил. Дело в том, что во Владимиро-Суздальском регионе существовала (надеюсь, и сейчас существует) замечательная школа реставраторов. У истоков ее стоял крупный петербургский ученый-

искусствовед Николай Петрович Сычев, один из основателей отдела древнерусского искусства, древлехранилища Русского музея. Сычев пострадал в 1933 г., он был репрессирован по «делу славистов», а потом, когда он уже освободился из мест заключения и не мог жить в крупных городах, он выбрал местом проживания Владимир и включился в реставрационную деятельность. Но он был не только реставратором, но и замечательным художником. Поэтому он положил начало двум школам. Первая — это школа пейзажной живописи. Владимирские пейзажисты, как бы к ним ни относились, но они были заметным явлением в советское время. И вторая школа — школа реставрации архитектуры и живописи. Неслучайно именно в Суздале было создано первое в Советском Союзе специальное реставрационно-художественное училище, где преимущественно обучали реставраторов. В других художественных учебных заведениях были отделения реставрации, например, в Ленинграде, в училище имени Серова (сейчас имени Рериха), но специализированных училищ, где бы учили именно реставрации, не было. И вот в 1979 г. в Суздале было учреждено такое замечательное учебное заведение.

Туда поступали после восьмого и после десятого класса. По моему мнению, уровень подготовки, который там давался, был очень высоким. Это был уровень не среднего, а высшего учебного заведения. Например, нам там преподавали латинский язык. Казалось бы, зачем художникам-реставраторам латинский язык? Тем не менее наше руководство решило, что он нужен. Директором учили-

ща был Игорь Борисович Петров — к сожалению, ныне покойный — сам историк, выпускник истфака МГУ, и для чтения лекций он привлекал и московских реставраторов. Специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации приезжали к нам, читали нам лекции, и мне казалось, что это нормально и естественно. Только сейчас я понимаю, что все это было специально придумано. А организовать такого рода процесс тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х, когда продукты продавались по талонам, было непросто.

С.Э. Вы поступили туда после восьмого класса?

А.С. Я поступил после восьмого класса именно потому, что будущий директор училища Игорь Борисович Петров организовал тогда во Владимире клуб «Юный реставратор». Он привлекал к реставрации школьников, мы помогали реставрировать памятники архитектуры, ну, ставили леса, делали какие-то самые примитивные вещи. Я пошел в этот клуб школьником, а потом, уже в 1988 г. руководитель нашего клуба стал директором училища, и он предложил мне поступать туда. Я поступил и считаю, что обучение в этом учебном заведении сыграло для меня самую главную роль в моей жизни. Хотя, конечно же, и университет тоже.

С.Э. Получается, что перед поступлением на истфак вы получили хорошую профессиональную подготовку.

А.С. Я бы не сказал. Когда я учился в училище, я стал постепенно

забывать про историю, она отодвигалась все дальше и дальше. Да и реставрация не сказать что меня очень увлекала. Увлекала живопись. Я занимался, особенно в последние годы обучения, исключительно живописью и к концу четвертого курса мыслил себя только как художник. Я готовился поступать в художественный вуз, думал, что поступать поеду либо в Москву, либо в Петербург. Я понимал, что сразу поступить не смогу, потому что рисунок у меня был не на том уровне, который требовался для поступления. Но я думал, что, может быть, буду готовиться и поступлю.

А весной я вдруг ощутил какое-то тоскливое чувство, что если сейчас уйду от истории, то это будет навсегда, и я всю жизнь буду об этом жалеть. Поэтому я резко поменял курс и поступил на исторический факультет. Весь первый курс, я помню, мне очень трудно давался. Учеба на историческом факультете мне была не интересна. Вот это я помню точно. Даже хотел уходить из университета. Все свободное время я рисовал, писал, готовился к поступлению в Академию художеств, копировал голландцев в Эрмитаже. Это было интересно.

Потом мы поехали на археологическую практику, и там тоже у меня как-то все не заладилось, и я решил, что история — это не мое, что я ошибся. Но в начале второго курса у нас начались занятия, посвященные истории летописания. Это был курс Виктора Кузьмича Зиборова, и уже с первой же лекции я понял, что вот это было бы мне, пожалуй, интересно. И стал ходить на семинары к Зи-

борову, потом под его руководством писал кандидатскую диссертацию, он был моим консультантом во время написания докторской диссертации.

Зиборов настраивал нас на то, что работа историка должна проходить в архиве, в рукописном отделе, что главное — это работа с источником, с древнерусской рукописью. И когда я пришел в рукописный отдел, взял эту рукопись в руки, посмотрел, понюхал ее, то понял, что это и есть тот мир, который мне близок и интересен. Вот с тех пор и занимаюсь изучением источников.

С.Э. Тут, видимо, сказалась «роль личности в судьбе историка». Если бы не встретились с этим преподавателем, то, может быть, и не стали бы историком?

А.С. Трудно сказать. Все-таки вряд ли я решил бы вот так просто взять и уйти из университета, ведь всегда появляются еще и какие-то бытовые вопросы. Например, если бы я ушел из университета, меня бы забрали в армию, пришлось бы уходить из общежития. В общем, много всего. Наверное, все-таки бы остался и продолжал учиться. Тем более что на истфаке учиться относительно других факультетов просто, к сожалению. Много там учится бездельников, которые просто хотят получить диплом.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, какие преподаватели на вас оказали влияние, когда вы учились в университете?

А.С. В университете я посещал два семинара. Одним из них был семи-

нар Виктора Кузьмича Зиборова. В 2017 г. к семидесятилетию нашего научного руководителя мы издали книгу статей в его честь и в первой части этой книги поделились своими воспоминаниями об этом семинаре. Те студенты и аспиранты, которые ходили тогда на семинар, продолжают общаться между собой до сих пор, многие из них остались в науке. И это говорит о том, что этот семинар сыграл большую роль не только в моей жизни.

С.Э. Этот семинар существует много лет?

А.С. Сейчас он уже не существует. К сожалению, сейчас в Санкт-Петербургском университете все профессорские семинары ликвидированы. Это удручающий факт. Ведь профессорские семинары или семинарии существовали со второй половины XIX в., они пережили две революции, они пережили Великую Отечественную войну, распад Советского Союза и всего лишь несколько лет назад прекратили свое существование.

С.Э. Это было решено каким-то приказом?

А.С. Да. Поменялась концепция образования. За каждым семинаром была закреплена определенная группа студентов, для каждого семинара надо было писать программу, и наша бюрократизация, формализация образования эти семинары погубила. Суть университетских семинаров была в том, что туда приходили студенты разных курсов, приходили как первокурсники, так и аспиранты. Вы, Сергей Ефроимович, наверняка прекрасно знаете, как это происходило.

Каждый участник семинара должен был сделать доклад по теме своей научной работы. Потом этот доклад обсуждался, свое мнение высказывали руководитель, студенты, аспиранты. Иногда обсуждение затягивалось, семинар заканчивался, мы шли к метро и продолжали обсуждать доклад, который слушали на семинаре. И это было очень важно для студентов младших курсов, т.к. они таким образом социализировались в научной сфере. Важным это было и для студентов старших курсов и аспирантов, потому что они видели, что круг их коллег постоянно пополняется. Это было некое университетское интеллектуальное поле, в котором мы существовали.

Когда сделали обязательным проведение семинара для определенной группы, получалось, что все, кому интересно и кому неинтересно, по программе в течение семестра обязаны были ходить на семинар, а потом сдавать зачет. Семинар превратился в банальный лекционный либо практический курс. Пропало то зерно, которое было изначально заложено нашими предшественниками еще в XIX в., — ушла идея семинарского обучения как обучения методике научной работы.

С.Э. Это очень печально.

А.С. Мы пытаемся сейчас возродить эти семинары. Конечно, на другой уже базе, на другой почве, потому что, как говорит старая пословица, нельзя войти в одну реку дважды. В нынешних условиях мы не можем возродить те семинары. Те семинары погибли. Правда, не везде. Знаю некоторых коллег, которые прибегают

ко всевозможным ухищрениям, соединяя в одном семинаре разные курсы, соединяя разные программы только ради того, чтобы сохранить суть старого университетского семинара. Но мы, к сожалению, этого сделать не смогли, и наши исторические семинары прекратили свое существование.

Три года назад благодаря тогдашнему директору Санкт-Петербургского института истории РАН Николаю Николаевичу Смирнову были учреждены два семинара: древнерусский семинар, который ведем мы с Варварой Гелиевной Вовиной, и семинар по истории России XIX — начала XX в. На эти семинары мы приглашаем студентов, аспирантов, исследователей. Идея, исходя из которой семинар должен стать площадкой для обсуждения, в котором принимали бы участие люди разного профессионального уровня, разных возрастов, из разных организаций, — в отношении древнерусского семинара эта идея заработала. Мне кажется, это очень важно.

С.Э. Еще есть византийский семинар, он много лет проходит в институте.

А.С. Да, византиноведение — это жемчужина петербургской историко-филологической науки, которую надо всячески поддерживать и развивать.

С.Э. А каким был второй семинар из тех, в которых вы в университете участвовали?

А.С. Вторым был замечательный семинар профессора Юрия Георгиеви-

ча Алексева (я сейчас говорю именно о семинарах по истории русского Средневековья). Юрий Георгиевич Алексеев много лет проработал в Ленинградском отделении Института истории, потом работал в Педагогическом институте имени Герцена, а потом в Петербургском университете. Семинар у него был устроен иначе, чем семинар Зиборова. У Виктора Кузьмича был очень ограниченный круг участников. Там докладчик делал свой доклад, потом задавали вопросы, но самым главным был вердикт научного руководителя, ради него и делался доклад. Иногда вердикт был довольно жестким по форме. А в семинаре Юрия Георгиевича Алексева — широкая аудитория, дебаты между студентами — участниками семинара. Среда была гораздо более демократичная. Кому-то эти семинары больше нравились, но мне с моим тогдашним максимализмом было важно, чтобы по докладу высказался научный руководитель. Это было более ценным, чем дебаты. Поэтому режим, который сложился у Зиборова, для меня был более подходящим. Хотя иногда, конечно, было обидно услышать по поводу своей работы, которую готовил несколько месяцев, что «это никуда не годится, нужно искать другую тему». Сам я студентам такое никогда не говорю. Но все люди разные, то, что одному близко, у другого может вызывать отторжение. Каждый ищет свой вариант.

С.Э. Вы окончили университет в 1998 г., и уже в 2001-м защитили кандидатскую диссертацию по теме «Степенная книга как исторический источник (редакции XVI — начала XVII в.)». Вы начали работать над

ней еще во время учебы в университете?

А. С. Да. Это и была та тема, которую надо было найти. Я начал заниматься этим поиском со второго курса, а нашел ее на четвертом курсе — она пошла и в кандидатскую, и в докторскую диссертацию. После окончания университета поступил в аспирантуру. Там меня ждал еще один подарок судьбы — знакомство с выдающимся историком, академиком Николаем Николаевичем Покровским. В 1950-е гг. он отсидел по «делу Краснопевцева», а с 1960-х гг. работал в Новосибирске, став главой сибирской школы археографии. Николай Николаевич занимался самыми разными темами — и историей старообрядчества, и историей Сибири XVII–XVIII вв. Но была у него еще одна важная тема: Степенная книга, по которой я и писал свои работы. Сибирские археографы — сам Николай Николаевич, Елена Ивановна Дергачева-Скоп и Владимир Николаевич Алексеев — нашли в Томском музее древнейший список Степенной книги, времен Ивана Грозного. Покровский в конце 1970-х гг. сделал о нем доклад, тезисы которого тогда же опубликовал. Когда я писал диплом, у меня не было возможности съездить в Томск. Но я подумал: вдруг у Николая Николаевича Покровского есть микрофильм этой рукописи? Я написал ему письмо и получил ответ. Тогда мне это показалось вполне обычным делом. Сейчас я понимаю, что это говорит о большом демократизме академика Покровского. Представьте: какой-то студент написал ему письмо с просьбой прислать микрофильм... Думаю, большинство людей оставили бы

это письмо без ответа. А Николай Николаевич написал ответ. И когда несколько лет спустя, в 2000 г., появилась идея русско-американского проекта по изданию Степенной книги, Покровский настоял, чтобы меня включили в этот проект. Он отстаивал мое участие в этом проекте и когда возникали конфликтные ситуации с руководителями проекта. Поддержка Покровского обеспечила то, что я продолжал работу над изданием Степенной книги.

Степенную книгу издали в двух томах. Уже после окончания проекта, в 2012 г., мы с Николаем Николаевичем издали еще одну редакцию Степенной книги, редакцию второй половины XVII в., уже не имея никакой поддержки в виде гранта.

С. Э. **Расскажите немного о самой Степенной книге. Сколько было у нее редакций, что представлял собой проект по ее изданию, как именно вы в нем участвовали? Вы ведь очень много занимались этой темой.**

А. С. Степенная книга — одно из самых крупных исторических произведений русского Средневековья. Создана она была в середине XVI в., во время правления Ивана Грозного.

С. Э. **По его указанию?**

А. С. Трудно сказать. Скорее всего, да, хотя прямых свидетельств у нас на этот счет нет. Но он, несомненно, знал об этом памятнике.

Степенная книга — это уже не совсем средневековое сочинение, скорее, это трактат, в котором излагается русская история. Там были

заложены идеи, которые существовали и действовали на протяжении XVI–XVIII вв. Что самое главное в русской истории? Что является гарантией благополучия нашей страны? Каким принципам нужно следовать в государственном строительстве? Все эти вопросы были заложены в самой концепции Степенной книги. Можно сказать, что это было первое концептуальное изложение истории. До этого историю излагали, перечисляя факты, здесь же была попытка осознать историю. Конечно, это не было еще научным знанием, это трактат с элементами философии, историософии, богословия.

Моя заслуга, как я считаю, состояла в том, что я стал методично описывать все списки Степенной книги. Их около двухсот, объем каждого достаточно большой — 800–900 листов. Хранятся они в десятке городов на территории нашей страны, а также на Украине, в Швеции, Германии. Я просто ездил и описывал каждый список, каждый экземпляр этой книги. В какой-то момент появился даже азарт: найти еще один, сравнить с тем, что уже есть. В общем-то, работа эта очень простая. Никаких сверхновых методик в ней не требовалось. Но нужно было последовательно в течение десяти лет ездить и описывать эти списки. В 2007 г. я опубликовал книгу по этим спискам. Правда, после этого я нашел еще несколько списков, но теперь, думаю, неописанных списков не осталось или почти не осталось.

Эти списки переписывались последовательно, друг с друга. Сравнивая их, можно определить, в какой последовательности они переписывались, где

что приписано, где, наоборот, убавлено. Можно попытаться понять, какие люди в этой работе участвовали. А поскольку памятник связан с идеологией, то понятно, что к нему имели отношение видные люди.

С. Э. Вначале он существовал только в одном экземпляре?

А. С. Да, в одном экземпляре. Идеи тиражирования не было, по крайней мере, я так полагаю. Конечно, нельзя сказать точно. В историческом исследовании всегда есть вариативность — скорее всего, было так, но может быть, и не так. Но все же я думал, что сначала был один экземпляр, а потом сделали еще два — для царя и для митрополита. С этих трех экземпляров делались все остальные копии. Основной задачей было это доказать.

С. Э. Известно, кто был автором?

А. С. Предположение на этот счет было сделано в начале XIX в. замечательным историком Константином Федоровичем Калайдовичем. Я восхитился, когда прочитал его статью. Он опубликовал ее в 1815 г. и во многом предвосхитил наши выводы. Калайдович не назвал имя автора, но пришел к выводу, что это современник Ивана Грозного, человек из его ближайшего окружения. Вскоре этого человека нашли — это будущий митрополит Афанасий, духовник царя. У него наверняка были помощники, потому что такой труд не создать в одиночку, но мозговым центром, очевидно, был именно он.

С. Э. А какую именно версию вы издавали?

А.С. Это было издание, сделанное с учетом всех списков. Мы разделили всю традицию на группы по особенностям текста. Потом взяли самый ранний пласт списков, из него выбрали из каждой группы самую характерную рукопись и сделали критическое издание. В нем мы попытались учесть все самые важные списки, чтобы смогло появиться научное, критическое издание этого памятника.

С.Э. Сохранился ли первоначальный текст Степенной книги?

А.С. Он дошел до нас с большими утратами, поэтому издавать Степенную книгу по первоначальному списку не имело смысла. Там, скорее, фрагменты. Хотя ее можно было бы выпустить как факсимильное издание, черновик Степенной книги очень колоритен: видна правка, например, написано одно известие, потом оно зачеркнуто, рядом написано другое...

С.Э. А кто был редактором?

А.С. По моему мнению, это был митрополит Афанасий. Но у нас, к сожалению, слишком мало его автографов. Работа была многоступенчатой, до нас дошел уже заключительный вариант. Афанасий редактировал текст, который уже подвергался правке до этого. Кто был редактором на ранних этапах, мы не знаем. Может быть, это был он сам.

Для меня важно было приобщиться к археографической практике. Николай Николаевич Покровский с каждым участником проекта работал лично, каждые два-три дня я должен был посылать ему то, что я сделал

за эти два-три дня. Он все это проверял, причем надо сказать, что он подчас серьезно болел. Я только сейчас понимаю, насколько тяжелой была его работа. Иногда он довольно жестко требовал, чтобы что-то было переделано, писал, что «это халтура». Он работал над нашими текстами очень серьезно, думаю, больше, чем я. Особенно вначале.

Всякий, кто готовил издания исторического источника, понимает, что здесь необходима самодисциплина и определенная археографическая культура. Первое требование — вычитывать по несколько раз один и тот же текст. Второе — учитывать все мелочи, т. к. мелочей в таком деле не бывает. И вначале я, конечно, был совершенно к этому не подготовлен, делал ошибки. Николай Николаевич эти ошибки выявлял, ставил мне на вид, требовал переделать. Что характерно: он меня не выгнал, хотя, думаю, у него такое желание вначале было. Постепенно я освоил археографическую работу. Это была замечательная школа, и я очень благодарен академику Покровскому, поскольку ощущаю себя в большей степени археографом, чем историком. Для меня самое важное — это источник, его изучение, его издание.

А что касается изучения источников, то в университете Зиборов с самых первых занятий говорил нам, что нужно посещать каждое заседание Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Со второго курса я ходил туда, слушал доклады — а это был сектор Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это тоже было очень важным. Сейчас, когда есть возможность, тоже туда хожу.

С. Э. Сохранились ли рукописи, подаренные царю и митрополиту?

А. С. Да, они сохранились, эти два подносных списка Степенной книги. Кстати, то, что они были сделаны для царя и митрополита — это только предположение. Есть косвенные соображения, позволяющие сделать такое предположение, но точно мы этого не знаем.

С. Э. До какого времени их продолжали переписывать?

А. С. До XIX в.

С. Э. Это делалось уже не при дворе?

А. С. В XVIII в. уже не при дворе, а в XVII в., вполне возможно, и при дворе. Степенную книгу переписывали тогда очень активно, появлялись десятки рукописей. Думаю, это могли делать и при дворе.

С. Э. Интересно, вносились ли какие-то изменения в нее в это время?

А. С. Нет, идеологической редактурой в это время уже не было. К тексту Степенной книги относились как к чему-то если не священному, то очень авторитетному. Могли что-то дополнять, дописывать в конце, но сам текст не менялся. Было одно исключение: в 1670-е гг. Степенную книгу решили полностью переделать именно с позиции современной на тот момент идеологии. Получилась так называемая Латухинская редакция (это не слишком удачное название придумал Карамзин — по имени купца Латухина, владельца известного ему списка). Это как раз

та редакция, которую мы издали уже после завершения основного проекта, в 2012 г. Латухинская редакция очень сильно отличается от исходной, канонической редакции. Но когда Н. Н. Покровский писал первую статью о Степенной книге, он говорил, что нужно издать Степенную книгу «вплоть до Латухинской редакции». Мы это реализовали.

Была, правда, еще одна редакция времени Петра I. Ей занимался новосибирский исследователь Дмитрий Олегович Серов. Он начинал учиться у Покровского, а кандидатскую диссертацию написал здесь, в Ленинградском отделении Института истории РАН в начале 1990-х гг., как раз по этой редакции времен Петра I. Несколько лет назад он издал и этот текст. Так что сейчас можно сказать, что Степенная книга издана полностью, во всех редакциях.

С. Э. Вы стали членом-корреспондентом Академии наук в сорок два года. Это юный возраст для академика. Как это произошло?

А. С. Никакой моей особенной заслуги в этом нет. Я и в мыслях себя никогда не связывал с Академией наук, комфортно себя чувствовал в качестве университетского преподавателя. Мы начали заседания Древнерусского семинара, у нас шел проект по описанию архива Тихвинского монастыря, были гранты, конференции... А в 2013 г. на выборы в Академию выдвинули мою кандидатуру. Тогда, правда, выборы были отменены, все это на время успокоилось. Но через три года мораторий кончился. Благодарен тем членам Академии, которые поддержали мою

кандидатуру. Так я оказался избран. А дальше я понимал, что, раз уж меня избрали, нужно работать, нужно что-то делать, по возможности оправдывать то доверие, которое оказано. Все последующие мои шаги и принятые решения были продиктованы тем, что я считал и считаю, что не могу быть членом-корреспондентом Академии наук и по-прежнему заниматься исследованиями в свое удовольствие, работать по грантам, ездить на конференции — и все. Нужно делать что-то большее.

С. Э. Недавно вы были назначены директором Санкт-Петербургского института истории. Каковы ваши планы в качестве руководителя, что вы хотели бы сохранить в институте, а что изменить?

А. С. Убежден, что Петербург — уникальное место, особенно благоприятное для развития исторической науки. Здесь сохранилась традиция, идущая от конца XIX — начала XX в., когда историко-филологическая наука переживала расцвет. Тогда здесь работали такие выдающиеся историки и филологи, как Алексей Александрович Шахматов, Сергей Федорович Платонов, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский и многие другие.

Эта традиция, несмотря на годы советского безвременья в исторической науке, оказалась более живучей, чем рассчитывали советские идеологи, которые пытались ее искоренить. И выжила она во многом благодаря людям, которые несли эту свечку дальше, а также благодаря редким по богатству коллекциям документов. А в Петербургском ин-

ституте истории ситуация уникальна вдвойне: здесь важны не только сами дошедшие до нас рукописи, но и тот подбор, в котором они сохранились. Коллекция академика Николая Петровича Лихачева (она является основой коллекции Санкт-Петербургского института истории) собиралась таким образом, чтобы документ каждой эпохи был представлен в подлиннике. Мало таких мест на земном шаре, где подобные коллекции существуют! У нас есть уникальная возможность положить рядом буллу римского папы и жалованную грамоту великого князя Московского или грамоту, вышедшую из канцелярии Великого княжества Литовского.

Работа с подлинниками обеспечивает большой потенциал для научного исследования. Зачастую документы разных культур хранятся в разных хранилищах и встречаются только на выставках, да и там на них можно посмотреть лишь на витрине. Здесь мы можем их положить рядом. Открываются возможности для их исследования — в том числе естественнонаучными методами. Богатства, которые хранятся в Петербургском институте истории, нужно и изучать, и публиковать, в том числе в сети Интернет. Их надо открывать миру — но не просто публикуя их копии, а параллельно их изучая. Сейчас в архивах есть тенденция — брать фонды, оцифровывать и выкладывать в Сеть без научного описания. Конечно, для исследователей и это подарок. Но, как я считаю, любая презентация источника должна сопровождаться его научным описанием. Вижу перспективы деятельности института, прежде всего, в развитии

исследования документов, которые хранятся в его архиве.

Вторая важная вещь: Петербургский институт истории уникален тем, что здесь ведутся исследования и по отечественной истории, и по истории всеобщей. Это сочетание, которое мало где существует, позволяет рассматривать историю России в контексте всеобщей истории. Петербург — это город, через который Россия показывала себя Европе. Неслучайно, что институт такого профиля находится именно в Петербурге. Здесь открывается большая перспектива исследований, связанных с темой России в европейском контексте.

Третье направление, которое чрезвычайно актуально — это Россия и Север. Исследования Севера велись сотрудниками Петербургского института истории с давних времен. Можно вспомнить изучение истории землевладения на севере Руси, истории монастырей Русского Севера... Кстати, в институте хранятся архивы этих монастырей — зачастую недостаточно описанные, неопубликованные. Изучая тему освоения Севера в Средневековье, мы понимаем, куда двигалась Россия в геополитическом плане. Сейчас исследования Русского Севера очень перспективны, их нужно продолжать — и здесь, в Петербургском институте истории, это можно сделать в контексте всеобщей истории, что чрезвычайно важно. Изучить не только Россию — как она изменялась в Средневековье,

в Новое время, в Новейшее время, но и посмотреть, а как это делалось в соседних странах. Специалисты по этим темам есть, и подобные исследования сейчас проводятся.

С. Э. Над чем вы работали в последнее время, каковы ваши научные планы?

А. С. Мы с коллегой из Пушкинского Дома, известным археографом Глебом Валентиновичем Маркеловым подготовили к изданию уникальную рукопись начала XVII в. — иллюстрированную летопись, написанную человеком, который жил в эпоху Смуты. Он решил описать всеобщую историю, выбирая оттуда события, связанные с какими-либо небесными знаменами. Это могли быть кометы, метеоритные дожди, гало. Важно, что он не только описывал эти события, но еще их иллюстрировал. В этой рукописи запечатлен астрономический интерес, совершенно неожиданный для русского человека начала XVII в. Мы подготовили факсимильное издание в двух томах, оно вышло. Но мне не дает покоя вопрос: кто же был этот загадочный русский книжник? Сейчас занимаюсь этой проблемой, и мне кажется, что я в двух шагах от истины. Но как сделать эти два шага? Чувствую, что на ближайшее время найти автора этой рукописи — основной для меня вопрос.

С. Э. Спасибо большое за это интервью!

«В Санкт-Петербургском университете все профессорские семинары ликвидированы...»

"ALL PROFESSORIAL SEMINARS AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY HAVE BEEN CANCELED.
THIS IS A DEPRESSING FACT".

Interview with A. V. Sirenov

Sirenov Alexey V. — doctor of historical Sciences, professor, corresponding member of the RAS, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: family memory, history of the Vladimir-Suzdal region, Russian traditions of restoration, St. Petersburg University, Book of Degrees ("Stepennaya kniga"), St. Petersburg historical school.

Abstract. The director of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences talks about himself, his teachers and academic projects, shares his own researches plans, outlines the program of activities of the institute headed by him.

«УСЕРДНОЕ ВНЕДРЕНИЕ В НАС СЕМИОТИКИ ТОЛКАЛО МЕНЯ К ПОЗИТИВИЗМУ».

Интервью с Г. Г. Суперфином

(Июль 2019)

Ключевые слова: семейная память, годы оттепели в СССР, школа семиотики в Тарту, диссидентское движение в СССР, преследование инакомыслия в Советском Союзе.

Аннотация. Филолог и историк-архивист, участник диссидентского движения в СССР, рассказывает о своей жизни, участии в правозащитной деятельности, преследованиях властей, об эмиграции.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-298-316

Г. Г. Суперфин является автором работ: Русская и славянская филология. Сборник материалов XXII научной студенческой конференции / ред.-сост. А. Рогинский, Г. Суперфин. Тарту, 1967; *Меньшагин Б. Г.* Смоленск, Катънь, Владимирская тюрьма. Париж: УМСА-Press, 1988. Значение дела С. Караванского 1969–1970 гг. для выяснения обстоятельств Катънского дела, с. 147–158; Комментарии, с. 169–234; Ахматовский сборник / ред.-сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж: УМСА-Press, 1989; Каталог периодических

и продолжающихся неформальных изданий на русском языке в Архиве самиздата (СПИ-1 АС) 1986–1990 гг. Ч. 1–2 / сост. Г. Суперфин. Материалы Самиздата. Мюнхен. Вып. № 8/91, 05.07.91; Вып. № 13/91, 4.11.91; Новые имена в словник Мандельштамовской энциклопедии, или из первых публикаций и упоминаний имени Осипа Мандельштама в немецкоязычной печати // «Тихие песни». Историко-литературный сборник к 80-летию со дня рождения Льва Михайловича Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 378–384.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Я хотел бы задать вам вопрос о вашей семейной памяти.

Г. С. Моя семейная память практически равна нулю. Она включает лишь тех людей, которых я знал лично или

© Историческая Экспертиза, 2021

Суперфин Габриэль Гаврилович — филолог, участник правозащитного движения в СССР (Москва)

по фрагментарным воспоминаниям о предках в устах мамы (папы уже не было в живых, когда я родился), в рассказах тетушки со стороны отца — я записал по дороге из ссылки в Москву в 1979 г. один абзац. Все сведения, полученные от мамы и родственников отца, я не пытался подтвердить архивными источниками. Все, касающееся генеалогии, не относилось к области моих интересов в силу некоторого отталкивания от своего еврейского происхождения, боязни сопричислить себя к еврейскому племени и, видимо, от еврейской историософской идеи о том, что вообще не нужно знать о предках ничего. Так говорили в семье.

Кратко я помню, что у мамы было два брата: один умер от испанки или чего-то подобного во время Гражданской войны не то в Одессе, не то — еще где-то; а другой брат (вроде он вначале перебрался в Ригу) — я не помню, как его звали, — эмигрировал в Палестину (об этом в семье сообщалось скороговоркой), где вскоре и умер, предположительно в 1926 г. Все это не подтверждено никакими справками и покрыто таинственностью. На вопрос: «А были ли среди наших репрессированные?» — реального ответа я не получал. Кто-то был среди партизан в Белоруссии, кто-то сидел за экономические преступления при Сталине и был амнистирован в 1950-х гг. — вот и все, что мне было известно.

С.Э. Из каких мест происходит ваша семья?

Г.С. С Белорусско-Смоленского пограничья: мама (Позина) — Хиславичи, Могилевская губерния, а отец,

кажется, из Милославичей той же губернии.

Отец умер, находясь с мамой и старшей сестрой в эвакуации — он был освобожден от мобилизации вследствие болезни сердца. Он работал на заводе, случилась авария, на него упала станина. Он умер в возрасте около 40 лет, в 1943 г., до моего рождения.

С.Э. Почему вы решили стать гуманитарием?

Г.С. В 1960 г. я окончил школу, тогда было модно думать о том, что каждый человек должен быть не гуманитарием, а заниматься точными науками. И я — по моде — пошел на химический факультет, ничего не зная о химии. Провалил экзамен. Параллельно с этим, в конце школы я полюбил поэзию: от Маяковского до Пастернака. Тогда мое поколение их знало. Казалась бы случайно, в 1961 г. я был принят на работу в Архив Советской армии (приняли меня по рекомендации). И с того времени я практически не отходил от архивных дел, так или иначе возвращаясь к ним, когда занимался лингвистикой, и думал, что буду заниматься компаративистикой, с презрением относясь при этом к литературоведению и — тем более — к истории, хотя все равно все мои занятия шли через историю предмета.

С 1963 г. я регулярно сидел в разных архивах. Попав случайно, я постепенно втянулся в это. Захватило желание знать, что и как устроено.

С.Э. Вы поступили в Тартуский университет, когда вам был 21 год.

Это не совсем типичный возраст для поступления в вуз. Почему в таком возрасте и почему именно в Тарту?

Г.С. Несколько лет — с 1960 по 1963 г. — я просто вел богемный образ жизни и не знал, чем буду заниматься. Но читал то, что попадалось — занимался Цветаевой, отчасти Пастернаком. В 1963 г. я поступал на филфак МГУ, получил тройку на экзамене по литературе, и стало понятно, что поступать нет смысла. Я уехал в Пярну, и пришла телеграмма от моей приятельницы с советом ехать в Тарту (а я впервые тогда находился на территории Эстонии). Моя приятельница была дружна с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, и он договорился с Ю.М. Лотманом, что я приеду и договорюсь о вступительных экзаменах. Это был август 1963 г. Экзамены уже было поздно сдавать, и мы договорились, что я приеду в 1964 г. как обычный абитуриент и буду поступать. Что я и сделал. Таким образом я поступил в Тартуский университет.

С.Э. Тогда тартуская семиотическая школа еще не возникла?

Г.С. Она только начиналась.

С.Э. Раз Иванов дал рекомендацию, значит какие-то контакты с Лотманом у него в то время уже были?

Г.С. Лотман после декабрьского 1962 г. московского симпозиума по семиотике приезжал в Москву, контакты складывались.

С.Э. На днях я брал интервью у ветерана исторической науки — Ильи

Семеновича Кремера, специалиста по истории Германии. Ему 97 лет, но он в отличной форме и еще до сих пор преподает, консультирует учеников! Я спросил его, верил ли он школьником в 30-е гг. в советскую власть, в социализм. Он ответил, что вера была искренней и даже репрессии не могли ее поколебать. Вы — представитель уже следующего поколения. Как ваше поколение школьников 50-х гг. воспринимало советскую власть? Для вас уже не было никаких иллюзий?

Г.С. Я 1943 г. рождения. На следующий год после смерти Сталина я ждал, когда будет торжественное траурное заседание в связи с первой годовщиной смерти Сталина. Мне было уже почти 11 лет, я вырезал из журнала портрет Сталина, поставил его около репродуктора и ждал, когда же в Колонном зале Дома Союзов или в Большом театре начнется торжественно-траурное заседание. Но ничего не было. Я был очень удивлен! До того мои отношения со Сталиным были таковы: когда лет в шесть я видел милиционера на улице, я бросался навстречу к нему и кричал: «А вы любите Сталина?» Это мне рассказывала мама. Милиционеры в ужасе от меня отшатывались! А я был поклонником всего, что торжественно, вождеподобно и т. д. (А в детском саду обсуждалось: а евреи и татары — они за нас?)

Где-то в 1954–1955 гг. я пришел к одному из дядей и спросил: «Вот Сталин умер, что же будет с нами?!» И вдруг услышал в ответ: «Говнюк твой Сталин!» Это было для меня тогда просто потрясением.

Потом я узнал, что наши соседи по квартире — поляки — исчезли в 1937 г. (это семья по фамилии Явно — проверил по базе данных расстрелянных в Москве). Был слух, что у них подпольная радиостанция. А какая у них могла быть подпольная радиостанция — сосед был глухой и носил наушник, чтобы хоть что-то услышать? И сменивший их сосед — Павел Петрович нечасто появлялся в квартире. Оказывается, он приезжал из Воркуты. Он был арестован в первые дни войны за то, что накануне 22 июня 1941 г. сказал, что немцы начнут войну. А по освобождению был там оставлен руководить совхозом, и он не имел права бывать в Москве.

А в 1956 г. — слухи о секретном докладе Хрущева. Я прекрасно помню, как в школе (мне 13 лет) мы ходили по коридору на перемене и обсуждали Сталина как убийцу, пересказывали услышанное от взрослых. Для нас это был удар, но не только против Сталина (как задумывалось Хрущевым), а против системы. В 1959 (?) г., когда я учился в 9-м или 10-м классе, меня милиционер чуть ли не отвел в участок, потому что я пририсовал на уличном плакате с изображением Хрущева женские груди. Так что никакого обожествления власти у меня не было. А на картинке в учебнике истории СССР Ленину, несшему бревно на субботнике, я подогнул ноги, так что он повис на бревне, а рабочие несли бревно с повиснувшим на нем вождем. Учительница отобрала учебник, крича «Критикан!» Учебник она не вернула. Лет через пять я ее встретил. Она извинилась. (Она болезненно отходила от догм советского человека.)

Скепсис оформился в стойкое неприятие режима к году 1961-му. Вспоминаю, шел с другом мимо кубинского посольства и вдруг говорю: «А как ты думаешь, Фидель Кастро тоже фашист?» Друг был умнее меня, он рассмеялся.

С.Э. Сейчас среди остатков русской интеллигенции популярна мифология «Плохой Путин, хороший Ельцин». Мне она напоминает «мем» советских «шестидесятников»: «Сталин — плохой, Ленин — хороший». Эту риторическую фигуру первым воспроизвел Хрущев в 1956-м в «секретном докладе», а советская интеллигенция ее радостно подхватила. Сейчас трудно понять, каким образом можно было противопоставлять двух в сущности красных людоедов. А вы в то время разделяли это «прогрессивное» мнение?

Г.С. Нет! У меня вообще не было Ленина в голове. У меня был приятель — будущий диссидент — Алик Гинзбург — он освободился в 1962 г. из своего первого лагерного заключения; он спросил меня, читал ли я письма Ленина к Цюрипе (позже Гинзбург пояснил, что читать Ленина он стал по совету В. В. Кожина). Разумеется, я не читал — кому, мол это нужно! А он советовал прочесть, говорил, что там было: «Ведомства — говно; декреты — говно». Вот с этими ленинскими словами я и жил, перенося их и на того, кто их написал. У меня не было этой иллюзии, которую кто-то разделял и до сих пор, возможно, разделяет.

С.Э. Лотман сразу выделил вас среди первокурсников как будущего

перспективного исследователя. Когда вы поступали в университет, у вас было желание заниматься именно научной работой, или вас уже интересовала политика?

Г. С. Никакого литературоведения! Только лингвистика, контакты индоевропейцев с уральскими народами и т. д.

Лишь затем шло постепенное восприятие всего, чем вокруг меня жили друзья-студенты. Скажем — декабристы и масоны. Со временем я стал понимать, что я никакой лингвист, а в историко-литературных темах нет ничего зазорного.

В 1963 г. я довольно много смотрел бумаг в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства, ныне РГАЛИ). В альбоме художника Судейкина я нашел неизвестное двестишестое — экспромт — Маяковского, которое не вошло в полное собрание сочинений. Вокруг него я стал делать развернутый комментарий — реалии того времени, с привлечением неопубликованных мемуаров, переписки.

История началась несколько позже. Не только я, но и другие в то время четко знали, что если нас это интересует, то надо искать нужные материалы и игнорировать, «разрешенная» ли это тема или нет.

В 1961–1962 гг. я работал в Центральном архиве Советской армии (ЦГАСА, ныне РГВА) техническим сотрудником — это наведение справок для подтверждения пенсии. И тогда же прочел американское издание прозы Цветаевой, и мне очень

захотелось проверить подлинность сообщаемых ею фактов. Я стал искать в соседнем в то время с ЦГАСА ЦГАОРе (Центральный государственный архив Октябрьской революции, ныне ГАРФ) материалы Коллегии по делам военнопленных и беженцев, относящиеся к обмену пленными с Польшей в начале 1920-х. Я нашел там документы, относящиеся к сведениям, которые приводила Цветаева, позже они попали в зарубежное издание.

Моя первая курсовая работа была по фольклору и древнерусской литературе: «Легенда о кровосмесителях». Ее мне предложил Лотман. Я увлекся древнерусской литературой, формированием рукописных сборников и т. д. А потом постепенно перешел к XX в. Я учился очно, в архивы ездил на каникулах, а потом иногда и по ложным справкам. Одно время у меня был академический отпуск, я проводил время в архивах.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о ваших впечатлениях о Лотмане!

Г. С. В 1964 г. я поступил, и Юрий Михайлович пригласил меня и нескольких студентов присутствовать на первой летней школе по семиотике. Я уже прочел разные книги по структурной лингвистике, семиотике, литературоведению, начитался формалистов. Когда в сентябре начались занятия — накануне выпуска его первой книги по структуральной поэтике, я почувствовал, что мне это уже стало неинтересно, потому что при постоянном повторении слов «семиотика», «структура» не только притупляется сознание, но приходит чувство, что это пустые слова. Я стал

иронически относиться к этому, да и к самому Юрию Михайловичу. Я тогда не мог осознать всяческих историко-литературных моментов в его статьях. Он же довольно настороженно относился к формалистам! Мне показалось, что он больше любил Гукковского, чем Шкловского, Тынянова и т. д. А на его письменном столе стоял фотопортрет мне тогда не известного историка литературы Николая Ивановича Мордовченко. (Кстати, на полке для постоянного пользования у него стояла «Поэтика сюжета и жанра» Ольги Михайловны Фрейденберг, мне казавшаяся безумной.)

Недавно я перечитал нашу совместную работу с Рогинским 1967 г. о жанровых признаках мемуаров, которые мы конструировали. Это невозможно читать: попытка тезисами, языком манифеста научнообразно выразить свое отношение ко всему на свете.

С.Э. Я брал интервью у Михаила Ямпольского¹, и он вспоминал, что в «структуры», которые Лотман создавал вокруг себя — Тартускую школу, — он не подпускал людей партийных. Вы что-то об этом слышали?

Г.С. Нет, это какая-то мифология. Он сам был партийным с военных времен. В ранних его неопубликованных еще письмах — это настоящий советский человек с ироническим сознанием. Но ранний Лотман был *полузастегнут*. Не могу сказать, чтобы тема Ленина, партии вообще возникала.

А вот наш первый разговор «на равных» (не как старший с младшим) был в Тарту в 1980 г. Сидели в одном доме Лотман, Рогинский и я. Я был после работы и дремал. Сквозь сон услышал, как они обсуждали (Арсений расспрашивал) 37-й год — насколько Юрий Михайлович и его семья знали о том, что творится. Не помню, чтобы было сказано что-то определенное. А вообще выяснение, кто за — кто против, к тому времени было в прошлом.

С.Э. Как вы познакомились с Рогинским?

Г.С. На какой-то пьянке, в августе 1964 г., до начала занятий. Он моложе меня по возрасту, но старше по курсу — он поступил в 1962 г., а я в 1964-м. Он пропустил потом один год. Его будущая жена, а тогда — почти невеста, поступила вместе со мной.

С.Э. Вы сказали, что у вас была общая статья. Вы близко общались?

Г.С. Мы были близкими друзьями. До него я историю совершенно презирал. Темой, которой он занимался, заинтересовал и меня. Тогда это были декабристы и масоны, и роль личности в истории. Для него в тот момент это тоже было некое приобщение к истории.

С.Э. Как вы эволюционировали от науки к политической деятельности? Что вас вдохновляло?

Г.С. События, которые нас лично захватили. Меня отчислили из университета как бы за неявку на учебу. Круг

¹ URL: istorex.ru/page/yampolskiy_mb_spetsialno_dengi_iz_gosdepa_na_rossiyskie_issledovaniya_ne_videlyayutsya.

моих друзей в Москве включал людей, которые сели или которых посадили впоследствии. Первый круг — Ирина Емельянова и ее мать Ольга Ивинская. Мой ближайший круг — это мальчики и девочки, которые учились с Ириной в одной школе. Мы вместе были на похоронах Пастернака; затем арест близкого человека за валюту; отрицательное отношение к чекистам — все это уже было и постоянно присутствовало в моей жизни. А после я оказался на площади Маяковского. Там собиралась вся молодая Москва, и как через сито — оставались: Буковский, Галансков. Как-то я познакомился с Горбаневской, прочтя ее стихи в машинописном альманахе «Феникс». Это было летом 1962 г., еще до моего поступления в университет.

А однажды меня задержали на площади Маяковского, тогда я уже работал в Архиве Советской армии — тогда уже многих задерживали, делал это оперотряд горкома комсомола, — допросы, изъятие записных книжек, чтобы выявить контакты. У меня тоже отобрали записную книжку, сообщили на работу. В январе 2019 г. я читал свое «Дело» в РГВА. Как такового «Личного дела» нет. Есть две-три несброшированные бумажки: анкета, заявления о приеме на работу и — ответ бюро комсомола архива на запрос, кажется, горкома комсомола (а самого запроса в данных мне бумагах не было): вопросы, что собой представляет человек, почему он не вступил в комсомол, и информация о моем задержании.

С.Э. Вами «интересовались» несколько раз?

Г.С. Кроме только что упомянутого, был эпизод году в 1961-м. В книж-

ном магазине «Академкнига» (на углу — в прежней номенклатуре — ул. Горького и проезда МХАТа) в букинистическом отделе при публикации я заговорил с одной покупательницей. Она оказалась Натальей Владимировной Кодрянской, эмигранткой, ее книгу о Ремизове я уже читал. Когда она выходила из магазина, сопровождавший ее водитель «ЗИ-Ма» прошипел мне: «Мы тебя найдем». Но до 1969 г. особых следов внимания к себе не замечал. Помню еще, как в 1968 г. в Тарту арестовали одного знакомого журналиста, вступившего в конфликт с республиканским партийным руководством. И мы, несколько студентов-друзей, написали письмо в защиту арестованного. И к нам приезжал из Таллина партийный инструктор объяснять, что арестованный уголовник и т. д.

С.Э. Где вы находили эмигрантскую литературу?

Г.С. По Москве я общался с книжниками-спекулянтами. В конце 50-х гг. прошла через книжный рынок библиотека еврейского клуба Шанхая. Я купил парижские «Русские записки» (они стали выходить после «Современных записок»). А в библиотеках мы читали Андре Жида, Пруста, Джойса — все издания 20–30-х гг., насыщенные полужапретным содержанием. Большое влияние оказала на меня, моих друзей Библиотека-музей Маяковского (разгромленная в 1960-х) с прекрасным доступным книжным фондом, футуристическими изданиями.

А эмигрантские книжки проникали и через Латвию и Литву (привозил знаток литовской книги Юозас Тумялис). Выше я назвал «Прозу»

Цветаевой (в типографии Архивно-управления мне молодые рабочие сделали ротاپринтные 10 экземпляров микрокопий этой книги), в 1960 или 1961 г. один книжник дал на время (за небольшую сумму) ее «После России», которую мои друзья распечатали. Ну а о целом этаже с эмигрантской литературой из Пражского архива, размещенной в башне архивного городка на Пироговке, я уж не говорю. Благодаря ее хранительнице я читал там газеты и журналы.

Еще была семья недавних реэмигрантов Сосинских, им удалось ввезти много книг, изданных в 1920–1930-е гг., — та же Цветаева, тот же Ремизов... Я ездил к ним (они жили за городом), слушал голос Ремизова (читал Гоголя), пользовался библиографией Цветаевой, составленной Брониславом Сосинским.

С.Э. Внимание «органов» как-то сказалоь тогда на вашей биографии?

Г.С. Из архива меня не уволили. Хотя, когда пришел сигнал из горкома комсомола, была устроена ревизия моей служебной деятельности. Меня перевели на работу из отдела, где наводили справки, в отдел, отдаленный от материалов, в подсобные работники при читальном зале. Но при отдалении от материалов было общение с читателями, сохранялось и знакомство со всеми хранилищами. Тогда рассекретили многие фонды. Например, Реввоенсовета.

После моего поступления в Тартуский университет (1964 г.) были аресты Бродского; Даниэля и Синявского, Гинзбурга — с ним я одно время

был в довольно теплых отношениях, Горбаневская стала заниматься Хроникой; самиздат; арест, чувство несправедливости. Плюс желание приобщиться к чешским либеральным веяниям... Хотя там были коммунисты и все такое...

В общем, я как-то стал заниматься историей кадетской партии, либеральными движениями. Я начал читать в разных архивах бумаги Вернадских — Владимира Ивановича и Георгия Владимировича. Владимир Иванович — великий ученый с замечательными идеями гуманитарного плана, оказался еще и кадетом, активным участником конституционного движения. Для меня это было откровением. Потом найденный документ — его замечательно-ораторски сделанное письмо Сергею Николаевичу Трубецкому о Русско-японской войне — я переписал и готовил публикацию вопреки всему. Я его зачитал в комнате общежития, где жил Рогинский, и оно снискало общее восхищение и стилем, и правильными словами. (Это письмо было опубликовано относительно недавно, в 2015 г., т.е. спустя почти 50 лет после того, как оно было предложено для публикации, конечно, уже без того общественного звучания, которое оно имело бы в 1968 г.)

С.Э. То есть кадеты были для вас неким примером?

Г.С. Да.

С.Э. Для кого-то Солженицын, для кого-то кадеты, а для кого-то эсеры!

Г.С. Ну, эсеры — это кровь! А крови не хотелось.

С.Э. За что вас отчислили из университета?

Г.С. Я подписал в 1968 г. письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова. Нехотя, но подписал. Хотя старался никогда коллективных писем не подписывать — боялся. Про него меня допрашивали уже после исключения из университета.

С.Э. Вас вызывали в КГБ?

Г.С. Это происходило в деканате. Я повторял уже сданный курс и поэтому считал нормальным не являться на учебу. А оказалось, что неявка послужила поводом.

С.Э. А в деканате спрашивали, почему вы подписали письмо?

Г.С. Это было. Там сидел молчаливый уполномоченный по университету из местного КГБ, а задавал вопросы — кажется — она была про-ректор или кто-то. Это была дама, написавшая диссертацию о Юрьевском университете в 1905–1907 гг.

С.Э. Получается, что прямо вас не обвиняли — за подпись под письмом официально нельзя было наказать?

Г.С. Учтите еще, что я не был комсомольцем. Но они придумали причину и отчислили меня в конце 1969 г.

С.Э. А потом вы начали участвовать в «Хронике текущих событий»?

Г.С. Тогда и я, и Рогинский уточняли какие-то сообщения, появлявшиеся в номерах Хроники, заходя к Горбаневской (забыл упомянуть,

что они познакомились в октябре 1964 г., когда Наталья впервые приехала в Тарту). Какую-то информацию передавал о том, что я видел своими глазами. Активно участвовал в Хронике я с 1970 г., как только вернулся в Москву.

С.Э. Если бы вас тогда не отчислили, вы бы не перешли к диссидентской деятельности?

Г.С. Трудно сказать. Но я четко знал, что я не диссидент — я не могу этим профессионально заниматься, мое дело — заниматься архивами, фиксировать исторические события нашего времени. Помните, на конференции в Мемориале памяти Рогинского Даниэль сказал, что главное в Хронике — это было предание гласности фактов? У меня это чуть по-другому прозвучит: задача была зафиксировать факт для истории, не думая специально о распространении.

С.Э. А где вы работали?

Г.С. От случая к случаю: ИНИОН, тогда это называлось ФБОН (Фундаментальная библиотека АН СССР), Институт русского языка, чистка библиотеки... Я отказался от постоянной работы. А потом работал на проверке фактов в «Новом мире». Эта замечательная работа давала мне возможность проводить время в библиотеках.

С.Э. Это была работа по договору, не «на ставку»?

Г.С. Да, это была договорная работа.

С.Э. Вас не принимали, или вы сами не хотели?

Г. С. Сам. В постоянной работе уже не было смысла.

С. Э. Вы думали о выезде из страны?

Г. С. Я четко знал, что не хочу ехать. А перед арестом в 1973 г. у меня была единственная встреча с Солженицыным. Он порекомендовал уехать и дал деньги на отъезд.

С. Э. Вы помогли установлению фактов для «Архипелага ГУЛАГ»?

Г. С. Никакого отношения к уже написанному «Архипелагу ГУЛАГ» я не имел. Все это легенды. «Архипелаг» был сделан, я знал о нем понаслышке. Я давал исторические справки при написании «Красного колеса». Кадеты, октябристы, архив Гучковых в Историческом музее. Замечательный архив со свободным отношением к просмотру бумаг!

С. Э. А как вас пускали в архивы? Ведь требовались письменные «отношения» с места работы?

Г. С. Отношения были официальные по форме и фальшивые по содержанию. Никаких статей или публикаций по заданию я писать не собирался. Журнал «Вопросы философии» мне давал отношения, т.к. у меня были хорошие связи с молодыми сотрудниками — Юрием Сенокосовым и Владимиром Кормером. Они мне давали отношения, Мамардашвили подписывал, иронически улыбаясь при виде темы: «Философские взгляды Вернадского». И мои друзья, работавшие в издательстве «Искусство», тоже давали отношения.

С. Э. А Солженицын через кого к вам обратился?

Г. С. Я познакомился к тому времени с Чуковскими и начал передавать ему исторические справки через Елену Цезаревну. Я был знаком с женой Солженицына, она была подругой Горбаневской, которая меня с ней познакомила, как и Рогинского. Я стал передавать выписки. А потом вдруг стали приходить записки — что конкретно его интересует. Он потом признался, что понимал: каждый вопрос требует отдельного исследования. Скажем, семейный капитал Гучковых — можно ли назвать его миллионером?

С. Э. Из ваших справок что-то вошло в текст Солженицына?

Г. С. Да, есть упоминание о моей помощи в последнем дополненном издании «Бодался теленок с дубом», уже после 1994 г., когда автор вернулся в страну.

С. Э. Расскажите, как вас арестовали. Это были уже не сталинские времена — сажали не сразу, а предварительно проводили «воспитательную работу»?

Г. С. Это было не всегда так. Была профилактика в отношении тех людей, о которых есть сведения, что этот человек *наш* (как они называли). Мне ни разу не сказали: «Вы — советский человек!» Меня допрашивали в качестве свидетеля, был обыск по «Делу Якира и Красина» — по участию в Хронике. Я вел себя как принято: «не знаю, не помню, отказываюсь отвечать». Кроме обыска постоянная слежка. В общем, было понятно, что арест неминуем.

С.Э. То есть вас несколько раз в качестве свидетеля вызывали на допросы и требовали, чтобы вы давали показания на Якира?

Г.С. Нет, показания касались именно меня самого. Но требовали по делу образцы почерка. На самом деле было так: «вот, смотрите, есть показания того-то, что это делали вы, сейчас мы проведем почерковедческую экспертизу». У них была книга-макет издания Хроники с моими пометами, изъятая у Красина. Это был английский перевод, комментированный советологом Питером Рэддауэем, которую он прислал, чтобы внесли исправления. Красин не успел отправить ее назад — она осталась у него...

С.Э. Народник и впоследствии советский академик Николай Морозов писал: «Чем меньше рассказываешь следователю, тем меньше срок дадут». В вашей среде обсуждалось, как вести себя на следствии? Сейчас эти рекомендации становятся актуальными!

Г.С. Было ошибочное представление о том, что нужно иметь жесткую позицию, типа: «Я отказываюсь сотрудничать со следствием!» Это меня привело к ужасным вещам. Каждый должен знать свои возможности: одному надо отбрехиваться, вступать в пререкания; второму — если у него есть силы — молчать... Все, что угодно, но никогда не больше того, что ты можешь перенести! Когда ты приходишь свидетелем и уходишь к себе домой — это совершенно другое, чем когда ты приходишь из камер в состоянии подавленности. Все, что я знал раньше, мне не помогло. Тут только личный опыт! А сам арест

прошел так. Меня вызвали на допрос. Я пошел в Лефортово и уже на троллейбусной остановке видел обилие филеров! Думал, может, купить про запас несколько пачек сигарет, плюнул. Будь что будет! Приехал в Лефортово, где следственный изолятор, там проводились и прежние допросы. Меня торжественно приняли, задержали и дали срок. В постановлении на арест было указано: «Совместная подготовка к изданию дневников Кузнецова». Дело в том, что один мой арестованный приятель перед этим дал мне в работу рукопись дневника Эдуарда Кузнецова, самолетчика (попытка угона самолета летом 1970 г.).

С.Э. А издание дневников тоже считалось преступлением?

Г.С. Они назвали этот дневник антисоветским пасквилом. Почему его взяли в основу обвинения? Как я считаю, потому что этот документ связывал нас с Еленой Георгиевной Боннэр — женой Сахарова: она получила рукопись дневника из лагеря, ее тайно вывезла жена одного солагерника Эдуарда Кузнецова. Мы получили от Боннэр эту рукопись для подготовки ее к печати. На Сахарова следователи показаний даже не спрашивали, вопросы в основном крутились вокруг Боннэр. Это была попытка через обвинение Боннэр давить на Сахарова. Ровно в те же дни развернулась в газетах кампания против Сахарова. Вот, собственно, почему они и поставили дневник Кузнецова первым пунктом обвинения — главным.

Дневник свой Кузнецов вел тайно во время следствия — там описы-

вается приговор к смертной казни и прочее, и первые дни в лагере, когда он уже был помилован и ему дали 15 лет. В лагере на особом режиме через одного литовца он передал дневник. Тот спрятал его среди дров, которыми отапливалось помещение для свиданий накануне свидания зека-украинца с женой. На личном (с ночевкой) свидании украинец передал свернутую в тончайшую трубочку «микропись» своей жене. Она смогла вынести ее из зоны. Адрес и имя получательницы ей было сообщено. Она по дороге к себе на Украину через Москву завезла ее на квартиру к Боннэр. Боннэр была полуслепая, дневник был написан так мелко, что никто не хотел заняться переводом его на пишущую машинку. Короче, общий знакомый Боннэр и Кузнецова, он был и моим приятелем, показал эту вещь мне. Я согласился перепечатать и договорился с моими друзьями И. В. Одаховской и А. Б. Грибановым печатать у них на взятой ими у кого-то машинке. Был февраль 1972 г. Решили работать вместе. Большую часть прочла и напечатала Ира. К концу апреля — началу мая все было сделано. Один экземпляр решили передать в ИМКА-пресс — была такая возможность; второй — для контроля оставить; третий отдать Елене Георгиевне, чтобы она читала и хранила, но с просьбой не распространять до выхода книги в тамиздате. А еще один экземпляр я отдал на сохранение человеку, который готов был пустить дневник в самиздат. Дал я с условием, чтобы не распространял до того, как текст будет напечатан на Западе. Я думал, что таким образом можно будет избежать появления на Западе сразу нескольких экземпляров, что могло

бы привести к лишению автора его авторских прав. Чтобы он, сидящий, мог бы получить (когда окажется на Западе) свой законный гонорар. Тогда мы еще не во всем этом разбирались.

Только на следствии я узнал, что в Италии издан дневник по-итальянски, что Елена Георгиевна передала своей приятельнице из Италии — переводчице с русского на итальянский — Марии Васильевне Олсуфьевой — свой машинописный экземпляр. Мне в первый же день ареста это показали — журнал «Эспрессо» с дневником Кузнецова. Следствие очень хотело иметь и подготовленную машинопись, и разыскать оригинал дневника. А рукопись давно была на Западе, ждала своего автора. Ее вывез Жорж Нива. И вручил ее Эдуарду Кузнецову по его освобождению в 1979 г.

Для меня было ударом увидеть, что Боннэр нарушила договоренность. Один из тех ударов, который привел меня к ужасным последствиям — я стал давать показания и наговорил про нее много всего. Я долго потом выходил из того униженного состояния почти нечеловека, раздавленного своим поведением.

С. Э. А как тогда передавали публикации на Запад? Через посольства?

Г. С. Разными путями — через посольства, через западных славистов и корреспондентов. Это была не моя работа. Я мог любопытствовать, но точно не знал и не совал носа не в свое дело. Сейчас уже опубликовано, что помогли движению рукописей культурный атташе, одна

православная, работавшая во Французском посольстве. Но в основном — через французских или других исследователей.

С.Э. Принято считать диссидентов героями без страха и упрека. А какие отрицательные стороны вы видели в людях, участвующих в диссидентском движении?

Г.С. Я отрицательно относился к профессиональному диссидентству. У меня было такое подозрение, что обращение человека к диссидентской деятельности — это попытка преодолеть свой внутренний кризис. А то, почему я хотел отойти от всего этого — это огромное чувство пустоты: сидеть и обсуждать — кого арестовали, перебрасываться новостями и замыкаться на этом... Тогда вышли романы Трифонова «Нетерпение» и Давыдова «Глухая пора листопада» — всю эту атмосферу бесовщины я чувствовал внутри себя, этот «административный восторг», что занят подпольной деятельностью!.. Я не решался публично заявить свою позицию и афишировать, чем я занимаюсь. Боялся лишиться возможности ходить в архивы. Короче говоря, я перестал делать Хронику.

С.Э. То есть вы хотели отойти, потому что вам была интересна исследовательская работа?

Г.С. Безусловно!

С.Э. И Хроника, и архивы — это ваша диссидентская работа! Получается, что даже в диссидентском движении вы реализовывали свое призвание архивиста.

Г.С. Конечно. А подписание коллективных писем — одних и тех же слов, декламация их — все это было невыносимо для меня. Хотя, когда подобное я читал по своему делу, уже после своего освобождения — было до слез трогательно.

С.Э. Расскажите о лагере и о ссылке.

Г.С. В лагере я обрадовался, потому что попал к живым людям. Ведь до этого — мне повезло — я сидел месяцев шесть-семь в одиночке, в Орловском СИЗО, после некоторого заключения с «наседкой». Все, что он о себе рассказывал, я потом проверял — оказалось полным несоответствием! В общем, одиночка — это замечательно! Было радио, книги Пушкина и Гоголя. Когда я «хорошо» себя вел, мне передали одну посылку с книгами, которые остались при мне. Пушкин как раз очень помог, в таких условиях его по-другому читаешь!

А когда я дошел до лагеря, и люди, которых я знал по Хронике, вдруг ожили — это потрясло.

С.Э. Политические сидели отдельно?

Г.С. Те, кто шел по статьям Уголовного кодекса, объединенным в раздел «особо опасных государственных преступлений», — шли в отдельную зону (их неофициально называли «политическими», ведь в СССР не было политических преступлений, только уголовные). А за «клеввету на советский государственный и общественный строй» попадали в уголовные зоны — там было хуже.

Я попал в политическую. Давления там было больше, но атмосфера общения с людьми была лучше.

С.Э. А кто из известных людей сидел вместе с вами?

Г.С. Украинцы в основном: Иван Алексеевич Светличный — известный литературовед, поэт, замечательный человек. Когда я перешел в зону, Буковского уже убрали. Я встретился с ним только потом, в тюрьме. В зоне был еще Игорь Вячеславович Огурцов — руководитель Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа России — по этому делу в Питере в 67-м году арестовали более 15 человек. Это была подпольная антикоммунистическая, относительно монархическая и — считалось — что антисемитская организация. В нее входили Леонид Иванович Бородин — будущий редактор журнала «Москва»; Игорь Вячеславович Огурцов; Евгений Александрович Вагин — сотрудник Пушкинского Дома, исследователь творчества Достоевского; специалист по Эфиопии Вячеслав Михайлович Платонов; ассириец по происхождению и лингвист Михаил Юханович Садо — он потом стал помощником библиотекаря Духовной академии. Огурцов — замечательный по личностным качествам человек. Это что касается исторически отмеченных, достойных людей.

Меня недолго держали в зоне — практически год, но большую часть я провел в изоляторе — совершенно незаслуженно. Мне казалось, я вел себя тише воды! Но какие-то связи

из Москвы и т.д., поэтому решили, что лучше меня изолировать, чтобы не было попыток наладить неофициальные контакты с волей.

С.Э. Вас содержали отдельно от других заключенных, а на работу ходили вместе?

Г.С. Когда я сидел в камере — работа была внутри камеры — швейка. Пока я не отказывался от работы как ставший на статус политзаключенного — был такой момент, когда я сорвал бирку и сказал, что перехожу. Посадили в карцер, а потом отправили во Владимирскую тюрьму за нарушение режима, где я провел почти три года.

С.Э. Вас там посадили в одиночку?

Г.С. В одиночке и в карцерах я был только во время голодовки. А так — нет. Тогда я снова встретился с Буковским. Но в основном все время сидел с украинцами.

С.Э. Там еще сидели коллаборационисты в то время?

Г.С. Коллаборационистов не было. Последний коллаборационист, с которым я встречался, — это было еще на свободе. Тот, кого вы сейчас издаете — Меньшагин². Я познакомился с ним летом 1971 г. Мы продолжали общаться.

С.Э. Вы говорите, что сидели с украинцами. У вас не было с ними трений?

Г.С. Как говорят в народе: «У кого-то, может, и были», но у меня —

² Борис Меньшагин. Воспоминания. Письма. Документы. М.; СПб: Нестор-История, 2019.

не было. Я как-то быстро принял их точку зрения об отделении от России.

С.Э. А потом вас отправили в ссылку, чем вы там занимались?

Г.С. Ничем! Числился слесарем-сантехником. Они сами не могли придумать, какую работу мне дать. Я и садовником работал — поливал, сажал цветы, а потом приходил и видел, что там все выкопано. То ли кто-то проверял — не прячу ли я там чего-то, то ли просто непривыкшее к зелени местное население воровало посаженные цветы. В общем, они не знали, как от меня избавиться. Но это было по закону, после тюрьмы я должен был отбывать еще два года ссылки.

С.Э. Вам не старались продлить срок?

Г.С. Старались. Накануне отъезда из ссылки в поселок Тургай, где я отбывал ссылку, явились чекист из Алма-Аты и местный уполномоченный и, если не путаю, тогда же А.В. Баранов (лет через 12, после 1991 г., стало известно, что он был начальником диссидентского отдела Пятого управления КГБ). Они добивались признания, что я однажды уехал в Целиноград, это около 300 км от Тургая. Если б я признал это, то мне грозил год лагеря за «побег с места ссылки» (хотя побега-то не было! Я ж вернулся и не собирался сбежать). Они знали, что я нелегально уезжал (я видел за собой хвост), встречался с невестой. Я солгал, сказав, что не ездил. А у них не было легальных доказательств, видимо. Это было незадолго перед концом срока.

Ограничились назначением административного надзора по месту моего предполагаемого жительства (в Тарту).

С.Э. В 1980 г. вы вернулись в Тарту, потому что это просто было знакомое место?

Г.С. В Москве не давали прописку. Мой приятель из Тарту сказал, что они меня пропишут. И как только они прописали, им сразу пришлось разрешение на эмиграцию. Мне пришлось от них выписаться, но нашлись другие люди, которые согласились меня прописать.

С.Э. Вы упомянули, что в 1983 г. вам порекомендовали все же уехать.

Г.С. В Эстонии с конца 1982 г. шла так сейчас называемая зачистка. В начале января 1983 г. меня неожиданно уволили с работы в Историческом архиве. Я делал микрофильмы — это было совершенно бессмысленное предприятие (кстати, страховой фонд Эстонского исторического архива находился, кажется, на территории РСФСР). Зато я мог вечерами оставаться и просматривать дела. Я продолжал исследовательскую работу. Там были замечательные источники — регистрации дачников во время летних выездов людей из Петербурга и Москвы — они должны были регистрироваться у полицмейстера. Люди с датами рождения — ценное пособие для различных справочников! Ну и попутно я обнаружил словарь эстонского воровского языка 1910-х гг.! Была такая программа в Департаменте полиции — создавать единый словарь воровского жаргона. Публика-

ция появилась через какое-то время по-эстонски, под псевдонимом.

С.Э. А сводный словарь в Департаменте полиции создали? Он был опубликован?

Г.С. Нет, в том-то и дело! Это я не проверил. Нужно посмотреть в ГАРФ следы этого циркуляра. Упоминаний в печати о подготовке такого словаря я не встретил.

С.Э. А ваши архивные находки вы могли где-то опубликовать?

Г.С. Под псевдонимом я опубликовал одну работу в сборнике в честь Лотмана. Я подготовил ее еще до ареста, а окончил уже после ареста — это неизвестное письмо Гоголя из замечательного, тогда почти не обработанного фонда Хомяковых в ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). И были еще какие-то местные газетки, тоже печатался в них под псевдонимами.

С.Э. Научные работы можно было опубликовать под псевдонимом?

Г.С. Можно было и под своей фамилией, если бы пропустили. Меня выбрасывали из каких-то библиографий, но я думаю, что это больше редакторы.

С.Э. У вас есть библиография?

Г.С. Есть, она опубликована в «НЛО», делал Дмитрий Зубарев.

С.Э. Вы сказали, что когда началась зачистка инакомыслящих, вам посоветовали уехать.

Г.С. Нет, не так! Мне ничего не сказали. Я поехал в Москву в центральный аппарат на площади Дзержинского. Поскольку это почти заученная история, я ее повторю еще раз.

После того, как меня лишили работы и прописки в Тарту, я отправился в Москву в КГБ. Зашел с заднего входа, напротив огромного гастронома. Я знал одну фамилию: Баранов (я о нем уже говорил). Сказал прапорщику на входе, что мне нужно увидеть товарища Баранова. Он ответил, что у них десять тысяч барановых. Но он куда-то позвонил и сказал мне идти в приемную на Кузнецкий мост. Я пришел, мне сказали, что товарищ Баранов примет меня, но нужно прийти через два часа. Действительно, там был Баранов и с ним какой-то молодой офицер.

Я рассказал, что меня уволили, лишили прописки и не принимают на работу ни в одно учреждение, даже на стройку и в закрытую школу для трудновоспитуемых детей, куда никто не шел преподавать. (Потом выяснилось, что было распоряжение, переданное по селекторной связи из Тартуского райкома или горкома, что в случае обращения такого-то за работой его не брать.) Я говорю Баранову: «Я решил обратиться к вам». Он отвечает: «Вам дается возможность, которая не дается никому — уехать на Запад!» Я говорю, что у меня даже нет вызова. А он: «Но у вас же был вызов?!» А у меня действительно в 1973 г. был вызов, они тогда регулярно приходили. Я спрашиваю его: «А еще какие-то варианты есть?» Он: «Пишите письмо с раскаянием. Тогда вас и в Литмузей в Тарту примут, езжайте себе

спокойно! А вообще — станьте нашим консультантом по диссидентским делам». Я улыбнулся, а он говорит: «Нет, нет — это не стукачом! Стукачей у нас достаточно! Нам нужен консультант». Я спросил, есть ли еще какая-то четвертая возможность? Он говорит: «Ну, езжайте на БАМ». А на БАМ, оказывается, принимали только по путевке райкомов комсомола, а сорокалетним некомсомольцам такую путевку не получить.

Я написал письмо, что «в предчувствие изменения обстановки в стране хочется участвовать в этом деле; а уезжать — не желаю и осуждать свое прошлое в несвободных условиях не могу».

Вернулся в Тарту и принес это письмо в местный КГБ, отдал это письмо. Я говорил с русским, лейтенантом или капитаном. Он сказал, что завтра мне дадут ответ. Я пришел, мне отдали молча мое заявление. (А писал я на имя Андропова, он тогда уже был генеральным секретарем.) Я спрашиваю: «Ну, что делать?» Они: «А нам какое дело?!» — «Ну, тогда я уеду». И тут мне показалось, что они даже не ожидали этого! Они стали оформлять, и я выторговал отложить на месяц выезд, чтобы месяц май провести в Москве (где мои родственники, семья и мое имущество). Оттуда на поезде через пограничный пункт Чоп (Закарпатье) в Вену. Ну, в общем, мне разрешили уехать из Москвы. Так что я еще провалялся пару дней на Западной Украине, был в Закарпатье, навестил друга, с которым вместе учился. Он, как обнаружилось позже — в 1992 г., — сотрудничал с органами. А он был лидером венгерского нацменьшин-

ства... В том же 1992 г. узнал, что давно было принято решение выдать меня за рубеж.

С.Э. Получается, что вы себя чувствовали комфортно, могли ходить в архивы, заниматься научными исследованиями, поэтому мечты уехать (как у многих тогда) — у вас не было?

Г.С. Абсолютно не так! Ни жилья, ни заработков, и архивы для меня быстро закрылись (отношения в архивы были отозваны, в Рукописный отдел Ленинской библиотеки меня не пустили).

С.Э. Расскажите, как вы устроились в Германии.

Г.С. Я ехал заниматься научной работой. Виза была в Израиль. Но я еще в Москве в голландском посольстве сказал, что не еду туда, а ограничусь Европой. Я доехал до Вены, меня встретили. Потом — планировал — в Гейдельберг. Мне казалось, что меня ждали, но никто меня не ждал. Доехал я из Вены до границы с Германией, после опроса полицейскими меня поселили в гостинице, кормили пару дней, свозили к врачам. Через день-два за мной приехали друзья и вывезли в Мюнхен, поселили меня на американской базе. Наверное, это военная разведка, им нечего было делать, и они опрашивали всех — обучали своих стажеров. Да еще мне платили еженедельно деньги и кормили три раза в день! Для меня было удивительно получение денег ни за что.

Я пошел на «Радио Свобода» встретиться с Горбаневской, которая туда

приехала. Меня она или кто-то еще свел в Архив самиздата — такой был отдел — познакомился с сотрудниками, и поскольку мне нечего было делать, я предложил им себя, не думая ни о зарплате, ни о работе (разрешения на работу я еще не получил, поскольку еще не был признан политическим эмигрантом). Я даже не думал, что получить работу на Западе — это неслыханная удача.

А в декабре я уже получил разрешение на работу — меня пригласили работать в Архив самиздата. И параллельно оказалось, что Гейдельберг — это полуфикция, а о науке я мог думать только в свободное от работы время, как и в Москве.

С.Э. Архив самиздата — это при университете?

Г.С. Нет, это был отдел при Русской службе «Радио Свобода». Главная их задача была — снабжать пояснительными примечаниями полученные «по каналам самиздата» тексты из СССР, публиковать их на ротапринте и давать их редакторам Русской службы радио для использования в эфире, а также рассылать по университетским центрам для дальнейшей исследовательской работы.

Я обрабатывал (сохраняя по возможности особенности текста, и в случае изменений оговаривал это в примечаниях) их, проверял на подлинность. То есть та же самая работа, что и прежде, в том же «Новом мире» в 1972–1973 гг., только по ограниченному количеству источников (на Запад даже в лучшие библиотеки книги и периодика из СССР поступали далеко не все). Нужно было

изошренно выуживать всякую информацию из доступных изданий. Поначалу мне было очень интересно. Через 5 лет это становилось уже слишком рутинным. Я придумывал для себя поиски нового неожиданно источника.

С.Э. Вы спровоцировали Меньшагина на написание мемуаров?

Г.С. Нет, это он сам. Еще тогда, в 1972–1973 гг. он рассказывал одно и то же, может быть, кто-то записывал. И уже накануне моего ареста он мне читал кусок про военное время, а я уже вполуха слушал (сейчас так жалею, что не задавал вопросы, на которые в написанном им тексте ответов нет). Он сказал, что написать воспоминания его просил Солженицын. Хотя лично они не были знакомы. Но он жил у людей, героев «Архипелага», настоящих помощников Солженицына. Одна из них, прошедшая лагеря замечательная Надежда Григорьевна Левитская еще жива!

С.Э. Меньшагина вы издали в 1988 г., еще существовал СССР. А как вы получили этот материал?

Г.С. В 1986 г. — уже была перестройка и были окации. Я сначала получил машинописную распечатку, а потом добился от человека, который ее делал, — получения пленки, на которую Меньшагин надиктовывал материал. Могли быть некоторые искажения. Но я проверял звук. А уже в 1992 г. я получил копию машинописи про войну — то, что он писал от руки и что перепечатывали его добрые знакомые, окружившие его вниманием, которого он не имел несколько десятилетий, находясь в тюрьме.

С. Э. С какого по какой год вы работали в Мюнхене?

Г. С. С января 1984 по декабрь 1994 г. После того, как «Радио Свобода» закрыло отдел самиздата, меня пригласили в Бремен на архивную работу. Там при Институте Восточной Европы возник архив — коллекция самиздата и неформальных изданий, в основном периодики, который субсидировался министерствами культуры разных земель, поскольку это направление считалось актуальным. Я увидел, что тут можно создать настоящий архив эмиграции: сначала просто эмиграции, потом расширить архивными фондами диссидентов и т. д. Директор института слушал меня вполуха. Поскольку это уже были годы после «перестройки и глас-

ности», то возник кризис, стало непонятно, что теперь собирать? Когда я пришел в Бремен, в 1995 г., увлечение новой прессой, неформальными изданиями сходило на нет.

В какой-то момент я решил, что надо преобразовать архив, постепенно превращая его в обыкновенный, классический, с комплектованием материалов по их происхождению, по фондам. Так, с молчаливого согласия директора стал формироваться единственный в своем роде архив на территории Германии, где я трудился на постоянной работе с 1995 до 2008 г., потом год еще по договору, а потом уже просто сотрудничал.

С. Э. Большое спасибо за интересное интервью!

“THE DILIGENT INTRODUCTION OF SEMIOTICS IN US PUSHED ME TOWARDS POSITIVISM”.
Interview with G. G. Superfin

Superfin Gabriel G. — philologist, member of the Human Rights Movement in the USSR (Moscow)

Key words: family memory, the years of the “thaw” in the USSR, the school of semiotics in Tartu, the dissident movement in the USSR, the persecution of dissent in the Soviet Union

Abstract. A philologist and historian-archivist, a participant in the dissident movement in the USSR, talks about his life, participation in human rights activities, persecution by the authorities, and emigration

«ПЕРВЫЙ ТЕМПЕСТ ПРИБЫЛ В АНГЛИЮ ВМЕСТЕ С ДРУЖИНОЙ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ».

Интервью с Ричардом Темпестом

(Март 2019)

Ключевые слова: семейная память, Советский Союз 1960–1980-х гг. глазами иностранцев, П. Я. Чаадаев, А. И. Солженицын, русская культура в мировом контексте.

Аннотация. Американский славист британского происхождения, автор известных работ по истории русской культуры и общественной мысли вспоминает детские и юношеские годы, проведенные с родителями в Москве, размышляет о восприятии России и русской культуры в мире.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-317-326

Среди работ Ричарда Темпеста: *Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's Fictive Worlds* (Слово над хаосом. Художественные миры Александра Солженицына). Boston: Academic Studies Press, 2019; Александр Солженицын. Дяснота китка. София: Христо Ботев, 2008; Золотая кость. Приключения янки в стране новых русских. М.: НЛО, 2004. 452 с. — вышедший под псевдонимом «Роланд Харингтон» кампусно-фантастический роман с элементами приключения и эротики о похождениях в России американского профессора, который узнает, что является внебрачным потомком

Екатерины Великой и решает короноваться на царство; Иван Гагарин. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка / составление, вступительные статьи, перевод с французского и комментарии Ричарда Темпеста. М.: Языки русской культуры, 1996; *The Philosophical Works of Peter Chaadaev*, ed. Raymond T. McNally and Richard Tempest. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990; *Pierre Tchaadaev, Oeuvres inédites ou rares, éditées par François Rouleau*, Raymond T. McNally et Richard Tempest. Paris: Bibliothèque Slave, 1990; *Russian Dreams*. London: Omega Books, 1988.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э. Наш журнал специализируется на теме памяти. Не могли бы вы сказать несколько слов о вашей семейной памяти, кто ваши родители и ваши предки? В «Википедии» есть статья об английском государственном деятеле конца XV начала — XVI в. Ричарде Темпесте, это ваш пращур?

Р.Т. Я начну с моих родителей, поскольку память о них ярка и непосредственна. Мой отец был корреспондентом английской коммунистической газеты в Москве, которая сначала называлась «Daily Worker», а потом — «Morning Star», т.е. «Утренняя звезда», с соответствующими культурологическими ассоциациями. Родители приехали в Москву вместе со мной и моей сестрой в 1961 г. и прожили там до начала 80-х. Отец умер в Москве, а мать до этого еще вернулась в Англию. Моя мать болгарка, и у нее происхождение совершенно иное, чем у отца. Она дочь крестьянина из деревни под Софией, и ее удочерила городская бездетная пара — мои болгарские дедушка и бабушка. Темпесты — это очень старинный английский род с норманнскими корнями. Все Темпесты родом из графства Йоркшир. Согласно документам, первый Темпест прибыл в Англию вместе с дружиной Вильгельма Завоевателя, и уже есть упоминания о семье в документах конца XI в., т.е. не намного позже битвы при Гастингсе.

Я рос в мультикультурной, мультиязычной семье, в Москве. Ходил в советскую школу, правда, достаточно элитную, английскую спецшколу на улице, которая тогда называлась Кропоткинская. Дома с отцом

я говорил по-английски, с матерью по-болгарски, с друзьями, учителями и людьми, с которыми я встречался в Москве, естественно, по-русски.

Что же касается рода Темпестов, то я не могу точно сказать, как соотносится семья отца с первым Темпестом, норманнским рыцарем XI в. Этот род разветвлялся. У потомков главной ветви есть усадьба в Норт-Йоркшире, которая называется Броутон-Холл. Это известное место туристических паломничеств. Но ветвь, к которой принадлежал мой отец, обосновалась в Брадфорде (город в Уэст-Йоркшире), который в XIX — начале XX в. стал важным промышленным центром. С тех пор он совершенно изменился, потому что теперь там почти треть населения пакистанского и индийского происхождения.

Можно еще добавить, что Темпесты периода Тюдоров, Генриха VIII, были причастны к католическому сопротивлению против введения англиканства в королевстве.

Я, конечно, не претендую на какой-либо аристократический статус, тем более что сейчас я живу в Америке и там это звучало бы несколько странно. Но действительно существуют документальные свидетельства, что моя семья принадлежит к очень древнему роду.

С.Э. Почему вы решили стать славистом? Как сказался тот факт, что ваш отец был корреспондентом московской газеты английских коммунистов «Morning Star» и вы долго учились в школе близ метро «Кропоткинская»?

Р. Т. Повлияло то, что я полюбил русскую культуру, литературу, чувствовал себя с ней совершенно комфортно, естественно, знал язык. Поэтому я хотел более глубоко и многосторонне изучить те книги, те культурные реалии, которые меня заинтриговали уже тогда, когда я был школьником. Логика моего выбора академической специальности была связана с моей идентичностью, с особенностями моей биографии. А тот факт, что мой отец был корреспондентом этой коммунистической газеты, как раз никакого влияния на мое решение не оказал. Мы с отцом находились на разных политических, идеологических позициях, что, конечно, совершенно естественно для родителя и сына.

С. Э. Как вы, ваш отец и люди его окружения относились к СССР в период брежневского застоя? Видели ли в нем некий потенциал развития, или со стороны было очевидно, что великая утопия приближается к жалкому концу? Воспринимали ли русские сверстники 70-х гг. вас, англичанина, как человека, способного шире раскрыть для них окно в мир, и ощущали ли вы их идеологическую зашоренность?

Р. Т. Здесь целый ряд вопросов, на которые я постараюсь ответить примерно в том порядке, в каком вы их задали. Начну с того, что наша квартира на Староконюшенном переулке, в партийном доме, сером, очень массивном, в котором жил и Никита Хрущев после того, как его свергли, эта квартира была своего рода салоном периода развитого социализма в Советском Союзе, и, как это обычно заведено в салонах, воз-

главляла его женщина — моя мать. Отец был очень занят своей работой корреспондента. Впоследствии он ушел из «Morning Star» и работал в АПН — Агентстве печати «Новости», в их конторе в Москве, и заодно преподавал английскую литературу в Московском университете. Но кроме эпизодических дебатов о Марксе и Карле Поппере и о том, насколько марксизм-ленинизм представляет собой действительно строгую научную систему, или чистую идеологию и мифологию, у нас не было каких-то широких, глубоких дискуссий по этому поводу. В этом отношении отец был человеком традиционно мыслящим, он придерживался ортодоксальных марксистских взглядов, хотя внешне и поведением был классическим англичанином. Но люди, которые приходили в салон матери, были самого разного рода. Это были и англоязычные работники ЦК, и диссиденты, московские славянофилы, западники. Я там познакомился с целым рядом очень интересных людей, актерами московских театров, с Георгием Гачевым и его женой Светланой Семеновой. Бывали там, конечно, и представители британской компартии. То есть это была очень разнообразная среда, вереница посетителей, которые спорили, разговаривали о том, что происходит в Советском Союзе. Что касается меня, то для меня судьба Советского Союза стала очевидной в начале 70-х гг., когда я еще учился в школе. Мои русские сверстники, о которых вы меня спрашивали, т.е. мои одноклассники, будучи детьми элитных родителей, были настроены очень скептически, иронично по отношению к советской системе. У них не было чисто оппозиционных взглядов,

но они были отчуждены от нее. Поэтому я бы не сказал, что я им открывал глаза, у них глаза уже были достаточно широко открыты, и никакой идеологической зашоренности я в них не чувствовал. Вообще, как ни странно, такого рода идеологизированных людей в поздний советский период, когда я учился в школе или когда я впоследствии приезжал из Оксфордского университета, будучи студентом и аспирантом, — я не встречал. С такими людьми нет смысла и неинтересно вести дискуссии, и, может быть, в силу этого, в силу какого-то инстинкта отторжения я не имел пересечений с ортодоксальными советскими идеологами. Для меня человек, которому близка философия, скажем, Константина Черненко, был не очень интересен. Сейчас, наверное, он мог бы быть более любопытен как пример культурного реликта.

С.Э. То есть при общении с одноклассниками вы видели, что никакой приверженности идеям социализма у них уже нет, что они внутренне были готовы к светлому капиталистическому будущему?

Р.Т. Они были внутренне абсолютно свободными людьми. И даже, можно сказать, во многом и внешне. Конечно, следует помнить о том, что это были элитные мальчики и девочки, и статус их родителей давал им протекцию, а не все молодые люди того времени и того поколения имели возможность жить если и не по своим убеждениям, то, во всяком случае, по своим музыкальным вкусам, вкусам в одежде, в стиле жизни. При моих постоянных поездках из Оксфорда в Москву и обратно

я имел возможность сравнивать моих московских друзей с моими университетскими друзьями. И хотя они были очень разные по своему происхождению, имущественному статусу и другим критериям, — тем, что их роднило, было чувство внутренней свободы. И мои оксфордские, и мои московские друзья и подруги были автономными, суверенными личностями, даже когда им было 16, 18, 20 лет. Я это ценил тогда и ценю теперь.

С.Э. Воспринималось ли советское вторжение в Афганистан как признак неминуемого конца советской империи? Возникали ли аналогии у англичан с собственной афганской неудачей конца XIX в.? В СССР они возникали. В январе 1980-го из магазинов срочно изымали книгу Киплинга, где были такие строки: «Поверни от стен Кабула... Половина утонула эскадрона, там, где брод».

Р.Т. Я не знал, что Киплинга изымали из магазинов. Это еще один маленький штрих к тому абсурду, который можно назвать Советским Союзом периода Брежнева, Андропова, Черненко.

В то время я был в Москве, писал диссертацию и услышал о вторжении в Афганистан в самом конце декабря по ББС. Я не могу сказать, что моими московскими и британскими собеседниками эта операция воспринималась как признак приближения краха советской системы, но мы все смотрели на ввод советских войск как на очень серьезный шаг, и безрассудный тоже, предпринятый кремлевскими геронтократами. Шаг, который привел к разным

неприятным последствиям, уже не в рамках холодной войны, а намного позже, и сейчас, в XXI в. мы видим рост исламизма, исламофашизма. Но уже тогда было ясно, как было ясно и Киплингу, что Афганистан нельзя назвать страной, что это пространство — отдельный национально-религиозный космос, который не подлежит контролю со стороны чужой организованной силы, сколь бы тоталитарно идеологизированной или технологически экипированной она ни была. В конце концов, даже Александру Македонскому потребовалось семь лет, чтобы покорить племена, которые обитали в этом месте, а тогда ислама не было.

А что касается неминуемой смерти советской империи, то в тот же период я познакомился в Москве с сыном Никиты Хрущева, Сергеем Хрущевым. Это один из умнейших людей, которых я знаю. Он тогда мне предрек, что Советский Союз перестанет существовать где-то через 5–7 лет. Я отнесся к этому скептически. Сергей Никитич обосновывал свое утверждение выкладками технократического порядка, он говорил о том, как застопорилось развитие советской промышленности, научных программ, внедрения технологий в производство, что Советский Союз все больше отстает от Америки. Он оказался прав. Я знал еще двух человек, которые в начале 70-х предрекали приближающийся конец Советского Союза, но тогда я мыслил достаточно традиционно и считал, что он просуществует еще лет 20.

С.Э. Как вы восприняли приход Горбачева? Верили ли в способность его команды вдохнуть в со-

ветский проект свежие силы, или у вас не было таких иллюзий?

Р.Т. К этому моменту я мыслил более концептуально и не считал, что он сумеет каким-то образом обновить, омолодить, реформировать Советский Союз. Для меня было очевидно, что он не был человеком твердой руки и что советский проект не может быть спасен Горбачевым.

С.Э. Следующий вопрос актуален сегодня. Можно ли оставаться русофилом и, во всяком случае, ценителем русской культуры, при этом критически относясь не только к внешней политике современной России, но и к определенной части российских государственных, политических, исторических традиций?

Р.Т. Культура, так же как и целый ряд других сторон жизни в России, то, что она предлагает и своим обитателям, и интересующимся культурой, историей, литературой иностранцам, — все это нужно воспринимать безотносительно того, кто является министром иностранных дел, президентом, генеральным секретарем, царем. В каждом отдельном случае Россия продолжает существовать и продолжает быть источником нарративов, источником красоты, которую порой дарят миру ее художники. Россия — один из великих центров мировой цивилизации и, кроме того, генератор художественной красоты.

С.Э. Вы долго занимались творчеством Чаадаева. Чем он привлек ваше внимание, что из его наследия сохраняет, по вашему мнению, актуальность для русских в нынешней,

во многом «николаевской» общественно-политической ситуации?

Р. Т. Привлек внимание своей необыкновенной судьбой. Тем, что в 1836 г. по приказу Николая I его объявили сумасшедшим. Его дружба с Пушкиным. В молодые годы его причастность, или ассоциация, с декабристским движением. У него был отстраненный, в некоторой степени отчужденный взгляд на идентичность России, на ее историю и на ее взаимоотношения с западным миром. Он смотрел на Россию как на некий парадокс, как на великую державу, не совсем себя осуществившую и не совсем даже существующую. Он сформулировал эти парадоксы очень четко, и я помню, что был поражен яркостью его образов. Например, когда он писал, что обитатели русских городов выглядят как кочевники, которые завтра могут сняться и перекочевать в другое место; что Россия и ее пространства создают впечатление недолговечности, иллюзорности. Мои собственные впечатления подтверждали этот вывод много раз, тот, что в этой стране присутствует элемент ирреальности, сюрреальности, что физические объекты, которые мы видим, — здания, заводы, армии, — все это можно воспринимать как некую театральную бутафорию. Хотя, конечно, люди, обладавшие властью во всех упомянутых мной системах, от царской и московской до Российской Федерации начала XXI в., могли и могут решать, и решают судьбы многих людей. Вот этот концептуальный прорыв, который осуществил Чаадаев в своем восприятии России, — очень меня интриговал.

С. Э. А что сегодня актуально в его наследии?

Р. Т. Актуальны его размышления о взаимоотношениях России и Запада, о том, что представляет собой Россия для Запада. Он писал, что для того, чтобы Россия могла стать передовой, развить свой национальный потенциал, ей необходимо пройти через все стадии политического и культурного развития, через которые прошел Запад. Это идея радикальная и, возможно, утопическая, хотя возможно представить себе некую схему ускоренной цивилизационной эволюции в чаадаевском смысле. Это первое. Второе, это то, что он писал, полемизируя с уже тогда существовавшей государственной идеологией и с возникшим славянофильским движением, о том, что России суждено преподать некий урок внешнему миру, но урок этот может оказаться не положительным, а отрицательным. То есть не то, как надо, а то, как не надо. И мне кажется, что весь русский XX в. и был таким уроком отрицательного исторического регресса для нашей планеты, уроком о том, как не надо, который Россия преподала миру ценой десятков миллионов жизней обитавших в ней людей. В начале 1850-х гг. Алексис де Токвиль писал о том, что Россия и Америка — две великие страны, два государства будущего. Но Америка свой потенциал осуществила, а Россия XX в. проиграла, как говорил Солженицын. Но все же в интеллектуальном, культурном смысле она свой потенциал не растратила полностью, что позволяет смотреть на вещи с определенной долей оптимизма.

Что еще из наследия Чаадаева сохраняет актуальность, так это его умение находить язык, общаться с представителями разных политических и интеллектуальных течений. К примеру, он полемизировал со славянофилами, но они были членами одного круга. Его очень уважал Герцен, хотя и скептически о нем отзывался и в своих дневниках, и в книге «Былое и думы». Это старая проблема русской культурной жизни — неумение полемизировать, неумение даже услышать собеседника, если он не разделяет полноту ваших взглядов, и Чаадаев предлагает нам урок того, как человек может вызвать к себе уважение, к своему интеллектуальному статусу не только у своих сторонников — которых у него было очень мало, — но и у своих оппонентов.

С.Э. Следующий вопрос будет о Солженицыне. Солженицын стал вашей второй многолетней темой. Возможно, вы даже сумели дочитать до конца «Красное колесо». Как объяснить этот стилистический переход от изящных французских текстов русского католика к тяжеловесным конструкциям вермонтского «архаиста»? В России многие ценят Солженицына как отважного публициста, но мало кто искренне признает его большим писателем. Каково ваше мнение?

Р.Т. Через пару месяцев выходит моя книга о литературных произведениях Солженицына «Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's Fictive Worlds» («Слово над хаосом. Художественные миры Александра Солженицына»). В этом исследовании я как раз показываю, что Сол-

женицын был очень большим писателем. Я прослеживаю его связь с русским и особенно западным модернизмом, показываю, как он под поверхностью текста вводит в свои произведения организующий игровой элемент, напоминающий интеллектуальное чувство юмора Борхеса и Набокова. Все это почти полностью прошло мимо внимания русских читателей. Солженицын как писатель, как автор романов и рассказов еще не прочитан. И я хочу помочь читателям, и англоязычным, и русским, еще раз обратить взгляд на его тексты.

В России существует распространенное мнение, что автор «Архипелага ГУЛАГ» в первую очередь публицист, что он человек, который использовал литературу в качестве инструмента политической борьбы. Я не отрицаю значение Солженицына как инакомыслящего, как лидера интеллектуальной духовной оппозиции к позднему советскому коммунизму, но для меня более интересны, более важны фактура и тонкость его художественных текстов. Я действительно прочитал «Красное колесо», и не один раз. У меня был период, когда я досконально прочитывал и изучал эти десять томов. Я могу поделиться одним своим соображением. «Красное колесо» — это произведение, которое в России не обладает той репутацией, на которую надеялся сам автор. Его читают как последовательность исторических романов о Первой мировой войне и русской революции. Но я предлагаю совершенно иную интерпретацию — на самом деле это историографическое произведение, научное произведение академического характера, в котором вымышленные

персонажи присутствуют в качестве методологических единиц, позволяющих автору-историку более ярко и многосторонне концептуализировать те события, о которых он ведет речь. Этот прием использовался не только Солженицыным, но и Эдмундом Моррисом, автором известной биографии Рональда Рейгана, в которой присутствует в качестве вымышленного персонажа некий друг молодости Рейгана, от лица которого и повествуется о нескольких десятилетиях жизни будущего президента. У Солженицына этот прием идет по всему тексту, по всем четырем узлам, и если вы будете «Красное колесо» воспринимать как методологически выверенное повествование с четко выраженной концепцией о нескольких годах русской истории, в котором, как было сказано выше, присутствует элемент художественной спекуляции, литературной стилистики, — то все встанет на свои места.

Кроме того, меня привлекает в Солженицыне этот элемент игры, который не всегда всеми оценивается, не всегда замечается. Вот пример. В его известном произведении «Один день Ивана Денисовича» присутствует лагерный фельдшер, Вдовушкин, молодой парень, который пишет стихи, пользуясь протекцией врача медпункта, спасшего его от общих работ. Мы видим этого персонажа глазами Ивана Денисовича, который не знает, что такое стихи, и остраненно замечает, как этот Вдовушкин пишет что-то на листе бумаге, очень аккуратно, колонкой — т. е. выписывает набело стихотворный текст. И я тогда задумался, почему такая странная фамилия — Вдовуш-

кин? Видимо, у него была жена или возлюбленная, которая умерла. А кто эта возлюбленная? Я решил, что это одна из муз и, скорее всего, муза эпической поэзии, Каллиопа. Или поэзии лирической — Эвтерпа. То есть Вдовушкина музы не вдохновляют, а он все пишет и пишет. Вдовушкин — графоман, и его статус фальшивого фельдшера и фальшивого поэта заставляет читателя задуматься.

Другой пример присутствует в том же «Красном колесе», где Солженицын вывел, среди прочих персонажей, членов своей семьи и своего отца. Его отец служит на фронте артиллеристом под командой подполковника Бойе. Этот старший командир выписан достаточно подробно, его своеобразная внешность, привычки, идиосинкразии. Так вот, я вывел, что этот подполковник *Бойе* — портрет майора красной армии *Боева*, под началом которого Солженицын служил в своем качестве начальника звуковой батареи в следующей мировой войне.

Можно перечислить сотни подобных примеров из солженицынских произведений, и для меня было большим эстетическим наслаждением их находить и потом интерпретировать.

Кроме этого, добавлю, что Солженицын это писатель, у которого очень узнаваемая дикция, авторский стиль, так же как у Толстого, Набокова, Джеймса Джойса, т. е. это писатели, которых можно узнать, прочитав только один абзац. Для многих читателей архаизмы, неологизмы, грамматические конструкции, эллипсисы, паратаксис, — т. е. все, что связано

с очень своеобразной манерой солженицынского письма, — становятся чем-то чрезмерным, и их это может оттолкнуть. Но другим читателям стиль этот импонирует. В конечном итоге мы воспринимаем литературу через призму наших вкусов и предубеждений. Я не говорю здесь ничего нового. Впрочем, мне бы хотелось, в качестве интерпретатора солженицынских текстов, показать, что в них и под ними существуют системы смыслов, которые не всегда были вычитаны, замечены его читателями, и даже его почитателями, не говоря уже о его оппонентах.

С.Э. Спасибо вам за эту замечательную работу. Эта книга будет переведена и на русский язык?

Р.Т. Я надеюсь подготовить к печати и русскоязычный вариант, потому что она могла бы быть интересна русскоязычному читателю. Особенно теперь.

С.Э. Да, я думаю, что она будет интересна и, конечно, заслуживает внимания читательской аудитории. Следующий наш вопрос традиционный. Каковы ваши творческие планы? Кроме перевода книги о Солженицыне на русский язык, что вы еще собираетесь делать?

Р.Т. В 2004 г. в издательстве «НЛО» вышел мой роман. Это кампусный роман с элементами фантастики, эротики, игры, об американском профессоре, который приезжает из Иллинойса — там, кстати, где я живу — в Москву, где узнает, что он потомок Екатерины Великой, естественно, по внебрачной линии, и решает короноваться на царство;

роман о его приключениях в Москве и других областях России. Я опубликовал его под псевдонимом «Роланд Харингтон», это же имя и главного героя. Сейчас я работаю над продолжением. Это снова будет кампусный роман, и там снова будет множество приключений моего героя на двух континентах.

Действие первого романа происходило в путинской России, ее первых лет, а также в отдельные годы царствования Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины Великой и императоров XIX в. от Павла до Николая II. Действие второго тоже будет развернуто в пространстве-времени, в том числе современной России, поэтому многие из тех перерывов постепенности и странностей, которые меня интригуют, как наблюдателя, как путешественника, будут представлены в этом произведении. Вот такой, написанный с юмором, с легким сердцем, получится культурологический комментарий.

Это литературный проект. А научный проект представляет собой курс лекций, который я сейчас читаю, о харизме. О харизме как о факторе политики, начиная с Французской революции, в XIX и XX вв., и о том, как харизматический стиль руководства проявляет себя в начале XXI в. и в России, и в Штатах, и в ряде других стран. Я пытаюсь показать, что как общественное явление харизма не определяется политической или языковой культурой данной страны, даже ее государственными традициями, что харизма — сама по себе бессодержательна. Это некий фильтр, через который политический руководитель осуществляет

эмоциональную связь со своей публичной, а та в свою очередь имеет возможность проецировать на личность и тело лидера свои чаянья, надежды, страхи. Я разработал, на мой взгляд, достаточно многостороннюю концепцию о харизме и сейчас об этом пишу и одновременно публикую по этой теме.

С. Э. И это будет монография?

Р. Т. Да, это будет научное исследование, в котором я буду рассматривать архетипных носителей харизмы, таких как Наполеон, и потом анализировать, предлагать интерпретацию ряда политических фигур уже современности, которые, на мой взгляд, в своей общественной, публичной

деятельности выказывают признаки харизматического стиля лидерства.

Меня интересует следующий факт. Возьмите Адольфа Гитлера и Льва Троцкого, это абсолютно противоположные, в идеологическом и самых разных других смыслах, политики, но один и тот же тип харизмы — ораторский, богемный, очень интенсивный, зашкаливающий в плане риторики. Такого типа выкладки меня очень привлекают.

С. Э. Спасибо за насыщенное информацией интервью! Мы будем рады опубликовать в нашем журнале перевод одной из рецензий на английское издание вашей книги о Солженицыне.

“THE FIRST TEMPEST ARRIVED IN ENGLAND WITH THE SQUAD OF WILLIAM THE CONQUEROR”.

Interview with Richard Tempest

Tempest Richard — Associate Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, University of Illinois at Urbana-Champaign (USA)

Key words: family memory, the Soviet Union of the 1960s — 1980s through the eyes of foreigners, P.Ya. Chaadaev, A. I. Solzhenitsyn, Russian culture in a global context.

Abstract. An American expert in Slavic studies, Englishman by birth, author of well-known works on the history of Russian culture and social thought, recalls his childhood and adolescence spent with his parents in Moscow, reflects on the perception of Russia and Russian culture in the world.

«Я ХОТЕЛ УЗНАТЬ, КАК ПОГИБЛИ МОИ РОДНЫЕ».

Интервью с А. М. Шнеером

(Апрель 2019)

Ключевые слова: семейная память, локальная память, Советская Латвия, история евреев Латвии, Вторая мировая война, Холокост, коллаборационизм, военнопленные, государственный антисемитизм, устная история.

Аннотация. Известный израильский историк, исследователь истории советских военнопленных в Германии, а также Холокоста, рассказывает об истории своей семьи, о своей жизни в СССР, о результатах своих научных изысканий, затрагивает некоторые дискуссионные проблемы истории Второй мировой войны.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-327-345

А. И. Шнеер является автором книг: Перчатки без пальцев и драный цилиндр. Иерусалим: Ной, 2002; Плен. В 2 томах. Иерусалим: Ной, 2003; Из НКВД в СС и обратно. М.: Параллели, 2004; Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2005; Dwa oblicza Zdrady. Instytut Wydawniczy ERICA, Warszawa 2010; «Я роман написал...» Иерусалим: Скопус. 2011; Pariahs among Pariahs. Soviet-Jewish POW

in German Captivity, 1941–1945. Yad Vashem. Jerusalem. 2016; Профессия — смерть. М.: Пятый Рим, 2019.

В соавторстве: *Коваль Л., Шнеер А.* Книга Спасителей. Рига. Международное общество истории гетто и геноцида евреев, 2000; *Полян П., Шнеер А.* Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М.: Новое издательство. 2006.

Беседовал А. С. Тулбуре.

А. Т. Арон Ильич, расскажите, пожалуйста, о ваших семейных корнях.

А. Ш. Родился я в Латвии, в совершенно замечательном небольшом го-

родке — Лудза, недалеко от границы с Россией. Городок древний — первые упоминания относятся к 1177 г. О нем упоминается в Киевско-Ипатьевской летописи. Городок, находящийся на границе с российски-

ми княжествами (с Псковским княжеством), оказавшийся в пределах Ливонии на пересечении торговых путей. В городе четыре озера, связанные с реками, впадающими в Неву и в Балтийское море. Как говорится, почти «из варяг в греки». Это привело к тому, что в свое время на холме на берегу озера у границы с Псковским княжеством в 1285 г. крестоносцы построили свой первый замок. А в 1399 г. построили замок, руины которого сохранились до сегодняшнего дня. Под стенами этого замка кого только не было! Шведский король Густав Адольф; Стефан Баторий, возвращаясь после осады Пскова, пытался осадить уже этот замок; Иван Грозный брал этот замок в ходе Ливонской войны; в городе останавливались Суворов, Екатерина II — дом, в котором они останавливались, сгорел в 38-м году при пожаре, в котором сгорела половина города.

В этом городе родился герой войны 1812 г. — Яков Петрович Кульнев, которого называли авангардным генералом. Его портрет висит в Эрмитаже в галерее героев войны 1812 г. Это был первый русский генерал, погибший в войне с Наполеоном — он погиб в июле 1812 г. под Клястицами в Белоруссии. Кульнев сражался под знаменами Суворова и прославился тем, что во время Шведской войны дошел до Стокгольма. В доме в его усадьбе сегодня находится Краеведческий музей. Уже в современной Латвии, когда отмечалось двухсотлетие войны 1812 г., перед входом в музей установили бюст генерала Кульнева. И с детских лет у меня с этим музеем было связано очень-очень многое... В советское время все пионерские отряды носили имена

каких-то героев. И наш пионерский отряд носил имя трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба. А потом вдруг — неизвестно, чья это была идея, но она прошла, — он был переименован в честь героя войны 1812 г. Якова Петровича Кульнева. Это абсолютно нехарактерно для СССР! Но, видимо, в этом специфика Латвии... Я ходил в музей, изучал его биографию, перерисовывал, что-то фотографировал. Вот с этого у меня все и начиналось. Я говорю об этом специально, потому что этим будет определяться мой выбор стать историком! Находясь в месте с такой историей, было просто невозможно не заинтересоваться ею!

С другой стороны, общая история и еврейская история — связаны. До Первой мировой войны из 7,5 тыс. жителей городка — более 3,5 тыс. были евреями. И местная полиция говорила на идише, во всяком случае — понимала его. Название города — Лудза — появилось в 1920 г. после принятия Латвией независимости, а до этого город назывался Люцин. В Киевско-Ипатьевской летописи сказано: «...И даст ему отец Люцин город, в нем родися, и поставиша на том месте церковь св. Михаила, где ся родил», т. е. у одного из русских князей там родился сын, и князь воздвиг один из первых православных храмов в этом районе.

А еврейская история здесь очень странная и интересная. До революции город называли латвийским Иерусалимом. Как Вильнюс, например, называли «Ерушалаим де Литва» — литовский Иерусалим. Лудза стояла в числе первых городов по количеству известных раввинов

и мудрецов. Здесь лудзенским автором Де-Глинном была написана книга, вышедшая в Петербурге: «Иллюстрированная история Второго храма».

На территорию Восточной Латвии евреи, судя по всему, пришли аж из Испании. Я установил происхождение своей фамилии — впервые она упоминается в XII в. в Испании. И вот, из Испании, через Германию, Польшу, Белоруссию, видимо, они и пришли на территорию Восточной Латвии, которая до 1772 г. была под властью Польши. Раввины оттуда были испанского происхождения. Например — Бенцион Дон Ихье. Ну откуда такой раввин в России?! А в Латвии — понятно. Я установил свою родословную по латвийским архивам с 1840 г., когда впервые семья упомянута в Люцине. Материалы надо искать и в Белоруссии, я уверен, что есть более ранние свидетельства.

А. Т. В своей лекции «Холокост на территории СССР» (Кишинев, 25 марта 2019 г.) вы сказали о том, что в 1941 г. свыше 60 ваших родных были уничтожены в Латвии.

А. Ш. Да. Причем они были расстреляны местными пособниками немцев. Пожалуй, с интереса о том, как это произошло, и начался мой интерес не просто к истории, но именно к Холокосту. Я хотел узнать, как погибли мои родные. Плюс еще такая своеобразная история семьи. Я ношу имя дяди — это папин старший брат Арон. Когда началась война, ему было 19 лет. Он был из коммунистически настроенной еврейской молодежи. Был в подполье еще в буржуазной Латвии комсомольцем, членом МО-

ПРа — международной организации помощи рабочим. И когда в 1940 г. в Латвии установилась советская власть, он был одним из первых, кто вступил в батальон рабочей гвардии Лудзы. Они были опорой советской власти, охраняли советские учреждения. Были как Красная гвардия в 1917 г. в России. У них была своя форма: синие гимнастерка, галифе, фуражка. Об этом мне рассказывал папа, а потом я нашел фотографию того батальона. На фото был и мой дядя, как раз на развалинах замка 1 мая 1941 г.: в форме стоят человек 50 из местных жителей абсолютно разных национальностей, ну и евреи, понятно, в том числе.

Папа рассказывает, когда началась война, буквально в первые дни встал вопрос: «Уходить или не уходить. И если уходить, то куда?!» Арон пришел домой уже с винтовкой и сказал: «Вы — как хотите, а я ухожу!» А почему «Вы — как хотите»? Потому, что помнили немцев 18-го года. Мой дедушка помнил, что тогда тоже в Лудзе стояли немцы, жили и в еврейских домах, гуляли с местными девушками и никаких расправ и расстрелов не было. Думали так: немцы — это же культура! Что могло угрожать местному населению?!

Дед работал в местной типографии наборщиком. Папин брат был по специальности электриком. Трудовая семья. А папе было 13 лет, когда началась война. Приехали родственники и стали говорить: «Куда вы уедете?! Зачем? Переждем здесь!» Причем папа рассказывал, что часть родственников была достаточно зажиточная, у них был свой мясной магазин. Ну а брат твердо решил

уходить. И моя бабушка, мама папы, сказала, что если уходит старший сын, то и мы пойдем. Вот они собрались и ушли вместе. Дошли до границы, а граница закрыта, жителей Латвии не пропускают, хотя с 1940 г. считались уже вроде бы советскими гражданами. Но брат — комсомолец с комсомольским билетом. И его с семьей пропустили.

Они оказались в эвакуации. По дороге бомбили. В общем — обычная история. Папа очень много об этом рассказывал. Я как раз публикую эти его воспоминания.

А. Т. А кто ушел со старшим братом — вашим дядей?

А. Ш. Мой отец, их родители. Остальные остались. В эвакуации папа с семьей оказались в Горьковской области, в колхозе — село Крутец Бутурлинского района. Я прекрасно все это знаю и помню по рассказам папы. Сохранились его удивительные воспоминания о людях, о той бескорыстной помощи, которую оказывали местные жители беженцам, среди которых было много евреев. Уже внучка из одной такой семьи Ольга Сомова из Бутурлино несколько раз гостила у нас в Иерусалиме.

В конце июля 1941 г. вся папина семья, включая его, начала работать в колхозе. А в августе принимается решение о создании первого национального подразделения в Красной армии: Латышской дивизии. Папин брат Арон сразу же уходит добровольцем в эту дивизию. Она в августе — сентябре 1941 г. формируется в Гороховецких лагерях во Владимирской области. Боевое крещение

получает в боях под Москвой в декабрьском наступлении. Папин брат сражается под Наро-Фоминском, был ранен, оказывается в госпитале. После выздоровления его направляют в военное училище. Но военная ситуация такова, что его, как и многих курсантов военных училищ, отправляют на фронт. Курсантов выпустили без офицерских званий, не успели доучиться. Всем дали старшего сержанта и в бой. Арон попадает не в Латышскую дивизию, а под Ленинград командиром отделения разведки. 2 сентября 1942 г. он гибнет в боях под Синявино. Его могилу искали очень долго, не могли найти. В извещении было: «Погиб в районе военных действий под Синявино». На запросы о месте захоронения Министерство обороны отвечало: «Похоронен в районе боевых действий». Я решил обратиться к Красным следопытам в Ленинграде. Теперь многие и не знают, что это такое. Я школьник-краевед в Лудзе. Я этим же занимался у себя в районе и тоже находил могилы погибших воинов. И вот пришло письмо из ленинградского Дома пионеров. Следопыты нашли место захоронения. Это братская могила в Синявино.

9 мая 1985 г. нас пригласили в Синявино отметить День Победы, вспомнить погибших.

А. Т. Его идентифицировали, были какие-то документы?

А. Ш. Нет, но Красные следопыты нашли сведения в военкомате о месте захоронения и о переносе останков в братскую могилу. И на ней среди многих имен есть имя Арона Шнеера. Мы остановились у папиного зна-

когого Михаила Короткого — родом из Лудзы. Они с Ароном дружили. Короткий тоже был участником войны, был ранен в боях за взятие Будапешта. На его машине мы поехали в Синявино. И по обе стороны дороги стояли люди. На улице 1985 г., и тем, кто родился в 1920-м, — 65 лет, еще живы родственники погибших. Люди стоят с фотографиями погибших и пропавших без вести с надписями: «Кто знал такого-то, такого-то». Еще нет никакого Бессмертного полка! Вот тогда своими глазами я увидел этот настоящий Бессмертный полк. Сотни людей по обе стороны дороги, и ты едешь буквально сквозь строй... Братская могила — похоронено около 5 тыс. человек, из них известно около 800. Среди них имя дяди. Вот она, подлинная история войны.

А. Т. И отношение к погибшим со стороны государства!

А. Ш. И это тоже. Министерство обороны отвечало: «Похоронен в районе боевых действий. Никакими сведениями не обладаем» и все. А Красные следопыты обнаруживали, молодцы!

А. Т. Ну, значит, можно было!

А. Ш. Да, можно было. И вот папа нашел могилу брата, а я дяди.

Еще один момент о папе. В июле 1944 г. родной городок освободили. И в декабре папа с родителями возвращаются в Латвию. Папе 16 лет. В эвакуации он вступил в комсомол, выучил русский язык — раньше он знал латышский и идиш, а на русском почти не говорили, дома больше говорили на идише. Папа работал в колхозе на конюшне, развозил во-

ду, на уборке хлеба, а потом в промкомбинате при колхозе в 14–15 лет был начальником смены в цеху по производству спичек. Работали дети — ведь мужчины на фронте. Дети: мальчики, девочки красили табачки, делали спички для фронта.

В 16 лет он возвращается в Латвию. Где родные? Все погибли, никого нет, куда деваться! А отец в 16 лет уже комсомолец, добровольцем идет в истребительный батальон. Он остается в своем родном районе и начинает борьбу с теми, кого сегодня в Латвии называют героями, патриотами и национальными партизанами.

В 1946 г. отцу 18 лет — первый набор в Рижскую школу милиции. Он идет туда и оканчивает ее в 1947 г. Работает в Отделе по борьбе с бандитизмом. Выполнение спецзаданий, благодарности и т. д.

Но история меняется. 1949 г. — начинается кампания борьбы с космополитизмом, и его увольняют из органов. Он попадает под ту волну! Лейтенант. В отделе борьбы с бандитизмом он на передовой сражается с этими бандитами! Но все равно его уволили! Тем не менее добрые отношения — ведь ситуация в Латвии была такая (я помню это с детства), что до 1955 г. дома был автомат. Из органов уволили, а потом появились бригады содействия милиции. Мы жили в доме, наискосок простреленном автоматной очередью — отца приходили убивать! Семью неоднократно предупреждали: «Родители, уймите вашего сына!» Но важно понять, что отец был убежденным комсомольцем, потому и выбрал такой путь. Все это было тоже. Но в первую

очередь — желание отомстить за своих погибших родных, близких и, главное — за брата! Брат для него был кумиром!

А. Т. Вы сказали, что трагедия вашей семьи в значительной мере повлияла на ваш профессиональный выбор, на интерес к истории Холокоста. Но, как известно и как вы говорили в своей лекции — в СССР это была замалчиваемая тема. Вы окончили советский вуз в советское время. Каким образом вы могли заниматься этими сюжетами?!

А. Ш. Я занимался краеведением. Для меня это было очень важно и интересно. Мои первые публикации не имели к Холокосту никакого отношения. Хотя пленом, военнопленными я интересовался. Но в истории все взаимосвязано! И все идет из детства. Наш дом находился напротив тюрьмы. До 1956 г. там была тюрьма. Еще ранее там был тюремный замок. Ведь тюрьмы во все времена остаются тюрьмами. Так вот, во время войны оттуда бежали военнопленные. Как рассказывают, в стене тюремной бани был сделан пролом, и вот через него они бежали как-то зимней ночью 1941 г., в декабре. Самое интересное — городок-то маленький, но никого из них не поймали. А потом я нашел немецкие приказы и распоряжения о поиске. Сбежало около 30 человек. И мне было интересно — как, кто и почему? Вот так микроистория переросла потом в профессиональный интерес и более фундаментальные исследования. Но в советское время это никому было не нужно. Все писалось мною в стол, для себя. Факты, воспоминания, интервью — я записывал для себя.

А. Т. То есть уже в позднее советское время вы занимались тем, что сейчас именуется устной историей? А какими темами вы еще занимались?

А. Ш. Тем, что выросло потом в мою научную работу: «Русско-польские революционные связи на территории Восточной Латгалии во время польского восстания 1863 года». Одна из моих публикаций на эту тему была в издании РАН в 2015 г. Я копался в архивах, в Лудзенском краеведческом музее. Уже в зрелые годы работал в архивах Риги и Вильнюса. Ведь один из центров печатного издания «Земли и Воли» был неподалеку от Лудзы! Это был один из центров организации польского восстания, связанный с Петербургом. У меня была серия материалов и статей на эту тему. Ну а остальное писалось в стол.

Окончил я Даугавпилсский педагогический институт по специальности «русский язык, литература и история». Совершенно замечательная у нас была кафедра историков, литераторов. Выпускники ИФЛИ — само название звучит! Преподавателем зарубежной литературы был профессор И. А. Дубашинский. Он был кавалером ордена Александра Невского, начальник разведки танковой бригады, один из первых, ворвавшихся во Львов в июле 1944 г. А русский язык преподавал доцент Быковский — кавалер двух медалей за отвагу. Историю КПСС — замечательнейший преподаватель Василий Егорович Попов, полковник, прошедший от Москвы до Берлина, профессиональный политработник. Очень умный, честный, порядочный

человек! У меня с ним были очень хорошие отношения. Так уж получилось — я был таким активным, интересующимся молодым человеком! Все связано! Но вначале я поступил в Политехнический институт, проучился три года там и ушел, потому что это не мое. А до этого два года проработал электриком. Был секретарем комсомольской организации. Помню: я комсомолец, хочу вступать в партию, а Василий Егорович мне говорит: «Арон, а зачем Вам это надо?!» Это человек, который вступил в партию на войне под Москвой, политработник и т. д. Вот так это было. Он не побоялся, абсолютно доверял мне.

И на этом вопрос для меня был закрыт. При том что во мне все сочеталось. Ведь, с одной стороны, я родился в абсолютно еврейской семье. Папа до войны учился в еврейской школе, говорил на идиш, изучал иврит. Когда мы переехали в Израиль, он иврит освоил быстрее меня, потому что помнил его с детства. По субботам свечи у нас дома зажигались всегда, и это было еще в Латвии. Поэтому еврейская тема для меня не была каким-то открытием и откровением. Как для многих, приехавших в Израиль, выросших в среде, которая с еврейством была незнакома. А для меня настолько это было свое и родное, что культурного шока я абсолютно не испытал! Это для меня важный момент! Я подчеркиваю, что это все же было советское еврейство. Но та еврейская часть жизни была естественной! Еврейские праздники — в Риге я ходил в синагогу. Но и то, что я был комсомольцем — тоже было для меня естественно!

А. Т. Вам удавалось сочетать и то, и другое! Вы были советским человеком, но оставалось пространство для личного.

А. Ш. Я не знаю. Наверное, это пространство нельзя до конца назвать личным, скорее, пространством национального самосознания. Ведь отца, слава Богу, не репрессировали, правда, в силу происхождения уволили. Ну было, да. Потом все наладилось.

В партию я не вступал, но у меня не было внутреннего конфликта с советской властью. Так уж сложилось в нашей семье. Второй дядя, мамин брат Исаак, он тоже прошел всю войну и закончил ее капитаном, а перед войной окончил Коммунистический институт журналистики. Потом он работал в «Комсомольской правде». А войну встретил рядовым в танковой части под Бродами. Участвовал в обороне Киева, Кавказа, дошел до Вены. Награжден орденом Красной Звезды, боевыми медалями.

То есть атмосфера дома была все равно советская! Еврейство и советская атмосфера — это не противоречило! Более того — дедушка, который был наборщиком в типографии и все газеты от корки до корки профессионально прочитывал... Но почему я это говорю — когда встал вопрос о выезде в Израиль, он не был для нас таким острым. Хотя папины родственники из Латвии были в Израиле еще с 30-х гг.! И связь с ними поддерживалась. Дед говорил: «Ну, как это — мой сын здесь похоронен, а я куда-то уеду?!» Дед был религиозным, но отношение к *своей земле* было особым. И здесь не идет речь

о советской власти. А с другой стороны — да, было и это: советская власть, образование, реализация возможностей — в том числе и для сына... Такое соотношение удивительно!

А. Т. На сайте журнала «Историческая экспертиза» недавно опубликованы документы и воспоминания о трагедии преподавателя истфака Кишиневского государственного университета Анатолия Морицевича Миркина, которого в 1978 г. по указанию КГБ затравили руками коллег по факультету, уволили с «волчьим билетом» и фактически довели до самоубийства¹. Его «преступление» состояло в том, что он помог коллеге, собиравшемуся эмигрировать в Израиль, вывезти выписки из архивных документов XIX в. Поскольку это, говоря советским языком, ЧП произошло на историческом факультете, в протоколах заседаний — партсобраний и ученых советов — «солдаты партии» постоянно повторяли: «Мы не просто готовим историков, нам нужны бойцы идеологического фронта!» А вы чувствовали во время учебы, что из вас готовят бойца идеологического фронта? Ведь, как я понимаю, вы им не стали.

А. Ш. Как ни парадоксально, я практически стал им. В институте в комитете комсомола я руководил пропагандистским направлением, был комиссаром стройотряда. Но у меня не было раздвоенности! Я был абсолютно советским человеком. И если уж говорить о причине выезда в Израиль в 1990 г. во время рас-

пада СССР, то, я думаю, большинство советских людей все эти идеи перестройки восприняли на ура. Это было так. И в той же Латвии процессы проходили, появлялись национальные общества. И тут уже, не стесняясь, я избран был в Совет общества еврейской культуры Латвии. Я и до этого углубленно интересовался еврейской историей. Еще раньше появился самиздат — я прочел «ГУЛАГ» Солженицына, но как историк не во все поверил, потому что это больше было написано по чувствам и воспоминаниям, не все на основе документов. Такое отношение к этому произведению сложилось благодаря моим преподавателям. Они учили критически мыслить, работать с источниками. У этих людей была отличная научная школа Москвы и Ленинграда. А потом и Рижский университет...

А. Т. Кого из ваших преподавателей, профессоров вы бы отметили особо?

А. Ш. Профессор Дубашинский, о котором я уже говорил. Древнюю историю, археологию преподавал фантастический человек — Йол Павлович (Песахович) Вейнберг. Он приходил без единой бумажки. Читал лекцию, следующую встречу начинал именно с того места, на котором остановился. Он переживал, если студент отвечал плохо. Он в совершенстве знал немецкий, английский, латышский. Говорил и читал на латыни, читал по-гречески, знал идиш и иврит. Понятно, и русский. Но немецкий — родной, потому что

¹ URL: https://istorex.ru/page/unichtozhit_i_zabit_dokumenty_i_vospominaniya_o_zhizni_i_gibeli_istorika_mirkinda.

до войны он учился в немецкой гимназии и дома говорили по-немецки. Он был в Рижском гетто, родители погибли, он оказался в Штуттофе, затем Бухенвальде, потом вернулся в Латвию... Эти люди получили классическое образование! И это парадокс Даугавпилсского института. А почему? Потому что в 50-е гг., когда создается этот педагогический институт, местных кадров не хватает. И кого направляют? Евреев, которые не нужны в центре. А среди них — несколько профессоров и отличные преподаватели. И вот их нужно отправить куда-то на периферию. И выпускники Ленинградского университета (тоже фронтовики) профессора — муж и жена Левитан и Цилевич, тоже преподают там. Был еще преподаватель латыни Векслер. Это была еще *та* школа! Мне повезло! Это были *последние из могикан*! И совершенно замечательный, дай Бог ему дожить до 120 лет, — мой удивительный профессор (ведь не всегда преподаватель становится другом!), сегодня он еще и академик латвийской Академии, преподаватель зарубежной литературы — Федор Полиевктович Федоров. Он тоже был уроженцем Лудзы. Из интеллигентнейшей семьи старообрядцев. Человек удивительной эрудиции. Ученик знаменитейших филологов В.М. Жирмунского и Н.Я. Берковского. Мне повезло на таких удивительных людей!

А. Т. Расскажите, пожалуйста, об основных этапах вашей академической карьеры.

А. Ш. Она не совсем академически-классическая: преподаватель в школе, университет, работа в архиве,

заочная аспирантура, опять преподаватель в школе, замдиректора одной из школ по воспитательной работе. В вузах я не преподавал.

Перестройка; 90-е гг.; преподавал историю еврейского народа в первой в СССР еврейской школе, открытой в Риге. Все это было до тех пор, пока на одной из демонстраций у памятника Свободы я увидел неподалеку от себя человека с немецкими наградами в полувоенной форме... и подумал: «Да что мне делать здесь рядом с этими людьми?! Стоять с ними в одном ряду у этого памятника?! Это те, кто убивал! (С легионерами сложнее вопрос.) С фашистами быть не хочу!» И сразу как отрезало. Я понял, что хочу уехать. При том что Латвию люблю.

У меня по сегодняшний день тесные связи в Латвии с друзьями, с историками, в конференциях принимаем участие. Сложилось замечательное новое поколение историков — не зашоренное. И как ни странно — с антисоветских и даже антирусских позиций выступают сегодня именно те, кто учился и получал образование в советское время. А молодежь работает с фактами, они открыты для дискуссий и диалога. Эта так называемая историческая элита — она куда более ожесточенная и уходящая в неприятие советского, российского. И такой феномен мы наблюдаем везде! Степень доктора я получил в 1991 г. в Израиле.

А. Т. В одном из интервью вы рассказывали, что после приезда в Израиль в июне 1990 г. уже через два месяца провели первую экскурсию в музей «Яд ва-Шем».

А. Ш. Это благодаря тому, о чем мы говорили — так называемой *работе в стол*. И как ни парадоксально, когда говорят, что в Советском Союзе ничего о Холокосте не было известно, это не совсем верно. Не употреблялось само слово «Холокост», но о зверствах нацистов говорилось. Материалов и фотографий об этих преступлениях была масса. Советские люди, умеющие читать по-советски между строк, знали, что основная масса убитых «мирных советских граждан» — это были убиенные евреи.

Эти знания поразили моих коллег в «Яд ва-Шем». Они спрашивали, откуда, например, я знаю эти фото. А я отвечал, что видел их в советских книгах, в материалах по истории Латвии. И более того, указывал на географические ошибки по указанию местности. Потом, при просмотре какого-то фильма, указывал, что танки там немецкие, а в фильме они указаны как советские. Это неправильная историческая редакция. На все эти ошибки я указывал. А они были просто поражены! Но когда ты занимаешься чем-то, что называется *в охотку*, тем, что не навязано, самостоятельно — ты смотришь куда глубже, тебе это интересно. И действительно, у меня были сразу же предложения работать в кибуце «Лехомей Хагеттоот» («Борцы гетто») в их музее Холокоста, со своим русским отделом. Но жена не захотела переезжать в кибуц. И я отказался.

Когда я пришел в «Яд ва-Шем», для меня исследовательской должности не было. Это было проблемой. Есть специальная стипендия для научных работников, но штатной единицы

не было. И я начал с экскурсий. Поток репатриантов из России большой, знакомить репатриантов с этой темой необходимо, экскурсоводов не хватает. Меня несколько раз послушали и сказали, что я гожусь. Так с сентября 1990 г. я начал водить экскурсии. А уже в декабре принимал участие в первой научной конференции. Я выступал с сообщением о евреях в советском партизанском движении. И это тоже на основе тех материалов, которые я набирал еще дома.

Я в советское время писал в газету «Красная звезда» по поводу того, что написано о защитниках Дома Павлова, почему там не указана еврейская фамилия Хайт — перечислены все герои и национальности, а Хайта нет. Мне ответили, что я прав, но материал уже напечатан и т. д. А мне это было интересно, я искал в латвийских архивах, читал и поднимал прессу тех лет, где все эти фамилии присутствовали.

Интерес к еврейской истории у меня возник, пожалуй, с интереса к истории еврейского героизма в годы войны.

А. Т. Это очень важная тема в связи с рассуждениями о том, что все евреи якобы покорно шли к расстрельным рвам и газовым камерам.

А. Ш. Да, конечно! И у меня был сознательный интерес, были открытия не только Холокоста, но и еврейского героизма. Например, была издана замечательная книга ДОСААФ «Танки»: от истории создания танка Пороховщикова. В книге перечислены национальности танкистов

Героев Советского Союза. Но среди них не нашлось места евреям. Даже дважды Герою Советского Союза — генерал-лейтенанту Драгунскому. Не нашлось там места Героям Советского Союза, танкистам, которые брали Берлин, например командиру танковой бригады полковнику Абраму Темнику. Двум братьям Героям Советского Союза Евсею и Матвею Вайнрубам. Или читаешь списки летчиков Героев Советского Союза — перечислены разные национальности, но нет ни одного еврея, а их более 20. никоим образом не уменьшая и не унижая заслуг остальных! Например, Ахмет-Хан Султан — крымский татарин — блестящий летчик, дважды Герой Советского Союза. Та же трагическая судьба его народа — крымских татар — это факт! Но евреи были просто вычеркнуты из истории войны. Мне было интересно узнать, почему сознательно замалчивался их героизм.

Еще в школьные годы у меня появилась тетрадь, в которую я собирал материалы о евреях Героях Советского Союза и назвал ее «России верные сыны» (вот, кстати, еще пример моего советского мышления!).

А. Т. Ваша книга «Плен» стала бестселлером. Как вы говорили, начало этого труда тоже восходит к детству, юности, идет от краеведческого интереса. Все это переросло в фундаментальное исследование. Расскажите, пожалуйста, как была написана эта книга, о чем она?

А. Ш. Эта книга о судьбе советских военнопленных. Что для меня очень важно — первое издание вышло в Израиле в 2003 г. и состоит из двух то-

мов. Для того чтобы понять трагедию советских военнопленных, всю катастрофичность и ужас их положения, надо было рассказать и о западных военнопленных. Поэтому в сравнительной части первого тома идут судьбы западных военнопленных. И тогда становится понятна трагедия советских — а что же произошло, почему и как это отличается от достаточно благополучной судьбы западных военнопленных. Например, вот книга воспоминаний западного (французского) военнопленного, с названием, которое не пришло бы в голову ни одному советскому человеку — «Затянувшиеся каникулы»! Понимаете?! Так что многие вещи я открывал для себя сам. Я уже не говорю про Красный Крест, помощь и более серьезные мотивы. Мне было важно рассказать о том, о чем умалчивалось. Не о героизме, не о сопротивлении — об этом писалось много советских цензурированных воспоминаний. Важно было показывать стойких сопротивляющихся бойцов. Но, объективно говоря, их было меньшинство — единицы.

Я не знаю, как мои общие взгляды привели к пониманию того, что надо показать повседневность плена. Я осознал, что люди, погибшие в плену, — более 3 млн советских военнопленных — это не предатели, как их тогда называли. К ним было сложное отношение и со стороны фронтовиков, и со стороны родных, которое сохранялось и после войны. Я сталкивался с этим в никогда ранее не опубликованных воспоминаниях, которые мне начали присылать отовсюду — из Украины, России, Америки... Так вот, я понял, что эти люди, которые погибли в плену, —

они герои. Герои не только те, кто сопротивлялся и бежал в партизанские отряды, — складывалось у всех по-разному. Ведь у них у всех была возможность спасти свою жизнь путем коллаборации. И многие такой путь избирали. Не только армия Власова! Но умирая от голода и погибая в плену, они не шли на это, избирали иной путь, погибли, и никто о них не сказал доброго слова. И дело даже не в добром слове! Важно рассказать правду о том, в каких условиях они жили. Об этом у меня в книге рассказано поэтапно. Я рассказываю о причинах попадания в плен: психологические мотивы, военно-политические, ситуационные — ведь этому способствовала и советская власть. Никто не предполагал, что представляет собой немецкий плен образца 1941 г. Кто, действительно, мог сдать в плен, переждать войну, а потом — будь что будет?! Ведь опыт Первой мировой был другим! И хотя он тоже был по-своему сложным, но это было несравнимо! А тут столкнулись с совсем иной трагедией — КАК попадали в плен, первые часы плена, транзитные лагеря, постоянные лагеря и т.д. Никогда никто не затрагивал тему советского офицерства в плену, а у меня есть целая глава об этом. Еще одна тема — женщины в немецком плену — о поведении, насилии, пребывании. Об этом вообще никто никогда не говорил, я первый поднял эту тему, так же как и о лагерной полиции. А там же возникла масса специфических проблем! Ну и понятно, что тему евреев в плену я обойти не мог, потому что на фоне советских военнопленных трагедия евреев опять выделяется — отсутствием шансов на спасение путем коллаборации! Потому что бы-

ло целенаправленное уничтожение в результате и приказа о комиссарах, и общей политики нацистов в отношении евреев.

Очень интересны судьбы врачей в плену, спасение евреев. Причем не просто спасение, а спасение со стороны товарищей, да и со стороны немцев. И такие факты были, пусть редкие. Спасение — как сотрудничество. Никто же не поднимал темы сотрудничества евреев с нацистами. А было и такое. Выдавая себя за представителей другой национальности, некоторые евреи шли на сотрудничество с немцами, чтобы спасти свою жизнь и еще больше увеличить шансы на спасение. В моей книге «Профессия — смерть» речь идет о тех, кто служил в лагерях смерти, проходил подготовку в учебном лагере СС Травники. Одним из них оказался еврей, который выдал себя за фольксдойч. А оказавшись в том лагере, ты не уйдешь от преступлений, которые творились. В 1948 г. он был найден и тоже расстрелян. Были и такие факты.

Сложности такого поведения в плену, мотивации и проблемы я и рассматриваю. На английском и на немецком эти темы поднимались. И, действительно, как было отмечено — на русском языке подобное не выходило. И это, пожалуй, самое серьезное фундаментальное исследование о трагедии советских военнопленных.

А. Т. Вот ваш двухтомник о плене...

А. Ш. Второй том — это полностью еврейская тема. Евреи в плену. Причем я рассматриваю, как они оказались в Красной армии, рассказываю

о царской армии, Гражданской войне, 30-х гг. Весь путь становления — советские годы, когда они получили все права; возможности офицерства; генералы; проблема наград; подвиги и т. д. Это могли быть две отдельные книги. Но мне было важно показать единство: советские евреи — воины Красной армии. Это единый механизм и единый организм, единая судьба. Они плоть от плоти страны, разделившие судьбу и трагедию своих товарищей по оружию. Хотя в то же время от товарищей по оружию неоднократно зависела их судьба — «сдавать — не сдавать». И чаще всего свои-то и сдавали, и — как исключение — спасали свои. Вот таковы были реалии, с которыми они столкнулись! Вот эти единство и противоположность явления я рассматриваю. Несмотря на то, что книга абсолютно академическая (в конце есть географический справочник, библиография, список имен и фамилий, всюду сноски, ссылки, архив), за каждое слово, которое я пишу — я отвечаю! Никогда не скажу то, чего не знаю либо не могу подтвердить. Поэтому некоторые вещи на лекции я даю под запись. Потому что если это важно, это должно прозвучать так, как это написано.

С другой стороны, я человек гуманитарный и где-то склонный к литературе, поэтому все это легко читается. Это не сухой академический язык. Я подаю трагедию и судьбы военнопленных через личные истории. У меня было более 200 интервью с военнопленными, участниками войны. Причем разных национальностей.

Я начал собирать материал еще на школьной скамье. Никому не надо, а мне это интересно! Недавно,

например, в Латвии речь шла о Цукурсе — всемирно известный латвийский довоенный летчик, а в годы войны участник массовых убийств евреев, убит в 1965 г. израильскими спецслужбами в Уругвае. Прокуратура Латвии прекратила уголовное дело за недостаточностью улик. Практически признала невиновным. А я поднимаю свои записи, и у меня в октябре 1981 г. — беседа с узником гетто Паулем Ротбартом, который рассказывает о том, что Цукурс творил в гетто: «Помню его в коричневом пальто, с пистолетом в руке...» Я записывал для себя, мне было интересно, я не знал, что это мне когда-то пригодится. Но вот он, факт! Это не ангажировано, это не для сегодняшнего дня. Мотивы были другие. Политической мотивации не было.

А. Т. Ваша книга наверняка вызвала неоднозначные реакции. Тема долго замалчивалась. Этих несчастных людей, которых тоже можно считать героями, забыли.

А. Ш. Да, это не спонтанный герой, когда по велению минуты ты можешь броситься на амбразуру, взорвать себя гранатой, не желая сдаваться в плен. Жить в плену — это постоянно превозмогая смерть. Это более тяжелый, поэтапный героизм, растянутые во времени страдания. «Лучше страшный конец, чем бесконечный страх!» А вот пережить и тот страх, и висящий дамоклов меч — чрезвычайно трудно. Это тоже проявление человека. Люди, конечно, вели себя по-разному. И я подчеркиваю и пишу об этом в новой книге. Как и о том, что работа СМЕР-Ша тоже была важна. Необходимо было вести селекцию — под видом

военнопленных скрывалась масса немецких пособников.

Если говорить об отзывах, то меня приятно удивило и даже поразило, что со стороны всех направлений — левых, правых, православных, национальных — была очень положительная реакция! Я пишу и о православной церкви, которая окормляла плененных в лагерях. В общем, затрагиваю столько проблем, что *каждой сестре досталось по серьге*, но я стараюсь быть объективным. Говоря о евреях 20–30-х гг., я пишу об истоках ненависти к евреям, об их участии в органах НКВД и т. д. Мне написал один из авторов — бывший военный: хорошо, что «вы пишете о своих преступлениях». Мотивы могли быть разные, но я пишу ту правду, которая могла подтолкнуть к неприятию, к ненависти.

А. Т. По преобладанию евреев в НКВД — это, скорее, пропагандистские клише.

А. Ш. Но тем не менее я пишу о том, что это могло быть одной из причин неприятия, ненависти. От традиционного антисемитизма до обвинений в поддержке советской власти, участии в карательных органах, в советском пропагандистском аппарате и т. д. У меня есть целая глава: «Довоенный антисемитизм. Антисемитизм в тылу и на фронте. Немецкая антисемитская пропаганда. Реакция советских политорганов на это». В общем, даю довольно обширный спектр проблем. И вот сейчас эта книга — «Плен», с дополненными главами, лежит в одном издательстве, но все упирается в финансирование!

А. Т. Расскажите, пожалуйста о ваших творческих планах.

А. Ш. От этой темы я перешел к сотрудничеству советских военнопленных с нацистами в регулярных армиях и в полицейских подразделениях. Об этом очень много писали. Но я хочу рассказать именно о страшной ипостаси убийц, непосредственно о тех, кто работал в лагерях смерти, тех, кто служил в них. Потом они служили и в других концлагерях тоже!

А. Т. Назовите, пожалуйста, эти четыре лагеря!

А. Ш. Треблинка, Собибор, Хелмно и Белжец — лагеря смерти и уничтожения. В них жизнь человека измерялась временем обработки эшелона, приходящего в лагерь. И в фильме «Собибор», который недавно вышел, это тоже показано. При всем моем неоднозначном отношении к нему и огромном количестве споров по его поводу! Но тем не менее это показано. Потому что во всех других лагерях человек, попавший в лагерь, использовался с максимальной пользой для нацистов в качестве дармовой физической силы. Конечная цель та же — доведение до смерти. Но тем не менее использование физического труда на различного рода предприятиях на службе рейху. А здесь — евреи не нужны даже в качестве рабов. И потому — тотальное и немедленное уничтожение.

В этих лагерях работала специфическая группа, в основном так же из числа советских военнопленных, прошедших курс подготовки в учебном лагере СС — Травнике, неподалеку от Люблина. От полутора

до трех месяцев подготовка. В книге поднимаются глобальные вопросы. Это и повседневность лагеря, учебный процесс, подготовка, их деятельность и т. д.

И нельзя было обойти серьезный сложный вопрос, находящийся сегодня на пике интересов — с точки зрения и пропаганды, и политики и т. д. Для меня это не зависит от сегодняшнего дня, от конъюнктуры. Из 5080 человек, прошедших эту подготовку, 3600 — были украинцами. Кстати, у меня в книге впервые рассматривается тайна лагерной полиции из числа тех же советских военнопленных — первая форма коллаборации, которая начинается в лагере. Военнопленных там распределяли. Украинцев направляли в полицию. Дело порой доходило до драки — почему украинцам отдают предпочтение по сравнению с русскими? Потому что лагерная полиция — это новый паек, вопрос выживания. Это факт, от которого никуда не денешься.

Целая глава моей новой книги посвящена этому вопросу: «Украинский фактор в лагере Травники». На русском языке не было подобной литературы. Кое-что выходило на польском, на английском, на немецком. Сейчас я работаю по материалам уголовных процессов. Специфика работы в том, что это не просто компиляция по ранее изданной переводной литературе. Я работаю с материалами советских уголовных процессов, которые практически не исследовались. Именно по лагерю Травники.

А. Т. Наверное, эта работа больше опирается на материалы украинских архивов?

А. Ш. На украинские, да, но они есть и в российских архивах. С российскими материалами сложнее, но у меня есть хорошие друзья. Один из них, историк-кинодокументалист Вадим Гасанов, который делал документальный фильм «Травники — школа палачей» (я тоже принимал участие в этом фильме), делился со мной некоторыми материалами ФСБ, к которым у него есть доступ. Для новой книги он предоставил ряд фотографий. У меня есть люди, которые с удовольствием помогают с материалами!

А. Т. То есть это классический исторический труд, сделанный на архивах, с документами, которые впервые вводятся в оборот?

А. Ш. Процентом 80–90 идет в оборот абсолютно впервые. Так же как и в случае с книгой «Плен». Потому что материалы из советских архивов были не доступны, но масса воспоминаний, личные истории и судьбы открываются впервые.

А. Т. Это другая перспектива, взгляд на прошлое через призму и глазами участников событий.

А. Ш. Совершенно верно. Причем в годы перестройки появилось много воспоминаний такого рода, уже менее цензурированных. Как при работе над книгой о плене для меня была важна именно стройная система всего пребывания в плену, так и сейчас важна стройная система изложения истории самого лагеря. От его создания, с системой обучения повседневности, быта курсантов, их дальнейшей службы в разных местах — лагерях не только смерти, но и в гетто,

например в Люблине, Дрогобыче. Они попадали куда угодно! Кстати, характеристика того, что происходило, тоже говорит о национальном составе. В Эстонии пленные их называли — черные петлюровцы. Потому что была аналогия: они говорили на украинском, и форма была черная.

А. Т. А украинцы были из определенных регионов Украины?

А. Ш. Значительная часть — из Западной Украины. Потому что в 1943 г., когда иссякнет поток советских военнопленных и контингент добровольцев резко уменьшится, происходит набор молодых западных украинцев. Хотя ведь уже было понятно, на чью сторону клонится победа в войне. Люди шли добровольно. Это даже не в дивизию СС «Галичина». Одно дело — сражаться на фронте, как солдат. И другое дело — идти в палачи. Это разные вещи! Я тоже и об этом говорю. И пытаюсь разобраться в психологических мотивациях. Кстати, в заключительной главе идет разговор о жестокости. Я пытаюсь понять, что двигало этими людьми. Ближайшие работы — об этом.

Еще хочу рассказать о лагерях смерти, тоже используя материалы уголовных процессов. Потому что все участники, все обвиняемые рассказывают о местах своей службы. Это опять будет материал, который вводится впервые и абсолютно разоблачает все доводы ревизионистов Холокоста, утверждающих, что не было газовых камер, что это все Голливуд. Удивительно то, что первые документы датируются августом 1944 г.! Вот в них фиксируется стационар-

ная газовая камера! Это первые допросы арестованных. В августе 44-го уже арестовано несколько охранников Трешлипки. И «дело травниковцев» начинается тогда же, а последнее дело — Федоренко датировалось 1988 г.! Во время перестройки все это рухнуло. Но до этого постоянно проводились поиски!

Я посвятил книгу тем людям, о которых в положительном смысле сегодня многие считают говорить абсолютно некорректно (кстати, в «Фейсбуке» в одном из комментариев мне написали, что книгу с таким посвящением даже не возьмут в руки!): «Работникам НКВД, СМЕРШ, МГБ, КГБ, занимавшимся поисками нацистских преступников». Для меня это важно. Потому что надо отдать должное следователям, занимавшимся на протяжении десятилетий этими делами.

А. Т. Фотокопии фондов Чрезвычайной комиссии сейчас есть и в «Яд ва-Шем», и в Мемориальном музее в Вашингтоне. Но есть и материалы следственных дел 1950-х гг., когда в уже более спокойной обстановке советские следователи занимались расследованиями этих преступлений. По сути — сейчас это главные источники информации о злодеяниях, имевших место, в частности, на территории Бессарабии. К ним неоднозначно относятся из-за идеологизированного языка, используемого их создателями. И эти моменты, очевидно, нужно оговаривать.

А. Ш. Я пишу об этом. И разоблачаю эту точку зрения. Когда я выступал в Риге, один из коллег спросил, как я могу верить документам из материалов КГБ, где все фаль-

сифицировано? Дело в том, что фальсифицировать «нужно было и можно было» и показания *выбивались*, действительно, теми методами, которые нам известны: по обвинению в шпионской деятельности, троцкистской, — когда нужно было обвинять невинных людей, за отсутствием преступлений. А никого из немецких пособников бить не было необходимости. Этих не били. Зачем? «Вот твоя личная карточка, вот твоя фотография в форме СС, вот — отпечатки пальцев, вот — данные о переводе из лагеря в лагерь, вот — сведения о повышении в звании, вот — ты получил бронзовую медаль для восточных народов, вот — ты получил серебряную медаль для восточных народов 2-й степени и т. д.». Но что делать, если не было свидетельств о том, что он убивал и расстреливал!.. Да, он получил медаль, как говорит один из травниковцев: «За хорошее изучение винтовки», что вызывает смех у следователя. И если нет свидетельств о том, что он принимал участие в расстрелах, такой человек получал 25 лет, подавал апелляцию, и ему снижали наказание до 10–15 лет. С учетом рабочих дней он отсидивал 5–6 лет, а в 1956 г. подпадал под всеобщую амнистию. А дела-то все равно идут! И по вновь открывшимся обстоятельствам вдруг кто-то показывает: «А вот, он со мной рядом стоял во время такого-то расстрела». И по вновь открывшимся обстоятельствам дело вновь открывается! Он говорит: «Я признаю, тогда я скрывал!» (Был же период отмены смертной казни — 1947–1949 гг.) И вот тут они уже получали по полной!.. В книге «Профессия — смерть» есть глава, в которой я и об этом пишу.

Так вот, следователям избивать этих нацистов не было необходимости! Наоборот — их показания свидетельствовали порой в их пользу и могли снизить срок заключения. Только по доказательствам своих сослуживцев и конкретной фиксации, когда были фотографии на месте расстрела, потом эксгумации — уже невозможно было ничего дальше отрицать. Тогда они получали уже по полной, и даже смертную казнь. И участие в партизанском движении — даже заслуженные боевые награды, добытые своей кровью, — не могли избавить от смертной казни, либо человек получал новый срок. Были такие факты. Некоторые из убийц скрывались, порой занимая ответственные должности. Например, человек работал лейтенантом милиции, или следователем в прокуратуре, директором маслозавода, председателем колхоза и т. д. Интегрировались они очень хорошо! Понятно, что основная масса были рабочими, колхозниками, часть людей погибла. Были разные. Но я абсолютно не согласен с тем, что отбирали специально садистов, убийц и уголовников! Ничего подобного! В этом-то и ужас!

А. Т. Если относиться к феномену коллаборационизма как к чему-то экстраординарному, тогда, конечно, в голову приходят всякие теории. А на самом деле это имело массовый характер.

А. Ш. Абсолютно верно! Некоторые уходили на участие в расстреле по приказу. Но была и масса добровольцев. Потому что можно было за это получить драгоценности, одежду убиенных. Так что было очень много разных вариантов. Я пытаюсь и их рассматривать.

А. Т. Нюансировать эти вещи очень важно!

А. Ш. Вообще, черты национального характера очень много значат! С румынами было легче договориться, подкупить. Даже сожительство еврейки с румынским офицером спасало еврейскую семью, например. Люди шли на это. Это такая трагическая ситуация, о которой нужно говорить, потому что это было! В гетто, в трудовых лагерях шли на это сознательно, чтобы спасти свою семью, детей. Ну а с немцами это было невозможно! Факты исключения есть — немецкий офицер полюбил еврейскую девушку. Да, было и такое. В Минске, в Риге и т. д. И спасали родственников. Но это было исключение! Потому что немец — это солдат, и если есть приказ, то он не обсуждается. Проблема настолько сложная! Есть множество страниц, мозаики, из которых складывается настоящая история войны, ее подлинная правда, которая и по сей день еще не написана.

А. Т. Расскажите немного о вашей деятельности в «Яд ва-Шем».

А. Ш. Это и обычная повседневная работа: много лет я проработал в «Зале имен», занимаясь непосредственно сбором и увековечением имен погибших. Лекции на различных семинарах, несколько лет читал лекции в еврейском университете в Иерусалиме для групп из России, научные конференции. Статьи для энциклопедии Холокоста в России и Израиле. Одновременно занимался исследованиями, которые — надо отметить — были абсолютно вне научных планов «Яд ва-Шем». Провел более 1000 экскурсий. Знакомил

с мемориалом разных государственных деятелей, министров, президентов, включая президента России Путина, Лаврова, журналистов...

А. Т. Я знаю, что вы также — автор прозаических и поэтических произведений.

А. Ш. Не совсем. Это больше очерки и журналистика. Но писал и стихи. Первые публиковал еще в советское время. У меня есть цикл «Из военной тетради» — стихи, посвященные теме войны и теме, о которой мы говорили. Но есть и просто лирика, стихотворения, посвященные друзьям, любви, родному городу. Некоторые стихи опубликованы в различных изданиях, сборниках, журналах. Кое-что можно прочитать на литературном портале «Литсовет».

А. Т. Вы получили престижную награду — «Медаль Пушкина»...

А. Ш. В 2013 г. я был награжден президентом Путиным медалью «За развитие культурных и научных связей между Израилем и Российской Федерацией». А еще — премия Виктора Некрасова «За вклад в литературу о Второй мировой войне», премия «Олива Иерусалима».

Как я отношусь к этой медали? Во-первых, это государственная награда России, а не одного человека. И потом — это медаль Пушкина, не имеющая отношения к политике. Но, бывает, люди воспринимают все однозначно! Так же как и КГБ воспринимают как жупел: сразу же, если произносится КГБ — это отрицательная коннотация. Так же порой воспринимается и все связанное

с Россией, к сожалению. Есть и такие люди, которые, сразу приехав в Израиль, не хотят говорить на русском языке, мотивируя тем, что для них не существует русской литературы, Пушкина и т. д. Это совершенный абсурд! Можно писать на любом языке

и излагать на нем любые идеи. Мы прекрасно с вами знаем, что язык никогда не виноват!

А. Т. Спасибо большое, за интервью! Успехов, здоровья и новых книг!

"I WANTED TO KNOW HOW MY RELATIVES DIED".

Interview with A. M. Schneer

Schneer Aron I. — Ph. D., until 2018 — Senior Researcher at the Yad Vashem Hall of Names (Israel)

Key words: family memory, local memory, Soviet Latvia, history of Jews in Latvia, World War II, Holocaust, collaborationism, prisoners of war, state anti-Semitism, oral history.

Abstract. The well-known historian from Israel, researcher of the history of Soviet prisoners of war in Germany, as well as of the Holocaust, talks about the history of his family, about his life in the USSR, about the results of his historical research, touches upon some controversial issues of the history of World War II.

«ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЗАНИМАЕТСЯ НАУКОЙ, ТО ОН ДОЛЖЕН ДОБИВАТЬСЯ ПРИРАЩЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ И ОБРЕТЕНИЯ НОВОГО СМЫСЛА. ЕСЛИ НЕТ ПРИРАЩЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ — ЭТО НЕ НАУКА».

Интервью с С. А. Экштутом

(Октябрь 2017)

Ключевые слова: семейная память, Московский университет, Натан Эйдельман, история России и русской культуры XIX — начала XX в., популяризация истории, иллюстрированные издания по истории.

Аннотация. Известный историк русской культуры и публицист Семен Экштут рассказывает о своей жизни, делится результатами своих научных открытий и планами новых исследований.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-346-366

С. А. Экштут является автором книг: В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Россия молодая, 1994 (новое издание — СПб.: Logos, 2004); На службе российскому Левиафану: Историософские опыты. М.: Прогресс-Традиция, 1998 (новое, дополненное издание — СПб.: Logos, 2007); Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III Отделения Собственной

Его Императорского Величества канцелярии. М.: Согласие, 2001; Тютчев. Тайный советник и камергер. М.: Прогресс-Традиция, 2003 (новые издания — М.: Вече, 2011; М.: Молодая гвардия, 2013. (Жизнь замечательных людей. Малая серия)); Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003; Шайка передвижников: История одного творческого союза. М.: Белый город, 2005; 2007 (новое издание — М.: Дрофа, 2008); Предвестие свобо-

© Историческая Экспертиза, 2021

Экштут Семен Аркадьевич — историк, писатель; доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН; редактор отдела «Российской газеты» по отделу журнала «Родина»

ды, или 1000 дней после Победы. М.: Дрофа+, 2006 (новое издание: М.: Ридерз Дайджест, 2011); Россия: великие моменты истории (в соавторстве с С.В.Алексеевым и Д.М. Володихиным). М.: Аванта+, 2009; Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ. М.: Вече, 2010; Закат империи. От порядка к хаосу / Семен Экштут. М.: Вече, 2012; Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012; Юрий Трифонов: Великая сила недосказанного. М.: Молодая гвардия, 2014; «Не до ордена. Была бы Родина...».

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Ваш путь в историческую науку был не столь прямым, как у большинства коллег. Вы окончили философский факультет, защитили обе диссертации по философии. Однако прежде всего вы историк. Что повлияло на ваш выбор? Семья, школа, университетские преподаватели?

С.А.Э. Хотя в моем красном дипломе, который я в 1976 г. получил в МГУ, написано: «философ, преподаватель философии», я ни одного дня не преподавал философию и, строго говоря, ни одного дня не работал по специальности.

Я — сын военного, фронтовика, полковника. Мой отец пошел добровольцем на фронт в 1942 г., был командиром огневого взвода, затем начальником разведки артиллерийского дивизиона. В одном из первых же сражений уничтожил со своей ба-

Наградная практика времен Великой Отечественной войны. М.: ИВИ РАН, 2015; Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?! М.: Кучково поле, 2017; Красные когти Судьбы: Иннокентий Анненский в коридоре эпохи. М.: Кучково поле, 2017; Живописный детектив. Расследования и находки. М.: Кучково поле, 2018; Империи последние мгновенья: Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом. СПб. : Нестор-История, 2018; «Нам общая слава России солдатской наградой была»: Наградная практика времен Великой Отечественной войны. СПб. : Нестор-История, 2019.

тареей девять немецких танков (он никогда об этом не рассказывал, это я прочитал в наградном листе, который сейчас выложен на сайте Министерства обороны). Поэтому для меня прикосновение к Истории началось буквально с детских лет. Три боевых ордена отца крепко запали в мою детскую память и, судя по всему, повлияли на мои профессиональные занятия фалеристикой.

Первое политическое воспоминание о времени, в которое мне довелось жить, — это осень 1957 г., отставка маршала Жукова. Мне только-только исполнилось три года. Мы едем в воинском эшелоне, и по радио громко передают, что маршала Жукова сняли, а маршала Малиновского назначили министром обороны. Как сын военнослужащего, я в знаках различия научился разбираться раньше, чем толком говорить. И вот я бегу в купе, где сидят родители

с каким-то полковником в состоянии опьянения средней тяжести, и слышу его слова: «Ну-у, ничего! Скоро, наверное, и Малиновского также снимут, а Фурцеву назначат». Разумеется, я тогда не ведал, кто такая Фурцева... Полковник уже почувствовал, что ожидает вскоре армию, ее офицерский корпус. Не за горами было масштабное сокращение, пресловутый «миллион двести», обернувшийся трагедией для очень многих людей. Отец в это время служил на Кавказе. И я хорошо помню эти годы.

Я хорошо помню и май 1960 г., когда сбили «У-2» с Пауэрсом и была объявлена тревога. На тот момент мне еще не было шести лет, но мне доверили некоторое время сидеть у служебного телефона и отвечать на звонки. В известном смысле я был сыном полка. Помню, один офицер очень хвалил отцу мою толковость. Позже именно этот офицер, став начальником особого отдела в Сочи, по поручению сверху выписывал Галине Леонидовне Брежневой чистый паспорт, без упоминания о ее браке с Игорем Кио. Но это уже другая история.

Я хорошо помню и Карибский кризис 1962 г. Потому что в этот момент должны были увольнять военнослужущих в запас, а их увольнение на какое-то время было отсрочено. И я помню эти настроения, психологическое состояние взрослых. Было ощущение, что вот-вот начнется большая война.

Таким образом, сопричастность с Историей (именно так — с прописной буквы) я ощутил достаточно рано, хотя и не сразу осмыслил.

Осень 1964-го. Прямо посреди урока в класс заходит незнакомый мне человек в синем халате (ни до, ни после того я его в нашей школе не видел), ставит как-то грубо стул, залезает и снимает портрет Н. С. Хрущева. Причем Хрущев на портрете был достаточно моложавый, благообразный, и я искренне считал, что именно так и выглядит глава правительства. А незадолго до этого он выступал по телевизору, и я не мог понять, кто это выступает? Какой-то дедушка со злым выражением лица. Он громко ругался, кому-то грозил. Я уже не помню кому, может быть, Америке или интеллигенции. По телевизору он был в очках, хотя ни на одной фотографии я его в очках не видел. Я помню, конечно, и август 1968 г., вхождение нашей армии в Чехословакию. К этому моменту я запоем читал все военные мемуары, которые тогда выходили. Помню воспоминания главного маршала артиллерии Воронова, генерала армии Штеменко (о Генштабе в годы войны, я узнал из этой книги множество фактов). Читал я и «Воспоминания, размышления» Жукова. На черном рынке книга стоила 60 рублей — фантастические деньги по тем временам.

А параллельно я читал журнал «Новый мир» Твардовского. И к моменту окончания школы я был убежденный антисталинист. При этом я безумно любил пушкинскую эпоху, у Пушкина очень многое знал наизусть.

Школа была сильная, причем физико-математическая. В 16 лет у меня была явная тяга к абстрактному мышлению. Хотелось заниматься только чистой математикой, создавать какую-то новую, свою

геометрию, например. Прикладные моменты математики (например, расчет траекторий ракет) мне были абсолютно чужды. По физике и химии я тоже успевал очень хорошо, однако терпеть не мог делать лабораторные работы.

К моменту поступления в университет я уже имел очень четкую, мной самим выработанную систему работы. Я понимал, что время — это ресурс. И если нам задавали письменную работу по математике или сочинение по литературе, я приступал к работе в тот же момент, когда вместе со всеми получал задание. У меня была очень высокая степень самодисциплины. Я понимал, что каждый лишний день дает возможность если не лучше написать, то лучше обдумать. А если будешь все наспех писать перед сдачей, ничего хорошего ты не напишешь. Никто меня этому специально не учил. Я дошел до этого сам, опытным путем. И эта система работы мне очень помогла во время учебы в университете.

Что касается тяги к истории, она у меня была уже где-то с пятого или с шестого класса. Но истфак у меня ассоциировался с какими-то хронологическими таблицами, датами и археологическими раскопками, меня же больше интересовал смысл исторического процесса. Сейчас об этом не принято говорить, но тогда говорили о законах истории, об исторических закономерностях. И меня это тоже интересовало. При этом, я подчеркиваю, у меня была идиосинкразия к каким-то мелким практическим вещам. Мне хотелось воспарить, уже вот тогда. И я сознательно не стал поступать на истфак,

а пошел на философский факультет МГУ, наивно полагая, что вот там-то я совершенно спокойно смогу заниматься логикой и методологией истории.

С. Э. Там был большой конкурс?

С. А. Э. 36 человек на место. Не имевшим стажа работы школьникам от общего числа мест отводили, по-моему, всего лишь 20%. Поэтому среди школьников был дикий конкурс. При этом известную долю среди поступивших составляли дети нашей профессуры. Я обостренно воспринимал любую социальную несправедливость и относился к детям профессуры весьма недоброжелательно: считал, что они занимают чужие места. Это были часто неплохие ребята, но они знали: их поступление на факультет было фактически гарантировано, следовательно, у других абитуриентов без связей не было никаких шансов. Вообще все восемь лет обучения, включая аспирантуру, я мало общался со своими сверстниками-москвичами, и не скрывал почему. И это притом, что полкурса занималось по моим конспектам.

С. Э. Скажите, пожалуйста, я неоднократно слышал, что в МГУ евреев не принимали, один из интервьюируемых нами историков говорил, что из-за этого он пошел не в МГУ, а в МГПИ. Запись в «пятой графе» вашего паспорта как-то сказывалась на результатах ваших экзаменов?

С. А. Э. Конечно, сказывалась. Тут вот в чем дело. Я после восьмого класса, когда окончил обучение на все пятерки, понял, что надо брать

курс на золотую медаль. Потому что серебряную медаль перед этим отменили. И я понимал, что у меня это будет единственный шанс поступить. Я был очень хорошо подготовлен. У меня был широкий кругозор, и школа приучила меня к целенаправленной систематической работе.

Да, евреев в основном не принимали. Но я работал на опережение. Не только много читал, но, если выражаться высокопарно, старался освоить азы ораторского искусства. И у меня хорошо обстояло дело с логикой. Короче, меня было очень сложно ввести в ступор. Еще я ходил перед поступлением на подготовительные курсы и видел, что уровень моей подготовки ничуть не уступает уровню подготовки тех же москвичей. Кроме того, еще в школе у нас был очень сильный литературный кружок, и я его посещал. Каждое лето мы ездили то в Феодосию, в картинную галерею Айвазовского, то в Пятигорск, по Лермонтовским местам, то в Тригорское и Михайловское — по Пушкинским местам, и, естественно, в Ленинград и в Москву. К тому же в Сочи приезжали на гастроли лучшие театры Москвы и Ленинграда, а я был заядлым театралом и на все эти представления ходил. И в Эрмитаже я побывал, и в Третьяковской галерее. И приходил я туда, предварительно изучив путеводитель и зная, что я хочу увидеть. Я был как чистый лист и активно впитывал все новые знания.

И вот мы подошли к экзаменам. Я очень четко выбрал момент, когда надо отвечать. Передо мной было два человека, которые очень позорно отвечали. Их завалили. И в этот

момент, после двух «неудов» подряд, никто из абитуриентов не хотел идти отвечать. И вот тут вызвался я. Сознавательно. Меня «гоняли» минут 50. Два измочаленных преподавателя, в конце концов поставивших мне пятерку. Позже от своего однокурсника, сына профессора, я узнал, что в приемной комиссии как-то пропустили тот факт, что я — медалист. И я сдавал историю не вместе с медалистами, а в общем потоке. И я помню, как председатель приемной комиссии с такой кислой-кислой улыбочкой мне говорит: «Ну что ж, поздравляю вас с пятеркой. Желаю вам и остальные экзамены сдать так же хорошо». А я широко улыбнулся и сказал: «А мне так остальные экзамены сдавать не надо». — «Как?» — спросил он несколько напряженно. «Да так, — ответил я, — я золотой медалист и на этом все у меня закончилось».

С.Э. Видимо, они думали, что на следующем экзамене вас завалят!

С.А.Э. Наверное. Так вот, я хочу сказать, что евреев не принимали, но тем не менее евреи были. Например, со мной учился сын одного из создателей атомной бомбы. Его отец был лауреатом Ленинской премии. Как вы знаете, был еще сталинский закрытый указ, по которому детям тех, кто создавал ядерное оружие, было гарантировано поступление в вуз без экзаменов. В дальнейшем им было гарантировано трудоустройство в системе Академии наук. И потом, уже где-то на пятом курсе, вдруг появился сын генерал-лейтенанта, одного из первых Героев Советского Союза. До этого он с нами не учился.

Понятно, что на экзаменах мне несколько занижали баллы. Красный диплом я получил, но никаких именных стипендий, ничего, естественно, не было. В ряде случаев мне приходилось пересдавать. Например, высшую математику я пересдавал трижды, чтобы получить пятерку. И когда меня спросили, чем объясняется такое упорство, я сказал: «Вы знаете, если бы я просто получил четверку, я, может быть, с этим смирился. Но пятерку получили люди, которые заведомо хуже меня знают высшую математику». А для меня это было совершенно неприемлемо. Экзаменаторы, конечно, несколько обалдели от такой наглости. То есть характер на тот момент у меня уже сформировался. Я ведь был сын своего отца, боевого офицера, с честью прошедшего всю войну.

Итак, мой приход на философский факультет был закономерен. Причем я настойчиво занимался историей все эти пять лет студенческой жизни плюс три года обучения в аспирантуре.

С.Э. То есть на исторические темы вы уже писали во время учебы на философском факультете?

С.А.Э. Моя первая курсовая работа называлась «Политические партии Древнего Рима». Представляете, студент-философ пишет не о марксизме-ленинизме, а о Древнем Риме! Мне постоянно давали понять, что здесь не истфак. Помню, как уже после защиты докторской я на одной международной конференции встретился со своим бывшим оппонентом. Он стал излагать мне какую-то свою историсофскую теорию. А я

все время приводил факты, которые ей противоречат. В конце концов он очень раздраженно мне сказал: «Тем хуже для фактов». Понимаете, именно такой подход меня и раздражал на философском факультете: я наивно полагал, что меня научат постигать логику истории — я за этим туда шел, — но оказалось, что мои университетские профессора не знают реальных фактов.

Помню, как один профессор (антисемит, сразу меня невзлюбивший), читая курс исторического материализма, рассказывал про закон возрастания роли народных масс в истории. Восстание Пугачева в XVIII в. приводил как наглядный пример возрастания сознательности в движении народных масс в сравнении с бунтом Степана Разина в XVII в. Мотивировал это тем, что у Пугачева была военная коллегия, а у Разина — нет. При этом мог сказать на лекции такую вещь, что при проклятом царизме только человек дворянского происхождения мог стать офицером. А я на тот момент уже хорошо знал реальную историю. И мог привести немало примеров, опровергающих это. Я понимал, что то, что нам рассказывают, мягко говоря, плохо соотносится с реальной историей. И много занимался самообразованием.

С.Э. По окончании факультета вы попали в очную аспирантуру?

С.А.Э. Да. В самый последний момент, уже на пятом курсе, я поменял кафедру. Ушел с кафедры истмата, понимая, что меня там очень не любят, перешел на кафедру истории марксистско-ленинской философии. Именно эта кафедра и рекомендовала

меня в очную аспирантуру. Дипломная работа у меня была по «Хронологическим выпискам» Маркса. Оказалось, что Маркс незадолго до смерти попытался существенным образом трансформировать свою теорию. Это четыре тома! И тут произошел скандал. Оказалось, преподаватели философского факультета и сотрудники кафедры, которые позиционировали себя как марксисты, не знали о существовании у Маркса этой работы! На что я сказал: «Извините, это последняя рукопись Маркса. Она в открытом доступе, и в любом случае мы должны были ее изучать». Для всех это было, конечно, шоком, потому что они не знали, что есть такая работа. Не говоря уж о том, что они ее не читали.

Кандидатскую я защитил в 25 лет в 1979 г. Тоже по Марксу, по теории общественно-экономических формаций. Диссертация моя была достаточно оригинальна. У меня был очень сильный научный руководитель. Доктор философских наук Виктор Алексеевич Вазюлин, энциклопедически образованный ученый, помогший мне состояться. У нас сложились с ним очень доверительные отношения, он никогда не мешал моим самостоятельным поискам.

Я в срок защитил кандидатскую, декан Анатолий Данилович Косичев хотел оставить меня на кафедре, но секретарь парткома факультета не дал на это своего согласия. Я не мог найти работу в течение трех месяцев. Потом с большим трудом устроился социологом в институт «Оргэнергострой» — отраслевой проектный институт Минтопэнерго СССР. Стал проводить социологи-

ческие исследования на строящихся атомных электростанциях и на других объектах энергетического строительства. Я достаточно динамично поднимался по карьерной лестнице. Через три года работы получил старшего научного сотрудника — а это был институт первой категории, стало быть, 250 рублей в месяц, а после пяти лет научной работы — 280 рублей. Это были по тем временам очень хорошие деньги. Со временем я фактически возглавлял социологическую службу союзного министерства, т. е. стал в нем довольно заметной фигурой. Были предложения возглавить отдел в Минтопэнерго, стать заместителем начальника главка. Отказался. Все это мне не сильно нравилось. В институте отсутствовала академическая свобода. У меня не было библиотечных дней. Я ходил на работу с девяти до шести. Ни о каком творческом отпуске для написания монографии или докторской нельзя было и заикнуться. У нас, однако, была система отгулов (за работу на овощной базе, участие в дружине и т. д.). Отгулы присоединялись к отпуску. Я стал работать над докторской диссертацией про поиск исторической альтернативы декабристами.

С. Э. Вы фактически написали еще до развала СССР?

С. А. Э. Да. После 1989 г. лишь навел глянец. В 1989-м я опубликовал статью «Александр I и Павел Пестель: переключка судеб». Так она называлась. Но поскольку тогда имя монарха нельзя было ставить на первое место, в редакции название поменяли на «Переключка судеб: Павел Пестель и Александр I».

И я был первым человеком, который еще в советские времена, но уже в годы перестройки, в журнале «Родина» напечатал статью о личности Александра И. Хочу сказать лишь, что я, как ученый, развивался независимо.

В 1989 г. у меня вышла статья в Вестнике Московского университета «Движение декабристов: Моральное обоснование политического действия». В начале 1990 г. вышла еще концептуально важная работа в журнале «Философские науки». Без монографии на защиту не выпускали. И в 1994 г. моя книга вышла в серии «Первая монография», а в 1995 г. я защитился.

С. Э. Работая над этой темой, вы общались с Натаном Эйдельманом?

С. А. Э. С Натаном Яковлевичем Эйдельманом мы не просто общались. Незадолго до его смерти выяснилось, что мы с ним близкие родственники: его мама и моя бабушка по линии мамы двоюродные сестры. Выяснили мы это совершенно случайно. Мы достаточно близко с ним общались, он мне дарил все свои книги. Скажем, монографию «Пушкин и декабристы», а у него было мало авторских экземпляров, он первоначально собирался подарить Эльдару Рязанову, с которым я тоже встречался в этой компании. Но потом он сказал: «Нет, Эльдар, скорее всего, читать не станет, а Семен — тот точно прочтет». И я даже, когда читал «Грань веков» в рукописи, нашел там две мелкие неточности — и имел наглость позвонить и сказать ему об этом. И он был счастлив. Причем для него это было некоторой неожиданностью: вроде человек занимает-

ся атомными электростанциями, причем здесь декабристы?

Так получилось, что декабристы меня сопровождали всю мою жизнь. Чуть ли не с седьмого или восьмого классов. И Эйдельману незадолго до его смерти я успел подарить эту свою публикацию в Вестнике Московского университета. Мы вместе сидели на семинаре в Институте истории СССР. Я ему подарил оттиск и сказал: «Знаете, мне вообще-то стыдно это вам дарить». На что он мне ответил: «Стыдно было бы не подарить».

Он успел статью прочитать, и она ему понравилась. Было это за несколько дней до его смерти. Я тогда еще обратил внимание, что у него было несколько одутловатое лицо, и по виду он мне показался не очень здоровым.

Я еще помню другое. Когда мы с ним разговаривали, я ему сказал, что должен делать доклад о декабристах в Институте всеобщей истории Академии наук, и было бы очень хорошо, если бы он пришел в качестве оппонента. Он сказал: «Приду с огромным удовольствием». Но он умер. По-моему, за три или четыре дня до моего доклада.

И еще я помню, что незадолго до его смерти, когда мы встретились, я ему сказал: «Знаете, когда я читаю ваши книги, я слышу ваш голос и ваши интонации». На что он ответил: «Да. Это потому, что я диктую тексты». Еще я говорил ему о том, что книгу «Грань веков» неплохо бы выпустить с цветными иллюстрациями (портретами, жанровыми гравюрами): «Я был в Ленинграде, видел парадные

портреты XVIII века, и у меня было ощущение, что я прогуливаюсь среди персонажей вашей книги».

Сейчас я думаю, что это было бы новое слово, ведь иллюстрированные монографии по истории тогда не практиковались. Правда, академик Тарле задумал издание своего «Наполеона» для детей с картинками — их должны были подбирать серьезные люди, Ираклий Андроников и Михаил Беляев, автор книги о рисунках Пушкина. Но и он, Тарле, считал, что картинки — это для детей, а для серьезных читателей они не нужны.

Потом я эту идею реализовал в собственной научной монографии «На службе российскому Левиафану». Мне кажется, это первый в отечественной историографии опыт научной монографии с такими иллюстрациями, которые не просто украшают книгу, а органически входят в систему авторских доказательств. Эта книжка вышла в 1998 г., за несколько дней до дефолта.

Вообще говоря, я развивался сам по себе, испытывая очень малое влияние среды. И кроме того, я очень быстро сообразил, что для того, чтобы состояться, я должен выдать работу высочайшего качества. И, возвращаясь к вопросу о еврействе, я понимал, что мне нужно быть не в два, а в три раза лучше, чтобы претендовать на равенство. Есть ведь известная мысль о том, что еврей добивается превосходства именно потому, что ему отказали в равенстве.

С. Э. В этом плане, как некоторые считают, дискриминация имела и свою полезную сторону...

С. А. Э. В моем случае дискриминация заставляла меня мобилизовать все свои силы. Я с юности прекрасно понимал, что мне малейшая ошибка не простится и что мне нужно быть безупречным. Конечно, я ощущал несправедливость. Я считал, что, поскольку мой отец защищал Родину, он заслужил то, чтобы его дети имели все права на образование, выбор профессии и работу по специальности. Но постоянно приходилось преодолевать препятствия, связанные с государственным антисемитизмом в СССР. Потом с этими же проблемами столкнулись и мой младший брат, и моя сестра.

Однако не будем преувеличивать важность этой проблемы. Есть вещи более значимые для всей научной корпорации. Когда я учился в аспирантуре, мне говорили: станешь кандидатом, тогда тебе позволят хоть что-то. Потом стало ясно, чтобы себе хоть что-то позволить в науке, надо быть доктором. Дальше, как правило, мы видим обыкновенную историю: люди защищают докторскую, а потом ничего не могут сделать в науке, потому что точка невозврата пройдена, мозги уже не те, да и ощущение свободного полета мысли окончательно атрофировалось. Я всегда работал много, интенсивно, целенаправленно и, как мне кажется, очень организованно. Вот смотрите, толстый трехтомник — это переписка швейцарца Лагарпа с Александром I. Это только что подарил мне мой друг профессор МГУ Андрей Юрьевич Андреев. Это вот закладки, видите. При том, что я это только начал читать.

С. Э. Вы до сих пор предпочитаете писать от руки?

С. А. Э. Да, не буду вам демонстрировать свои шикарные перьевые ручки...

Вот записная книжка в настоящем кожаном переплете. Это известная британская фирма Letts. Такой записной книжкой пользовался еще В. А. Жуковский. Letts выпускает их с 1812 г., представляете! Это ли не наглядное прикосновение к Истории. У меня количество записных книжек составляет несколько десятков. Веду их со студенческих лет, постоянно делаю записи. И свою теоретическую работу «Ворота хронотопов» я написал, используя заметки из записных книжек. Открыл свою старую записную книжку, увидел тезисы и план статьи, а уже потом сел за компьютер и очень быстро написал свой трактат «Ворота хронотопов». Я никого не предполагаю агитировать и призывать обзаводиться записными книжками, но хочу отметить, что записная книжка — это культура работы, увы, ее все меньше.

Компьютером или планшетом сейчас пользуются уже дети в детском саду. Но компьютер не позволяет работать так, как это позволяет бумага. Поэтому на подготовительной стадии написания новой книги я почти не пользуюсь компьютером. И это, как мне кажется, повышает качество работы. Более того, когда нужно сформулировать какую-то мысль, ощущая «сопротивление материала» и преодолевая это сопротивление, я, конечно, всегда беру записную книжку и ручку. Беру — и формулирую.

Когда собирал материал для книги о Юрии Трифонове, с интересом узнал, что Трифонов добивался абсо-

лютной прозрачности первого абзаца собственной книги. Он признавался, что иногда уходит пачка бумаги, чтобы сформулировать ту мысль, которую он хотел. Для меня это близко и понятно, хотя это несколько не укладывается в те традиции, которые существовали и существуют.

С. Э. Так вы выработали свой стиль подготовки к работе над книгой.

С. А. Э. Безусловно. Несколько лет тому назад я решил написать книгу о поэте Серебряного века Иннокентии Анненском. И вы не поверите, я, наверное, в течение недели мучительно размышлял, какими чернилами я буду делать подготовительные записи и составлять конспекты. Перед этим я купил отличную ручку Waterman Charleston с золотым пером, покрытым родием, она была сделана в стиле ар-деко. Это не совсем эпоха Анненского, но чисто теоретически у его младших современников могла бы быть подобного рода ручка. И вот я стал размышлять, какие чернила мне нужны, какого цвета? Наконец, я остановился на коричневых чернилах. Однако потребовалось время, чтобы их найти.

Дальше я размышлял, в чем я буду делать эти записи. Наконец, я сообразил, что мне нужны тетради в тканевых переплетах своей любимой фирмы Letts, и выбрал переплет благородного цвета бургунди (вишневый, темно-красный, цвет красного вина). Наконец, получил эти тетради из специализированного московского магазина Индиноутс (Indinotes) и стал делать записи. И написание этой книги у меня ушли две роскошных тетради фирмы Letts, в них

я составлял конспекты, и три менее пафосных блокнота на спирали для рабочих записей и планов. Все это мне было нужно для постижения внутреннего мира И. Ф. Анненского. Когда я закончил делать записи, каково же было мое удивление, когда я выяснил, что Анненский писал чернилами такого же коричневого цвета! Но, с другой стороны, тут не было ничего удивительного. Потому что в то время были ореховые чернила, а они, как правило, коричневые. А вот этот темно-красный цвет — вишневый — выяснилось, что он тоже любил книги в переплете такого цвета. В момент смерти на ступеньках вокзала в руках поэта был кожаный портфель темно-красного цвета. Представляете!

С. Э. Получается, что вы почувствовали это?

С. А. Э. Безусловно. Во мне вообще очень сильна интуиция.

С. Э. До какого года вы работали в институте в социологической лаборатории?

С. А. Э. Я работал в институте «Оргэнергострой» Минтопэнерго до 19 октября 1994 г. В День Лицея, 19 октября 1994 г., я получил удостоверение штатного сотрудника журнала «Родина», и тогда же, 19 октября, состоялся первый семинар в Институте всеобщей истории РАН, посвященный истории частной жизни, которым руководил доктор исторических наук Юрий Львович Бессмертный.

Таковы два судьбоносных события в моей жизни, которые произошли

в один день. Формально из института я уволился где-то в конце ноября. Месяц был испытательный срок, что-то такое. В «Родину» я пытался устроиться и раньше, в течение двух лет, но тогдашний первый заместитель главного редактора, явный антисемит, возводил препоны. К моменту прихода в «Родину» я уже обсудил свою докторскую диссертацию на межфакультетской кафедре философии в МГУ. А в день сорокалетия получил в издательстве сигнальный экземпляр своей первой монографии. После выхода книги я смог сменить место работы. Я работаю в «Родине», сейчас это в структуре «Российской газеты», до сих пор, а с 2001 г. по совместительству еще и в Институте всеобщей истории РАН.

С. Э. Начав с изучения декабристов, вы, однако, пришли потом и к другим темам...

С. А. Э. Я интересовался декабристами, но одновременно меня интересовала альтернативность исторического процесса. Не то, «что было бы, если бы...». Вовсе нет. Меня интересовало не сослагательное наклонение в истории, а борьба победившей тенденции с тенденцией побежденной, т.е. выбор, который осуществлялся и постоянно осуществляется в Истории. Это меня интересовало всегда, со школьной скамьи. Почему победил Николай, а декабристы проиграли? В свое время, когда на школьной скамье я читал роман Толстого «Воскресение», меня поразила такая побочная канва: старый холостяк князь Дмитрий Нехлюдов делает выбор в пользу семейной жизни и собирается жениться на княжне Корчагиной. Подробно описывается, как он

практически уже решил жениться (даже извозчики знают о его отношениях с семейством Корчагиных), но в последний момент все рушится. Это написано так ярко, так пластично, кажется, что через несколько страниц Нехлюдов станет счастливым мужем. А он не становится!

И я подумал, что ведь и в истории так. Декабристы вышли на Сенатскую площадь и проиграли, а у цесаревны Елизаветы Петровны было гораздо меньше сил, и она победила. А почему декабристы проиграли?

Думал я и о другом. Что было бы, если бы в 1941 г. во главе армии стояли такие военачальники, как маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров или командармы Якир с Уборевичем. Непонятно, как бы они себя там показали, может быть, и плохо. Но было понятно, что многие люди, которые состоялись во время войны, не могли бы состояться. Я знал такую цифру еще в советские времена: 116 человек, начавшие войну рядовыми, закончили ее командирами полков. И даже на примере собственной биографии я понимал, что наша жизнь — это борьба реализованных и нереализованных тенденций.

Я много размышлял о каких-то исторических моментах, когда бы река Истории могла бы изменить свое направление и двинуться по другому руслу. Начал, естественно, с декабристов. После того, как я выпустил первую книжку, я уже прочно укоренился в своем XIX в. и увидел множество дополнительных возможностей для дальнейшей исследовательской работы. И оказалось очень большим плюсом то, что меня взяли на рабо-

ту в журнал «Родина» подбирать иллюстрации. Представляете? Доктор философских наук и вчерашний заведующий институтским сектором каждый день ходит на службу и подбирает иллюстрации к чужим статьям. Но я увидел колоссальные скрытые возможности в той новой реальности, с которой столкнулся. Я ходил по музеям, по запасникам, видел великолепные иллюстрации, которые никто до меня не видел, — и понял, что можно написать обо всем этом! Осознал, какие дополнительные возможности предоставляет историку журнал с полноцветной печатью. Я, может быть, никогда не написал бы без этого целый ряд своих работ. Репродукции картин или гравюр хорошего качества органично вошли в систему моих научных доказательств.

Со временем я ощутил потребность посмотреть на декабристов в более широком историческом контексте. Помните, как Лев Николаевич Толстой — когда он задумался, почему мы проиграли Крымскую войну, в которой участвовал, он решил, что надо вернуться на 50 лет назад.

Я тоже понял, что нужно посмотреть на декабристов в большом времени истории или, как сказал бы Фернан Бродель, в длительной временной протяженности. Так появилась моя вторая книга — «На службе российскому Левиафану». Это была философская книга, и там я без обиняков ответил на вопрос, что было бы, если бы декабристы победили.

Самое забавное, когда я выпустил эту книгу, то моя школьная учительница истории и мои школьные товарищи

напомнили мне то, о чем я напрочь забыл. Оказывается, еще в девятом классе, когда меня спросили, что было бы, если бы декабристы победили, я сказал: «Да ничего хорошего бы не было». — «Как ты можешь такое говорить?» — «Да очень просто. Ведь декабристы не собирались освобождать крестьян с землей». А вспомните, чем закончилось освобождение крестьян с недостаточным земельным наделом. Вспомните восстание в селе Бездна и т. д. Так что были бы такие же крестьянские бунты, и декабристам пришлось бы их подавлять. Представьте себе Павла Ивановича Пестеля, который со своим бы полком или уже не с полком, а, допустим, с дивизией идет подавлять новое Пугачевское восстание. «А это было бы неизбежно», — сказал я.

Кстати, когда я читал документальные материалы о Федоре Ивановиче Тютчеве, меня поразили один факт из его биографии. Уже на склоне лет поэт встретил какого-то приятеля времен давно ушедшей молодости, которого не видел несколько десятков лет. Приятель напомнил Тютчеву его собственные остроты давно прошедшего времени. И Тютчев пишет супруге: «Оказывается, я уже тогда острил». То есть сам он уже эти остроты забыл.

Так вот появилась книжка «На службе российскому Левиафану».

С. Э. Она собрала большую прессу. Было много рецензий разного рода.

С. А. Э. Да, и многих, конечно, книжка разозлила. В Институте всеобщей истории РАН функционировал семинар по истории частной жизни,

в работе которого я в течение нескольких лет принимал активное участие. Мы собирались регулярно и обсуждали доклады друг друга. Я, готовясь к своему докладу, пошел в ГАРФ и стал изучать опись Секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Там я нашел несколько очень ярких и никогда не публиковавшихся дел. В частности, в архиве было дело Надежды Сергеевны Акинфовой, адресата тютчевской лирики. Эта дама, вопреки воле самодержца и мнению света, стала супругой герцога Лейхтенбергского, заключив с членом императорской фамилии морганатический брак. Меня поразило то, что уже после того, как прозвучал выстрел Каракозова в Александра II, лучший агент тайной политической полиции занимался не охраной особы царя и не борьбой с террористами, а в течение длительного времени следил за тем, чтобы племянник царствующего государя, Николай Максимилианович Лейхтенбергский (это старший внук Николая I), не смог обвенчаться с замужней дамой Надин Акинфовой. И мне это показалось диким, странным: стоило ли тратить такие большие деньги из бюджета III Отделения, чтобы безуспешно пытаться помешать двум влюбленным соединить свои судьбы. Тщательно спланированная слежка закончилась в итоге ничем: влюбленные обвенчались. Итак, я написал небольшую книгу «Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции». В ГАРФ, в личных альбомах канцлера князя Александра Михайловича Горчакова я обнаружил очень много никогда не публиковавшихся фотографий, на которых были

запечатлены мои герои. У меня возникло естественное желание опубликовать эти фотографии.

Руководитель семинара Юрий Львович Бессмертный был ревнив и хотел, чтобы эти уникальные материалы были опубликованы в издании по итогам работы семинара. Но я поступил по-своему, хотя и были обиды. Я сделал выбор в пользу отдельного издания со множеством прекрасных иллюстраций, напечатанных на двух вклейках. Пусть это стоило мне потом неучастия в солидном проекте, поддержанном большим грантом. Вообще у меня всегда было своеобразное отношение к презренному металлу, я исходил из пушкинской формулы: деньги — это важнейшее условие благопристойной независимости. Я всегда умел зарабатывать несколько больше, чем нужно было мне и жене для удовлетворения наших скромных потребностей. И никогда не рвался за грантами. Без ложной скромности могу сказать, что цену своим исследованиям я знал. И понимал, что, если мне не дали грант на подготовку и издание книги, значит, сам принцип отбора имеет какие-то серьезные общесистемные недостатки. Вообще по мере накопления опыта я научился не в лоб преодолевать препятствия, а применять обходной маневр. А используя собственную систему работы, умение беречь время, я довольно легко обходил любые препятствия.

Так получилось, что мою статью, опубликованную в трудах ИВИ РАН, прочитал директор института академик А. О. Чубарьян и заинтересовался моей персоной. Я был приглашен к нему в кабинет. Александр

Оганович говорил о своем желании, чтобы в его институте трудились интеллигентные и талантливые люди, продуктивные историки, блеск работ которых отражался бы на репутации института. Разумеется, я не имел никаких возражений. Беседа завершилась приглашением меня в ИВИ...

Прошло несколько лет. Я делал доклад в ИВИ РАН «Как Елизавета Петровна Европу к миру принудила». В ней речь идет о картине австрийского художника Преннера, запечатлевшего «дочь Петра» в окружении многочисленной свиты. Мне удалось установить всех персонажей этой картины, оригинал которой хранится в Русском музее. А перед докладом у меня состоялась беседа с академиком Чубарьяном. Он проявил интерес, предложив прочитать курс лекций в Государственном университете гуманитарных наук. Короче, в тот же самый день было принято решение о создании в ГУГНе новой кафедры — истории искусств и культуры. Мне было предложено ее возглавить...

Я пять лет возглавлял эту кафедру. Через пять выпустил бакалавров. Со своими студентами работал в «Родине», они приезжали ко мне, я читал им лекции. Эта была, с моей точки зрения, максимально эффективная система подготовки. Я старался привлечь лучших специалистов, они читали свои индивидуальные курсы.

Итак, в 2001 г. вышла «Надин». Две книги вышли в 2003 г.: «Тютчев. Тайный советник и камергер» и «Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории».

Как появились эти книги? Лорина Петровна Репина, с которой мы познакомились как раз 19 октября 1994 г., как-то мне сказала, прочитав «Надин»: «Почему бы вам не написать книгу о Тютчеве? Она наверняка будет интересной». Сам я как-то не решался, но это было последней каплей. И я написал небольшую книгу о Тютчеве, в ней содержались очень важные сюжеты из биографии великого поэта, которые раньше никем не рассматривались.

Полковник Николай Иванович Тютчев, старший брат поэта, был военным разведчиком. Он руководил разведкой, которая дислоцировалась в Царстве Польском. Каким образом я это установил? Следуя по Италии по тому же маршруту, по которому в прошлом веке вместе путешествовали братья Тютчевы, я обратил внимание на выразительную деталь. Они неспешно наслаждались красотами Италии — два джентльмена с двумя дамами, романтическое такое путешествие было. Но, удивительное дело, Тютчевы путешествовали именно там, где австрийцы воздвигали свои новейшие крепости. Я ухватился за это. То есть полковник Тютчев был тем, кто на современном профессиональном языке называется «маршрутником». Мне стало интересно. Я стал разматывать этот клубок. Полковник Тютчев служил в Генеральном штабе, а его гениальный младший брат, по сути, предложил Николаю I новую идею: создать новую институцию, способную регулярно вести против Запада информационную войну.

Оттолкнувшись от этого, я стал писать книгу, в центре которой была

служебная карьера Федора Ивановича, а не его поэтический мир. Мне не хотелось двигаться по избитой дороге. Потому что о тютчевской поэзии написано много работ. Однако сам поэт собственным стихам не придавал никакого значения. Он мог написать стихотворение и бросить автограф на столе. Кстати сказать, работая над книгой, я нашел единственное неопубликованное стихотворение Тютчева. Нашел я его очень просто. Хотел украсить книжный переплет автографом главного героя. Я знал, что барон Бюлер, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел, был увлеченным собирателем автографов. И я попросил моего очень хорошего знакомого Юрия Моисеевича Эскина, заместителя директора РГАДА, посмотреть, а нет ли среди бумаг барона Бюлера тютчевских автографов. И оказалось, что есть. И я увидел, скорее всего, последнее стихотворение Тютчева. Оно было написано графитным карандашом на большом листе бумаги, такие обычно используют на совещаниях. Как будто тайный советник и камергер Тютчев сидел на совещании, сочинял стихи, а потом оставил этот лист со своим четверостишием на столе в присутственном месте. Барон Бюлер обрадовался, взял автограф поэта для своей коллекции и уже пером сделал примечание для потомства, что стихи были написаны Тютчевым на заседании Московского общества любителей духовного просвещения, и поставил дату. Благодаря современной технике удалось эти стихи прочитать. Так я написал книжку не о поэте, а о тайном советнике и камергере Тютчеве.

К настоящему времени она выдержала три издания. Специалисты по Тютчеву были в шоке: для них книга оказалась абсолютно неожиданной.

Вообще, когда я начинаю какую-то работу, я никогда не думаю, будет ли она напечатана, заплатят мне гонорар, как к этому отнесется научное сообщество... Я пишу, потому что испытываю в этом некую внутреннюю потребность. Мне вспоминается давняя мысль Виктора Шкловского. Он, обращаясь к коллегам, говорил так: «Вы пишете, чтобы заработать, а нужно, наоборот, зарабатывать, чтобы писать».

Свою вторую книгу я сумел напечатать в итальянской типографии, специально подбирая бумагу для книжного блока и вкладок, а ткань — для книжного переплета. В русской культуре, на мой взгляд, есть две линии. Одна линия — линия Пушкина, другая линия — Тютчева. Линия Пушкина — это когда автор не просто выбирает бумагу, он выбирает шрифт, формат издания. Он выбирает оттенок бумаги. Скажем, для Блока было важно, чтобы бумага была цвета слоновой кости. Он считал, что, если его стихи напечатать на белой бумаге — восприятие будет другое. Блок сознательно ориентировался на пушкинский опыт: Пушкин всегда заинтересованно обсуждал с издателем формат своей очередной книги, последовательность стихов, традиционные элементы книжной графики; он мечтал о том, чтобы его первую книгу открывал фронтиспис работы известного художника. Хотя поэт понимал, что работа известного художника будет стоить больших де-

нег. Он сам выбирал виньетки к своим стихам. То есть он погружался в процесс предпечатной подготовки рукописи к изданию.

И была линия Тютчева: Федор Иванович даже не удосужился собрать первый сборник своих стихов. Это за него сделали другие. Во всяком случае, он никогда не интересовался ни форматом издания, ни бумагой.

Я отношу себя к первой линии, уделяющей внимание культуре книгоиздания.

Для меня всегда было важно, как оформлена моя книга, поэтому на предпечатную подготовку книги времени уходило не меньше, чем на ее написание. И у меня издано несколько книг, которые не имеют аналогов по количеству очень редких качественных иллюстраций. Сейчас мне это немножко поднадоело. И когда в замечательном издательстве «Кучково поле» готовилась к печати моя книга «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?!», хотя в моем распоряжении было более сотни редких архивных фотографий, я сознательно стремился к книжному минимализму. То есть я постоянно занимаюсь экспериментированием. Не хочу повторять то, что когда-то уже было мной использовано. Несколькими годами ранее была роскошно напечатана на дорогой мелованной бумаге моя книга «1000 дней после Победы, или Предвестие свободы». Книгу выпустили в виде альбома — это прекрасно, это впечатляет, но хочется идти дальше, хочется чего-то нового. Это для меня всегда важно. И важно вот это несравненное, это замечательное состояние внутренней свободы.

Итак, в начале 2003 г. был опубликован «Тютчев», в том же году вышла книга «Битвы за храм Мнемозины». Как она родилась? В 1999 г. Л. П. Репина и я возвращались в Москву после завершения Международной конференции в Казани. Лорина Петровна создала новую научную институцию — Российское общество интеллектуальной истории, и я ей сказал: «Вот вы создаете новое научное направление, а теории вопроса у вас нет». Она быстро ответила: «Вот вы ее и создайте». Так я написал несколько теоретических работ, из которых потом была составлена «Мнемозина».

Я никогда не расставался с философией. У меня есть работы сугубо философские, сугубо теоретические. И, как мне кажется, школьную мечту о собственной неэвклидовой геометрии я полностью реализовал. То есть я не только написал о том, что было бы, если бы декабристы победили, но и разработал теорию вопроса контрфактического моделирования в историческом исследовании. В книге «Битвы за храм Мнемозины» есть очерк «Несбывшееся — воплотить», о сослагательном наклонении в истории...

Итак, меня заинтересовала интеллектуальная история. Что это такое? Это история творческой деятельности. В том числе и творческих союзов.

В свое время вышли два толстенных тома, в которых были опубликованы разнообразные архивные документы, связанные как с творческой, так и с коммерческой деятельностью Товарищества передвижных художе-

ственных выставок. Я очень люблю изучать пухлые сборники архивных документов, которые и специалисты-то часто не столько читают, сколько бегло перелистывают.

Погрузился в изучение — и вдруг увидел, что передвижники, создав свое Товарищество, реализовали успешный коммерческий проект. Их картины продавались, выставки себя окупали. Я подумал, что надо бы об этом написать. Как раньше писали о передвижниках? Писали, что они срывали всяческие маски, разоблачали социальную несправедливость, визуализировали наболевшие общественные проблемы. Все так. Все правильно. После снижения интереса образованного общества к мифологическим сюжетам стали писать то, что окружает человека. Тем не менее они сумели так самоорганизоваться, что их лишенный государственного финансирования творческий союз стал самоокупаемым. Книга «Шайка передвижников: История одного творческого союза» стала моим индивидуальным ответом на очередной вызов времени, на трансформацию в условиях рыночной экономики извечного русского вопроса «Что делать?». Академической науке предстояло отрешиться от былых стереотипов и определиться по отношению к новым экономическим реалиям: недостаточному государственному финансированию и коммерциализации книжного рынка.

Книга выдержала два издания. Одно, дорогое и роскошное, вышло в «Белом Городе» (2005), другое — в издательстве «Дрофа» (2008), более демократичное. Что меня несколько удручает, это то, что современные

интеллектуалы не хотят считаться с новыми экономическими реалиями. Я помню, как в конце прошлого столетия, на семинаре по истории частной жизни, после одного доклада, который был сделан заумным языком, я сказал: «Коллеги, для кого мы пишем наши книги? Для кого мы все это делаем? Если мы все это делаем для узкого круга “немногих, но верных друзей”, по словам князя Петра Андреевича Вяземского, то тогда мы должны понимать, что наши книги не будут продаваться. Зачем тогда все это публиковать? Это можно размножить и раздать» (тогда еще электронная почта не была так распространена). И я вспомнил доклад Эйдельмана о князе Михаиле Михайловиче Щербатове, авторе знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России». Натан Яковлевич утверждал: в XVIII в., чтобы получить известность в качестве автора, не нужно было *напечататься*, он так «вкусно» произносил это слово. Надо было написать записку, отдать писарю, ее размножить, сделать десять или двадцать экземпляров. И разослать представителям образованного общества. И все: ты известен, ты знаменит.

А сейчас ситуация поменялась. И меня всегда удручало, что многие из коллег с упорством, достойным лучшего применения, продолжают игнорировать новые экономические реалии. Они уповают на гранты, на целевые программы, а нужно внедрять и реализовывать проектное мышление с его атрибутами. Да, мы ограничены по времени, мы ограничены ресурсами — материальными и людскими. Но мы должны произвести продукт, которого нет на рын-

ке. Если ты, как ученый, способен сделать интеллектуальный продукт, которого нет на рынке, ты преуспеешь, а если нет — твоя судьба не завидна.

Но прежде всего, с моей точки зрения, если человек занимается наукой, то он должен добиваться в своих работах приращения нового знания и обретения нового смысла. Если нет приращения нового знания — это не наука. Это могут быть новые термины, это могут быть притязания на новые направления, но, если нет приращения нового знания — это не наука.

При этом я всегда думал о форме подачи материала, стремился к тому, чтобы все мои книги были изданы изящно и снабжены качественными иллюстрациями. Я работаю с лучшими художниками России. Это и А.Б. Коноплев, и Н. Ордынский, и В. Домогацкая, и Г. Ваншенкина, и М. Миллер.

У каждого из этих художников книги, с которыми мне посчастливилось сотрудничать, я старался чему-то научиться. И когда заходила речь об издании очередной книги, я мог достаточно подробно сформулировать свое видение того, что я хочу получить на выходе.

Мне несколько раз приходилось вступать в дискуссию с моими коллегами-историками. В том, что я говорил об эстетике книжной графики, коллеги усматривали некий снобизм. Мне говорили, что для подавляющего большинства гуманитариев речь идет не о том, как именно автор хочет издать собственную

книгу — с цветными иллюстрациями, в хорошем переплете и на хорошей бумаге, — нет, для них речь идет о том, чтобы рукопись хоть как-то была издана, напечатана каким угодно мизерным тиражом. Я отвечал, что «хоть как-то» не получится. Потому что невзрачно изданная книга не будет востребована книжным рынком. Книга должна быть сделана хорошо, книга должна быть сделана профессионально.

Итак, я двумя изданиями выпустил книжку «Шайка передвижников». После этого меня потянуло к тем давним спорам, которые велись в студенческой среде о роли личности в Истории, к нашим давним разногласиям, связанным с именем Сталина. Меня всегда волновали проблема сталинских репрессий и проблема начального периода войны, интересовала судьба поколения, к которому принадлежали мои родители. И я написал книжку «Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы». «Предвестие свободы» — это цитата из Бориса Пастернака, из «Доктора Живаго». О том, что первые послевоенные годы были предвестием свободы. В этом их историческое значение. Потом время как бы переломилось.

Фронтовики не любили вспоминать о войне. Причем они не любили вспоминать и о послевоенных годах. Почему? Потому, что, когда они вернулись с войны, выяснилось: их никто не ждет и никто не собирается освободить им те места, которые они занимали раньше, до ухода на фронт. Разочарование было сильным и горьким — и фронтовики хотели изгнать его из своей памяти. И я вспомнил, что в годы моего детства

папа, несмотря на мои настойчивые просьбы, никогда не рассказывал мне о войне. Уже после его скоропостижной смерти в 1982 г. я понял, почему. Потому что он боялся, что если я начну где-то повторять его правдивые рассказы об «окопной правде», то у меня могут быть неприятности. А тиражировать расхожие штампы и мифы о войне, как это было принято в эпоху застоя, он не хотел, потому что был честным человеком.

Потом как-то, когда я спустя годы спросил о войне жившего в Архангельске родственника жены, он сказал: «Я не хочу об этом вспоминать, мне тяжело. Я был дважды ранен, я не хочу об этом говорить, и я хочу об этом забыть».

Последние лет двадцать меня интересует судьба человека в Истории: как она меняется в переломные исторические моменты — в лучшую или в худшую сторону, и почему течение жизни с какого-то момента времени идет именно по этому руслу, а не по какому-то иному. Моя тяга к подобного рода проблемам востребована журналом «Родина». Мои многочисленные статьи в журнале содержат приращение нового знания. Если я не вижу возможности отыскать в имеющемся в моем распоряжении фактическом материале какую-то «изюминку» и за счет этого добиться приращения нового знания, я отказываюсь от идеи написать новую статью. В каждой статье стремлюсь визуализировать прошлое, создать запоминающийся, пластический образ главного героя. Стараюсь вписать индивидуальную судьбу «маленького человека» или «человека второго плана» в большое историческое время.

Мне очень везло в жизни на умных, благородных и талантливых людей. Я был знаком с Н.Я. Эйдельманом. В течение длительного времени общался с Андреем Григорьевичем Тартаковским. С ним было нелегко беседовать, он, как говорится, резал правду-матку. Но через какое-то время я научился держать удар... Я был знаком с Ароном Яковлевичем Гуревичем. В определенном смысле я всегда считал себя его учеником — по подходу, по методологии. Он с этим соглашался. Я очень благодарен академику А.О. Чубарьяну, которого считаю крупнейшим организатором гуманитарной науки конца XX — начала XXI ст. Он сумел сохранить Институт всеобщей истории, преумножить его славу, сохранить людей. В том, что я говорю, нет личных мотивов: никаких грантов там я не получал... Я очень признателен Л.П. Репиной, потому что она умеет собирать вокруг себя людей, умеет создавать новые институции. Российское общество интеллектуальной истории — это яркое явление на нашем интеллектуальном ландшафте. Без государственной поддержки, без спонсоров, меценатов она сумела создать мощное объединение профессионалов. Это — явление. Ничего подобного у нас нет, есть, наоборот, небольшие группы, чем-то напоминающие секты: замкнутые, враждебные к чужакам. Вообще, то, что мне не нравится в нашем научном сообществе — закрытость группировок.

С.Э. Да, у нас очень мало корпоративных организаций историков.

С.А.Э. Это так. И беда в том, что современные интеллектуалы у нас пло-

хо понимают и плохо формулируют свои корпоративные интересы. Я мало знаю примеров, когда человек поддерживал бы работу коллеги, который является его конкурентом и лично ему неприятен — если эта работа при этом является сильной и прорывной. В лучшем случае он сохранит доброжелательный нейтралитет. Мы часто не понимаем, что каждая новая хорошая книга, пусть написанная не нами, укрепляет позиции всех нас. Нас сейчас губит не отсутствие финансирования, даже не отсутствие молодежи в науке. Нет, губит как раз отсутствие эталонов в науке — нравственных, профессиональных, даже технических. Отсутствует, если угодно, конвенция по каким-то важнейшим вещам: что хорошо, что плохо, что можно, чего нельзя. Пока мы не выработаем такую конвенцию и не примем ее к исполнению — наше интеллектуальное пространство будет состоять из разрозненных групп, фактически находящихся в состоянии войны всех против всех.

С.Э. Что сделано в последнее время?

С.А.Э. Назову книгу «Живописный детектив: расследования и находки». Я занимался установлением имен неизвестных, запечатленных на тех или иных картинах. Это живописные и акварельные портреты, которые мне удалось идентифицировать. Мои «расследования» сопряжены с живописью и графикой. Книга писалась в течение двадцати лет, и в течение этого же времени публиковалась — по главам. Когда я понял, что масса стала больше критической, я сложил вместе эти главы, выстроил определенным

образом, и получилась книга с иллюстрациями высочайшего качества. Я благодарен журналу «Родина» за то, что он дал мне возможность ездить в командировки по областным центрам, где удалось сделать очень важные находки. Реальные

богатства России хранятся именно в запасниках музеев.

Другая книга, «Империи последние мгновенья» — это историософское осмысление важнейших событий нашей истории.

“IF A PERSON IS ENGAGED IN SCIENCE, THEN HE MUST STRIVE FOR THE INCREMENT OF NEW KNOWLEDGE AND THE ACQUISITION OF NEW MEANING. IF THERE IS NO EXPANSION OF OUR KNOWLEDGE, THIS IS NOT SCIENCE”.

Interview with S. A. Ekshtut

Ekstut Semyon A. — Doctor of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of General History of the RAS (Moscow)

Key words: family memory, Moscow University, Nathan Eidelman, history of Russia and Russian culture of the 19th — early 20th centuries, popularization of history, illustrated history books.

Abstract. The well-known historian of Russian culture and publicist Semyon Ekshtut talks about his life, shares the results of his historical discoveries and plans for new research.

«ПО СВОЕЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПРИРОДЕ Я РАССКАЗЧИК ИСТОРИЙ, А НЕ ХУДОЖНИК СЛОВА».

Интервью с Л. А. Юзефовичем

(Май 2018)

Ключевые слова: историческая проза, преподавание истории в школе, Гражданская война в России, история Урала, Сибири и Забайкалья.

Аннотация. Известный писатель, крупный мастер исторической прозы, рассказывает о своей жизни, об истоках своего интереса к истории, делится размышлениями на исторические темы и творческими замыслами.

DOI 10.31754/2409-6105-2021-1-367-379

Среди многочисленных книг Л. А. Юзефовича: Обручение с вольностью (1977); Ситуация на Балканах (1981); Школа Героев: Документальная повесть об истории пермской школы № 47 (1986); Контрибуция (1987); «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. (1988); Охота

с красным кречетом (1989); Клуб «Эсперо» (1990); Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга (1993); Триумф Венеры (переработанная «Ситуация на Балканах») (1994); Знак семи звезд (1994); Самые знаменитые самозванцы (1999); Песчаные всадники (2001); Зимняя дорога (2015)

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Широкой публике вы известны как писатель, который пишет на исторические темы. Но вы еще и кандидат исторических наук, поэтому мы с полным правом поместим ваше интервью в рубрике «Время историка». Вы занимаетесь историей и в своей писательской, и в научной ипостаси. Традиционный вопрос: почему у вас появился интерес к ис-

тории, кто на вас повлиял — семья, школа или еще кто-то?

Л. Ю. Ни семья, ни школа на меня не влияли. Мой отчим, который меня воспитал и который заменил мне отца, был инженером на военном заводе, мама — врачом в заводской поликлинике. Поселок Мотовилиха, где мы жили, когда-то был отдель-

ным поселением возле Перми, при знаменитых, основанных еще при Александре II Мотовилихинских пушечных заводах. Лишь на моей памяти он не только административно, но и фактически слился с Пермью. Вот мы с вами разговариваем в кафе на Гагаринской улице, а напротив, через скверик, находится Музей обороны Ленинграда. Он занимает часть бывшего Соляного городка. В XIX в. в его внутреннем дворе проводились всероссийские торгово-промышленные выставки. Года три назад там прокладывали коммуникации и откопали две 8-дюймовые мотовилихинские пушки. Это гигантские орудия, прообразы германских «Большой Доры» и «Большой Берты». Их должны были отправить на Балканы, на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., но не везде были железные дороги, а без железных дорог эти машины далеко не увезешь. Их почти стили, теперь они стоят у входа в музей. Я живу рядом, на Шпалерной, и, проходя мимо, вспоминаю, что у проходных Мотовилихинского завода, где я работал в юности, стоит на пьедестале такая же пушка. Подобные переключки, случайности, совпадения меня всегда волнуют — усматриваю в них знаки судьбы. Как ученый я этого себе позволить не могу, а как литератор — вполне.

А почему я пришел к истории? Знаете, ненависть всегда объяснима — мы можем объяснить, почему мы кого-то не любим или даже ненавидим, но вот любовь и интерес к чему-то вне нас (интерес — разновидность любви) необъяснимы. Трудно сказать, почему нас что-то начинает волновать. Могу лишь сказать, что на меня в детстве произвели огромное

впечатление три, даже четыре книги. Они стоят у меня на книжной полке, и мои дети их тоже прочли. Это «Наша древняя столица» — книга в стихах, которую сочинила Наталья Кончаловская, мама наших знаменитых режиссеров и жена Сергея Михалкова. Она мне в детстве ужасно нравилась, какие-то куски оттуда я помню до сих пор. Затем две книги Василия Яна — «Чингисхан» и «Огни на курганах» (о походе Александра Македонского в Среднюю Азию), и наконец Николай Чуковский, «Водители фрегатов». Эти четыре книги — мои святыни.

В детстве я ничего не знал о Василии Яне (Янчевецком). Теперь знаю, что до революции он был чиновником по особым поручениям при асхабадском генерал-губернаторе, выполнял разведывательные поручения в Хивинском ханстве, а во время Первой мировой войны — в Персии, вместе с англичанами. Потом служил в Белой армии, редактировал главную газету Колчака, причем в редакции у него работал Всеволод Иванов, будущий автор «Бронепоезда 14–69». Это не помешало им обоим умереть лауреатами Сталинской премии.

С. Э. Был еще художник, у которого был похожий путь. Он написал «Допрос коммунистов»...

Л. Ю. Борис Иогансон?

С. Э. Да, есть свидетельства, что он же тоже служил у Колчака.

Л. Ю. Ну, много кто был у Колчака. Заместителем начальника колчаковского Осведарма (это их политотдел) был писатель Валерий Язвицкий,

автор многотомной эпопеи «Иван III. Государь всея Руси» — в советское время она много раз переиздавалась. Или Сергей Ауслендер — еврей, который был спичрайтером у Колчака и придумал знаменитую формулу: диктатура — учреждение республиканское. В 1930-х Ауслендера репрессировали, но совсем не за это. Он был вполне успешным детским писателем. У белых служили Леонид Леонов, Валентин Катаев.

А Ян после Гражданской войны жил в Туве, потом решил, что уже можно обнаружиться, вернулся в Москву. Он был другом и ценителем Сигизмунда Кржижановского, другом молодого Давида Самойлова. Трудно такое предположить об авторе романов «Чингисхан» и «Батый».

Однажды я рассказывал обо всем этом во время интервью на радио, и один человек написал мне на «Фейсбуке»: «Леонид Абрамович, биография Яна уже написана, ее автор — я». Это оказался молодой историк Иван Просветов. Он долго не мог издать эту книгу — везде ему говорили, что никто не знает такого писателя. В итоге он ее все-таки издал, но не в ЖЗЛ, как изначально хотел. Вопреки опасениям издатель она имела успех. Это доказывает, что Ян — не забытый писатель (речь идет о книге: *Просветов Иван. Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградили Сталин. М., 2016. — Прим. ред.*).

С.Э. Ян повлиял на ваш интерес к Монголии?

Л.Ю. Ну, на интерес к Монголии, скорее, повлияло то, что местом моей ар-

мейской службы стала Бурятия. Поскольку я был офицером, жизнь моя была относительно свободна, я видел не только казармы и полигоны. В то время Забайкальский военный округ включал в себя и территорию Монголии, поэтому в Монголию я впервые попал в юности. А юношеские впечатления — всегда самые важные. Может быть, важнее даже детских.

С.Э. Вы окончили исторический факультет или филологический? В ваших интервью и в «Википедии» есть разночтения...

Л.Ю. Я окончил филологический факультет, но я это скрываю. А диссертацию защитил по истории, так что...

С.Э. А почему скрываете?

Л.Ю. Мне одно время не без оснований казалось, что быть филологом — это для писателя стыдно. Для историка — нет, а для писателя как-то стыдновато.

С.Э. Ну, мы, как историки, будем рассказывать, «как это было на самом деле!» (смеется)

Л.Ю. У меня диплом филолога, но тема диплома и тема диссертации были связаны с историей русского Средневековья.

С.Э. Эти вещи вообще тяжело разорвать. Не случайно в императорской России были историко-филологические факультеты.

Л.Ю. Конечно. Особенно когда речь идет о древности или даже о средних веках.

С.Э. Я читал, что когда вы были еще студентом, то приняли участие в сборнике, который подвергся жестокой критике власти. Можете рассказать об этом?

Л.Ю. Это был коллективный сборник стихов, и мои поэтические опусы раскритиковала не власть, а знаменитый писатель Виктор Астафьев. К власти он отношения не имел.

С.Э. Он тогда жил в Перми?

Л.Ю. Да. Виктор Петрович на фронте женился, а жена была родом из Чусового. Это город в Пермской области. Они туда и приехали, уехали в Чусовой. Я хорошо знал их сына Андрея. Он рассказывал, что, когда мама привезла Астафьева в Чусовой, он на вокзале увидел статую Ленина и сказал: «Владимир Ильич, вы единственный человек, которого я знаю в этом городе». Потом у него вышла книжка в Перми, они переехали в Пермь. Виктор Петрович жил в Перми, пока писатели-деревенщики не соблазнили его уехать в Вологду. Но и с ними он быстро разошелся. Астафьев был человек бескомпромиссный. Как мне рассказывал его сын, однажды вологодский обком в честь какого-то праздника наградил всех писателей дубленками. Они были в большом дефиците, все взяли. А Астафьев отказался. Вскоре после этого он из Вологды перебрался в Красноярск.

С.Э. Ваши стихи он не оценил?

Л.Ю. Ну, мне было 18 лет, когда я эти стихи сочинял. Критика была справедливой.

С.Э. После армии вы вернулись в Пермь и поступили в аспирантуру?

Л.Ю. Нет, я учился в заочной аспирантуре. Моим научным руководителем был выдающийся историк и поразительный человек Сигурд Оттович Шмидт. У меня с ним сложились близкие отношения. Я часто бывал у него дома. Шмидт всю жизнь прожил холостяком, никогда не был женат. Жил он с няней, которая его воспитала. Она была полькой, точнее, видимо, уроженкой Западной Белоруссии. Звали ее Франциска Александровна. Она говорила с акцентом и часто рассказывала истории о том, как во время Гражданской войны жила в Киеве. Помню, скажем, ее рассказ о том, что у киевлянок были блузочки разных цветов: красные, бело-красные с синей юбкой, желтые с голубой и пр. Утром выходили на улицу, смотрели, какой флаг поднят над городской думой, и одевались в соответствующие цвета. Отец Сигурда Оттовича — знаменитый Отто Юльевич Шмидт, руководитель экспедиции на «Челюскине», академик. А дядей по маме был философ и писатель Яков Голосовкер. Не знаю, говорит ли вам что-то это имя, но для меня в юности оно было очень важным.

С.Э. Автор «Логики мифа»? Я читал его.

Л.Ю. Да, автор «Логики мифа» и великой книги «Сказания о титанах». Она вышла в Детгизе, но вообще-то это была попытка в литературной, даже, можно сказать, поэтической форме реконструировать слой древнейших греческих мифов. Еще одна его замечательная книга — «Кант

и Достоевский». Он похоронен на Переделкинском кладбище, его могила рядом с могилой Пастернака. Его любил Фадеев, Голосовкер месяцами жил у него на даче. Собственного жилья он никогда не имел. В конце 1920-х он отсидел какое-то время в лагере, там подружился с японистом и синологом, будущим академиком Николаем Конрадом, и Конрад до смерти его поддерживал. Умер Голосовкер в сумасшедшем доме, где провел последние лет десять. Но, конечно, это был гений. От него остался гигантский ученый труд под названием «Иммагинативный абсолют» — о роли воображения в истории. «Логика мифа», которую вы читали, небольшая часть этого огромного труда. Целиком он так до сих пор не издан. Я всегда жалел, что к тому времени, когда я познакомился с Сигурдом Оттовичем, его дядя уже умер (в 1967 г. — Прим. ред.).

Одна моя приятельница написала в «Фейсбуке», что она шла по улице, а перед ней шли двое совсем молоденьких студентов, мальчик и девочка. И девочка сказала своему мальчику: «Талант — дар, а гениальность — проклятье». Что касается Голосовкера, для него это, конечно, было проклятьем.

С. Э. Интересно. Я этого не знал и уверен, что многие читатели не знали. Хочется поговорить о теме вашей диссертации «Дипломатический этикет». Вы сами ее выбрали?

Л. Ю. Еще когда я был в армии, я написал дилетантскую работу о, грубо говоря, элементах кальвинистского мирозерцания у некоторых рус-

ских деятелей, в частности у Иосифа Волоцкого. О предопределенности, о том, что доктрина предопределения вытекала из особенностей средневекового мирозерцания. Работа была наивная, с неправомерными обобщениями. Одна вырванная из контекста цитата, а дальше — широкошумящие, если воспользоваться словечком Ивана Грозного из его переписки с Курбским, выводы. Тем не менее что-то в ней было и оригинальное.

Эту работу я стал рассылать разным московским и ленинградским историкам, но ответа ни от кого не получил. Откликнулся только Сигурд Оттович. Я тогда жил в Перми. Он пригласил меня в Москву, мы познакомились. Меня еще интересовала присяга... Вообще, во мне погиб антрополог, но тогда даже такого слова никто не знал, все были этнографами и не более того. В общем, меня занимал феномен присяги. Как люди к ней относились? Какова тут религиозная и психологическая подоплека? В итоге я написал работу о крестном целовании, о философии и психологии крестного целования в средние века на Руси. Шмидт сказал мне, что это не может быть темой диссертации, но может быть ее частью.

Поскольку основные примеры у меня шли из дипломатической практики, то появилась тема, связанная с дипломатическим этикетом. Ведь крестное целование, которое монарх или его полномочный представитель совершает на тексте дипломатического договора, — это его ратификация. Православные целовали крест, католики — крест или Евангелие. Протестанты, произнося

текст присяги, возлагали левую руку на первую страницу Евангелия от Иоанна, а правую поднимали вверх с тремя поджатыми и двумя выпрямленными пальцами — средним и указательным. Словом, из этого и выросла моя тема.

С. Э. Вы тогда работали в школе?

Л. Ю. Да, преподавал историю.

С. Э. И одновременно писали диссертацию, учась заочно?

Л. Ю. Да. Я приезжал в Москву, ходил в архив древних актов на Пироговке. Сейчас это РГАДА, а тогда был ЦГАДА. Значительная, если не большая часть посольских книг не опубликована до сих пор. Тогда я научился читать полуустав и даже скоропись, что дается только тренировкой, навыком. Сейчас вот опять не умею.

С. Э. В каком году вы защитились?

Л. Ю. В 1981-м.

С. Э. Еще до перестройки.

Л. Ю. Разумеется. А чуть позже стал членом Союза писателей СССР. У меня были повести на краеведческом архивном материале. Одна — о таком странном правдолюбце по фамилии Мосцепанов. Он был отставной офицер, и граф Демидов предложил ему стать учителем на Нижнетагильских заводах. Он боролся с какими-то непорядками, искал встречи с Александром I — и, что самое удивительное, встретился с ним, когда царь в 1824 г. приезжал на Урал. Вторая повесть — «Обручение с вольностью» — это

история тайного общества крепостных интеллигентов на Чермозском железодобывающем заводе в середине 1830-х гг., тоже по архивным документам. Эти две повести вышли отдельной книгой в Перми, и меня приняли в Союз писателей СССР. Между прочим, тут мне помогла писательница Агния Кузнецова, жена главного на тот момент советского писателя Георгия Маркова. Он был сибиряк, а она — из тех мест, которые описывались в моей второй повести. Один пермский писатель послал ей мою книжку, она взволновалась тем, что я чуть ли впервые в литературе описал ее малую родину, и помогла мне вступить в Союз писателей. После распада СССР ни в каких писательских организациях я больше не состоял и теперь не состою — ни в правых, ни в левых, ни в ПЕН-центрах.

С. Э. Что давало членство в Союзе писателей? Можно ли говорить, выражаясь перестроечным языком, о «привилегиях»?

Л. Ю. Давалась среда — здесь, в Москве. Но я жил в Перми. Там полагался раз в месяц паек, где была пачка индийского чая, курица и еще что-то. Эти пайки делились по категориям, у писателей категория была самая низшая. Кажется, была еще банка растворимого кофе. Страшный дефицит. Мы, конечно, между собой толковали, что это для нас унизи-тельно — принимать такие подачки, но никто не отказывался. Я тоже. Да жена и мама мне бы этого и не позволили.

С. Э. А были какие-то дома творчества?

Л. Ю. Да, один раз в год можно было поехать в Дом творчества. Не бесплатно, но по сниженной цене. А вот если ты хотел второй раз поехать, надо было платить. Но летом это было вообще невозможно, даже по сниженной цене, поскольку писателей в Советском Союзе было очень много. На всех летних путевок не хватало. А зимой — можно.

С. Э. Вам удавалось?

Л. Ю. Один раз съездил в Коктебель, еще в советское время. Потом, в годы перестройки, несколько раз был с детьми в Пицунде, в литовской Ниде. А когда наши республики стали независимыми, дома творчества перешли в их собственность. Остались только Малеевка и Переделкино. Теперь — только Переделкино, но я не был там лет пятнадцать. Вообще после 1991 г. писатели оказались одной из самых незащищенных социальных групп.

С. Э. Но в советское время они считались идеологическими работниками, отсюда и какие-то привилегии...

Л. Ю. Это все сильно преувеличено. Какие там привилегии! Особенно в провинции. Они очень бедно жили на самом деле. Высокие гонорары были только у довольно узкой прослойки столичных писателей. Правда, членам Союза писателей оплачивался больничный, но только какое-то количество дней в году. Зарплаты никакой не платили, и никто не обязан был тебя издавать только потому, что у тебя есть писательский билет. По нему разве что в ресторан Центрального дома литераторов на Никитской (в Ленин-

граде — на Шпалерной) пропускали беспрепятственно.

С. Э. В Перми был свой журнал?

Л. Ю. Нет, журналы «Урал» и «Уральский следопыт» выходили в Свердловске. В Перми, в областном издательстве, можно было издать книгу, но книги эти практически не распространялись за пределами области. Шансы на то, что она попадет в книжный магазин в Москве, были равны нулю.

С. Э. Вы защитили кандидатскую, но не пошли по пути ученого и выбрали литературную карьеру. Почему вы не стали готовить монографии, а решили писать художественные произведения?

Л. Ю. Эти события происходили параллельно. Почти одновременно я защитился и стал членом Союза писателей. Второе гораздо больше льстило моему тщеславию. Как говорил один мой друг, кандидатов наук в СССР — миллион, а членов Союза писателей — всего десять тысяч.

С. Э. Это было круче?

Л. Ю. Само собой. Меня приглашали в пединститут преподавать методику преподавания истории в школе, но я не пошел. Мне нравилось работать в школе, я был хорошим учителем. Никогда не скажу о себе, что я хороший писатель или историк, а вот это говорю без ложной скромности — я очень хороший учитель истории. До сих пор поддерживаю контакты с сотнями моих учеников. Учитель истории имеет в каждом классе меньше часов, чем,

например, словесник или математик, соответственно он должен иметь больше классов. Поэтому мои ученики исчисляются тысячами, они рассеяны по всему миру от Австралии до Аляски. Время от времени кто-нибудь из них возникает в моей жизни. Среди них есть и бомжи, и члены Совета Федерации. Я ушел из школы в 2003 г., когда ко мне пришла литературная известность, но и сейчас, просто из любви к искусству, вожу детские группы в Казань и Свияжск: изучаем присоединение Казанского ханства к России. Эта программа называется «Рождение империи». Она рассчитана на детей вместе с родителями.

С. Э. Возникает такой вопрос: в советское время преподавание истории было идеологизировано, особенно XX в. Как вы выкручивались?

Л. Ю. Очень просто: я не преподавал у детей после 8-го класса, отказывался. Был другой учитель, который с удовольствием брал старшие классы, потому что с ними работать проще, чем с пятиклассниками-шестиклассниками. А советские учебники истории для младших и средних классов были хорошие.

С. Э. Коровкина?

Л. Ю. Да, и его тоже. Это учебник по истории Древнего мира, но мне больше нравился учебник Донского по истории средних веков. Кстати, Коровкин — школьный учитель моих родителей. Они были одноклассники... Еще в советское время начали появляться и альтернативные учебники. Из более поздних, например, Шукурова и Бойцова по средним

векам. Тоже очень хороший. Похуже был учебник Лейбенгруба по русской истории до конца XVIII в., многословный и пафосный. Автор, видимо, в силу своей фамилии боялся, что его сочтут русофобом. Впрочем, само это слово тогда не было в ходу. А вот учебник Федосова по русской истории XIX в. был прекрасный.

С. Э. Параллельно с преподаванием вы писали литературные по форме работы, но они были построены на архивных источниках. Почему вы выбрали такую форму — подавать это как литературу, а не как историю в чистом виде?

Л. Ю. В юности я писал не только исторические, но и современные вещи. Сейчас не переиздаю ни те, ни другие. Мне они просто не нравятся. Первая моя вещь, которой я не стыжусь, повесть «Песчаные всадники», была написана в 1983 г. Осенью, кстати, выходит по-английски в США. Это моя ранняя повесть о бароне Унгерне. Я написал ее в 35 лет, не зная тогда, что этот герой останется со мной на всю жизнь.

С. Э. Еще в советское время вы начали писать романы о Путилине. Наверное, не так просто было надеяться, что их издадут — все-таки это царский сыщик...

Л. Ю. Их и не издавали, но печатали в журнале «Урал».

С. Э. То есть напечатать все-таки можно было?

Л. Ю. Да. Журналы печатали детективы, потому что им хотелось больше подписчиков.

С.Э. Но обычно в детективах был какой-нибудь майор милиции, а тут у вас царский сыщик действует!

Л.Ю. На излете советской власти в этом уже не видели особого криминала. В 1987 г. издали мою повесть «Контрибуция», о Гражданской войне, причем один из двух ее главных героев, белый генерал Анатолий Пепеляев — персонаж отнюдь не отрицательный. В конце 1970-х — начале 1980-х выходили такие фильмы, как «Бег», «Служили два товарища». Там белые уже не были так однозначны, как, скажем, в «Чапаеве».

С.Э. Нам сейчас кажется, что до перестройки советская система была монолитна, но, получается, это было не совсем так.

Л.Ю. Конечно.

С.Э. Не было мыслей, что что-то не пройдет цензуру?

Л.Ю. У меня таких мыслей не было. Я всегда писал то, что хотел, но надо понимать, что все мы колеблемся вместе с духом времени. Недавно был на обсуждении одной книги о Гражданской войне, там были студенты, аспиранты — и я вдруг понял, что они все красные, ну пусть на 90%. Автора книги о так называемой «демократической контрреволюции», об Уфимской директории, они критиковали с красных позиций. Если бы он эту книгу издал двадцать лет назад, такие же молодые люди осуждали бы его за прямо противоположное.

С.Э. Это дух оппозиции?

Л.Ю. Не только. Что-то такое носится в воздухе, и противостоять этому не может никакой интеллект. Я сам стал замечать за собой, что склоняюсь к красным. Есть замечательный военный историк Андрей Ганин, он всегда был абсолютно белым. А сейчас он выпустил прекрасную, очень объективную книгу «Семь “почему” Гражданской войны», и я чувствую, как в нем тоже происходит этот поворот. Просто людей, не обладающих определенными знаниями, привычкой к работе с источниками, аналитическим мышлением, этот ветер времени сносит далеко. Людей типа Ганина или меня он тоже сносит, но на меньшее расстояние. Дух времени сильнее нашей индивидуальности, сильнее нашего личного опыта.

С.Э. Вот «Неуловимые мстители» вроде бы про красных, но поэтизация белого движения, восхищение блестящими офицерами там отчетливо чувствуется.

Л.Ю. Да, это потом переросло в культ, в конце 1980-х. «Поручик Голицын, раздайте патроны...», песня Танича «Нас уже не хватает в шеренгах по восемь».

С.Э. В начале 1990-х выходит ваша работа про барона Унгерна. Она была востребована, первый тираж 50 тыс. Когда вы начали ее писать?

Л.Ю. Во второй половине 1980-х. Тогда я впервые прочитал «Люди, звери и боги» Оссендовского, еще какие-то вещи, которые мог достать. А уже потом открылись архивы. «Самодержца пустыни» я писал как Карамзин свою историю: у меня были источники и не

было ничего, кроме источников. Гораздо позже я узнал, что кое-что было написано на Западе. У нас — очень мало и очень идеологизированно. Во многих архивных делах, которые я смотрел, лист использования был пустой. То есть к этим делам никто никогда не обращался.

Очень долго я не мог эту книгу издать. В начале 1990-х мне говорили: «Перепишите это в авантюрный роман, тогда издадим». Им казалось, что публика не читает документальную прозу. «Самодержец пустыни» был закончен в начале 1990 г., а издан в конце 1993-го.

С.Э. Гонорар, наверно, был маленький?

Л.Ю. 300 долларов, помню до сих пор. Мои романы о Путилине начали выходить лишь через восемь лет. Они имели успех, и я получил возможность оставить работу в школе.

С.Э. Романы о Путилине были написаны и даже изданы раньше, чем романы Акунина, но Фандорин «выстрелил», а Путилин — имел гораздо меньшую популярность. Тема Фандорина и Путилина во многом общая — условно, «викторианская Россия», когда все было прекрасно, когда бодро развивалась империя. И в связи с этим два вопроса: почему появилась такая ностальгия и почему Акунин, обладающий, как лично мне кажется, гораздо более скромным, чем вы, писательским даром, добился большего читательского успеха?

Л.Ю. Никакой ностальгии в этих моих романах нет, они о другом. А почему мой Путилин не так громко

выстрелил? Думаю, потому что он герой более приземленный, не романтический — жена, дети. Он не годится для культа, не может стать женским любимчиком. Тем не менее эти мои романы изданы довольно большим тиражом, переведены на основные европейские языки. Правда, большого успеха нигде не имели. Разве что в Польше, где наши реалии понимают лучше, чем где бы то ни было.

С.Э. Жанр детектива ограничивает: трудно сделать великую литературу в рамках детектива. Почему вы выбрали детектив?

Л.Ю. Потому что по своей писательской природе я рассказчик историй, а не художник слова. Не удивительно, что однажды мне захотелось написать детектив. Издавать его не хотели, говорили: «Напишите еще один, тогда издадим». Это был 1991 или 1992 г. Но пока я писал второй, издательство, где мне это говорили, перестало существовать. Я пришел в другое и услышал, что два детективных романа — это мало, нужно, по крайней мере, три, чтобы получилась серия. Я уже занимался Унгерном, Монголией и написал детектив на монгольском материале — роман «Князь ветра». В конце концов, после долгих мытарств, все три моих романа о Путилине выпустило лучшее тогда издательство «Вагриус». Их расхвалил популярный уже в те годы литературный критик Лев Данилкин, с этого и началась моя известность. Мне было 53 года. Прямо скажем, не юноша.

С.Э. Роман «Журавли и карлики» уже нельзя назвать историческим в чистом виде, он о нашей

современной жизни, но тем не менее он раскрывается как матрешка — в нем действуют самозванцы XVII и начала XX в. Вы нашу современную ситуацию все равно сравниваете с исторической...

Л. Ю. Это просто взгляд историка. Я пишу о недавней современности так, как будто она уже отлилась в определенные формы. Отсюда интонация, в которой меня часто упрекают — «без гнева и пристрастия». Мне говорят о холодности, о равнодушии, но на самом деле сдерживаемая страсть часто действует сильнее, чем отпущенная на свободу. В этой интонации моя сущность историка проявляется ярче всего.

С. Э. Мне кажется, это очень сильный роман именно в художественном плане. Начинаешь себя соотносить с героями... Думаю, многим людям это близко, особенно людям, которым после 1991 г. было за 40 — для них старая жизнь рухнула, а строить новую уже не было сил...

Л. Ю. Да, это скорее актуально для моего поколения. Вы все-таки сильно моложе. Когда тебе за сорок, как было мне, то ты очень социально уязвим: у тебя уже старые родители и еще маленькие дети. Тем, кто немного старше или моложе — легче.

С. Э. Многие люди, у которых карьера в 1990-е сложилась, рассказывают о них как о замечательном времени. «Это было время свободы, время возможностей». А вы сумели отойти от своего личного...

Л. Ю. Как успешный литератор я продукт не 1990-х, а «нулевых».

Люди, которые сколотили какие-то капиталы в 1990-е — в том числе капиталы социальные, вот они, наверное, вспоминают этот период именно так. Я понимаю, что у всех было по-разному, но лично у меня нет ассоциации с девяностыми как со временем широких возможностей. Я помню, как мои родители продавали свои ордена на Измайловском рынке.

С. Э. Я тоже понимаю, что это было время катастроф, и люди, которые говорят, что это было прекрасное время, не понимают, насколько они бесчувственны к большинству.

Л. Ю. Когда я говорю, что для меня это был тяжелый период, это правда, но в этом есть и соблазн примыкания к большинству. Это древняя мудрость, воскрешенная в России XX в.: быть как все, не выделяться. А люди, которые с вызовом заявляют о себе, что для них 1990-е — это счастливое время, должны иметь определенную смелость, чтобы так сказать, а не только бессовестность. Здесь нет однозначного решения.

С. Э. Я всегда привожу пример: при Сталине во время пика репрессий в 1936–1937 гг. молодые инженеры становились директорами заводов, и для них лично это был пик карьеры. Но мы же не оцениваем это время по отдельным счастливым случаям!

Л. Ю. Конечно. Но там продвижение было явно «за счет», а в 1990-е это было размыто. Я знаю людей, которые сделали состояние не за счет кого-то, а потому что, например, первые занялись компьютерными технологиями. Они были технически

подготовлены, окончили математические, физические, инженерные факультеты и сделали капиталы просто за счет того нового, что тогда появилось и что они успели освоить первыми. Эта прослойка в нашем обществе достаточно велика. Этим людям не за что осуждать.

С. Э. Ваш роман «Зимняя дорога» — наверно, даже не роман, а исследование...

Л. Ю. Я называю это «документальный роман». Такое оксюморонное определение.

С. Э. Он посвящен событиям Гражданской войны на территории Якутии. Если вспомнить «Самодержца пустыни», то он повествует о событиях того же времени в Монголии. Почему вам интересны не центральные театры военных действий, а Гражданская война на восточных окраинах?

Л. Ю. Это связано с моей жизнью. Я вырос в Перми, юность прожил в Улан-Удэ. Хотя мои родители из Москвы и я в ней родился, но меня увезли из нее в бессознательном возрасте. То есть Урал и Сибирь я воспринимаю как свою среду — и социальную, и природную. А те места, где мы живем в юности, для нас особенно важны. Может быть, даже важнее тех, где прошло наше детство. Действие всех моих книг происходит или на Урале, или в Забайкалье и Монголии, или в Петербурге. Он для меня тоже не чужой город: мои предки по маме — из Кронштадта, моя жена — ленинградка. В прошлом году я писал текст для «Тотального диктанта» и написал о трех городах

и трех реках моей жизни: это Пермь и Кама, Петербург и Нева, Улан-Удэ и Селенга.

С. Э. У меня есть коллега, археолог Марк Ткачук, он придумал красивый термин — «социальная гравитация»: общество долго и с трудом развивается, становится гуманнее, но как только происходит резкий социальный слом, все возвращается на неандертальский уровень, причем это происходит мгновенно.

Л. Ю. Да, как защитная реакция. Был такой немецкий историк и публицист Себастьян Хаффнер. Юношей он бежал в Англию, он был немец, не еврей — просто не выносил нацизм. Он бежал в Англию и там издал автобиографическую книгу «История одного немца». Я ее всем горячо рекомендую. Это потрясающая книга о становлении нацизма, о том, как видели это молодые немцы. Потом он вернулся в Германию. И у него есть такая фраза: «На вопрос о будущем история дает ответ столь же туманный, как пророчества Дельфийского оракула: все будет так же, но и иначе». С этим не поспоришь.

Давайте на прощание я поделюсь с вами еще двумя афоризмами об истории, которые мне кажутся важными. Первый: «История — это череда преступлений, совершаемых невинными». Автор — Альбер Камю. Замечательная фраза, если в нее вдуматься. Второй афоризм принадлежит моему питерскому другу, прекрасному писателю Сергею Носову: «История — это непобедимый игрок, который вечно прикидывается новичком».

С. Э. Заключительный вопрос, традиционный — ваши творческие планы?

Л. Ю. В моем возрасте опасно иметь творческие планы, поэтому я их и не имею. Вот у меня впервые в жизни выходит книга рассказов. Их нельзя назвать нон-фикшн, это не очерки, но... Знаете, раньше был такой подзаголовок «Быль». Сейчас мне как-то стыдно ставить под названием такое определение, но это, действительно,

правдивые рассказы. Первая половина книги — истории, связанные с людьми, о которых я узнал или с которыми познакомился лично благодаря моим историческим студиям. Например, один рассказ посвящен тому, как шесть лет назад я присутствовал на собрании фамильного союза баронов Унгерн-Штернбергов в Берлине.

С. Э. Спасибо огромное за интересное интервью!

“BY MY NATURE AS A WRITER, I AM A STORYTELLER, NOT AN ARTIST OF WORDS”.

Interview with L. A. Yuzefovich

Yuzefovich Leonid A. — historian, Candidate of Historical Sciences, writer (Moscow)

Key words: historical prose, teaching history at school, civil war in Russia, history of the Urals, Siberia and Transbaikalia.

Abstract. The famous writer, a master of historical prose, talks about his life, about the origins of his interest in history, shares his reflections on historical themes and the plans for future works.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>